

Том 14, Номер 3, 2021
Vol 14, No 3, 2021

ISSN 2542-0240 (Print)
ISSN 2584-9324 (Online)
ogt-journal.com

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

*Внешние связи России в меняющихся
геополитических условиях*

*Russia's Foreign Relations in Changing
Geopolitical Context*

ТОМ 14 • НОМЕР 3 • 2021

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 14 • NUMBER 3 • 2021

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3

Контурь глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала – предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Соловьев А.И., заместитель главного редактора, МГУ, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Ефременко Д.В., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Качинс Э., Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США
Конюхова (Умнова) И.А., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Кривопапов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лиухто К., Университет Турку, Турку, Финляндия
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Мигранян А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел Индии, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гаман-Голутвина О.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Учредители: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

Сайт: <http://www.ogt-journal.com>
© Контурь глобальных трансформаций, 2021

Периодичность: 6 раз в год
Издается с 2016 г.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3

Содержание

Политические процессы в меняющемся мире

- ЧЕРНЕГА В.Н.** «Геополитический беспорядок» в мире и Россия 6–22
- ДЕГТЕРЕВ Д.С., РАМИЧ М.С.** Стратегические треугольники
как инструмент балансирования в мировой политике 23–43

С точки зрения экономики

- ШИРОВ А.А., ГУСЕВ М.С.** Требования к внешнеэкономическим связям
в контексте достижения целей развития российской экономики 44–62
- ЗУЕВ В.Н., ОСТРОВСКАЯ Е.Я., СКРЯБИНА В.Ю.** ЗСТ ЕАЭС как новый
эффективный формат развития внешнеторговых связей России 63–83

Постсоветское пространство

- БЕЛАЩЕНКО Д.А., ТОЛКАЧЕВ В.В., ШМЕЛЕВ А.П., ШОДЖОНОВ И.Ф.**
Деятельность ГУАМ на постсоветском пространстве: намерения,
результаты, перспективы 84–105
- ВИЛИСОВ М.В.** Союзное государство и союзная экономика:
политэкономия российско-белорусского сотрудничества 106–126

Азия: вызовы и перспективы

- ЛОРЕТО ЧЕЧОНИ Р.** Историческая перспектива «поворота на Восток»:
почему Россия в XXI веке стала восточной державой 127–146
- ДОЛГОВ Б.В.** Россия и Турция в региональном и геополитическом
пространстве 147–160

Проблемы Старого Света

- КВАШНИН Ю.Д.** Российско-греческие отношения:
есть ли свет в конце тоннеля? 161–175
- ВОЛКОВ А.М.** Внешнеэкономические отношения России со странами
Северной Европы в современных условиях 176–188
- НИКУЛИН К.А.** Кризис двустороннего экономического взаимодействия
России и Испании 189–208

В рамках дискуссии

- ЯКОВЛЕВ П.П.** Россия и Латинская Америка: константы и переменные
торгово-экономических отношений 209–226
- КОНСТАНТИНОВА О.В.** Торговля России с Африкой: современное
положение дел 227–242

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander I. Solovyev – Deputy Editor-in-Chief, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Dmitry V. Efremenko, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrew C. Kuchins, Center for Strategic and International Studies, Washington, USA
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Kari Liuhio, University of Turku, Turku, Finland
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Former Foreign Secretary of India, New Delhi, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Oksana V. Gaman-Golutvina, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation
 Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3

Contents

Political Processes in the Changing World

CHERNEGA V.N. “Geopolitical Disorder” in the World and Russia 6–22

DEGTEREV D.A., RAMICH M.S. Strategic Triangles and Balancing
in World Politics 23–43

From the Point of Economics

SHIROV A.A., GUSEV M.S. Requirements for Foreign Economic Relations
in the Context of Achieving the Development Goals of the Russian Economy ... 44–62

ZUEV V.N., OSTROVSKAYA E.Ya., SKRYABINA V.Yu. The EAEU Free Trade
Agreements as a New Viable Format for the Russian Trade Policy 63–83

The Post-Soviet Space

BELASHCHENKO D.A., TOLKACHEV V.V., SHMELEV A.P., SHODZHONOV I.F.
GUAM Activity in the Post-Soviet Space: Intentions, Results, Prospects 84–105

VILISOV M.V. The Union State and the Union Economy: Political Economy
of Russian-Belarusian Cooperation 106–126

Asia: Challenges and Perspectives

LORETO CECIONI R. The Historical Perspective of Russian Turn
to the East: How Russia Became an Eastern Power in XXI Century 127–146

DOLGOV B.V. Russia and Turkey in Regional and Geopolitical Space 147–160

Problems of the Old World

KVASHNIN Yu.D. Russian-Greek Relations: Is There a Light at the End
of the Tunnel? 161–175

VOLKOV A.M. Contemporary Foreign Economic Relations of Russia
with the Countries of Northern Europe 176–188

NIKULIN K.A. Crisis in Bilateral Economic Cooperation between
Russia and Spain 189–208

Under Discussion

YAKOVLEV P.P. Russia and Latin America: Constants and Variables in Trade
and Economic Relations 209–226

KONSTANTINOVA O.V. Russia Trade with Africa: The Current State of Affairs . 227–242

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-1

«Геополитический беспорядок» в мире и Россия

Владимир Николаевич ЧЕРНЕГА

доктор юридических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, ведущий научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117418, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Москва, Российская Федерация

E-mail: vladimir.tchernega@free.fr

ORCID: 0000-0002-3031-0187

ЦИТИРОВАНИЕ: Чернега В.Н. (2021). «Геополитический беспорядок» в мире и Россия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 3. С. 6–22. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-1

Статья поступила в редакцию 27.10.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается состояние современной международной системы, в связи с чем оспариваются утверждения о ее многополярности или уже складывающейся новой биполярности, воплощаемой США и Китаем. Ни первое, ни второе определения не опираются на понятие «полюса», как оно сформировалось в годы противостояния Соединенных Штатов и Советского Союза. Нынешнюю ситуацию можно, скорее, охарактеризовать как «геополитический беспорядок». Традиционные и поднимающиеся державы борются за более высокое место в новой иерархии, создают новые альянсы, часто конъюнктурные, что предопределяет изменчивость и нестабильность системы. Для государств, уступающих по совокупной национальной мощи США и Китаю, в частности для России, это создает новые возможности, особенно в рамках многосторонней дипломатии. Вместе с тем Россия из-за своей экономической слабости и угрозы общего технологического отставания риску-

ет утратить свой державный статус или, по меньшей мере, быть серьезно потесненной конкурентами. Отсюда необходимость для нее на какое-то время умерить державные амбиции и сконцентрироваться на осуществлении реформ, направленных на модернизацию экономики. Прогнозируемое из-за этого уменьшение на какое-то время ресурсов государства потребует также адаптации внешнеполитических приоритетов, сосредоточенности на жизненно важных национальных интересах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: многополярность, биполярность, «геополитический беспорядок», державный статус, реформы, модернизация, адаптация внешнеполитических приоритетов.

От однополярности к «беспорядку»

Пандемия коронавируса, как отмечают многие эксперты, высветила про-

тиворечие, свойственное современной международной системе. Инфекция, поразившая все страны мира, казалось бы, должна была вызвать тенденцию к их сплочению для борьбы с общим вызовом. В этом случае можно было бы говорить о новой форме глобализации в период, когда глобализационный процесс в целом переживает определенный кризис. Однако на деле пандемия привела к возрастанию роли национальных государств, к проявлениям национального эгоизма в вопросе распределения вакцин, а в экономической сфере – к планам сокращения технологических цепочек, что должно привести если не к уменьшению, то к определенному сужению международной кооперации. Торговые войны между США и Китаем даже обострились, что с учетом их экономического веса не может не сказываться негативным образом на мировой геоэкономике. Д. Трамп, как известно, попытался переложить на Китай ответственность за распространение коронавируса на планете и на американской территории, убивая таким образом двух зайцев: во-первых, заставить американских избирателей забыть о его катастрофических ошибках в предупреждении и подавлении пандемии, а во-вторых, использовать ее в политике мобилизации союзников и партнеров США для усиления давления на Китай с целью максимально затруднить его дальнейшее развитие, особенно в технологической области. Новый президент Дж. Байден продолжил курс на такую мобилизацию с той лишь разницей, что он старается использовать в работе с союзниками и партнерами более гибкие методы.

Однако попытки сплотить страны в борьбе с «китайской угрозой» пока

приносят лишь ограниченные результаты даже на Западе, не говоря уже о всем международном сообществе. Это показала, например, реакция руководителей Франции и Германии на выступление Дж. Байдена на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности в феврале 2021 г., в котором он, с одной стороны, заявил, что «Америка возвращается» и вновь готова вести за собой трансатлантический альянс, с другой стороны, призвал европейцев выступить с ней единым фронтом в соперничестве с Китаем и противодействии России (в частности, по линии кибератак). Но Э. Макрон и А. Меркель, высказав обеспокоенность рядом аспектов политики Пекина и Москвы, одновременно поставили акцент на безальтернативности диалога с ними [Conférence sur la sécurité de Munich..., 2020]¹.

США остаются самой мощной экономической и военной державой мира, но они уже не являются безусловным гегемоном и больше не в состоянии выстраивать международный порядок по своим лекалам и играть в нем роль жандарма. Определенное «разрыхление» однополярного международного порядка было заметно уже при президенте Б. Обаме. В годы правления Д. Трампа, отдавшего приоритет внутренним американским проблемам, тенденция намного усилилась. Пандемия коронавируса усугубила ее. Характеризуя новую международную структуру, многие политики и специалисты употребляют термин «многополярность», в России он стал обиходным. Однако при этом обычно не расшифровывается понятие «полюс». На эту особенность обращал внимание еще в 2013 г. тогдашний министр иностранных дел Франции

1 См. также: Sanger D., Erlanger S., Cohen R. (2021). Biden Tells Allies America Is Back, but Macron and Merkel Push Back // The New York Times, February 19, 2021 // <https://www.nytimes.com/2021/02/19/us/politics/biden-munich-conference.html>, дата обращения 02.03.2021.

Л. Фабиус, который предложил свое определение этой новой структуры: «После биполярности эпохи холодной войны и однополярности, последовавшей за крахом СССР, мир стал зерополярным или аполярным. В нем больше нет организационного полюса в виде державы, способной навязывать свои решения. Однако он не является многополярным, так как другие державы по своей мощи все еще слишком сильно уступают США» [L'interview de Laurent Fabius, 2013].

Впечатляющий подъем Китая побуждает сегодня некоторых отечественных и зарубежных экспертов говорить о складывающейся биполярности. В России, в частности, этой точки зрения придерживается столь авторитетный специалист, как Л.Л. Фитуни [Фитуни, 2019]. Ее начали озвучивать и в Китае, хотя на официальном уровне превалирует тезис о многополярности. Российские СМИ обратили внимание на высказывания руководителя Института международных отношений при университете Цинхуа Янь Сюэгуна в январе 2021 г. о том, что сегодняшний мир не многополярен, а биполярен и все более определяется соперничеством между Соединенными Штатами и КНР². Однако, по убеждению автора этих строк, обостряющееся соперничество двух самых мощных держав мира еще не дает оснований говорить о биполярном международном порядке. В этой связи, как в случае с многополярностью, представляется уместным хотя бы очень коротко напомнить, какие параметры включало понятие «полюс» в биполярную и однополярную эпохи.

Как известно, СССР в годы «холодной войны» уступал США в экономике, но добился паритета в области ракетно-ядерных стратегических вооруже-

ний, а по мощи сухопутных неядерных сил даже превосходил их. Он в определенной степени уравнивал систему союзов со стержнем в виде НАТО, созданную Соединенными Штатами, благодаря Организации Варшавского договора и большому числу дружественных режимов в развивающихся странах, которых не только поддерживал экономически, но и вооружал. Советский Союз располагал идеологией, которая долгое время была привлекательной для многих людей на планете, и мог опираться на обширную сеть коммунистических и «прогрессивных» партий и различных движений, в частности движений за мир. В советских вузах, в военных училищах получали образование немало посланцев дружественных государств, которые затем входили в их элиты.

США, со своей стороны, были бесспорным мировым экономическим и финансовым гегемоном, в том числе благодаря уникальной роли доллара, они контролировали основные международные финансовые институты. Являясь безусловным политическим и военным лидером всего Запада, Соединенные Штаты фактически управляли НАТО и рядом других военно-политических объединений, доминировали в двусторонних военных союзах. Они обладали самым большим числом военных баз в различных регионах мира. В США создавалось большинство новых технологий, получавших широкое применение в гражданской и военной сферах. Для распространения своего влияния в мире они использовали привлекательность американского образа жизни, сочетающего ряд гарантированных свобод и высокие жизненные стандарты, а также массовую американскую культуру, проникавшую даже в СССР, в том

2 Ремчуков К. (2021). Китай отходит от многополярного мира в направлении биполярного // Независимая газета. 25 февраля 2021 // www.ng.ru/monitoring/2021-02-15/8_8083_monitoring.html, дата обращения 16.02.2021.

числе благодаря такому уникальному инструменту, как Голливуд. Очень важную роль в продвижении американской «мягкой силы» играли различные фонды и неправительственные организации, финансируемые из государственных и частных источников. В США обучалось больше всего иностранных студентов. Многие из них занимают сегодня видное положение в своих странах и интеграционных объединениях, в том числе в ЕС.

Очень важным аспектом существовавшей биполярности являлось то, что каждый «полюс» обеспечивал определенную дисциплину в зоне, находящейся под его контролем, что позволяло сохранять стабильность международной системы в целом.

Советского Союза больше не существует, а США после периода однополюсного доминирования уже не в состоянии контролировать ни мировой порядок в целом, ни в прежней мере даже свою «зону ответственности» эпохи «холодной войны». Экономические и финансовые ресурсы Соединенных Штатов больше не позволяют делать это без сильного напряжения внутри страны, что, как известно, сыграло на руку Д. Трампу с его лозунгом «Америка прежде всего».

Новая биполярность не сформировалась потому, что США уже не являются полноценный «полюсом», в то время как Китай еще им не стал. Несмотря на свою экономическую и финансовую мощь, растущий вес в сфере технологий и инноваций, большие вложения за рубежом, в частности в инфраструктурные проекты, он все еще намного уступает США по совокупной государственной мощи и международному влиянию. Это признает, кстати, и упоминавшийся выше китайский политолог Янь Сюэтун. В интервью германскому журналу «Шпигель» он констатирует: «Китай по многим показателям все еще

слабее США: в технологиях, в инновациях, в благосостоянии граждан, в образовании и, конечно, в военном отношении. Китай пока не может заменить Соединенные Штаты как пример для всего мира» [Farhion, Zand, 2021].

Китай еще не способен выстраивать с другими державами масштабные альянсы, которые позволяли бы держать под своим контролем один или несколько важных регионов планеты. Ему недостает для этого не только политического и военно-политического влияния. Хотя в китайских университетах также учится большое число иностранных студентов, специфика его культуры не позволяет ему претендовать на универсальную цивилизационную модель, которой подражали бы в других странах. Китай смог значительно лучше справиться с пандемией, чем большинство других государств, продемонстрировав тем самым эффективность в подобных ситуациях тоталитарного режима, опирающегося на достижения цифровизации. Однако осуществление им оруэлловской фантазии о тотальном контроле над населением со стороны «большого брата», т.е. власти, сделало данный режим пугалом в демократических государствах. Это существенно сужает китайский инструментарий «мягкой силы», которая в нашу эпоху подчас важнее военного могущества.

В более общем плане остается неясным, насколько устойчиво «китайское чудо», сможет ли, в частности, сверхжесткая политическая система и далее сочетаться с по-своему либеральной экономикой и с неизбежным ростом политического самосознания уже многочисленного среднего класса. Продолжающаяся «цифровая революция», как показывает китайский опыт, чревата «присвоением» властью персональных данных со всеми вытекающими последствиями для индивидуальных свобод. Вместе с тем она ведет к развитию взаи-

модействия между субъектами, в частности индивидами, без участия банков и контролирующих государственных органов, что должно создавать проблемы даже в демократических странах³. В случае с тоталитарным режимом это противоречит его природе. Стоит отметить также, что при всех своих успехах в продвижении цифровых технологий по удельному весу «цифровой экономики» Китай все еще уступает Соединенным Штатам и большинству других развитых западных стран [Etudes économiques 2019., pp. 67–68].

Вместе с тем на сегодня Китай с его 1,3 млрд дисциплинированного и трудолюбивого населения, экономической системой, в рамках которой по крайней мере на какое-то время удалось найти баланс между руководящей ролью коммунистической партии и индивидуальной предприимчивостью, совершить прорыв в технологической и инфраструктурной модернизации страны, накопить огромные финансовые ресурсы, представляет для США вызов, с которыми они еще не сталкивались. Впервые за более чем столетие под вопросом оказалось их технологическое лидерство и безусловное финансовое превосходство над другими державами.

Конечно, в долгосрочном плане шансы Соединенных Штатов, обладающих несравненно более гибкой экономической и политической системой, выиграть гонку с китайским гигантом достаточно велики. При всех видимых недостатках демократии, которые США демонстрируют сегодня с избытком, у нее есть одно принципиальное преимущество перед авторитарными и тем более тоталитарными режимами, а именно: способность к достаточно своевре-

менному самореформированию перед лицом новых вызовов, причем как по вертикали, так и по горизонтали. Реакция большей части американских элит на антирасистские волнения в ряде городов страны в 2020 г. в очередной раз подтвердила эту способность, которая должна позволить продвинуться в разрешении обнажившихся в ней социально-культурных противоречий. В более далекой перспективе она должна обеспечить переход к другим этносоциальной и экономической парадигмам, определяемым, с одной стороны, уменьшением веса в обществе традиционного белого ядра, с другой стороны, цифровизацией и применением искусственного интеллекта.

Однако сейчас, говоря словами известного политолога Г. Аллисона, США, похоже, находятся в «ловушке Фукидида». Речь, как известно, идет о примере из истории Древней Греции, в частности, попытках «ведущей державы», Спарты, остановить «новую поднимающуюся державу», Афины. Эта борьба, независимо от ее результата, оказалась взаимно изматывающей [Allison, 2017].

Нынешние торговые и пропагандистские войны между США и Китаем также явно не усиливают обе державы, все еще переживающих, как и другие страны, негативные последствия коронавирусной пандемии. США пострадали от нее значительно больше, чем их соперник, что не прибавило им авторитета в мире, в том числе на Западе, где ослабление американского лидерства, усугубленное специфическим личным стилем Д. Трампа, вызвало «разброд и шатание». Президент Франции Э. Макрон, встревоженный перспективой исчезновения западной гегемонии на планете, сдвигом приоритетов

3 Цифровая экономика убьет государство: почему власти испугались криптовалют. Интернет-омбудсмен Дмитрий Мариничев описал будущее без денег (2020) // Московский комсомолец. 11 октября 2020 // <https://www.mk.ru/economics/2020/10/11/cifrovaya-ekonomika-ubet-gosudarstvo-pochemu-vlasti-ispugalis-kriptovalyut.html>, дата обращения 02.03.2021.

США в сторону Азии, призывает продвигаться к превращению Евросоюза в самостоятельный «мировой центр силы», который мог бы конкурировать не только с Китаем и набирающей силу Индией, но и с американским союзником. Но такой «центр» или «полюс» невозможен без военно-политического измерения. Отсюда наделавшие много шума заявления Э. Макрона о «смерти мозга НАТО», необходимости «европейской автономной обороны» и даже «европейской армии», вызвавшие недовольство атлантических кругов в самой Франции⁴. Канцлер Германии А. Меркель заняла более осторожную позицию, однако в целом она все тверже поддерживает идею большей самостоятельности ЕС, в том числе до определенной степени в оборонной области⁵.

Эту линию оба лидера подтвердили на уже упоминавшейся Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности с участием Дж. Байдена в феврале 2021 г. Э. Макрон, выразив удовлетворение тем, что лозунг «Америка прежде всего» больше не звучит из Белого дома, вместе с тем вновь подчеркнул необходимость для Евросоюза трансформироваться в «стратегическую политическую» державу» с мощным технологическим потенциалом и собственными оборонительными возможностями. НАТО, по его мнению, должна больше действовать как политический орган, где не может быть места диктату США. А. Меркель, со своей стороны, приветствовала выраженное

Дж. Байденом желание сотрудничать в рамках многосторонних форматов, но одновременно указала, что «наши интересы могут расходиться» [Conférence sur la sécurité de Munich..., 2020].

Не все государства-члены, в частности в Восточной Европе, одобряют эту линию, но тенденция «ядра» ЕС к отходу от безусловного равенства на заокееанского «большого брата» и, соответственно, от созданного им мирового порядка не вызывает сомнений. Ей способствовал Брекзит, поскольку Великобритания, говоря словами Ш. де Голля, была «троянским конем» США в ЕС.

НАТО, долгое время спланивавшая и дисциплинировавшая основную часть Запада, также переживает не лучшие времена. Д. Трамп, как известно, с одной стороны, вынудил государства Альянса увеличить военные расходы, что в принципе должно усилить его возможности и укрепить «атлантическую солидарность». С другой стороны, его импульсивная и односторонняя политика нанесла столь большой ущерб последней, что Дж. Байден, обещавший еще до своего избрания президентом США исправить положение, вряд ли сможет сделать это в полной мере. Кроме того, «трампизм» с его приоритетом внутренних проблем, как предсказывали некоторые эксперты в Соединенных Штатах и Европейском союзе, сохраняет сильные позиции в стране и после ухода Д. Трампа из Белого дома⁶. Новому президенту придется с этим считаться.

4 Beretta E. (2018). L'armée européenne voulue par Emmanuel Macron face à ses chimères // Le Point, Novembre 13, 2018 // https://www.lepoint.fr/politique/emmanuel-beretta/l-armee-europeenne-voulue-par-emmanuel-macron-face-a-ses-chimeres-13-11-2018-2270913_1897.php, дата обращения 10.02.2021.

5 For Europe to Survive, Its Economy Needs to Survive: Angela Merkel Interview in Full (2020) // The Guardian, June 26, 2020 // <https://www.theguardian.com/world/2020/jun/26/for-europe-survive-economy-needs-survive-angela-merkel-interview-in-full>, дата обращения 03.03.2021.

6 Jeff Gedmin: «Les racines du trumpisme ne vont pas disparaître facilement» (2019) // Le Figaro, Octobre 24, 2019 // <https://www.lefigaro.fr/international/jeff-gedmin-les-racines-du-trumpisme-ne-vont-pas-disparaitre-facilement-20191024>, дата обращения 02.03.2021; Vandal G. (2020). Les origines du trumpisme dans le darwinisme social // La Tribune, Juin 15, 2020 // <https://www.latribune.ca/opinions/les-origines-du-trumpisme-dans-le-darwinisme-social-cc2134823c14df2a8208e2a9d8a13166>, дата обращения 02.03.2021.

Отмеченные выше усилия Франции, Германии и ряда других государств ЕС по созданию хотя бы предпосылок для его большей самостоятельности, в том числе в военно-политической сфере, вряд ли прекратятся, тем более что они одобряются большинством населения этих государств. НАТО поддерживает данные усилия лишь в той мере, в какой они способствуют увеличению военных бюджетов европейских членов и улучшению их инфраструктуры, которая может быть использована ее силами. Однако появление «параллельных» командных европейских структур несет угрозу ослабления роли Альянса, а для доминирующих в нем США – окончательную утрату контроля над своими союзниками.

Конечно, НАТО еще далека от подобной ситуации. Вместе с тем примеров определенного «разброда» в ней становится все больше. Самый яркий из них – напряженность между США и Турцией, возникшая в результате наделавшего много шума приобретения последней российских комплексов ПВО С-400, несмотря на возражения и угрозы со стороны Вашингтона. Другой пример – демонстрационные маневры, которые в августе 2020 г. военные корабли Франции, Италии, Греции и Кипра провели вблизи турецкой военно-морской группировки в Восточном Средиземноморье. Анкара направила ее в зону территориального спора с Афинами, чтобы поддержать свои претензии на «законность» там турецких поисково-геологических

работ. По прогнозам специалистов, в данной зоне находятся значительные месторождения природного газа. Противостояние двух флотов НАТО вряд ли можно считать ординарным фактом. Франция, кроме того, заключила с Грецией сделку на поставку ей 18 многоцелевых боевых самолетов «Рафаль» (гордость французской военной технологии), вызвавшую сильнейшее неудовольствие президента Турции Р. Эрдогана⁷.

Можно напомнить также о ситуации в Ливии, где Италия, Турция и Катар поддерживают Правительство национального согласия (ПНС), признанное ООН, а Франция, ОАЭ, Саудовская Аравия, Египет и, как утверждают западные СМИ, Россия – Ливийскую национальную армию (ЛНА) под командованием маршала Х. Хафтара. Открытое вмешательство Турции, направившую в помощь ПНС военную технику и контингент джихадистов из Сирии, вызвало возмущение французского руководства⁸. Откровенная заангажированность Турции на стороне Азербайджана в вооруженном конфликте между ним и Арменией из-за Нагорного Карабаха в сентябре-ноябре 2020 г. привела к еще большему обострению отношений между Анкарой и Парижем, который не скрывает симпатий к армянской стороне⁹.

Эти противоречия, как и все более частое возникновение «ситуационных альянсов», их изменчивость свидетельствуют о растущей нестабильности международной системы. Она,

7 La Grèce finalise l'achat de 18 Rafale à la France pour 2,5 milliards d'euros (2021) // Le Parisien, Janvier 25, 2021 // <https://www.leparisien.fr/economie/la-grece-finalise-l-achat-de-18-rafale-a-la-france-pour-2-5-milliards-d-euros-25-01-2021-8421141.php>, дата обращения 02.03.2021.

8 Otan: la tension monte entre la France et la Turquie (2019) // Les Echos, Novembre 29, 2019 // <https://www.lesechos.fr/monde/enjeux-internationaux/otan-la-tension-monte-entre-la-france-et-la-turquie-1152539>, дата обращения 02.03.2021.

9 Haut-Karabakh: Emmanuel Macron réclame des «explications» à la Turquie, l'Arménie se dit prête à travailler avec le groupe de médiation (2020) // Le Monde, Octobre 2, 2020 // https://www.lemonde.fr/international/article/2020/10/02/haut-karabakh-macron-reclame-des-explications-a-la-turquie-et-interpelle-l-otan_6054446_3210.html, дата обращения 02.03.2021.

стоит повторить еще раз, уже не однополярная, но и не стала ни многополярной в полном смысле этого термина, ни биполярной. К ней, скорее, применим термин «геополитический беспорядок», как бы сильно это ни звучало. Разумеется, в современном мире существует ООН, ее важнейший орган – Совет Безопасности, другие международные институты, однако в условиях обостряющегося соперничества США, Китая и России, других государств их роль понижается. Под вопросом оказывается и регулирующая функция международного права. Оно и раньше не было «правом» в полном смысле этого слова, поскольку самые сильные державы могли его более или менее безнаказанно нарушать. В наше время тенденция лишь усилилась. Внесение в российскую Конституцию положения о недопустимости исполнения в стране решений международных органов, противоречащих ей, отразило данные перемены.

Конечно, попытки ограничить «геополитический беспорядок» имеют место как в рамках ООН, так и вне ее. «Большая семерка», «Группа двадцати», различные региональные структуры, в том числе БРИКС, ШОС, ЕАЭС, призваны координировать деятельность государств-участников в различных сферах. НАТО при всех своих проблемах продолжает играть определенную стабилизирующую роль по меньшей мере для своих членов (хотя в случае исчезновения страшилки о «русской угрозе» эта роль должна делаться то же самое в своем пространстве. Однако даже вместе все эти структуры не могут обеспечить необходимую стабильность в мировом, а зачастую и в региональном масштабе, что, помимо прочего, продемонстрировал недавний вооруженный конфликт между Азербайджаном и Арменией.

Новые возможности и новые вызовы для России

Геополитические перспективы, встающие в данном контексте перед Россией, представляются весьма противоречивыми. Российская дипломатия уже в 90-е годы ратовала за многополярный мир, противопоставляя его однополярному порядку во главе с США. В. Путин в своей известной речи на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности в феврале 2007 г. назвал его «губительным» для всех, в том числе для «державы-суверена», поскольку побуждал ее к чрезмерному напряжению всех своих ресурсов. Одновременно он предсказывал: «Не стоит сомневаться, что экономический потенциал новых центров роста будет неизбежно конвертироваться в политическое влияние и будет укреплять многополярность. В этой связи возвращается роль многосторонней дипломатии» [Выступления и дискуссия на Мюнхенской конференции..., 2007].

Действительно, хотя настоящей многополярности пока нет, «геополитический беспорядок» расширяет возможности для политического маневра, в том числе в рамках многосторонней дипломатии, для держав, уступающих по могуществу США и Китаю. Россия демонстрирует это, например, на Ближнем Востоке, где она в контексте сирийского конфликта поддерживает достаточно конструктивные отношения с государствами, занимающими противоположную ей позицию, – от Турции, Саудовской Аравии до Израиля. Можно привести также пример Индии, Пакистана и Китая, чьи военные подразделения участвуют в армейских играх на российской территории, хотя на индийско-пакистанской и индийско-китайской границах недавно происходили столкновения. Деятельность ЕАЭС, БРИКС, ШОС, объединяющих

очень разные государства, показывает, что «многосторонность», поддерживаемая Россией, отвечает не только ее потребностям.

Однако «геополитический беспорядок» и «многосторонность» не означают, что в мире нет иерархии государств. Но она не устоявшаяся, государства более свободно, чем раньше, соперничают между собой за более высокое место, расширяющее возможности на международной арене. В этом соперничестве начала, к примеру, участвовать Германия, ранее предпочитавшая быть в тени США. Ее положение экономического гегемона ЕС постепенно конвертируется во все больший политический вес, расширяется и поле заграничных операций бундесвера, в частности в Африке [Трунов, 2020, с. 125]. Рост уверенности немцев в себе проявился в открытом противостоянии с Соединенными Штатами по поводу строительства газопровода «Северный поток-2» и в ведущей роли в принятии европейских санкций против России в связи с конфликтом на Украине. Конечно, превращение Германии в подлинную державу все еще под вопросом, поскольку ЕС одновременно расширяет ее возможности и сковывает свободу действий. Тем не менее не считаться с ней будет все труднее.

Вне Европы все более очевидна перспектива появления новой, по-настоящему великой державы – Индии. Увеличивается международный вес «поднимающихся держав» второго эшелона, в частности Бразилии, Турции, «на подходе» – Индонезия, Мексика, Пакистан, в более далекой перспективе к ним может присоединиться Иран. Очевидный подъем Африки также должен повлиять на мировую иерархию государств. ЮАР, как известно, входит в БРИКС.

Какое место в этом складывающемся новом мире будет занимать Россия? В нынешней иерархии ее обычно ставят на третье место после США и Китая, но при этом называют только военной великой державой. Приходится признать, что для этого есть основания. Вновь приобретенное геополитическое величие России не имеет адекватного и прочного экономического фундамента. Стоит заметить, что процитированное выше выступление В. Путина имело место, когда российская экономика демонстрировала высокие темпы роста. Однако с 2008 г. она развивается недостаточно быстро не только количественно, но и качественно. Несмотря на успехи на отдельных направлениях, угроза общего технологического отставания усугубилась из-за запаздывания необходимых структурных реформ, а также из-за западных антироссийских санкций. Шансы России на успешное участие в новой технологической революции оцениваются большинством иностранных и отечественных экспертов как низкие. Российская власть придает большое значение цифровизации, но специалисты обращают внимание на то, что на практике речь идет главным образом об «оцифровке»¹⁰. Цифровизация же, как отмечено выше, влечет за собой усиление индивидуальной деятельности в транзакционной сфере в ущерб контролю со стороны банков и государства. Очевидно, что усиливающаяся жесткость государственно-политической системы России противоречит данной тенденции. Тревожная демографическая перспектива, отсутствие социальной сплоченности общества, связанное с колоссальным социальным неравенством, с массовыми бедностью и нищетой, до-

¹⁰ Цифровая экономика убьет государство: почему власти испугались криптовалют. Интернет-омбудсмен Дмитрий Мариничев описал будущее без денег (2020) // Московский комсомолец. 11 октября 2020 // <https://www.mk.ru/economics/2020/10/11/cifrovaya-ekonomika-ubet-gosudarstvo-pochemu-vlasti-ispugalis-kriptovalyut.html>, дата обращения 02.03.2021.

полняют тревожную картину. Пандемийный кризис, вызвавший падение экономики в 2020 г., колебания цен на нефть и газ, понижение курса рубля еще более ухудшают ситуацию.

Понижение державного ранга России, сопровождающееся попытками потеснить ее со стороны других государств, в том числе тех, кто еще недавно опасался делать подобные шаги, – отнюдь не теоретическое допущение. Претензии турецкого руководства на то, что Турция и Азербайджан представляют собой «одну страну, два народа», что должно было оправдать политическую и военную поддержку азербайджанской стороны в конфликте с Арменией, является лишь одним из тревожных сигналов. Если Турция при Р. Эрдогане не прочь попытаться осуществить давнюю пантюркистскую идею, затрагивающую не только Азербайджан и Среднюю Азию, но также Татарстан, Башкортостан, Дагестан и некоторые другие части России, то Польша мечтает об антироссийском союзе государств от Балтийского до Черного морей, в котором она играла бы ведущую роль. «Майданная революция» на Украине, волнения в Белоруссии подпитывают ее амбиции, тем более что в обоих случаях стимулирующую роль сыграло польское «экономическое чудо», которое позволило за три последних десятилетия на порядок повысить жизненный уровень населения. Напротив, непривлекательность российской экономической и социальной модели является фактором уменьшения ее влияния не только на Украине и в Белоруссии, но также на Кавказе и в Средней Азии.

Пользуется экономической слабостью России и «дружественный» Ки-

тай. Антироссийские санкции привели к ослаблению технологической зависимости нашей страны от Запада, но одновременно породили зависимость от китайского соседа. В 2019 г., например, 57,12% китайского экспорта в Россию общим объемом в 54,1 млрд долл. США составили машины и оборудование, всего же продукция промышленности заняла в нем 85,99%. В российском экспорте в Китай объемом в 59 млрд долл. 73,09% составляли энергоносители и сырье, еще 8,6% – древесина и целлюлоза¹¹. Мощная экономическая экспансия Китая в среднеазиатский регион рано или поздно конвертируется в политическое влияние в ущерб российским интересам.

Державный статус и императив модернизации

Все эти тенденции ставят Россию перед парадоксом: для того чтобы остаться великой державой (а для самой большой страны мира это – жизненная необходимость), ей нужно сейчас умерить свои державные амбиции и сосредоточиться на решении внутренних экономических и социальных проблем. Судя по опросам общественного мнения, так считают многие россияне. В ноябре 2018 г., например, 67% опрошенных граждан придерживались точки зрения, что величие страны должно опираться на современную экономику, 66% – на высокий уровень благосостояния населения. В сентябре 2020 г. 44% вообще полагали, что будет достаточно, если Россия останется в числе 10–15 экономически и политически влиятельных государств мира, а самыми важными приоритетами были

11 Отчет о внешней торговле России в 2019 году: товарооборот, экспорт, импорт, структура, товары, динамика. Торговля между Россией и Китаем (2020) // Внешняя торговля России. 13 февраля 2020 // <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-kitaem-v-2019-g/>, дата обращения 26.02.2021.

названы благосостояние людей, развитие социальной сферы, поддержка бизнеса с целью сделать страну богатой [ВЦИОМ, 2020]¹².

Российская власть делает некоторые шаги, отвечающие этим чаяниям. С 2017 г. происходит сокращение оборонного бюджета государства¹³, в целом взят курс на то, чтобы избежать количественной гонки вооружений с США и их союзниками. Акцент ставится на развитии передовых военных технологий. В мае 2018 г. в своей инаугурационной речи В. Путин объявил о 12 «национальных проектах», направленных на достижение к 2024 г. «экономического и технологического прорыва»¹⁴. Хотя они были скорректированы его «Указом о национальных целях развития России до 2030 года» от 21 июля 2020 г.¹⁵, можно надеяться, что предусмотренные в их рамках вложения принесут определенные результаты. Был сделан шаг в направлении прогрессивного налогообложения, являющегося одним из инструментов сокращения социального неравенства, а именно: состоявшееся повышение НДФЛ с 13 до 15% на процентные доходы по вкладам, превышающим 1 млн руб., и анонсированное такое же повышение на доход свыше 5 млн руб. с 1 июня 2021 г.¹⁶

Однако этого явно недостаточно, рано или поздно стране придется пережить глубокие реформы, направленные

прежде всего на экономическую модернизацию страны. Ее возможные модальности являются предметом дискуссий как в России, так и за рубежом, но в самом общем виде речь идет о придании большей гибкости и большего динамизма экономической системе благодаря повышению роли в ней частнопредпринимательской инициативы. По разным оценкам, доля частных средних и мелких предприятий в ВВП России в 2,5–3 раза ниже, чем в США, Евросоюзе и Китае. Напротив, доля государства превышает 50%, что, как отмечала в 2019 г. Федеральная антимонопольная служба, «препятствует развитию конкуренции»¹⁷.

Необходимость изменения экономической структуры с целью создания большего пространства для частного бизнеса, уменьшения административного и коррупционного давления на него, в том числе со стороны правоохранительных органов, давно признается российской властью. Принципиальное значение в данной связи приобретает уменьшение вмешательства в экономику «силовых» структур, перестройка работы судебных учреждений, освобождение их от «телефонного права» и от коррумпированных судей. В чисто экономическом плане нужны переориентация инвестиционных потоков от нефтегазовой и сырьевой отраслей к производительному сектору, ускоренное развитие инфраструктуры и

12 См. также: Благополучие дороже величия. Институт социологии РАН зафиксировал перемену настроений у россиян (2018) // Коммерсантъ. 6 ноября 2018 // <https://www.kommersant.ru/doc/3792003>, дата обращения 02.03.2021.

13 Путин объяснил сокращение расходов на оборону (2019) // РБК. 11 ноября 2019 // <https://www.rbc.ru/politics/11/11/2019/5dc92ce29a794747c333ec7f>, дата обращения 15.07.2020.

14 Владимир Путин вступил в должность президента России (2018) // Президент России. 7 мая 2018 // <http://special.kremlin.ru/events/president/news/57416>, дата обращения 03.03.2021.

15 Указ о национальных целях развития России до 2030 года (2020) // Президент России. 21 июля 2020 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>, дата обращения 18.07.2020.

16 Замахина Т. (2020). Путин подписал закон о налоге на проценты по вкладам свыше 1 млн рублей // Российская газета. 1 апреля 2020 // <https://rg.ru/2020/04/01/putin-podpisal-zakon-o-naloge-na-procenty-po-vkladam-svyshe-1-mln-rublej.html>, дата обращения 02.03.2021; Путин объявил о повышении НДФЛ для россиян с доходом свыше 5 млн (2020) // Коммерсантъ. 23 июня 2020 // <https://www.kommersant.ru/doc/4390483>, дата обращения 02.03.2021.

17 ФАС в СМИ: доля государства в экономике РФ превысила 50% и препятствует развитию конкуренции (2019) // Федеральная антимонопольная служба. 6 мая 2019 // <https://fas.gov.ru/publications/18306>, дата обращения 25.02.2021.

инновационной компоненты. Следует также увеличить до уровня развитых стран вложения в «человеческий капитал» (образование, наука и здравоохранение), восстановить практически утраченные «социальные лифты», что, помимо прочего, предполагает значительно более активную борьбу с бедностью и неравенством. Стоит отметить в этой связи, что привычный для Запада термин «социальная сплоченность общества» (которая рассматривается как неперемнное условие устойчивого экономического развития) все еще не входит в словарь российских властных кругов.

Конечно, даже в таком общем виде виден огромный масштаб и сложность подобных реформ. Однако реальной альтернативы им нет. О необходимости преобразований говорили и российские руководители, достаточно вспомнить пять «и» президента Д. Медведева (институты, инфраструктура, инвестиции, интеллект, инновации) и его призыв к правоохранительным органам: «Хватит кошмарить бизнес» [Зыкова, 2008]. Президент В. Путин, представляя в своей инаугурационной речи в мае 2018 г. упомянутые выше «национальные проекты», также заявил: «Мы должны расширить пространство свободы для предпринимателей, ученых, для людей творческого труда и активных равнодушных граждан, для всех, кто стремится к обновлению»¹⁸. Он указал также на опасность того, что Россия может навсегда отстать от развитых стран в технологическом плане. Сокращение зависимости страны от экспорта нефти и газа давно стало привычным рефреном российской власти.

Однако эти установки большей частью остаются призывами, а не руко-

водством к действию. Причины хорошо известны. Реформы неизбежно затронут экономические основы системы власти, создававшейся с 2000 г. Слишком большая доля государства в экономике тормозит ее развитие, в том числе по линии инноваций, но одновременно способствует ее макростабильности. Нефтегазовая рента является основным источником легальных и коррупционных доходов российского правящего класса. Давление на бизнес позволяет нечестным чиновникам и правоохранителям иметь доходы на порядок выше официальных зарплат. В целом миллионы людей в стране не просто приспособились к коррупции, а являются ее выгодополучателями. Другие миллионы полностью зависят от государственного бюджета и боятся потерять свое, более чем скромное благополучие в случае перемен. Отсюда широко распространенные консервативно-охранительные установки в обществе, а на властном уровне – большей частью имитация изменений. Пандемийный кризис, усиливший зависимость населения от помощи государства, лишь усилил данную тенденцию. Но чем позднее начнутся реформы, тем радикальнее они будут и тем значительнее будут их издержки для экономики и общества.

Адаптация внешнеполитических приоритетов

По убеждению автора, как при продолжении нынешнего застоя, так и при продвижении по пути реформ ресурсы российской внешней политики в течение какого-то периода будут неизбежно сокращаться. В первом случае

18 Владимир Путин вступил в должность президента России (2018) // Президент России. 7 мая 2018 // <http://special.kremlin.ru/events/president/news/57416>, дата обращения 03.03.2021.

потому, что, как прогнозируют большинство российских экономистов, после восстановительного роста в 2021 г., народное хозяйство страны вновь вернется к вялотекущему развитию. В то же время в результате заметного уже сейчас роста социальной напряженности в обществе российской власти придется затрачивать больше средств на социальную сферу и на правоохранительные структуры в ущерб другим секторам. Отмеченное выше сокращение оборонных расходов – лишь одно из проявлений данной тенденции. Во втором случае сокращение ресурсов будет связано с тем, что реформы, особенно запоздалые, всегда стоят очень дорого, что также потребует экономить на всем остальном.

Российская дипломатия пользуется заслуженным авторитетом в мире, она считается одной из самых квалифицированных, а ее прагматизм позволяет решать многие сложные задачи. Статус России как военной сверхдержавы усиливает ее позиции. Однако даже самая активная дипломатическая деятельность не может компенсировать недостаточность экономических и финансовых возможностей страны. К примеру, в Сирии, где в повестке дня стоит вопрос о восстановлении разрушенной войной экономики, или в ряде африканских стран, с которыми Россия налаживает активное сотрудничество, она может столкнуться с соперниками, которые способны предложить соотвествующим правительствам значительно большие инвестиции или помощь. Как подобным образом усиливаются геополитические позиции, показывает Китай, в том числе в бывших советских среднеазиатских республиках. Самой России приходится дорого пла-

тить за поддержание статус-кво в братской Белоруссии.

В свете сказанного, как представляется, перед Россией встает проблема адаптации своих внешнеполитических приоритетов. Ей придется, в частности, больше сконцентрироваться на отношениях с ближайшим окружением, в том числе с теми странами, которых нельзя назвать сегодня дружественными, – Украиной, Грузией, Польшей, Латвией, Литвой, Эстонией. Русофобская позиция, к примеру, польских и прибалтийских элит – давняя проблема, но следует признать, что Россия до сих пор не придавала должного значения их «фантомным страхам», связанным с прошлым, и опасениям, вызванным конфликтом на Украине и присоединением Крыма. Имеет место также недооценка веса и активности Польши в ЕС. На Украине, несмотря на все усилия националистов, далеко не все граждане разделяют русофобскую позицию власти. В любом случае определенный потенциал диалога с названными странами имеется, но используется он пока недостаточно.

В более широком плане приоритетом России, скорее всего, будет «ось» Евросоюз, Турция, ЕАЭС, другие постсоветские государства, включая отмеченные выше, и Китай. Отношения с ЕС важны сами по себе, но их значение будет еще больше возрастать в качестве уравнивающего фактора китайской мощи. После 2014 г. они существенно ухудшились, в 2020–2021 гг. история с А. Навальным придавала им новое напряжение. Однако санкции ЕС, несмотря на жесткую резолюцию Европарламента¹⁹, оказались минимальными. Как констатировала влиятельная германская газета «Die Welt»,

19 Navalny: le Parlement européen réclame des sanctions contre la Russie (2020) // Le Figaro, Septembre 17, 2020 // <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/navalny-le-parlement-europeen-reclame-des-sanctions-contre-la-russie-20200917>, дата обращения 02.03.2021.

несмотря на грозные заявления, обе стороны слишком заинтересованы друг в друге, чтобы доводить дело до разрыва²⁰. Речь идет об экономике (в 2019 г. объем торговли между Россией и ЕС составил 277,8 млрд долл.²¹) и о проблеме безопасности в Европе. Потенциал сближения между двумя сторонами сохраняется и рано или поздно он начнет реализовываться.

Конечно, даже сосредоточившись на «оси», Россия не сможет игнорировать американское направление. Вряд ли здесь возможен какой-то прорыв, однако шансы несколько уменьшить уровень конфронтации при Дж. Байдене просматриваются. Продление договора СНВ-3 на очередные пять лет, некоторые другие шаги США, в частности в отношении разорванной Д. Трампом «иранской ядерной сделки», вызывают осторожный оптимизм. Американо-китайское противостояние дает возможность российской дипломатии выдержать «стратегическую паузу». Вышедшая в последнем номере за 2020 г. журнала «Foreign Affairs» статья Х. Клинтон, где она призывает не обрывать контакты с Россией и продолжать сотрудничать с ней в области контроля за вооружениями [Clinton, 2020], аналогичный призыв 145 бывших американских дипломатов, военных, а также российских экспертов, опубликованный в декабре 2020 г. британской газетой «Таймс»²², свидетельствуют о том, что в связи с этим противостоянием у части американских элит появляются сомнения в целесообразности сверхжесткого курса в отношении России.

Список литературы

ВЦИОМ (2020). Аналитический обзор. Цели России в XXI веке // 15 сентября 2020 // <https://wciom.ru/analytical-review/analiticheskii-obsor/czeli-rossii-v-xxi-veke>, дата обращения 26.02.2021.

Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (2007) // Президент России. 10 февраля 2007 // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>, дата обращения 15.07.2020.

Лавров С.Б. (2019). Соседи по Европе // Российская газета. 18 декабря 2019 // <https://rg.ru/2019/12/18/sergej-lavrov-ob-itogah-30-letnih-otnoshenij-mezhdu-rossiej-i-evrosoiuzom.html>, дата обращения 02.03.2021.

Трунов Ф.О. (2020). Феномен державы без обладания ОМУ/ОМП: Германия и кризис контроля над вооружениями // Актуальные проблемы Европы. № 3. С. 118–143. DOI: 10.31249/ape/2020.03.06

Фитуни Л.Л. (2019). На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке // Контуры глобальных трансформаций. Т. 12. № 3. С. 6–29. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29

Allison G. (2017). *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston-New York: Mariner Books.

Clinton H. (2020). National Security Reckoning // Foreign Affairs, November/December 2020 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-10-09/>

20 Krauer T. (2020). Russland sagt wieder Njet // Die Welt, Oktober 14, 2020 // <https://www.welt.de/debatte/kommentare/article217883928/Dialog-und-Diplomatie-Russland-sagt-wieder-Njet.html>, дата обращения 02.03.2021.

21 Отчет о внешней торговле России в 2019 году: товарооборот, экспорт, импорт, структура, товары, динамика. Торговля между Россией и Китаем (2020) // Внешняя торговля России. 13 февраля 2020 // <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiei-i-kitaem-v-2019-g/>, дата обращения 26.02.2021.

22 Fears of Inadvertent War with Russia (2020) // The Times, December 8, 2020 // <https://www.thetimes.co.uk/article/times-letters-the-search-for-a-deal-in-brexit-trade-talks-qfkn2h8t3>, дата обращения 20.01.2021.

hilarly-clinton-national-security-reckoning, дата обращения 02.03.2021.

Conférence sur la sécurité de Munich: faire revivre l'Europe comme une puissance politique stratégique (2020) // Président de la France, Février, 15 2020 // <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/02/15/conference-sur-la-securite-de-munich-faire-revivre-leurope-comme-une-puissance-politique-strategique>, дата обращения 21.02.2021.

Discours du Président de la République à la conférence des ambassadeurs et des ambassadrices (2019) // Président de la France, Août 27, 2019 // <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs-1>, дата обращения 18.09.2019.

Etudes économiques de l'OCDE: Chine (2019) // OCDE, Avril 2019 // https://www.oecd-ilibrary.org/economics/etudes-economiques-de-l-ocde-chine-2019-version-abregee_ea9daa2f-fr, дата обращения 31.03.2021.

Farhion G., Zand B. (2021). Der Niedergang der USA wird nach dem Beispiel Grossbritanniens ablaufen // Der Spiegel, Januar 27, 2021 // <https://www.spiegel.de/politik/ausland/verhaeltnis-zwischen-china-und-amerika-der-niedergang-der-usa-ueberrascht-mich-nicht-a-250c243d-7238-4ccf-928e-50e78c58239e>, дата обращения 03.03.2021.

L'interview de Laurent Fabius (2013) // France Inter // <https://www.franceinter.fr/emissions/l-invite/l-invite-09-decembre-2013>, дата обращения 15.07.2020.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-1

"Geopolitical Disorder" in the World and Russia

Vladimir N. CHERNEGA

DSc in Law, Extraordinary and Plenipotentiary Envoy, Leading Researcher
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of
Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation
E-mail: vladimir.tchernega@free.fr
ORCID: 0000-0002-3031-0187

CITATION: Chernega V.N. (2021). "Geopolitical Disorder" in the World and Russia. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, vol. 14, no 3, pp. 6–22 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-1

Received: 27.10.2020.

ABSTRACT. *The article considers the state of the modern international system, in connection with which are disputed the affirmations concerning its multipolarity or the already emerging bipolarity, embodied by the United States and China. Neither the first nor the second definition is based on the concept of "pole", as it was formed during the years of opposition between the United States and the Soviet Union. The current situation can rather be described as a "geopolitical disorder". Traditional and emerging powers are fighting for a higher place in the new hierarchy, forging new alliances, often opportunistic, that predetermines the volatility and instability of the system. For States that are inferior in total national power to the United States or China, particularly for Russia, this creates new opportunities, especially in the framework of multilateral diplomacy. At the same time Russia, due to its economic weakness and the threat of a general technological backwardness, risks losing its status of power or, at least, being seriously squeezed by competitors. Hence the need for it to moderate its ambitions as a power and concentrate on implementing re-*

forms aimed at modernizing the economy. The predicted decrease for some time in the resources of the state, due to this, will also require to adapt its foreign policy priorities and to focus on vital national interests.

KEYWORDS: *multipolarity, bipolarity, "geopolitical disorder", power status, reforms, modernization, adaptation of foreign policy priorities.*

References

- Allison G. (2017). *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston-New York: Mariner Books.
- Clinton H. (2020). National Security Reckoning. *Foreign Affairs*, November/December 2020. Available at: <https://www.foreigaffairs.com/articles/united-states/2020-10-09/hilary-clinton-national-security-reckoning>, accessed 02.03.2021.
- Conférence sur la sécurité de Munich: faire revivre l'Europe comme une puissance politique stratégique (2020).

Président de la France, Février, 15 2020. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/02/15/conference-sur-la-securite-de-munich-faire-re-vivre-leurope-comme-une-puissance-politique-strategique>, accessed 21.02.2021.

Discours du Président de la République à la conférence des ambassadeurs et des ambassadrices (2019). *Président de la France*, Août 27, 2019. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs-1>, accessed 18.09.2019.

Etudes économiques de l'OCDE: Chine (2019). *OCDE*, Avril 2019. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/etudes-economiques-de-l-ocde-chine-2019-version-abregee_ea9daa2f-fr, accessed 31.03.2021.

Farhrion G., Zand B. (2021). Der Niedergang der USA wird nach dem Beispiel Grossbritanniens ablaufen. *Der Spiegel*, Januar 27, 2021. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/verhaeltnis-zwischen-china-und-amerika-der-niedergang-der-usa-ueberrascht-mich-nicht-a-250c243d-7238-4ccf-928e-50e78c58239e>, accessed 03.03.2021.

Fituni L.L. (2019). Towards a New-bipolar Model of the New World Order: Scouting Game in Africa. *Outlines of Glo-*

bal Transformations: Politics, Economics, Law, vol. 12, no 3, pp. 6–29 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29

Lavrov S.V. (2019). Neighbours in Europe. *Rossiyskaya Gazeta*, December 18, 2019. Available at: <https://rg.ru/2019/12/18/sergej-lavrov-ob-itogah-30-letnih-otnoshenij-mezhdu-rossiej-i-evrosoiuzom.html>, accessed 02.03.2021 (in Russian).

L'interview de Laurent Fabius (2013). *France Inter*. Available at: <https://www.franceinter.fr/emissions/l-invite/l-invite-09-decembre-2013>, accessed 15.07.2020.

Speeches and Discussions at the Munich Conference on the Questions of Policy and Security (2007). *President of Russia*, February 10, 2007. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>, accessed 15.07.2020 (in Russian).

Trunov F.O. (2020). The Phenomenon of a Power without Possession of Weapons of Mass Destruction. *Current Problems of Europe*, no 3, pp. 118–143 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2020.03.06

WCIOM (2020). *Analytical Review. The Goals of Russia in the XXI Century*, September 15, 2020. Available at: <https://wciom.ru/analytical-review/analiticheskii-obsor/czeli-rossii-v-xxi-veke>, accessed 26.02.2021 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-2

Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике

Денис Андреевич ДЕГТЕРЕВ

доктор политических наук, кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Российский университет дружбы народов (РУДН), 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Российская Федерация;
профессор, кафедра мировой экономики
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, проспект Вернадского, д. 76, Москва, Российская Федерация;
профессор, кафедра европейских исследований
Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Университетская набережная, д. 7–9, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: Degterev-da@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-7426-1383

Мирзет Сафетович РАМИЧ

соискатель кафедры теории и истории международных отношений Российский университет дружбы народов (РУДН), 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Российская Федерация
E-mail: ramich_ms@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1479-2785

ЦИТИРОВАНИЕ: Дегтерев Д.А., Рамич М.С. (2021). Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 14. № 3. С. 23–43.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-2

Статья поступила в редакцию 10.03.2021.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-514-93003 КАОН_а «Россия и Китай в мировом политическом пространстве: согласование национальных интересов в глобальном управлении».

АННОТАЦИЯ. *Трехсторонняя дипломатия – довольно распространенный в международной практике формат взаимодействия государств, которые формирует разнообразные конфигурации баланса сил в рамках так*

называемых треугольников. Понятие «треугольника» отличается амбивалентностью, разнообразием характеристик и принципов формирования.

В статье сделан обзор теоретического дискурса по проблематике страте-

гических треугольников, а также приведены практические примеры трехсторонней дипломатии прошлого и настоящего. Выявлены основные характеристики стратегических треугольников и особенности изменения их конфигурации (на примере треугольника США–КНР–СССР), данные отношения также рассматриваются в торгово-экономической и военно-политической сферах в контексте классической игры «дуэль трех лиц». Приведена классификация как симметричных, так и асимметричных треугольников (одноцентровых и бицентровых), представлена концепция буферных государств, а также региональных конфликтов с участием великой державы в качестве защитника.

На основе Сводного индекса национального потенциала (CINC) выявлены наиболее влиятельные страны на глобальном и региональных уровнях – вершины геополитических треугольников. В частности, проанализированы региональные треугольники в Европе (ЕС), в Евразии (ШОС), на Ближнем Востоке, в Восточной Азии, в Юго-Восточной Азии (АСЕАН), в Латинской Америке и в Африке. Исследована концепция опорных стран, которые, несмотря на относительно небольшой потенциал, также выступают в качестве вершин треугольников.

Представлены основные стратегические треугольники современного миропорядка, которые в качестве вершин включают страны Азии (КНР, Япония, Индия), РФ, США и ЕС. Выявлены основные контуры глобальной конкуренции на основе геополитических треугольников в XXI в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стратегический треугольник, региональные треугольники, трехсторонняя дипломатия, миропорядок, баланс сил, сдерживание, национальный потенциал, опорные страны.

«Треугольная» дипломатия как инструмент геополитического балансирования – понятие настолько распространенное, насколько и амбивалентное. В плане многочисленности интерпретаций стратегические треугольники могут поспорить лишь с балансом сил [Дегтерев, Худайкулова, 2018; Дегтерев, Никулин, Рамич, 2021], с которым они к тому же взаимосвязаны.

Как правило, треугольники представляют собой модель взаимозависимых отношений трех акторов мировой политики А, В и С (чаще всего в качестве вершин или опорных точек треугольника выступают государства). Дальше общее заканчивается и начинается множество трактовок данного явления. Представим их анализ, рассмотрим как теоретический дискурс, так и практические примеры из прошлого и настоящего, и постараемся выйти на общие закономерности.

Собственно теоретических статей по данному вопросу в рамках международно-политической науки не так много, ведь чаще авторы сосредотачиваются на каком-то одном треугольнике, целиком погружаясь в региональную специфику. Пожалуй, можно отметить ставшую классической работу Л. Диттмера с частично формализованными моделями, причем по ходу работы даже он постепенно сводит все к анализу треугольника СССР–США–КНР [Dittmer, 1981]. Две статьи Т. Каплоу, напротив, носят чересчур абстрактный характер, в них не хватает практических примеров [Caplow, 1956; Caplow, 1959]. Автор использует социологический подход: выделяет восемь возможных типов треугольников по распределению мощи между вершинами (например, $A > B > C$) и в зависимости от этого делает выводы о возможности тех или иных коалиций. Ряд авторов разрабатывают теорию структурного баланса сил в духе «Великой шахматной доски» [Бже-

зинский, 2018] или старой арабской пословицы о том, что «друг моего друга – мой друг; друг моего врага – мой враг; враг моего друга – мой враг; враг моего врага – мой друг» [McDonald, Rosecrance, 1985, p. 59]. В последние годы ряд исследований по данной теме вышел в РФ [Худайкулова, 2020]. В рамках данной статьи авторы предпринимают попытку с помощью количественных и качественных методов анализа оценить актуальность «треугольной» дипломатии в условиях формирования «новой bipolarности» в системе международных отношений.

Когда треугольник стратегический?

Можно выделить несколько основных характеристик, объясняющих стратегическое значение треугольника. С одной стороны, это такой треугольник, отношения в котором будут оказывать существенное влияние на весь мир, т.е. вершины его – это наиболее

важные страны, играющие особую роль в институтах глобального управления, например члены «Группы семи» или «Группы двадцати».

С другой стороны, речь идет именно о стратегической составляющей, т.е. в первую очередь об отношениях в сфере обороны и безопасности («высокой политике»), а не о торгово-экономическом сотрудничестве. В этом случае особое влияние на международную обстановку, безусловно, оказывают пять постоянных членов СБ ООН (РФ, США, КНР, Великобритания и Франция). То есть по логике, именно они и должны составлять вершины основных стратегических треугольников.

В годы «холодной войны» американские исследователи определяли наиболее важные отношения в международной системе с помощью следующего пятиугольника (см. рис. 1).

В представленном пятиугольнике ключевую роль играли двусторонние отношения США–СССР, США–ЕС (на рис. 1 выделены цифрами 1 и 2), другие пары в меньшей степени определяли

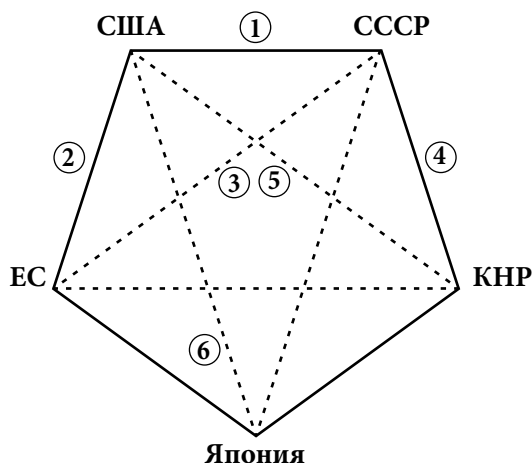

Рис. 1. Пятиугольник отношений между великими державами в годы «холодной войны»
Figure 1. The Pentagon of relations between the Great Powers during the Cold War

Источник: [Intriligator, Luterbacher, 1994, p. 55].

расклад (обозначены цифрами 3, 4, 5), а несколько диад (ЕС–КНР, КНР–Япония, СССР–Япония) даже не обозначены на рис. 1 цифрами.

Советские исследователи примерно в это же время в своих исследованиях также говорили о структурных отношениях глобального уровня, выделяя отношения СССР–США (в т.ч. в рамках ОВД и НАТО), отношения государств с различным социальным строем, отношения в треугольниках СССР–США–КНР, а также СССР–США–Западная Европа и США–Западная Европа–Япония [Гантман, 1984, с. 310–398].

Далее архитектор трехсторонней дипломатии США Г. Киссинджер исключал ЕС и Японию из пятиугольника на рис. 1 [Dittmer, 1981] и выходил на наиболее важный стратегический треугольник биполярного мира: США–СССР–КНР. Соответственно, *третьим свойством* такого рода треугольников является стратегический характер принимаемых в его вершинах решений и связанная с этим *стратегическая не-*

определенность. Дело в том, что почти все страны ЕС входят в НАТО и в рамках Евро-Атлантического сообщества, по крайней мере в сфере безопасности, стратегической неопределенности не возникает (демарш Франции и ФРГ в 2003 г. в ходе иракского кризиса – это скорее исключение из правил). С Японией у США подписан Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности 1960 г., на островах размещены американские военные базы. Всего в мире более 800 американских военных баз в 177 странах мира, на которых расквартировано около 200 тыс. военнослужащих США (см. рис. 2).

При этом наибольшее число американских военнослужащих расквартировано в Японии (39 тыс.), ФРГ (35 тыс.), Республике Корея (23 тыс.), Италии (12 тыс.), Великобритании (8 тыс.) [Desjardins, 2017]. Военное сотрудничество с США основывается на целом ряде соглашений в сфере безопасности (как на многосторонней основе, так и двусторонней), причем боль-

Рис. 2. Военные базы США в зарубежных странах

Figure 2. US military bases in foreign countries

Источник: [Desjardins, 2017].

Примечание. Указаны страны и территории с количеством американских военнослужащих более 50 человек.

ше всего их подписано с Великобританией, Канадой, ФРГ, Нидерландами, Норвегией, Японией, Испанией и Бельгией [Kavanagh, 2014].

На данном этапе едва ли эти страны могут быть источником стратегической неопределенности (по крайней мере для США) и, соответственно, формировать стратегические треугольники в контексте становления многополярного мира. Схожий критерий использовался в проекте «Политический атлас современности» при определении государственности той или иной страны (наличие иностранных военных баз снижало данный показатель) [Мельвил и др., 2007]. В этом контексте, как представляется, прав М.А. Троицкий, отмечающий иллюзорность стратегического треугольника США–ЕС–РФ [Троицкий, 2008].

Изменение конфигурации (соперничество/сотрудничество) в рамках одного из ребер стратегического треугольника заставляет третью страну балансировать с учетом новых обстоятельств, что влияет на динамику сотрудничества в рамках отношений, составляющих другие два ребра. Таким образом, возникают системные свойства треугольника, формируются петли обратных связей [Jervis, 1997; Дегтерев, Истомин, 2015]. Поскольку страны, представляющие вершины треугольника, участвуют в целом ряде других, локальных треугольников, то фактически речь идет о целой сети международных связей, которая приходит в движение [Алексеров и др., 2016; Дегтерев, 2015]. То есть динамика в рамках стратегических треугольников приводит к тектоническим изменениям в самой системе международных отношений.

В подлинно стратегических треугольниках согласно классической дуэли с тремя участниками (truel), как правило, выигрывает... слабейший [Kilgour, Brams, 1997]. В самом деле, ана-

лиз треугольника США–КНР–РФ показывает, что США воспринимают наибольшую экономическую угрозу именно со стороны КНР, в связи с чем ожесточенность торговой войны с Китаем существенно превышает уровень противостояния в торгово-экономической сфере с РФ. Напротив, в военной сфере лидерами являются США и РФ и до последнего момента КНР, как наиболее слабая в военном плане «вершина» треугольника, не привлекала внимания двух других «вершин» [Dobbins, Shatz, Wyne, 2019]. В последние годы наблюдается тенденция, когда США сами «подталкивают» КНР и РФ к созданию военно-политического союза, о котором стороны не задумывались ранее, своими недружественными действиями [Морозов (1), 2020, с. 310; Морозов (2), 2020; Салицкий, Семенова, 2019]. Потенциально создание такого союза именит структуру треугольника, так как два государства будут консолидированно выступать против третьей стороны.

В постбиполярный период понятие стратегического треугольника размывалось и стало касаться не только глобального, но и регионального уровня (уровня подсистемы международных отношений). В самом деле, региональные подсистемы обладают определенной автономией и для них зачастую важнее региональный баланс сил, в т.ч. проекция мощи великих держав непосредственно в их регион.

Ряд исследователей, например из Новой Зеландии, стали называть наиболее важные для своей страны треугольники (по сути лавирование между великими державами) стратегическими [Reuben, Dodd-Parr, 2019]. Безусловно, позиция каждого островного государства в Тихом океане важна, однако «общий счет» в геополитическом противостоянии США–КНР в регионе – это результирующая десятков та-

ких «стратегических треугольников» [Ali, 2017]. В этом контексте можно исходить из подхода Л. Диттмера – треугольники являются стратегическими, если входящие в их состав страны сами полагают их таковыми [Dittmer, 1981, pp. 490–491].

Сохранение status quo VS изменение баланса сил

Под балансом сил может пониматься как их реальное (как правило, крайне неравномерное) соотношение, так и равновесие сил сторон. Схожая дихотомия характерна и для стратегических треугольников. *Естественные треугольники* образуются тремя наиболее влиятельными акторами в системе международных отношений либо в отдельных регионах (подсистемах), что представляет собой объективное явление мировой политики. Естественные треугольники имеют *симметричный характер* ($A \approx B \approx C$). Как правило, отношения между ними характеризуются

комплексностью (как сотрудничество, так и соперничество). Так, например, к естественным треугольникам можно отнести РФ–КНР–Индию (РИК), ведь это три наиболее влиятельные страны в Евразии. Однако отношения между ними, как это обычно бывает между соседями, были осложнены целым комплексом взаимных проблем.

Однако «тройственный союз» (фр. *ménage à trois*) (в трактовке Л. Диттмера [Dittmer, 1981, p. 489]) – это не единственная желаемая конфигурация в рамках естественных треугольников. Так, американской дипломатии в годы «холодной войны» удалось изменить конфигурацию отношений в естественном треугольнике СССР–США–КНР от советско-китайского союза к «романтическому треугольнику» с США в роли арбитра (см. рис. 3).

При этом формула американского лидерства в трактовке Г. Киссинджера звучала следующим образом: «Наши отношения с возможными оппонентами (т.е. с СССР и КНР. – Авт.) должны

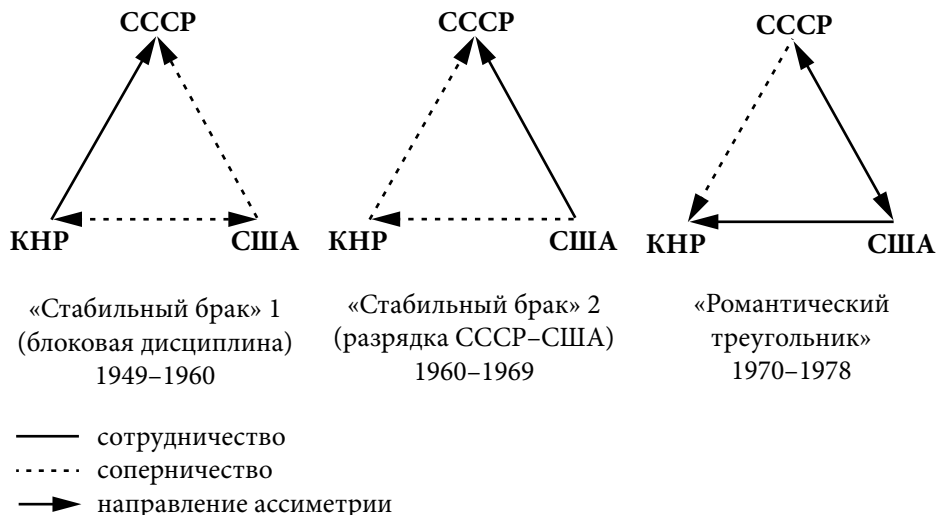

Рис. 3. Эволюция отношений в треугольнике СССР–США–КНР в 1949–1978 гг.

Figure 3. Evolution of relations in the USSR–USA–CHINA triangle in 1949–1978

Источник: [Dittmer, 1981].

быть такими, чтобы наши возможности в отношениях с ними были более значительными, чем их возможности в отношениях между собой» [Kissinger, 1979, р. 169]. Изменение конфигурации данного треугольника США использовали как важный инструмент геополитического балансирования, существенно увеличив потенциал своей коалиции.

Другой разновидностью треугольников являются *руководящие*, создаваемые в рамках внешней политики отдельных стран и призванные, как правило, сместить баланс сил в свою сторону в мире в целом либо в отдельном регионе. Данный тип треугольников, как правило, *асимметричен*.

Виды асимметричных треугольников

В зависимости от распределения мощи между вершинами выделяется два основных вида асимметричных треугольников. Чаще всего речь идет об *одноцентровых* (*unicentric*) *треугольниках*, вершины которых составляют более мощная великая держава и два примерно одинаковых по потенциалу региональных лидера ($A > B \approx C$), при этом создание треугольника происходит по инициативе данной великой державы. Однако было бы упрощением считать данный треугольник сильно асимметричным. Дело в том, что великая держава готова проецировать в данный регион лишь часть своей мощи (например, у США в Персидском заливе находятся корабли 5-го флота, в Средиземном море – 6-го флота, в Восточной Азии – 7-го флота), что несколько уравнивает реальный потенциал великой державы и двух региональных. Реже встречаются *бицентровые* (*bicentric*) *треугольники* ($A \approx B > C$) с участием двух великих держав и одной региональной. К таковым относится, например, Веймарский треугольник, включающий две наиболее

мощные на сегодня страны Евросоюза (ФРГ и Францию) и наиболее влиятельную страну ЦВЕ Польшу (материальный потенциал последней почти в 2,5 раза превышает мощь следующей за ней Румынии) [Ромер, 2014; Дегтерев, Никулин, Рамич, 2021, с. 208–220].

К бицентровым треугольникам можно отнести и отношения, возникающие у небольших стран, лавирующих между двумя великими (или региональными) державами в рамках проводимой ими политики многовекторности. В этой связи М. Партем разработал во многом близкую теорию «буферного государства» [Partem, 1983]. При этом, однако, встает вопрос о том, насколько важен, по Л. Диттмеру, данный «буфер» для двух ведущих игроков, является ли он опорной страной для них?

Одноцентровые треугольники можно также разделить на несколько типов. *Во-первых*, это «романтические треугольники» с верховным арбитром в виде великой державы, созданные по классическому принципу «разделяй и властвуй». Помимо треугольника США–СССР–КНР (с 1970 по 1991 г.), это, например, треугольник США–КНР–Япония, ставший особенно актуальным в постбиполярный период [Zhang, 1998]. Так, в 2012 г. США заявили, что Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности с Японией 1960 г. также распространяется на спорные острова Сенкаку (Дяюйдао), тем самым приняв непосредственное участие в китайско-японском территориальном споре. По схожей схеме верховного арбитра выстроены и отношения США с Израилем и соседними арабскими странами в рамках концепции Qualitative Military Edge [Дегтерев, Степкин, 2013]. США ежегодно оказывают военно-техническую помощь Израилю и арабским странам, причем помощь Израилю направляется в несколько большем

объеме. Таким образом, ключевые региональные игроки становятся завязаны на США.

Во-вторых, это такие региональные треугольники, в рамках которых великая держава, напротив, «по-отечески» мирит две соседние региональные державы для решения последними важной для нее задачи. В качестве примера можно привести турецко-израильский военно-разведывательный союз, созданный в 1993–1994 гг. по инициативе администрации Б. Клинтона и скрепленный двусторонним Соглашением о безопасности и секретности (SSA), членством Турции в НАТО и соглашением между Израилем и НАТО 2003 г. Треугольник США–Турция–Израиль позволял Вашингтону продвигать свои интересы на Ближнем Востоке, однако в последние годы на смену ему пришел продвигаемый РФ в ходе войны в Сирии треугольник РФ–Иран–Турция. Кстати, о преимуществах данного треугольника для России писал еще в XIX в. И. Гаспринский [Гаспринский, 1896]. Схожий по формату треугольник США–КНР–Пакистан был создан Вашингтоном в годы «холодной войны» для борьбы с СССР, а впоследствии – для ведения боевых действий

в Афганистане [Smith, 2011]. В последние годы РФ балансирует в рамках ШОС, используя треугольники РФ–Китай–Индия, РФ–Пакистан–Индия, а на Дальнем Востоке – РФ–Китай–Япония.

В качестве асимметричных (как односторонних, так и бисторонних) треугольников можно рассмотреть и ситуации, связанные с опосредованными (прокси) войнами, которые в последнее время снова возвращаются в практику международных отношений [Худайкулова, 2016]. Так, в региональных конфликтах многие страны выступают в качестве *протезы* (*protégé*) наиболее влиятельных стран, которые оберегают их от бросающих вызов *соперников* (*challenger*), реализуя стратегию расширенного сдерживания (*extended deterrence*) (см. рис. 4).

Вершины треугольника

Какие же страны являются наиболее важными и выступают в качестве вершин стратегических треугольников? Как правило, речь идет либо о наиболее мощных странах, либо о наиболее удачно географически (стратегически) расположенных.

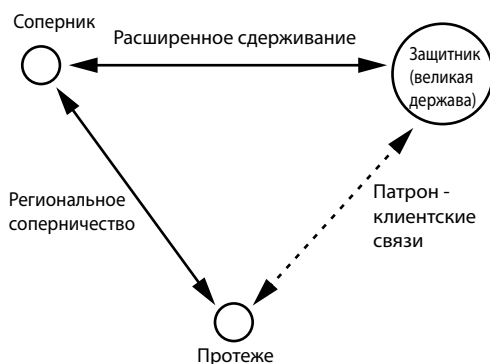

Рис. 4. Треугольник регионального конфликта с участием великой державы

Figure 4. Triangle of a regional conflict involving a great Power

Источник: составлено авторами.

Мощь отдельных стран можно анализировать на основании многофакторных индексов оценки национально-го потенциала. Поскольку исследуются стратегические вопросы, то возникает соблазн взять за основу рейтинги наиболее сильных в военном плане стран, например Global Firepower Index. С другой стороны, в современном мире противоборство носит, как правило, комплексный характер [Подберезкин, Боришполец, 2014], отношения между странами характеризуются высоким уровнем взаимозависимости, в этой связи более целесообразно исходить из оценок совокупной мощи, а не только военного ее компонента.

Для оценки материального потенциала в данной работе используется *Сводный индекс национального потенциала (Composite Index of National Capability, CINC)*, созданный Д. Сингером для базы данных «Коррелято-

ры войны». Последние доступные данные в базе CINC – за 2012 г., однако авторами статьи проведен расчет данных показателей для всех стран мира, который представлен в приложении к коллективной монографии [Дегтерев, Никулин, Рамич, 2020, с. 313–319]. При анализе показателей CINC необходимо принимать во внимание, что Индекс создавался во времена «холодной войны» и не учитывает «мягкосиловые» показатели, которые становятся все более актуальными в XXI в.

Анализ сравнительной динамики мощи США, КНР и РФ (СССР) в XX–XXI вв. (см. рис. 5) показывает максимум американской доли от совокупного мирового потенциала в период Первой и Второй мировых войн и лидерство СССР в 1970–1980-е годы. В последние годы стало явным лидерство КНР по показателям материального потенциала.

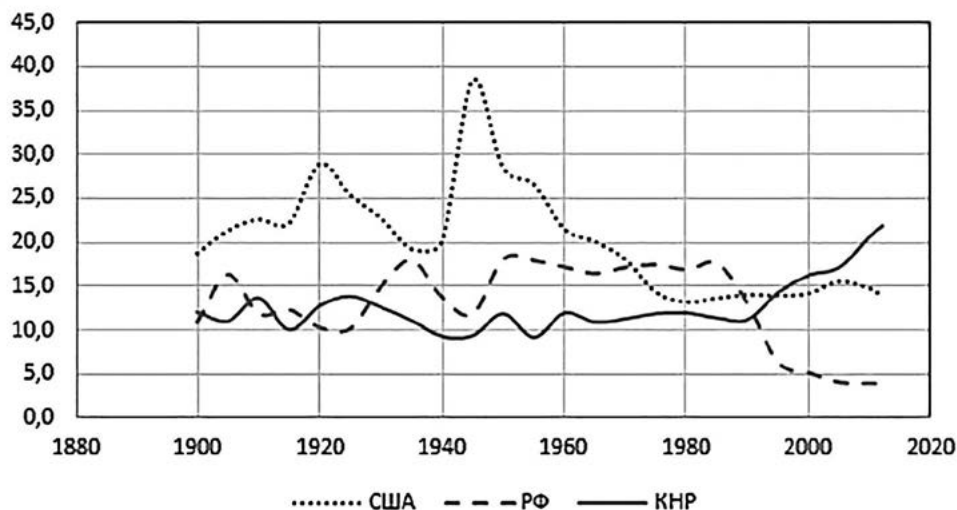

Рис. 5. Динамика национального потенциала США, РФ (СССР) и Китая (в % от мирового потенциала)

Figure 5. Dynamics of the national potential of the United States, the Russian Federation (USSR) and China (in % of the world potential)

Источник: построено с использованием National Material Capabilities (v5.0), The Correlates of War Project // <http://correlatesof-war.org/data-sets/national-material-capabilities>, дата обращения 21.04.2021.

На сегодняшний день топ-10 стран мира по материальному потенциалу выглядят следующим образом (см. табл. 1).

Затемнены строки со странами, которые в силу тесных военно-политических связей с США на данном этапе не являются источником стратегической неопределенности и не могут составлять вершины для стратегических треугольников в контексте становления многополярного мира. Совокупная доля ЕС составляет 9,2% от мировой мощи, т.е. это третье место в данном рейтинге. Как видно из табл. 1, наибольший интерес на сегодня представляют стратегические треугольники с участием КНР, США, Индии и РФ.

На региональном уровне, в рамках подсистем международных отношений ситуация следующая (см. табл. 2).

Как видно из табл. 2, на страны треугольника на Ближнем Востоке, в АСЕАН и Латинской Америке приходится около 50–60% всей региональной мощи, т.е. они действительно играют ключевую роль в своих подсистемах. При этом на Бразилию и Мексику приходится 55% региональной мощи (т.е. фактически можно говорить о топ-2), а в АСЕАН, напротив, не наблюдается явного лидерства, ведь следующие за Таиландом Мьянма и Филиппины, а также Малайзия лишь немного меньше по потенциалу (т.е. можно говорить о топ-5 или даже топ-6).

Таблица 1. Топ-10 стран мира по Сводному индексу национального потенциала (2018 г.)

Table 1. Top 10 countries in the world according to the Composite Index of National Potential (2018)

№	Страна	Военные расходы, в тыс. долл. США	Размер армии, тыс. чел.	Выплавка чугуна и стали, тыс. тонн	Первичное потребление энергии, тыс. тонн усл. топлива	Население, млн чел.	Городское население, млн чел.	Доля от мировой мощи, в %
1	КНР	168 202	2035	928 264	4006,5	1415	837	22,3
2	США	643 266	1348	86 607	2927,4	326,8	268,8	13,4
3	Индия	57 874	1445	109 272	993,8	1354	460,8	8,6
4	Россия	45 349	900	72 042	1029,7	143,9	107,2	3,6
5	Япония	47 256	247	104 319	623,4	127,1	116,5	3,0
6	Бразилия	27 952	335	35 407	305,6	210,9	182,5	2,4
7	Р. Корея	39 211	625	72 464	399,7	51,2	416,8	2,3
8	Индонезия	7 318	396	6 183	246,9	266,8	147,6	1,9
9	ФРГ	45 686	179	42 435	419,7	82,3	636,2	1,9
10	Саудовская Аравия	82 933	227	5 240	325,3	33,6	28,2	1,6

Источник: составлено авторами на основе методологии Correlates of War National Material Capabilities (NMC) Data Documentation Version 5.0 // <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities/nmc-codebook-v5-1>, дата обращения 21.04.2021.

Таблица 2. Региональные треугольники (топ-3 страны по материальному потенциалу)

Table 2. Regional triangles (top 3 countries by material potential)

Регион (подсистема МО)	Страна 1	Страна 2	Страна 3	Сумма	Примечание
Европа	ФРГ	Франция	Италия		Без учета Великобритании
	1,9	1,5	1,1	4,5	
	20,6	16,3	11,9	48,8	
Евразия (ШОС)	КНР	Индия	РФ		
	22,3	8,6	3,6	34,5	
	60,9	23,4	9,8	94,1	
Ближний Восток	Саудовская Аравия	Иран	Турция		Без учета Египта
	1,6	1,4	1,0	4,0	
	21,0	18,4	13,1	52,5	
Восточная Азия	КНР	Япония	Р. Корея		Явное лидерство КНР
	22,3	3,0	2,3	27,6	
	75,6	10,1	7,8	93,5	
Юго-Восточная Азия (АСЕАН)	Индонезия	Вьетнам	Таиланд		Мьянма и Филиппины – по 10%
	1,9	1,0	0,9	3,8	
	30	16,7	15	61,7	
Латинская Америка	Бразилия	Мексика	Колумбия		Явное лидерство Бразилии и Мексики (топ-2)
	2,4	1,4	0,7	4,5	
	34,7	20,3	10,1	65,1	
Африка	Египет	Нигерия	ЮАР		
	1,0	0,9	0,6	2,5	
	12,3	11,1	7,4	30,8	

	% от мирового потенциала
	% от регионального потенциала

Источник: составлено авторами на основе методологии Correlates of War National Material Capabilities (NMC) Data Documentation Version 5.0 // <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities/nmc-codebook-v5-1>, дата обращения 21.04.2021.

В Евразии и в Восточной Азии наблюдается доминирование КНР (60,9% и 75,6% соответственно). В Европе, после Брекзита, на треугольник ФРГ–Франция–Италия приходится практически половина материального потенциала. Наибольшая распыленность мощи наблюдается в Африке, где на Еги-

пет, Нигерию и ЮАР приходится лишь треть всего потенциала континента [Дегтерев, 2020].

Наиболее сплоченные отношения в рамках региональных треугольников наблюдаются там, где они являются частью институционализированных интеграционных объединений, в

особенности в рамках ЕС и АСЕАН, в меньшей степени – в рамках ШОС. На Ближнем Востоке между двумя вершинами треугольника (Иран и Саудовская Аравия) уже несколько лет идет опосредованная война [Худайкулова, 2016], основные сражения которой проходят в Сирии и Йемене. До 2003 г. (свержения иракского лидера С. Хусейна) основным треугольником в зоне Персидского залива в течение нескольких десятилетий был Иран–Ирак–Саудовская Аравия [Fürtig, 2007]. Вторжение США и их союзников в Ирак нарушило региональный баланс сил и вывело на первое место в регионе Иран. В контексте контроля над Индийским океаном в качестве американского «жандарма» примечателен и треугольник безопасности времен шахского Ирана (до 1979 г.) Иран–Австралия–ЮАР [Юртаев, 2017].

В ряде случаев в качестве вершины треугольника может быть не страна, а региональная организация, например АСЕАН [Ефремова, 2016]. Для этого необходим достаточно высокий уровень интеграции в рамках организации, а также отсутствие явного лидера (т.е. вовне проецируется не мощь отдельной страны, а всей организации в целом).

Помимо наиболее влиятельных стран, вершинами геополитических треугольников могут выступать и сравнительно небольшие *опорные страны* (*pivot states*), имеющие выгодное стратегическое положение и обладающие, таким образом, т.н. *стратегическими благами*, своего рода «золотой акцией» для решения тех или иных геополитических задач [Sweijts et al., 2014]. К данным благам относятся, например, выгодное географическое положение – контроль над ключевыми проливами (Панама, Сингапур, Египет, Оман, Джибути) или расположение в «мягком подбрюшье» геополитического оппонента, или на геополитическом разломе (Куба, Украина, Афганистан) [Brzezinski, 1996]. Также это может быть местоположение религиозных святынь (Саудовская Аравия) либо обладание стратегическими природными ресурсами [Husain, 1982].

Стратегические треугольники современного миропорядка

В современном миропорядке существенно поменялась конфигурация стратегических треугольников: уже нет биполярности; основное геополити-

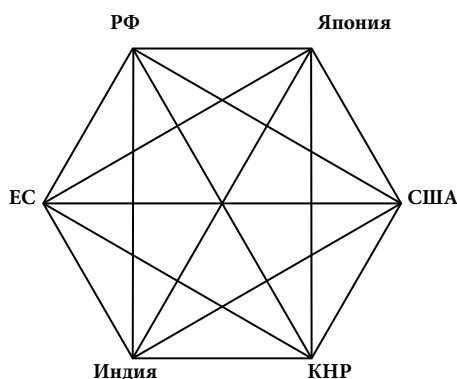

Рис. 6. Конфигурация стратегических треугольников современности
Figure 6. Configuration of the strategic triangles of modernity

ческое противостояние смещается на восток, в регион АТР и т.н. Индо-Пацифики; формируются новые геополитические альянсы. Рассмотрим конфигурацию основных стратегических треугольников в XXI в. (см. рис. 6), при этом в качестве вершин будем использовать топ-5 стран по материальному потенциалу (см. табл. 1), а также ЕС как единого актора.

Со времен «холодной войны» сохраняет свою значимость треугольник США–ЕС–Япония – основа западного мира и костяк «Группы семи». Формируются и контуры геополитического противостояния с альтернативными проектами (БРИКС, ШОС), основанными на треугольнике РФ–Индия–КНР (РИК), консолидирующем евразийское пространство.

Поскольку в БРИКС и ШОС влияние КНР становится определяющим, то США в контексте «новой биполярности» предпринимают попытки нейтрализовать альянсы с участием Китая. Особое значение при этом уделяется треугольнику США–Индия–Япония (и даже шире, четырехугольнику «Квад» с участием Австралии) в рамках американской концепции Индо-Пацифики. В вопросе формирования нового геостратегического региона США опираются на региональный треугольник Япония–Индия–Австралия. Страны Индо-Тихоокеанского региона, будучи заинтересованными в сдерживании Китая и являясь партнерами США в различных форматах взаимодействия по вопросам безопасности, создали условия формирования упомянутой ранее четверки.

У истоков такого сотрудничества лежат десятилетия взаимодействия как в рамках двусторонних отношений вершин регионального треугольника с США, так и между собой. Созданная в 1950-х годах система Сан-Франциско, или «*Hub and Spokes*», была построе-

на на двусторонних соглашениях между США и региональными партнерами для решения внешнеполитических задач США в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Богатуров, 1997]. В дальнейшем функционала двусторонних соглашений стало недостаточно и были созданы группы в формате ограниченной многосторонности – ANZUS (Австралия, Новая Зеландия и США), неформальный диалог США, Японии и Республики Корея по вопросам обеспечения безопасности на Корейском полуострове и сдерживания КНР в Восточной Азии, Трехсторонний стратегический диалог (США, Япония и Австралия), созданный в начале 2000-х для обеспечения стратегических гарантий безопасности в АТР, диалог по безопасности в рамках треугольника США–Индия–Япония, который ежегодно подтверждается совместными учениями в Индийском океане (Малабар), и другие ad-hoc группы.

Однако если Япония и Австралия уже были интегрированы в американскую систему союзов в АТР/ИТР и тесно взаимодействовали между собой [Satake, Hemmings, 2018], то Индия всегда предпочитала балансировать между различными форматами, сотрудничая одновременно в рамках РИК/ШОС и с США и региональными партнерами, сохраняя стратегическую неопределенность. Поэтому во многом задача «Квад» – это «вывести» Индию из альянса евразийских держав, а также осуществить стратегию военно-морского сдерживания КНР [Кортунов, 2018; Худайкулова, Рамич, 2020]. Ряд зарубежных исследователей даже высказываются в рамках реализации Индо-Тихоокеанской стратегии США о преимуществах стратегического треугольника США–Индия–Китай, при котором США будут выполнять роль арбитра для двух евразийских держав [Singh, 2016]. Указанные процессы демонстрируют намерения

США ослабить взаимодействие в Евразии за счет удаления Индии от работы в рамках РИК в пользу форматов с участием Соединенных Штатов.

В современных условиях снова становится актуальным традиционный треугольник США–КНР–РФ [Давыдов, 2015; Хуашэн, 2019], при этом США все также хотят сохранить за собой роль верховного арбитра. Проведенный нами анализ показал, что пока это им удается, так как отношения между США–КНР (за счет экономической и гуманитарной сферы) пока более сильные, чем отношения между РФ–КНР, несмотря на активное российско-китайское сотрудничество в политической и военной сферах. Помимо РИК привлекательным для России проектом является и стратегический треугольник ЕС–РФ–КНР в контексте построения «Большой Евразии» [Цвык, 2018].

Стратегические треугольники были и остаются важным инструментом геополитического балансирования в мировой политике. Вместе с тем в последние годы размывается само понятие стратегических треугольников, появляется терминологическая амбивалентность. В этом контексте важно выделять симметричные треугольники, включающие великие державы (на уровне системы международных отношений) или региональных лидеров (на уровне подсистем), и асимметричные треугольники, используемые как инструмент внешней политики отдельных стран для проецирования своей мощи на мировой арене. В условиях глобализации и тесной взаимосвязанности, когда практически не остается вопросов, которые можно решить исключительно в двустороннем формате, взаимодействие в рамках стратегических треугольников становится основным инструментом международно-

го взаимодействия, одновременно выступая и фундаментом для сотрудничества, и причиной конкуренции.

В XXI в. основные стратегические треугольники включают страны Азии (КНР, Япония, Индия), РФ, США и ЕС. Контуры глобального противостояния связаны с соперничеством треугольников Россия–Индия–Китай (РИК) и США–ЕС–Япония. В рамках американской концепции Индо-Пацифики инициируются новые стратегические треугольники (например, Индия–Япония–США), призванные сохранить американское лидерство в XXI в.

Список литературы

Алескеров Ф.Т., Курапова М.С., Мещерякова Н.Г., Миронюк М.Г., Швыдун С.В. (2016). Сетевой подход в изучении межгосударственных конфликтов // Политическая наука. № 4. С. 111–137 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27685865_15068490.pdf, дата обращения 21.04.2021.

Бжезинский З. (2018). Великая шахматная доска. М.: АСТ.

Богатуров А.Д. (1997). Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт-МОНФ.

Гантман В.И. (ред.) (1984). Система, структура и процесс развития современных международных отношений. М.: Наука.

Гаспринский И. (1896). Русско-восточное соглашение: мысли, заметки и пожелания Исмаила Гаспринского. Бахчисарай: Переводчик.

Давыдов А.С. (2015). Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектоники. М.: ИДВ РАН.

Дегтерев Д.А. (2015). Сетевой анализ международных отношений // Вестник

СПбГУ. Серия 6: Политология. Международные отношения. № 4. С. 119–138 // <http://vestnik.spbu.ru/html15/s06/s06v4/11.pdf>, дата обращения 21.04.2021.

Дегтерев Д.А. (2020). Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. М: Русайнс.

Дегтерев Д.А., Истомин И.А. (2015). Системное моделирование международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. № 11. С. 17–30. DOI: 10.20542/0131-2227-2015-59-11-17-30

Дегтерев Д.А., Никулин М.А., Рамич М.С. (ред.) (2021). Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ: научная монография. М.: РУДН.

Дегтерев Д.А., Степкин Е.А. (2013). Динамическое равновесие. Роль США в обеспечении военного превосходства Израиля на Ближнем Востоке // Азия и Африка сегодня. № 10. С. 19–25 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20339294_45832955.pdf, дата обращения 21.04.2021.

Дегтерев Д.А., Худайкулова А.В. (2018). Баланс сил в международно-политической науке: теоретические концепции и прикладной анализ // Национальная безопасность / Nota Bene. № 1. С. 1–12. DOI: 10.7256/2454-0668.2018.1.25193

Ефремова К.А. (2016). Неравновесные державы: Мьянма в стратегическом треугольнике «Китай–Индия–АСЕАН». М.: МГИМО–Университет.

Кортунов А.В. (2018). Индо-Пацифика или Сообщество единой судьбы? // РСМД. 28 мая 2018 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ili-soobshchestvo-edinoy-sudby/>, дата обращения 21.04.2021.

Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Миронюк М.Г., Полунин Ю.А., Тимофеев И.Н., Харитонов

ва О.Г., Ваславский Я.И. (2007). Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО–Университет.

Морозов Ю.В. (1) (2020). Пути нейтрализации угроз России в рамках стратегического треугольника «РФ–США–КНР». М.: ИДВ РАН.

Морозов Ю.В. (2) (2020). «Подводные камни» военно-политического сотрудничества России с США и Китаем // Проблемы Дальнего Востока. № 2. С. 21–36. DOI: 10.31857/S013128120009751-7

Подберезкин А.И., Боришполец К.П. (2014). Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки. М.: МГИМО–Университет.

Ромер Ж.-К. (2014). Веймарский треугольник и украинский кризис // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. № 4. С. 7–12 // <http://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/10396>, дата обращения 21.04.2021.

Салицкий А.И., Семенова Н.К. (2019). Подъем Китая и российско-китайское сближение // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 117–132. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-117-132

Троицкий М.А. (2008). «Иллюзии треугольников» в современных отношениях России с Западом // Международные процессы. № 3. С. 101–107 // <http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/830/Troitski-02.pdf>, дата обращения 21.04.2021.

Хуашэн Ч. (2019). «Новый треугольник» в отношениях между Китаем, Россией и США // Сравнительная политика. № 2. С. 69–85. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10017

Худайкулова А.В. (2016). Новое в управлении международными конфликтами // Международные процессы. Т. 14. № 4. С. 67–79. DOI: 10.17994/IT.2016.14.4.47.5

Худайкулова А.В. (2020). Геополитические треугольники в контексте конкуренции традиционных и восходящих центров силы // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 4. С. 53–73. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-3

Худайкулова А.В., Рамич М.С. (2020). «Квад 2.0»: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // *Полис*. № 3. С. 23–43. DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03

Цвык А.В. (2018). «Большая Европа» или «Большая Евразия»? В поиске новых идей для евразийской интеграции // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. Т. 18. № 2. С. 262–270. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-262-270

Юртаев В.И. (2017). Особенности региональной дипломатии Ирана в начале XXI века // *Касюк А.Я., Харичкин И.К., Полищук А.И. (ред.) Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии. Материалы Международной научно-практической конференции*. М.: МГЛУ. С. 30–35.

Ali S. (2017). *US-Chinese Strategic Triangles. Examining Indo-Pacific Insecurity*, Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-57747-0

Brzezinski Z. (1996). Geopolitical Pivot Points // *The Washington Quarterly*, vol. 19, no 4, pp. 206–216. DOI: 10.1080/01636609609550224

Caplow T. (1956). A Theory of Coalitions in the Triad // *American Sociological Review*, vol. 21, no 4, pp. 489–493. DOI: 10.2307/2088718

Caplow T. (1959). Further Development of a Theory of Coalitions in the Triad // *American Journal of Sociology*, vol. 64, no 5, pp. 488–493. DOI: 10.1086/222544

Desjardins J. (2017). *US Military Deployment by Country* // *Visual Capitalist*, March 18, 2017 // <http://www.visualcapitalist.com/u-s-military-personnel-deployments-country/>, дата обращения 21.04.2021.

Dittmer L. (1981). The Strategic Triangle: An Elementary Game-Theoretical Analysis // *World Politics*, vol. 33, no 4, pp. 485–515. DOI: 10.2307/2010133

Dobbins J., Shatz H., Wyne A. (2019). *Russia Is a Rogue, Not a Peer; China Is a Peer, Not a Rogue. Different Challenges, Different Responses*, Santa Monica: RAND Corporation. DOI: 10.7249/PE310

Fürtig H. (2007). Conflict and Cooperation in the Persian Gulf: The Interregional Order and US Policy // *Middle East Journal*, vol. 61, no 4, pp. 627–640. DOI: 10.3751/61.4.13

Husain A. (1982). The West, South Africa and Israel: A Strategic Triangle // *Third World Quarterly*, vol. 4, no 1, pp. 44–73. DOI: 10.1080/01436598208419607

Intriligator M., Luterbacher U. (eds.) (1994). *Cooperative Models in International Relations Research*, Berlin: Springer.

Jervis R. (1997). *System Effects: Complexity in Political and Social Life*, Princeton: Princeton University Press.

Kavanagh J. (2014). *U.S. Security-Related Agreements in Force since 1955. Introducing a New Database*, Santa Monica: RAND Corporation.

Kilgour M., Brams St. (1997). The Truel // *Mathematics Magazine*, vol. 70, no 5, pp. 315–326. DOI: 10.1080/0025570X.1997.11996570

Kissinger H. (1979). *White House Years*, Boston: Little, Brown and Co.

McDonald H.B., Rosecrance R. (1985). Alliance and Structural Balance in the International System: A Reinterpretation // *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 29, no 1, pp. 57–82. DOI: 10.1177/0022002785029001004

Partem M.G. (1983). The Buffer System in International Relations // *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 27, no 1, pp. 3–26. DOI: 10.1177/0022002783027001001

Reuben S., Dodd-Parr F. (2019). Examining the Immanent Dilemma of Small States in the Asia-Pacific: The Strategic Triangle between New Zealand, the US and China // *The Pacific Review*, vol. 32, no 1, pp. 90–112. DOI: 10.1080/09512748.2017.1417324

Satake T., Hemmings J. (2018). Japan-Australia Security Cooperation in the Bilateral and Multilateral Contexts // *International Affairs*, vol. 94, no 4, pp. 815–834. DOI: 10.1093/ia/iyy028

Singh A.G. (2016). India, China and the US: Strategic Convergence in the Indo-Pacific // *Journal of the Indian Ocean Region*, vol. 12, no 2, pp. 161–176. DOI: 10.1080/19480881.2016.1226752

Smith P. (2011). The China–Pakistan–United States Strategic Triangle: From Cold War to the “War on Terrorism” // *Asian Affairs: An American Review*, vol. 38, no 4, pp. 197–220. DOI: 10.1080/00927678.2011.604291

Sweijts T., Oosterveld W., Knowles E., Schellekens M. (2014). *Why Are Pivot States so Pivotal? The Role of Pivot States in Regional and Global Security*, Hague: The Hague Centre for Strategic Studies.

Zhang M. (1998). The Emerging Asia - Pacific Triangle // *Australian Journal of International Affairs*, vol. 52, no 1, pp. 47–61. DOI: 10.1080/10357719808445237

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-2

Strategic Triangles and Balancing in World Politics

Denis A. DEGTEREV

DSc in Politics, PhD in Economics, Professor, Head of the Department of Theory and History of International Relations

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), 117198, Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russian Federation;

Professor, Department of World Economy

MGIMO University, 119454, Vernadskogo Av., 76, Moscow, Russian Federation;

Professor, Department of European Studies

Saint Petersburg State University, 199034, Universitetskaya Emb., 7–9, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: Degterev-da@rudn.ru

ORCID: 0000-0001-7426-1383

Mirzet S. RAMICH

Candidate, Department of Theory and History of International Relations

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), 117198, Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russian Federation

E-mail: ramich_ms@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1479-2785

CITATION: Degterev D.A., Ramich M.S. (2021). Strategic Triangles and Balancing in World Politics. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 3, pp. 23–43 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-2

Received: 10.03.2021.

ACKNOWLEDGEMENT: The reported study was funded by RFBR within research project no 20-514-93003 “Russia and China in the global political space: harmonization of national interests in global governance”.

ABSTRACT. *Trilateral diplomacy is a common format of interaction in international relations, which forms various configurations of the balance of power within the framework of triangles. The concept of a “triangle” is characterized by ambivalence, has a variety of characteristics and principles of formation.*

The article provides an overview of the theoretical discourse on strategic triangles, as well as of practical examples of trilateral diplomacy of the past and present day. The main

characteristics of strategic triangles and the features of changes in their configuration are identified (the case of USA–PRC–USSR triangle). Classification of both symmetric and asymmetric triangles (unicenter and bicenter) are given, the concept of buffer states, as well as regional conflicts with the participation of a great power as a defender, are presented.

The most influential countries at the global and regional levels, forming geopolitical triangles, are identified basing on the Composite Index of National Capabi-

lity (CINC). The concept of pivot states is analyzed permitting to indicate relatively small but geopolitically important countries, forming triangles together with influential states.

The main strategic triangles of the modern world order are analyzed, presenting mostly countries of Asia (China, Japan, India), Russian Federation, USA and EU. The main trends of global competition based on geopolitical triangles in the XXI-st century are identified.

KEYWORDS: strategic triangle, regional triangles, tripartite diplomacy, world order, balance of power, containment, national capacity, pivot states.

References

- Aleskerov F.T., Kurapova M.S., Mescheryakova N.G., Mironyuk M.G., Shvydun S.V. (2016). The Network Approach in the Study of Interstate Conflicts. *Political Science*, no 4, pp. 111–137. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27685865_15068490.pdf, accessed 21.04.2021 (in Russian).
- Ali S. (2017). *US-Chinese Strategic Triangles. Examining Indo-Pacific Insecurity*, Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-57747-0
- Bogaturov A.D. (1997). *Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II. (1945–1995)*, Moscow: Konvert-MONF (in Russian).
- Brzezinski Z. (1996). Geopolitical Pivot Points. *The Washington Quarterly*, vol. 19, no 4, pp. 206–216. DOI: 10.1080/01636609609550224
- Brzezinski Z. (2018). *The Grand Chessboard*, Moscow: AST (in Russian).
- Caplow T. (1956). A Theory of Coalitions in the Triad. *American Sociological Review*, vol. 21, no 4, pp. 489–493. DOI: 10.2307/2088718
- Caplow T. (1959). Further Development of a Theory of Coalitions in the Triad. *American Journal of Sociology*, vol. 64, no 5, pp. 488–493. DOI: 10.1086/222544
- Davydov A.S. (2015). *Beijing, Washington, Moscow: Relations in the Context of Global Architectonics Transformation*, Moscow: IFES RAS (in Russian).
- Degterev D.A. (2015). Network Analysis of International Relations. *Vestnik (Herald) of St. Petersburg State University. Series 6: Political Science. International Relations*, no 4, pp. 119–138. Available at: <http://vestnik.spbu.ru/html15/s06/s06v4/11.pdf>, accessed 21.04.2021 (in Russian).
- Degterev D.A. (2020). *Assessing the International Balance of Power and the Formation of a Multipolar World*, Moscow: Rusains (in Russian).
- Degterev D.A., Istomin I.A. (2015). System Modeling of International Relations. *World Economy and International Relations*, no 11, pp. 17–30 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2015-59-11-17-30
- Degterev D.A., Khudaykulova A.V. (2018). Balance of Power in International Political Science: Theoretical Concepts and Applied Analysis. *National Security / Nota Bene*, no 1, pp. 1–12 (in Russian). DOI: 10.7256/2454-0668.2018.1.25193
- Degterev D.A., Nikulin M.A., Ramich M.S. (eds.) (2021). *The Balance of Power in Key Regions: Conceptualization and Applied Analysis: Scientific Monograph*, Moscow: RUDN University (in Russian).
- Degterev D.A., Stepkin E.A. (2013). Dynamic Equilibrium. The U.S. Role in Israel's Military Supremacy in the Middle East. *Asia and Africa Today*, no 10, pp. 19–25. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20339294_45832955.pdf, accessed 21.04.2021 (in Russian).
- Desjardins J. (2017). US Military Deployment by Country. *Visual Capitalist*, March 18, 2017. Available at: <http://www.visualcapitalist.com/u-s-military-per>

sonnel-deployments-country/, accessed 21.04.2021.

Dittmer L. (1981). The Strategic Triangle: An Elementary Game-Theoretical Analysis. *World Politics*, vol. 33, no 4, pp. 485–515. DOI: 10.2307/2010133

Dobbins J., Shatz H., Wyne A. (2019). *Russia Is a Rogue, Not a Peer; China Is a Peer, Not a Rogue. Different Challenges, Different Responses*, Santa Monica: RAND Corporation. DOI: 10.7249/PE310

Efremova K.A. (2016). *Unequal Powers: Myanmar in the China-India-ASEAN Strategic Triangle*, Moscow: MGIMO-University (in Russian).

Fürtig H. (2007). Conflict and Cooperation in the Persian Gulf: The Interregional Order and US Policy. *Middle East Journal*, vol. 61, no 4, pp. 627–640. DOI: 10.3751/61.4.13

Gantman V.I. (ed.) (1984). *The System, Structure and Process of Development of Modern International Relations*, Moscow: Nauka (in Russian).

Gasprinsky I. (1896). *The Russian-Eastern Agreement: Thoughts, Notes, and Wishes of Ismail Gasprinsky*, Bakhchisaray: Interpreter (in Russian).

Huasheng C. (2019). The “New Triangle” in China–Russia–U.S. Relations. *Comparative Politics*, no 2, pp. 69–85 (in Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10017

Husain A. (1982). The West, South Africa and Israel: A Strategic Triangle. *Third World Quarterly*, vol. 4, no 1, pp. 44–73. DOI: 10.1080/01436598208419607

Intriligator M., Luterbacher U. (eds.) (1994). *Cooperative Models in International Relations Research*, Berlin: Springer.

Jervis R. (1997). *System Effects: Complexity in Political and Social Life*, Princeton: Princeton University Press.

Kavanagh J. (2014). *U.S. Security-Related Agreements in Force since 1955. Introducing a New Database*, Santa Monica: RAND Corporation.

Khudaykulova A.V. (2016). Conflict Management in the New Century. *International Trends*, vol. 14, no 4, pp. 67–79 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2016.14.4.47.5

Khudaykulova A.V. (2020). Geopolitical Triangles in the Context of International Security. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 53–73 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-3

Khudaykulova A.V., Ramich M.S. (2020). Quad 2.0: A Quadrilateral Dialogue for Counterbalancing China in the Indo-Pacific. *POLIS*, no 3, pp. 23–43 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03

Kilgour M., Brams St. (1997). The Truel. *Mathematics Magazine*, vol. 70, no 5, pp. 315–326. DOI: 10.1080/0025570X.1997.11996570

Kissinger H. (1979). *White House Years*, Boston: Little, Brown and Co.

Kortunov A.V. (2018). Indo-Pacific or Community of Common Destiny? RIAC, May 28, 2018. Available at: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ili-soobshchestvo-edinoy-sudby/>, accessed 21.04.2021 (in Russian).

McDonald H.B., Rosecrance R. (1985). Alliance and Structural Balance in the International System: A Reinterpretation. *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 29, no 1, pp. 57–82. DOI: 10.1177/0022002785029001004

Melvil A.Y., Ilyin M.V., Meleshkina E.Y., Mironyuk M.G., Polunin Y.A., Timofeev I.N., Kharitonova O.G., Vaslavsky Y.I. (2007). *The Political Atlas of the Modern World. Multidimensional Statistical Analysis of Political Systems of Modern States*, Moscow: MGIMO-University (in Russian).

Morozov Yu.V. (1) (2020). *Ways to Neutralize Challenges and Threats to Russia's National Interests in the Framework of the “Strategic Triangle of Russia–USA–China”*, Moscow: RAS IFES (in Russian).

Morozov Yu.V. (2) (2020). “Pitfalls” of Russia's Military-Political Cooperation with the United States and China. *Far East*

tern Affairs, no 2, pp. 21–36 (in Russian). DOI: 10.31857/S013128120009751-7

Partem M.G. (1983). The Buffer System in International Relations. *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 27, no 1, pp. 3–26. DOI: 10.1177/0022002783027001001

Podberezkin A.I., Borishpolets K.P. (2014). *Some Aspects of the Analysis of the Military and Political Situation*, Moscow: MGIMO-University (in Russian).

Reuben S., Dodd-Parr F. (2019). Examining the Immanent Dilemma of Small States in the Asia-Pacific: The Strategic Triangle between New Zealand, the US and China. *The Pacific Review*, vol. 32, no 1, pp. 90–112. DOI: 10.1080/09512748.2017.1417324

Romer J.-C. (2014). The Weimar Triangle and the Ukrainian Crisis. *Vestnik RUDN. International Relations*, no 4, pp. 7–12. Available at: <http://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/10396>, accessed 21.04.2021 (in Russian).

Satake T., Hemmings J. (2018). Japan–Australia Security Cooperation in the Bilateral and Multilateral Contexts. *International Affairs*, vol. 94, no 4, pp. 815–834. DOI: 10.1093/ia/iyy028

Salitsky A.I., Semenova N.K. (2019). Rise of China and Russian-Chinese Rapprochement. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 117–132 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-117-132

Singh A.G. (2016). India, China and the US: Strategic Convergence in the Indo-Pacific. *Journal of the Indian Ocean Region*, vol. 12, no 2, pp. 61–176. DOI: 10.1080/19480881.2016.1226752

Smith P. (2011). The China–Pakistan–United States Strategic Triangle: From Cold War to the “War on Terrorism”. *Asian Affairs: An American Review*, vol. 38, no 4, pp. 197–220. DOI: 10.1080/00927678.2011.604291

Sweijts T., Oosterveld W., Knowles E., Schellekens M. (2014). *Why Are Pivot States so Pivotal? The Role of Pivot States in Regional and Global Security*, Hague: The Hague Centre for Strategic Studies.

Troitsky M.A. (2008). “Illusions of Triangles” in Russia’s Contemporary Relations with the West. *International Trends*, no 3, pp. 101–107. Available at: <http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/830/Troitski-02.pdf>, accessed 21.04.2021 (in Russian).

Tsvyk A.V. (2018). “Greater Europe” or “Greater Eurasia”? In Search of New Ideas for Eurasian Integration. *Vestnik RUDN: Sociology*, vol. 18, no 2, pp. 262–270 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-262-270

Yurtaev V.I. (2017). Peculiarities of Iran’s Regional Diplomacy at the Beginning of the 21st Century. *Cooperation between Russia and Iran in Political, Economic and Cultural Areas as a Factor in Strengthening Peace and Security in Eurasia. Proceedings of the International Scientific-Practical Conference* (eds. Kasyuk A.Y., Khari-chkin I.K., Polischuk A.I.), Moscow: Moscow State Linguistic University, pp. 30–35 (in Russian).

Zhang M. (1998). The Emerging Asia – Pacific Triangle. *Australian Journal of International Affairs*, vol. 52, no 1, pp. 47–61. DOI: 10.1080/10357719808445237

С точки зрения экономики

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-3

Требования к внешнеэкономическим связям в контексте достижения целей развития российской экономики

Александр Александрович ШИРОВ

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 117418, Нахимовский
проспект, д. 47, Москва, Российская Федерация
E-mail: schir@ecfor.ru
ORCID 0000-0003-0806-9777

Михаил Сергеевич ГУСЕВ

кандидат экономических наук, заведующий лабораторией
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 117418, Нахимовский
проспект, д. 47, Москва, Российская Федерация
E-mail: m.gusef@mail.ru
ORCID 0000-0002-8858-2206

ЦИТИРОВАНИЕ: Широв А.А., Гусев М.С. (2021). Требования к внешнеэкономическим связям в контексте достижения целей развития российской экономики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 3. С. 44–62. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-3

Статья поступила в редакцию 09.03.2021.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется текущее состояние российской внешней торговли и ее влияние на развитие экономики. Рассматриваются основные изменения, которые произошли в мировой экономике в период кризиса, вызванного пандемией нового коронавируса. Делается вывод, что большинство тенденций, сформировавшихся в мировой экономике перед кризисом, скорее всего получат дополнительное ускорение после его окончания. В связи с этим для традиционных товаров российского экспорта могут сформироваться дополнительные ограничения. Констатируется, что внешняя торговля должна стать одним из ключевых факторов,

обеспечивающих устойчивость российской экономики в средне- и долгосрочной перспективе. Определяются требования к платежному балансу и валютному курсу, обеспечивающие устойчивость макроэкономической динамики и параметров внешней торговли. При текущих тенденциях изменения параметров мировой экономики и торговли следует исходить из того, что в течение ближайших 15 лет структура российского экспорта не претерпит существенных изменений. Это означает, что на ближайшие 15 лет развитие экспортного потенциала ТЭК, диверсификация географии поставок энергоресурсов остается одной из ключевых задач

внешнеэкономической стратегии. Оцениваются ключевые ограничения развития интеграционных процессов на пространстве Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: внешняя торговля, экономический рост, курс рубля, платежный баланс, ЕАЭС.

Введение

Последнее десятилетие развития российской экономики характеризовалось достаточно низкими темпами экономического роста и снижением темпов роста потенциального выпуска [Орлова, Белоусов, Галимов, 2020]. Среди прочих негативных последствий замедление темпов экономического роста привело к достаточно существенному нарастанию отставания нашей страны

от развитых экономик мира и общему ухудшению конкурентоспособности России в мировой экономике.

Даже с учетом того, что Россия понесла относительно меньше экономических потерь по сравнению с большинством крупных экономик мира в условиях пандемии нового коронавируса, отставание в экономическом развитии, накопившееся в период после глобального кризиса 2008–2009 гг., остается достаточно сильным.

Часто замедление темпов экономического роста связывается с санкциями, которые были наложены на Россию после 2014 г. [Гурвич, Прилепский, 2016]. С этим можно согласиться, так как риски внешнего давления заставили формировать определенные защитные механизмы и дополнительные объемы резервов, но лишь отчасти.

Не менее значительным фактором снижения темпов роста стало исчерпа-

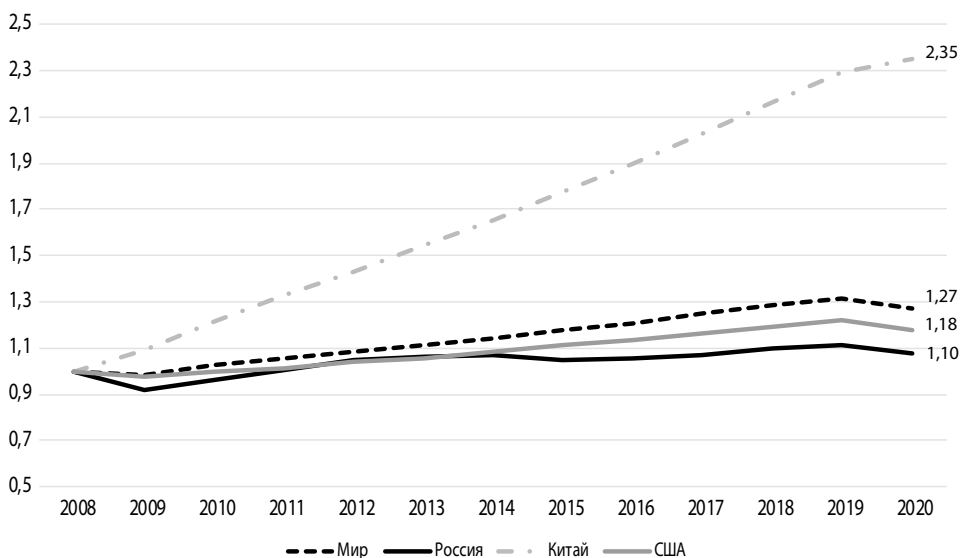

Рис. 1. Динамика ВВП, 2008 г. = 1

Figure 1. GDP dynamics, 2008 = 1

Источник: Всемирный банк, МВФ.

ние возможностей российских сырьевых секторов по наращиванию объема доходов, которые могли бы перераспределяться внутри российской экономики. С учетом высокой зависимости от импорта это стало причиной перехода всей экономической системы в режим стагнации. При этом государство, решавшее вопрос финансовой устойчивости экономики в условиях санкций, было не готово активно поддерживать рост за счет использования накопленных резервов.

К другим факторам замедления экономического роста после 2014 г. можно отнести снижение вклада прироста трудовых ресурсов в экономическую динамику и замедление темпов роста производительности труда из-за существенного замедления инвестиционной активности [Орлова, Белоусов, Галимов, 2020].

2020 г. стал существенным испытанием для всей мировой экономической системы. Он поставил под вопрос казавшиеся незыблемыми принципы свободной торговли, передвижения граждан и другие фундаментальные основы современной мировой экономической системы. При этом первые открытые действия по пересмотру рыночных свобод в масштабах всей мировой экономики были предприняты США еще в 2018 г. с развязыванием торговых войн.

Для российской экономики прошедший год характеризовался существенным положительным вкладом фактора чистого экспорта в формирование экономической динамики. При общем снижении ВВП на 3,1%, чистый экспорт обеспечил 2 проц. п. положительного вклада в экономическую динамику, что позволило, например, полностью компенсировать негативный вклад в ВВП такого важного элемента, как инвестиции (-1,4 проц. п.).

Как показывает анализ, спрос на сырьевую продукцию российских экспор-

теров в мире снижался медленнее, чем на товары конечного потребления. Такая динамика, характерная и для предыдущих экономических кризисов, позволяет рассматривать российский сырьевой экспорт как основу макроэкономической стабильности как минимум в среднесрочной перспективе. Однако этого недостаточно для устойчивого роста. Требуются другие факторы, которые позволят обеспечить российской экономике более высокую динамику. При этом очевидно, что без увеличения доходов от внешнеэкономической деятельности решить эту задачу не представляется возможным.

По нашим оценкам, экономическая инерция, определяемая качеством производственного потенциала, демографическими тенденциями и структурными особенностями российской экономики, позволяет обеспечить в среднесрочной перспективе темпы экономического роста не выше 1,6–1,8% [Широв, 2020]. Таких темпов экономического роста будет недостаточно для того, чтобы решить задачу модернизации экономики, повышения уровня и качества жизни населения. Более того, такие темпы экономического роста будут способствовать ухудшению конкурентоспособности нашей экономики в мире.

Сценарные оценки, предполагающие использование имеющегося потенциала роста, говорят о том, что в период 2021–2025 гг. достижимыми являются среднегодовые темпы экономического роста в 3,0–3,2% [Широв, 2020].

Такая динамика становится возможной при использовании потенциала внутреннего рынка. Не менее 0,6 проц. п. дополнительного прироста ВВП обеспечивается потреблением домашних хозяйств и еще 0,4 проц. п. за счет наращивания инвестиций в основной капитал. Кроме того, за счет активной бюджетной политики вклад государ-

ственного потребления в экономическую динамику составит еще 0,3 проц. п. Однако даже активное задействование потенциала внутреннего спроса дает возможность увеличить среднегодовые темпы роста с 1,6 до 2,9%. Однако рост нормы накопления в структуре ВВП до 25% неизбежно приведет к росту технологического импорта. В рамках описанного сценария ускорения темпов роста ВВП это означает вычет из экономического роста примерно 0,2 проц. п. Для его компенсации необходим положительный вклад в экономическую динамику экспорта на уровне 0,2–0,3 проц. п. Этот простой иллюстративный счет показывает те требования, которые возникают к внешнеэкономической динамике в среднесрочной перспективе.

Наряду с основными целями и задачами национального развития требования к наращиванию экспорта зафиксированы в Указе Президента РФ о национальных целях развития России до 2030 г.¹ В частности, установлен целевой ориентир по наращиванию экспорта несырьевых неэнергетических товаров на 70% к 2030 г. относительно 2020 г.

Пандемия коронавируса и глобальные вызовы

Пандемия COVID-19 спровоцировала наступление глобального социально-экономического кризиса, который превосходит по глубине экономического спада все кризисы в период после окончания Второй мировой войны.

Истинный масштаб и последствия пандемии станут ясны только после ее окончания. Тем не менее уже сейчас можно сформулировать и попытаться

ответить на ряд вопросов, проясняющих природу и развитие текущего кризиса, что в конечном счете будет способствовать выработке эффективной социально-экономической политики, соответствующей новым глобальным вызовам.

До сих пор ни одна из пандемий в послевоенный период не спровоцировала кризис мировой экономики. В этой связи актуальной становится задача по оценке того, как пандемия нового коронавируса изменила мировую экономику. Для ответа на данный вопрос следует рассмотреть влияние пандемии на ключевые тренды глобального развития: глобализацию; скорость технологического развития; долгосрочные темпы роста; накопление долгов; изменение структуры мирового энергобаланса.

Судя по торговым войнам 2018–2019 гг., динамике внешней торговли и характеристикам глобальных цепочек создания стоимости, глобализация сильно замедлилась и сложились все предпосылки для разворота этой тенденции, под влиянием которой формировалась экономическая динамика в мире на протяжении последних десятилетий [Constantinescu, Mattoo, Ruta, 2015].

Увеличение зависимости развитых стран от импорта промышленной продукции, в том числе высокотехнологичной, дисбалансы во внешней торговле и растущее социальное неравенство наряду с финансовыми ограничениями глобального характера заставили крупнейшие развитые страны отойти от следования идеям свободной конкуренции в международной торговле, что можно, например, проследить в политике США относительно импорта стали и алюминия [The Effect of Imports of Steel on the National Security, 2018]. На

¹ Указ Президента Российской Федерации о национальных целях развития России до 2030 г. от 21 июня 2020 г.

практике это выразилось в росте государственного протекционизма, стремлении обеспечить конкурентоспособность национальных производителей за счет заниженного валютного курса, ограничений на импорт товаров, различного рода санкций.

Дальнейшее углубление глобализации натолкнулось на ограничения фундаментального характера, главным из которых является неготовность развитых стран (по ряду причин: от потери рабочих мест и подрыва производственного потенциала базовых отраслей реального сектора до потери позиций на рынках высокотехнологичной продукции) отдавать все большую долю внутреннего рынка зарубежным производителям (в особенности наукоемкой продукции) [Гусев и др., 2018].

Пандемия нанесла очередной удар по глобализации, так как в условиях частичного закрытия рынков и сокращения внешнего спроса страны стараются стать менее зависимыми от импортных поставок, по крайней мере там, где это возможно. Таким образом, пандемия стала акселератором уже фактически сложившейся тенденции на деглобализацию.

На протяжении последних десятилетий наблюдалось бурное развитие цифровой экономики, и пандемия нового коронавируса лишь усилила потребность в новых технологиях и простимулировала развитие цифровой экономики по многим направлениям – от технологий дистанционного взаимодействия (медицина, образование, управление производством) до технологий социального контроля. Акции технологических компаний даже в период самого масштабного мирового кризиса со времен Великой депрессии по итогам 2020 г. продемонстрируют значительный рост, существенно опережая динамику капитализации компаний из других секторов эконо-

мики. Приток дешевого капитала будет стимулировать инновационную активность. Если риск дальнейших пандемий будет закладываться инвесторами, то это ускорит автоматизацию труда. В результате в отношении технологического развития пандемия также выступает акселератором тенденций, сложившихся до 2020 г.

Тенденции накопления глобального долга (по отношению к ВВП) уже несколько десятков лет. Перед кризисом 2020 г. в мировой экономике уже наблюдались признаки перекредитованности во многих развитых и развивающихся экономиках. Как указывает Мировой банк [Kose et al., 2020], доля стран со средним и низким уровнем доходов и государственным долгом, не превышающим 30% валового национального дохода, сократилась с 42% в 2007 г. до 25% в 2018 г. Масштабные бюджетные и монетарные стимулы, направленные на предотвращение последствий борьбы с пандемией по всему миру, только ускорили динамику накопления долга и привели к обнулению процентных ставок центробанками развитых стран. Из текущего кризиса многие развитые страны выйдут с отношением государственного долга к ВВП, превышающим 100% с достаточно неопределенными перспективами относительно снижения долговой нагрузки. Таким образом, и в случае с тенденцией наращивания долговой нагрузки пандемия только ускорила те тренды, которые наблюдались как минимум все последние десятилетия.

Долгосрочные прогнозы, которые публиковались до 2020 г., демонстрировали тенденцию к замедлению мировой экономической динамики в долгосрочной перспективе [The Long View..., 2018] главным образом под влиянием демографических факторов и окончания второй индустриализации в развивающихся странах. Вряд ли пандемия мо-

жет способствовать переводу мировой экономики в режим повышенных темпов роста. Скорее наоборот, дополнительные ограничения роста, обусловленные текущим кризисом, приведут к замедлению темпов в будущем относительно прежних прогнозов.

Пандемия привела к существенно-му снижению глобального спроса на энергоресурсы. Кроме того, агрессивная климатическая политика стран ЕС приводит к тому, что ряд долгосрочных прогнозов [BP Energy Outlook., 2020] исходит из гипотезы значительного роста в структуре мирового энергобаланса возобновляемых источников энергии. Учитывая установки энергетической политики ряда стран снизить долю углеводородов в энергобалансе, вполне вероятно, что пик глобального спроса на углеводороды сейчас стал ближе, чем это ожидалось ранее.

Климатическая политика рассматривается рядом стран как инструмент дополнительных структурных сдвигов, который может придать ускорение темпам экономического роста за счет реализации технологической ренты, перераспределения доходов и создания конкурентных преимуществ на отдельных рынках. В первую очередь так действуют страны, обладающие соответствующими технологиями. Продвигаемая ими климатическая повестка в среднесрочной перспективе преследует экономические цели и уже затем решает задачи по позитивным изменениям климата [Порфирьев, 2019].

Агрессивное продвижение концепции углеродной нейтральности со стороны Европейского союза (ЕС) предполагает перекладывание издержек европейского бизнеса на внешних игроков, прежде всего осуществляющих экспорт своей продукции в ЕС. Одним из средств для решения этой задачи выступает трансграничное углеродное регулирование (ТУР).

По нашим оценкам, при текущей стоимости тонны CO₂ в размере 25 евро потери российских экспортеров в условиях 2021 г. могли бы составлять до 4 млрд евро в случае обложения прямых выбросов при производстве российских товаров, экспортируемых в ЕС [Порфирьев, Широв, Колпаков, 2020].

После возвращения США в Парижское соглашение агрессивные тенденции в климатической политике могут получить новый импульс. В результате климатическая политика становится одним из ключевых нетарифных барьеров в торговле, оказывающим непосредственное воздействие на параметры внешней торговли и экономическую динамику в нашей стране.

Таким образом, пандемия COVID-19 способствовала ускорению ключевых тенденций глобального развития, сложившихся до 2020 г. Это означает, что отличие мира после пандемии нового коронавируса от мира «до» по крайней мере в перспективе до 10 лет будет заключаться главным образом в скорости происходящих изменений. Мировая экономика будет меняться быстрее, но по «старым» направлениям, сложившимся до кризиса 2020 г.

Если гипотеза о роли акселератора в отношении текущей пандемии верна, тогда следует исходить из того, что ключевые тенденции развития мировой экономики сохранятся, но скорость изменений в этой сфере возрастет. Это будет формировать новые вызовы для российской экономики и предъявлять новые требования к вкладу в экономическую динамику со стороны внешней торговли.

В конечном счете данные вызовы сводятся к ужесточению требований по сокращению существующего отставания России от развитых стран и Китая в научно-технологической сфере [Алюкин и др., 2015].

Внешняя торговля и курс рубля

В современном мире тарифные ограничения внешней торговли играют все меньшую роль в трансграничном движении товаров. На этом фоне возрастает значение нетарифных мер в торговле. При этом одним из важнейших факторов, формирующих защиту внутренних рынков от нежелательных потоков импорта, остается валютный курс. Однако использование курсового фактора для регулирования внешней торговли требует определенного искусства. Избыточно слабый курс национальной валюты может стать препятствием для развития производств, использующих импортные компоненты или осуществляющих модернизацию за счет импортного оборудования и технологий. Напротив, крепкий курс

может препятствовать развитию внутренних производств на фоне конкуренции с импортной продукцией. Приемлемый курс валюты, особенно в условиях его свободного рыночного образования, во многом зависит от сложившихся пропорций торгового баланса.

В российском экспорте доля энергии, сырья и продукции первичных переделов традиционно высока. С 1996 г. (с этого года данные таможенной статистики о внешней торговле товарами стали формироваться в электронном виде) по 2014 г. доля сырьевых товаров в экспорте товаров увеличивалась с 68 до 81% (рис. 2). За тот же период доля энергоресурсов в экспорте товаров возросла с 42 до 69%.

В 2015–2020 гг. из-за падения мировых цен на сырьевые товары и сокра-

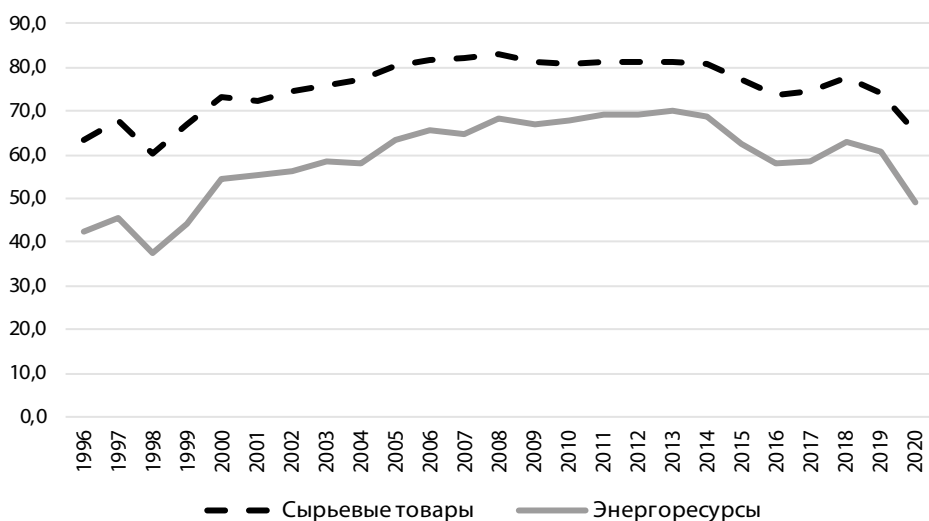

Рис. 2. Доля сырьевых товаров и энергоресурсов в российском экспорте товаров (в стоимостном выражении)

Figure 2. Share of commodities and energy resources in Russian exports in goods (in value terms)

Источник: данные ЦБ, ФТС, расчеты ИНП РАН.

Примечание. Сырьевые товары: углеводороды, минеральные удобрения, древесина и лесоматериалы, черные и цветные металлы, зерно.

щения мирового спроса в результате пандемии коронавируса их доля в экспорте сократилась до 65%. Вместе с тем, учитывая восстановление спроса и мировых цен на нефть, металлы и другие сырьевые товары в 2021 г., стоит ожидать постепенного восстановления значимости первичного сырья и углеводородов в российском экспорте.

Если рассматривать стоимостные объемы, то в 2020 г. экспорт сырьевых товаров составил 215 млрд долл., в том числе – экспорт углеводородов 161 млрд долл. Экспорт нессырьевых товаров составил 115 млрд долл., из которых 13 млрд долл. пришлось на вооружения и военную технику.

Расчеты внешнего спроса на сырьевые товары, учитывающие темпы экономического роста стран-партнеров, динамику материалоемкости, показывают, что в долгосрочной перспективе физический объем потребления сы-

рьевых товаров будет увеличиваться не более чем на 2% в год. Физический объем экспорта нессырьевых товаров, с учетом перспективной динамики конечного спроса стран – торговых партнеров, имеет потенциал роста до 4,5% в год. При этом предполагается, что экспорт вооружений и военной техники (12–15% от нессырьевого экспорта) будет расти темпом не выше 2% в год.

Даже в сценарии сохранения относительно низких цен на нефть в 65 долл. за барр. (в текущих ценах) до конца 2035 г. структура российского экспорта товаров изменится незначительно (рис. 3).

При реализации гипотезы сохранения относительно низких цен на углеводороды доля сырьевых товаров в экспорте сократится с 74% в 2019 г. до 63% в 2035 г. Доля углеводородов в российском экспорте снизится за рассматриваемый период с 61 до 47%.

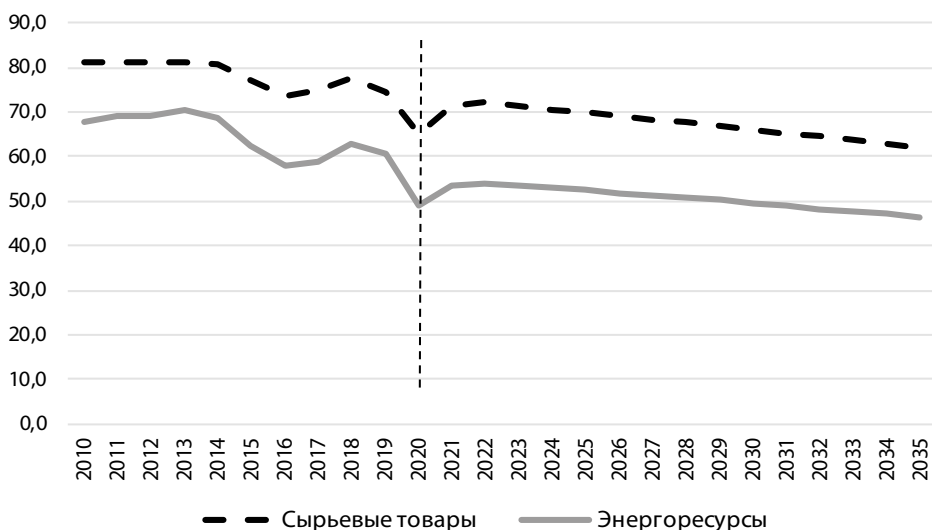

Рис. 3. Изменение структуры российского экспорта товаров (в стоимостном выражении)
Figure 3. Changes in the structure of Russian exports in goods (in value terms)

Источник: данные ЦБ, ФТС, расчеты ИНП РАН.

Данные оценки показывают, что роль энергосырьевого сектора в формировании экспорта, счета текущих операций платежного баланса и стабильности финансовой системы в целом будет оставаться исключительно высокой.

Реализация конструктивного сценария долгосрочного развития, предполагающая выход на среднегодовые темпы экономического роста выше 3,0% и их удержание на длительном интервале, повлечет за собой неизбежный рост спроса на импортные товары. Особенно остро проблема с ростом импорта будет стоять на первом этапе реализации долгосрочной стратегии развития, так как модернизация производственной базы промышленности и других секторов экономики неизбежно приведет к росту спроса на импортное оборудование.

Если потребности в импорте не смогут быть покрыты за счет поступления валютной выручки от экспорта (рассчитывать на значимый приток прямых инвестиций из-за рубежа в условиях санкций не приходится), это приведет либо к дестабилизации валютного рынка и обесценению рубля, либо к недостаточному предложению импортного оборудования на внутреннем рынке. В любом случае недостаточные объемы экспорта будут оказывать негативное влияние на экономическую динамику. Таким образом, стратегической задачей развития внешней торговли является обеспечение достаточности валютных поступлений от экспорта для обеспечения стабильности обменного курса и обновления активной части производственных фондов в экономике, в том числе за счет импорта.

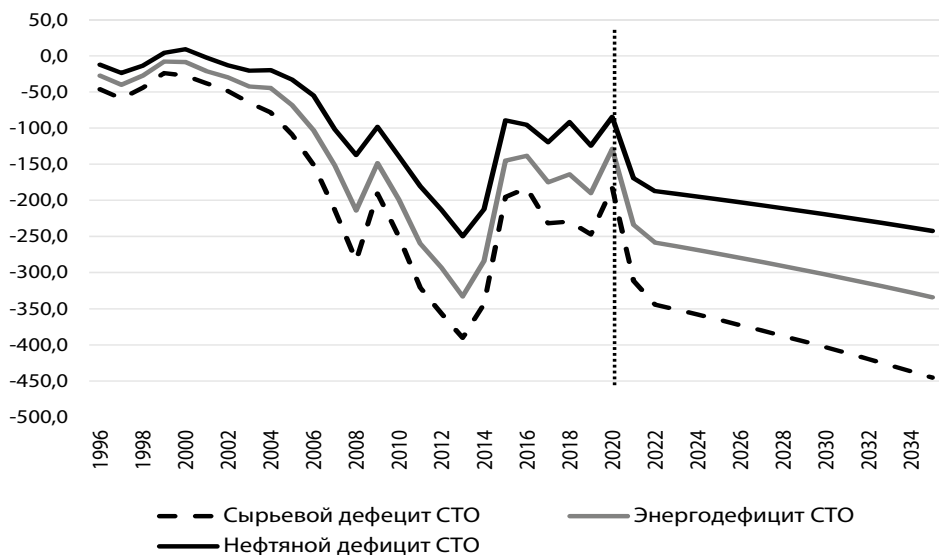

Рис. 4. Зависимость счета текущих операций от экспорта сырья, млрд долл. (сальдо счета текущих операция за вычетом экспорта сырьевых товаров)

Figure 4. Dependence of the current account on the export of raw materials, USD billion (current account balance, net of commodity exports)

Источник: данные ЦБ, ФТС, расчеты ИНП РАН.

При всей важности развития несырьевого экспорта, он сможет достичь существенных объемов, которые бы перевесили влияние экспорта сырьевых товаров, только за пределами 2035–2040 гг. Это означает, что на ближайшие 15 лет развитие экспортного потенциала ТЭК, диверсификация географии поставок энергоресурсов остается одной из ключевых задач внешнеэкономической стратегии (см. рис. 4).

Необходимо отметить, что политика в отношении импорта не менее важна, чем развитие экспорта. Даже в сценарии роста сырьевого экспорта в среднем на 2% в год в российской экономике будет формироваться девальвационный потенциал. В период 2030–2035 гг. для сохранения нулевого или слабоположительного сальдо счета текущих операций необходима будет корректировка стоимости рубля.

Основным фактором снижения рисков обесценения рубля является нормализация присутствия импорта на внутреннем рынке. Даже в условиях сохранения сырьевого экспорта в ближайшие 15 лет на уровне 2021 г. снижение доли импорта на внутреннем рынке на 30% к 2035 г. обеспечит удержание курса рубля ниже отметки в 70 руб. за долл. (см. рис. 5).

Анализ изменения пропорций импорта во внутреннем потреблении позволяет говорить о том, что в российской экономике сформировалась устойчивая зависимость от ввозимой продукции (табл. 1), но при этом также прослеживается достаточно высокая эластичность уровня импорта в потреблении от колебаний курса рубля.

Можно отметить, что в периоды существенного ослабления курса, например в 2015 г., доля импорта в

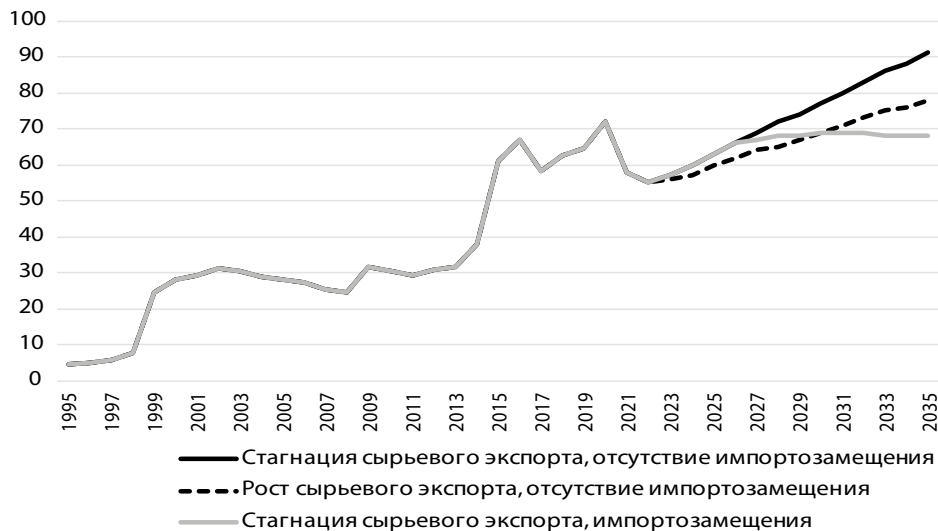

Рис. 5. Курс рубля (руб. за долл.), обеспечивающий нулевое сальдо счета текущих операций в различных сценариях

Figure 5. The ruble exchange rate (ruble / USD) that provides a zero current account balance in various scenarios

Источник: данные ЦБ, расчеты ИМП РАН.

потреблении по большинству значимых позиций снижалась, но затем, по мере стабилизации в экономике и на валютном рынке импорт вновь восстанавливал свои позиции. Исключением являлись те виды деятельности, где реализовывались масштабные программы импортозамещения.

Изменение курса рубля, безусловно, оказывает важное стабилизирующее влияние на состояние торгового баланса и экономической динамики. В то же время перманентное ослабление курса является не чем иным, как фактором сдерживания внутреннего спроса, как потребительского, так и инвестиционного. В связи с этим наиболее действенным направлением снижения зависимости экономики от курсовых колебаний и импорта является преодоление технологического отставания нашей страны в базовых технологиях производства, используемых в реаль-

ном секторе. В этом случае рост доходов бизнеса и государства будет реализовываться за счет отечественных производителей, создавая благоприятные условия для формирования платежного баланса.

Взаимодействия в ЕАЭС

Одним из важных направлений интенсификации вклада внешнеэкономической деятельности на развитие экономики могут стать интеграционные процессы на постсоветском пространстве.

В условиях нарастания тенденций регионализации для Евразийского экономического союза (ЕАЭС) увеличиваются риски, связанные с ухудшением конкурентоспособности интеграционного объединения. Наиболее существенные из них связаны с нарастанием центробежных тенденций, при которых

Таблица 1. Зависимость от импорта в российской экономике, в % от потребления
Table 1. Dependence on imports in the Russian economy, % of consumption

	2013 г.	2015 г.	2018 г.	2013 г.	2015 г.	2018 г.
	в целом по экономике			домашних хозяйств		
Продукция и услуги сельского хозяйства и охоты	10.4	10.0	10.3	20.6	19.6	21.2
Продукты пищевые и напитки	10.8	11.0	7.1	17.3	13.8	17.8
Вещества химические, продукты химические	25.8	24.5	22.9	68.6	59.6	58.4
Изделия резиновые и полимерные	25.2	23.9	25.1	46.7	43.3	55.5
Машины и оборудование	41.1	40.1	51.9	63.4	56.9	57.8
Электрические машины и электрооборудование	34.6	31.2	36.6	60.8	57.4	76.7
Компоненты электронные; аппаратура для радио, телевидения и связи	40.3	41.7	44.0	64.2	99.3	86.3
Автотранспортные средства, прицепы и полуприцепы	34.3	28.6	30.0	44.3	41.9	30.8

Источник: таблицы «затраты–выпуск» Росстата, расчеты ИНП РАН.

страны будут предпочитать выстраивать двусторонние отношения с внешним окружением, минуя институты ЕАЭС. Противопоставить этому можно только расширение интеграционных связей, формирующее дополнительные доходы для всех стран-участниц.

До настоящего момента остается нереализованным потенциал развития сотрудничества внутри ЕАЭС. Например, по данным Евразийской комиссии за 2010–2019 гг., взаимный товарооборот Беларуси, Казахстана и России увеличился с 2,6 до 3,1% ВВП этих стран, тогда как совокупный товарооборот данных стран вырос с 40,5 до 43,3% их ВВП. Объяснялось это тем, что за облегчением условий торговли и унификацией законодательства не последовали действия по развитию производственной кооперации, финансированию крупных инфраструктурных проектов, развитию научно-технического сотрудничества [Широв, 2016].

Особенностью ЕАЭС является экономическое доминирование России в составе интеграционного объединения. На ее долю приходится свыше 85% совокупного ВВП союза. В этих условиях стагнация темпов роста российской экономики не могла не ска-

заться и на динамике развития интеграционных связей.

Анализ текущего уровня кооперационных связей среди стран ЕАЭС показывает их крайне низкий уровень. Наиболее значимым образом экономики реагируют, что естественно, на рост конечного спроса в России. Относительно значимые эффекты существуют во взаимоотношениях Казахстана и Беларуси, а также Казахстана и Киргизии (табл. 2). Расчеты проводились при помощи леонтьевской статической модели межотраслевого баланса:

$$X = (E - A)^{-1} \cdot Y, \quad (1)$$

где X – вектор валового выпуска; E – единичная матрица; A – матрица коэффициентов прямых затрат; Y – вектор конечного спроса [Саяпова, Широв, 2019].

Модель интеграционного объединения представляет собой разновидность симметричной таблицы типа «затраты – выпуск», которая содержит данные по видам деятельности о промежуточном потреблении и конечном спросе в разрезе стран ЕАЭС. Таким образом появляется возможность оценить, насколько, при прочих равных условиях, изменятся показатели выпуска во всех странах союза при изменении по-

Таблица 2. Рост валового выпуска по странам ЕАЭС (строка) в результате увеличения конечного спроса в каждой из стран на 10% (столбец), в %

Table 2. The growth of gross output in the EAEU countries (in rows) as a result of increase in final demand in each of the countries by 10% (in columns), %

	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Россия
Армения	9,9182	0,0028	0,0002	0,0001	0,0047
Беларусь	0,0013	9,2628	0,0052	0,0030	0,0746
Казахстан	0,0016	0,0241	9,7174	0,1205	0,0464
Киргизия	0,0005	0,0025	0,0190	9,7095	0,0056
Россия	0,0784	0,7079	0,2582	0,1669	9,8687

Источник: ЕЭК-интегрированные таблицы «затраты–выпуск» стран ЕАЭС. Подробнее о методологии расчета мультипликаторов конечного спроса см. в: [Саяпова, Широв, 2019].

казателей конечного спроса (в целом или в отдельном виде деятельности) в одной из них. В данной работе мы остановились только на обобщающих показателях производственной связанности между экономиками стран – участниц ЕАЭС, хотя понятно, что имеющийся инструментарий позволяет это делать и на менее агрегированном уровне.

Анклавный статус Армении в ЕАЭС, по-видимому, является причиной того, что эта страна имеет минимальный уровень связанности с другими странами союза. Сколь-нибудь значимый отклик в экономике Армении происходит только на увеличение конечного спроса в российской экономике.

Так как страны ЕАЭС достаточно сильно различаются по масштабу экономики, то более наглядно уровень кооперационных связей может быть выражен в стоимостном изменении выпуска (табл. 3).

Например, рост выпуска в экономике Беларуси в результате роста конечного спроса в России на 10% будет эквивалентен 1,1% ВВП этой страны, для Казахстана это будет 0,4% и для Киргизии 0,3%.

В свою очередь при увеличении конечного спроса в Казахстане на 10%

можно ожидать роста выпуска в Киргизии на величину, эквивалентную 0,2% ВВП этой страны, а в России на 0,1%.

Рост конечного спроса в Беларуси формирует дополнительный объем спроса в России, эквивалентный 0,1% ВВП.

Приведенные цифры еще раз демонстрируют фрагментированность производственных связей на пространстве ЕАЭС. Понятно, что в таких условиях трудно рассчитывать на значимые эффекты сотрудничества. Более того, отсутствие значимой положительной связи между динамикой экономик – лидеров интеграционного объединения и стран с более низким уровнем экономического развития осложняет решение задачи сближения параметров эффективности экономик союза.

Наряду с объективными причинами достаточно низкий эффект от взаимодействий в производственной сфере определяется текущей моделью интеграции, которая в значительной степени повторяет опыт ЕС, в котором лидирующими направлениями являются расширение союза и развитие его институтов.

Что касается расширения евразийской интеграции, то в обозримой пер-

Таблица 3. Рост выпуска по странам ЕАЭС (строка) в результате увеличения спроса в странах на 10%, в млн долл. США

Table 3. The growth of output in the EAEU countries (in rows) as a result of increase in demand in the countries by 10%, USD million

	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Россия
Армения	1 475,7	2,5	0,5	0,02	102,2
Беларусь	0,2	7 675,5	10,9	0,3	1 707,0
Казахстан	0,2	21,3	19 467,8	15,8	1 059,2
Киргизия	0,1	2,2	36,1	1 005,7	126,7
Россия	11,7	615,9	535,9	21,9	21 970,1

Источник: ЕЭК-интегрированные таблицы «затраты–выпуск» стран ЕАЭС.

спективе можно говорить о развитии отношений ЕАЭС с Узбекистаном. С учетом масштаба экономики этой страны развитие отношений с ЕАЭС может стать источником существенных положительных эффектов. Однако дальнейшее расширение рынка ЕАЭС за счет включения новых участников вряд ли будет способствовать наращиванию эффектов от интеграции.

Развитие нормативной базы и институтов ЕАЭС, в том числе наднациональных, как показала практика, также не дает ощутимого наращивания макроэкономических эффектов. Единые стандарты ведения бизнеса нужны, но их эффективность становится ощутимой лишь тогда, когда они поддерживают и развивают процессы интеграции в сфере производства, развития кооперационной деятельности, межстрановых инвестиционных и торговых процессов.

Развитию производственной и хозяйственной деятельности должно быть посвящено основное внимание при выстраивании интеграционной политики России. Уникальность ЕАЭС состоит в том, что наше интеграционное объединение находится между ЕС и Китаем. Следовательно, имеет возможность выстраивания производственных цепочек с использованием своего географического положения и иных конкурентных преимуществ. В условиях регионализации мировой экономики для такой деятельности появляется очевидное «окно» возможностей.

Необходимым условием эффективного развития ЕАЭС должно стать выравнивание уровня эффективности производства на пространстве союза. Этому должна способствовать единая политика стимулирования рыночными методами эффективного размещения производств и создания рабочих мест в таких странах, как Армения и Киргизия. Эти рабочие места должны формироваться на производствах, встро-

енных в общее производственное пространство ЕАЭС, обеспечивающее снижение зависимости стран от внешнего импорта и расширяющее экспортные возможности.

В свою очередь решению этой задачи способствовала бы политика России, направленная на создание крупных финансово-промышленных корпораций, способных на рыночных принципах финансировать инвестиционную деятельность на всем пространстве ЕАЭС, реализовывать производственный потенциал стран ЕАЭС на основе внедрения современных технологий и развития новых секторов экономики. Аналогичные корпорации на основе имеющегося промышленного потенциала могут создавать Беларусь и Казахстан.

Необходимым условием развития производственной кооперации и роста доходов стран на ее основе является расширение научно-технического сотрудничества [Глазьев и др., 2019]. Текущие уровни затрат на исследования и разработки в странах ЕАЭС и механизмы внедрения их результатов делают наши страны крайне зависимыми от внешних технологических решений, что существенно снижает потенциал роста доходов от любой производственной деятельности и консервирует зависимость от импорта. Поэтому еще одним условием эффективного развития интеграции должна стать единая система управления научно-технологическим развитием.

Заключение

Развитие российской экономики в ближайшие годы будет формироваться под воздействием ограничений, связанных с исчерпанием потенциала активного позитивного воздействия на российскую экономику со стороны внешней торговли. С одной стороны,

это связано с исчерпанием возможностей наращивания доходов от сырьевого экспорта, с другой стороны, с высокой зависимостью российской экономики от самой широкой номенклатуры импорта.

В этих обстоятельствах ускорение темпов экономического роста в ближайшие годы будет, с высокой вероятностью, опираться на возможности внутреннего рынка. Однако это не означает, что в этот период нашей стране не нужна внятная внешнеэкономическая стратегия. Наоборот, в условиях изменений в мировой экономической динамике роль политики в отношении развития внешней торговли будет возрастать. Потребуется принять во внимание нарастающие ограничения в мировой торговле, рост значимости мировой климатической повестки, тенденции структурно-технологических сдвигов глобального характера.

В целом в ближайшие 10 лет российский экспорт, прежде всего сырьевой, будет формировать базу для развития экономики, поэтому большое внимание должно быть уделено действиям по развитию экспортного потенциала.

Модернизация экономики на основе роста уровня инвестиционной активности должна создать возможности для роста производства конкурентоспособной отечественной продукции, способной снизить зависимость от импорта, но и увеличить потенциал экспортных поставок. Это должно в период после 2030 г. стать основой для нового цикла повышения значимости внешней торговли при формировании экономической динамики.

Список литературы

Апокин А., Белоусов Д.Р., Сальников В.А., Фролов И.Э. (2015). Долгосрочные социально-экономические вы-

зовы для России и востребованность новых технологий // Форсайт. Т. 9. № 4. С. 6–17 // <https://foresight-journal.hse.ru/data/2015/12/16/1134384838/1-%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%83%D1%81%D0%BE%D0%B2-6-17.pdf>, дата обращения 12.04.2021.

Глазьев С.Ю., Архипова В.В., Агеев А.И., Ершов М.В., Митяев Д.А., Нагорный А.А., Вэнь В., Цинцин Я., Росс Д., Чжаоюй Г., Тинтин Ч. (2019). Вопросы и состояния процессов сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс – один путь» в представлениях Китая и России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. № 3. С. 13–30 // <https://www.eijournal.ru/jour/article/view/231/216>, дата обращения 12.04.2021.

Гурвич Е.Т., Прилепский И.В. (2016). Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики. № 1. С. 5–35. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-1-5-35

Гусев М.С., Широков А.А., Ползиков Д.А., Янговский А.А. (2018). Глобальные тенденции изменения структуры производства и доходов в мире и России // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 38–50 // <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2019/04/globalnye-tendentsii-izmeneniya-struktury-proizvodstva-i-dohodov-v-mire-i-rossii.pdf>, дата обращения 12.04.2021.

Орлова Е.А., Белоусов Д.Р., Галимов Д.И. (2020). О модели потенциального ВВП и разрыва выпуска для российской экономики // Проблемы прогнозирования. № 2. С. 60–71 // <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2020/04/o-modeli-potentsialnogo-vvp-i-razryva-vypuska.pdf>, дата обращения 12.04.2021.

Порфирьев Б. (2019). Эффективная стратегия действий в отношении изменений климата и их последствий для экономики России // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 3–16 // <https://>

cyberleninka.ru/article/n/effektivnaya-strategiya-deystviy-v-otnoshenii-izmeneniy-klimata-i-ih-posledstviy-dlya-ekonomiki-rossii/viewer, дата обращения 12.04.2021.

Порфирьев Б., Широв А., Колпаков А. (2020). Климат для людей, а не люди для климата // Эксперт. № 31–34 // <https://expert.ru/expert/2020/31/klimat-dlya-lyudej-a-ne-lyudi-dlya-klimata/>, дата обращения 12.04.2021.

Саяпова А.Р., Широв А.А. (2019). Основы метода «затраты–выпуск»: учебник для вузов. М.: МАКС Пресс.

Широв А.А. (2016). О выборе дальнейшей модели интеграции для Евразийского экономического союза // ЭКО. № 12(510). С. 66–79 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27340588_57864358.pdf, дата обращения 12.04.2021.

Широв А.А. (ред.) (2020). Посткризисное восстановление экономики и основные направления прогноза социально-экономического развития России на период до 2035 г.: научный доклад. М.: Наука.

BP Energy Outlook: 2020 Edition (2020) // <https://www.bp.com/content/>

dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2020.pdf, дата обращения 12.04.2021.

Constantinescu C., Mattoo A., Ruta M. (2015). The Global Trade Slowdown: Cyclical or Structural? // IMF Working Paper, no 15/6 // <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp1506.pdf>, дата обращения 12.04.2021.

Kose M.A., Nagle P., Ohnsoorge F., Sugawara N. (2020). Global Waves of Debt. Causes and Consequences, Washington, DC: The World Bank.

The Effect of Imports of Steel on the National Security (2018) // US Department of Commerce, Bureau of Industry and Security, Office of Technology Evaluation, January 11, 2018 // https://www.commerce.gov/sites/default/files/the_effect_of_imports_of_steel_on_the_national_security_-_with_redactions_-_20180111.pdf, дата обращения 12.04.2021.

The Long View: Scenarios for the World Economy to 2060 (2018) // OECD. Economic Policy Papers, July 2018, no 22 // https://www.oecd-ilibrary.org/economics/the-long-view_b4f4e03e-en, дата обращения 12.04.2021.

From the Point of Economics

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-3

Requirements for Foreign Economic Relations in the Context of Achieving the Development Goals of the Russian Economy

Alexandr A. SHIROV

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Economics, Director

Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, 117418, Nakhimovskij Av., 47, Moscow, Russian Federation

E-mail: schir@ecfor.ru

OCRID 0000-0003-0806-9777

Mikhail S. GUSEV

PhD in Economics, Head of the Laboratory

Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, 117418, Nakhimovskij Av., 47, Moscow, Russian Federation

E-mail: m.gusef@mail.ru

OCRID 0000-0002-8858-2206

CITATION: Shirov A.A., Gusev M.S. (2021). Requirements for Foreign Economic Relations in the Context of Achieving the Development Goals of the Russian Economy. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 3, pp. 44–62 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-3

Received: 09.03.2021.

ABSTRACT. *The article analyzes the current state of Russian foreign trade and its impact on the development of the economy. The main changes that occurred in the global economy during the crisis caused by the new coronavirus pandemic are considered. It is concluded that most of the trends that formed in the global economy before the crisis are likely to receive additional acceleration after its end. In this regard, additional restrictions may be imposed on traditional Russian exports. It is stated that foreign trade should become one of the*

key factors that ensure the stability of the Russian economy in the medium and long term. The requirements for the balance of payments and the exchange rate that ensure the stability of the macroeconomic dynamics and parameters of foreign trade are determined. Given the current trends in the parameters of the world economy and trade, it should be assumed that the structure of Russian exports will not undergo significant changes over the next 15 years. This means that for the next 15 years, the development of the export potential of the

fuel and energy sector, the diversification of the geography of energy supplies, remains one of the key tasks of the foreign economic strategy. The key restrictions of the integration processes in the Eurasian Economic Union (EAEU) are evaluated.

KEYWORDS: foreign trade, economic growth, ruble exchange rate, balance of payments, EAEU.

References

- Apokin A., Belousov D., Salnikov V., Frolov I. (2015). Long-term Socioeconomic Challenges for Russia and Demand for New Technology. *Foresight and STI Governance*, vol. 9, no 4, pp. 6–17. Available at: <https://foresight-journal.hse.ru/data/2015/12/16/1134384838/1-%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%83%D1%81%D0%BE%D0%B2-6-17.pdf>, accessed 12.04.2021 (in Russian).
- BP Energy Outlook: 2020 Edition (2020). Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2020.pdf>, accessed 12.04.2021.
- Constantinescu C., Mattoo A., Ruta M. (2015). The Global Trade Slowdown: Cyclical or Structural? *IMF Working Paper*, no 15/6. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp1506.pdf>, accessed 12.04.2021.
- Glaziev S.Yu., Arkhipova V.V., Ageev A.I., Ershov M.V., Mitjajev D.A., Nagorny A.A., Wen W., Qingqing Y., Ross J., Zhaoyu G., Tingting Z. (2019). Questions and Situations on the Conjugation of the Eurasian Economic Union and the “Belt and Road” Initiative between China and Russia. *EURASIAN INTEGRATION: Economics, Law, Politics*, no 3, pp. 13–30. Available at: <https://www.ei-journal.ru/jour/article/view/231/216>, accessed 12.04.2021 (in Russian).
- Gurvich E., Prilepskiy I. (2016). The Impact of Financial Sanctions on the Russian Economy. *Voprosy ekonomiki*, no 1, pp.5–35 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2016-1-5-35
- Gusev M., Shirov A., Polzikov D., Yantovskiy A. (2018). Global Trends of Restructuring Production and Income Worldwide and in Russia. *Studies on Russian Economic Development*, vol. 29, pp. 607–616 (in Russian). DOI: 10.1134/S1075700718060035
- Kose M.A., Nagle P., Ohnsoorge F., Sugawara N. (2020). *Global Waves of Debt. Causes and Consequences*, Washington, DC: The World Bank.
- Orlova E.A., Belousov D.R., Galimov D.I. (2020). A Model of Potential GDP and Output Gap for the Russian Economy. *Studies on Russian Economic Development*, vol. 31, pp. 171–180 (in Russian). DOI: 10.1134/S1075700720020070
- Porfiriev B. (2019). Effective Action Strategy to Cope with Climate Change and Its Impact on Russia's Economy. *Studies on Russian Economic Development*, vol. 30, no 3, pp. 235–244 (in Russian). DOI: 10.1134/S1075700719030134
- Porfiriev B., Shirov A., Kolpakov A. (2020). Climate for People, not People for Climate. *Expert*, no 31–34. Available at: <https://expert.ru/expert/2020/31/klimat-dlya-lyudej-a-ne-lyudi-dlya-klimata/>, accessed 12.04.2021 (in Russian).
- Sayapova A.R., Shirov A.A. (2019). *Basics of the “Input-Output” Method: Textbook for Universities*, Moscow: MAKSPress (in Russian).
- Shirov A.A. (2016). On the Choice of a Further Integration Model for the Eurasian Economic Union. *ECO*, no 12(510), pp. 66–79. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27340588_57864358.pdf, accessed 12.04.2021 (in Russian).
- Shirov A.A. (ed.) (2020). *Post-crisis Economic Recovery and the Main Directions of the Socio-economic Develop-*

ment Forecast of Russia for the Period up to 2035: Scientific Report, Moscow: Nauka (in Russian).

The Effect of Imports of Steel on the National Security (2018). *US Department of Commerce, Bureau of Industry and Security, Office of Technology Evaluation*, January 11, 2018. Available at: https://www.commerce.gov/sites/default/files/the_effect_of_imports_of_

[steel_on_the_national_security_-_with_redactions_-_20180111.pdf](#), accessed 12.04.2021.

The Long View: Scenarios for the World Economy to 2060 (2018). OECD. *Economic Policy Papers*, July 2018, no 22. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/the-long-view_b4f4e03e-en, accessed 12.04.2021.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-4

ЗСТ ЕАЭС как новый эффективный формат развития внешнеторговых связей России

Владимир Николаевич ЗУЕВ

доктор экономических наук, профессор, кафедра торговой политики,
Институт торговой политики

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Российская Федерация

E-mail: vzuev@hse.ru

ORCID: 0000-0002-1271-1200

Елена Яковлевна ОСТРОВСКАЯ

кандидат экономических наук, доцент, Департамент мировой экономики,
Факультет мировой экономики и мировой политики

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Российская Федерация

E-mail: eostrovskaya@hse.ru

ORCID: 0000-0002-8208-3801

Валентина Юрьевна СКРЯБИНА

кандидат экономических наук, преподаватель, кафедра торговой политики,
Институт торговой политики

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Российская Федерация;

ведущий советник, Департамент экспертно-аналитических работ

Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации,

107078, проспект Академика Сахарова, д. 12, Москва, Российская Федерация

E-mail: skryabina.valentina@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3832-5148

ЦИТИРОВАНИЕ: Зуев В.Н., Островская Е.Я., Скрябина В.Ю. (2021). ЗСТ ЕАЭС как новый эффективный формат развития внешнеторговых связей России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 3. С. 63–83. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-4

Статья поступила в редакцию 23.01.2021.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2021 г.

АННОТАЦИЯ. Торгово-экономическое сотрудничество между странами в формате заключения региональных торговых соглашений (РТС) активно развивается в последние десятилетия. Россия до недавнего времени была слабо вовлечена в процесс формирования РТС. Однако после создания ЕАЭС в 2015 г. одним из важнейших направлений торговой политики Союза стало формирование сети соглашений о зоне свободной торговли (ЗСТ), принимая во внимание международные тренды и учитывая экономические интересы России. В исследовании определяется значимость подписанных и планируемых к подписанию ЗСТ ЕАЭС для внешней торговли России. Методология исследования опирается на расчеты трех торговых индексов: индекса интенсивности торговли, индекса симметричной торговой интроверсии и индекса значимости экспорта, специально разработанного авторами для целей данного исследования на основе индекса сравнительных преимуществ в производстве товара. Индексы были рассчитаны для всех партнеров России на 2019 г. (193 страны) с целью определения круга наиболее перспективных стран для расширения торговых связей России в формате заключения ЗСТ. Дополнительные расчеты были сделаны и для региональных объединений. Авторы приходят к выводу, что действующие РТС России и планируемые ЗСТ ЕАЭС существенно повышают потенциал прироста объемов внешней торговли. Был определен также список стран – наиболее подходящих для заключения ЗСТ с Россией в составе ЕАЭС в настоящее время: Египет, Турция, Алжир, Южная Корея и Монголия. Заключение ЗСТ именно с этими странами будет вызывать

наибольшие эффекты создания торговли. Авторы считают, что целесообразно продолжить расчеты эффектов РТС для других стран, чтобы подтвердить выявленную закономерность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: торговля России и ЕАЭС, партнеры в рамках зон свободной торговли, региональные торговые соглашения, торговые индексы, торговая политика России.

Введение

Региональные торговые соглашения (РТС) превратились в значимый инструмент торговой политики различных стран за последние 50 лет. Стремительный рост их числа пришелся на первую половину 90-х годов и продолжился в текущем столетии. По данным Всемирной торговой организации (ВТО), к началу 2021 г. в мире были инициированы или вступили в силу порядка 552 таких соглашений. В настоящее время насчитывается 341 действующее РТС¹. Половина соглашений содержит меры по торговле товарами и услугами, 167 РТС – это договоренности только по товарам и 2 соглашения – только по услугам. В соответствии с правовыми нормами ВТО, РТС должны быть нотифицированы. Более половины соглашений преследуют цель создания зоны свободной торговли (ЗСТ), около 6% содержат обязательства по формированию таможенного союза. Таким образом, большинство РТС предполагает создание ЗСТ, т.е. взаимную отмену большинства таможенных пошлин, взимаемых на границе, в торговле товарами и услугами².

1 Regional Trade Agreements Database (2020) // WTO // <http://rtais.wto.org/UI/publicsummarytable.aspx>, дата обращения 13.11.2020.

2 Там же.

В рамках переговорного процесса в ВТО развивается также тенденция заключения РТС интеграционного типа, которые дополнительно включают помимо классической ЗСТ еще и либерализацию режима капиталовложений, упрощение применения мер нетарифного регулирования, вопросы внутренней государственной экономической политики (миграционной, социальной, защиты окружающей среды и др.) [Lima, 2016]. РТС являются мощным двигателем международной торговли. По данным ЮНКТАД, около 50% международного торгового оборота осуществлялось между государствами – партнерами по ЗСТ, а почти 30% – между странами – участницами соглашений с более глубоким уровнем интеграции [UNCTAD, 2019, p. 16].

Очевидным и бесспорным лидером заключения РТС является ЕС: по данным на 2021 г., ЕС участвует в 45 соглашениях. Крупными партнерами ЕС по ЗСТ являются Канада и Япония³. В целом 75% объема внешней торговли ЕС приходится на страны – партнеры по ЗСТ [UNCTAD, 2019, p. 17]. Швейцарией и Исландией заключено по 32 соглашения. Лидерами участия в РТС являются также Норвегия (31 соглашение), Чили (30), Лихтенштейн (30), Сингапур (27), Турция (23), Мексика (22), Перу (20), Украина (20), Южная Корея (19), Япония (18)⁴. Многочисленные торговые соглашения стран сформировали взаимосвязанную глобальную сеть РТС, которая способствует созданию нового «глобального регионализма» [Zuev, 2020]. Все это подчеркивает актуальность участия стран в процессе формирования сетей ЗСТ на современном этапе.

По данным ВТО, Россия уведомила о десяти действующих РТС, пять из которых являются двусторонними соглашениями о ЗСТ с Узбекистаном, Туркменистаном, Сербией, Азербайджаном и Грузией. Также РФ является участником ЗСТ в рамках СНГ и членом Таможенного союза, действующего в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) в составе России, Казахстана, Белоруссии, Армении и Киргизии. С 2015 г. ЕАЭС имеет соглашение о ЗСТ с Вьетнамом. В октябре 2019 г. вступило в силу Временное соглашение, ведущее к образованию ЗСТ с Ираном. 1 октября 2019 г. было подписано соглашение о ЗСТ с Сингапуром, а 25 октября 2019 г. было заключено соглашение о ЗСТ между ЕАЭС и Сербией. По данным Евразийской экономической комиссии, в активной стадии находятся переговоры о заключении ЗСТ с Египтом и Израилем, а также планируется заключить соглашение с Индией. Кроме того, в сентябре 2020 г. были приняты решения о формировании совместных исследовательских групп по изучению целесообразности заключения ЗСТ с Индонезией и Монголией, в первой половине 2021 г. запланировано проведение консультаций по заключению полноформатного соглашения о ЗСТ с Ираном⁵.

Можно отметить пока относительно невысокий уровень экономической активности России в участии в РТС. Принимая во внимание уже одобренные цели ЕАЭС по заключению в краткосрочной перспективе новых ЗСТ как минимум с тремя странами и находящийся на рассмотрении вопрос заключения ЗСТ еще с двумя партнерами, возникает

3 Regional Trade Agreements Database (2020) // WTO // <http://rtais.wto.org/ui/PublicAllRTAList.aspx>, дата обращения 05.03.2021.

4 Там же.

5 Статус по переговорным трекам о свободной торговле (2020) // Евразийская экономическая комиссия // <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Статус-по-переговорным-трекам-о-свободной-торговле.aspx>, дата обращения 02.03.2021.

необходимость определить наиболее перспективные государства для развития сотрудничества в данном формате.

Обзор литературы

Исследованием развития сети соглашений ЗСТ ЕАЭС занимались многие отечественные авторы. Большая часть работ (например, [Ушколова, 2018; Мазырин, 2016; Ревенко, 2017; Перская, 2017]) сосредоточена на анализе экономических перспектив и последствий соглашения о ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом для экономики России и детальном анализе его положений. После вступления в силу соглашения с Вьетнамом появились исследования, посвященные возможностям расширения торгово-экономических отношений между ЕАЭС и странами АТР, в частности по вопросу заключения соглашения о ЗСТ с АСЕАН (см.: [Хейфец, 2018; Зеленева, 2016]). Кроме того, серьезный интерес вызвали потенциальные сценарии инициирования переговоров о ЗСТ с некоторыми другими странами дальнего зарубежья (см.: [Подбиралина, 2016; Воловик, 2017; Мамедова и др., 2016]). Тем не менее при таком внимании к рассматриваемой проблематике и значительному количеству работ, посвященных различным аспектам данной проблемы, отсутствует комплексный анализ совокупности стран – потенциальных партнеров по ЗСТ, развитие торгово-экономических отношений с которыми могло бы привести к наибольшему эффектам. В исследованиях активно используется эмпирический подход определения последствий заключения соглашений о ЗСТ. Одним из инструментов выявления эффектов от соглашения для экономик взаимодействующих стран является модель общего равновесия (CGE Globe v1), которую используют в своих

работах А.Ю. Кнобель, В.В. Седалищев, Б.В. Чокаев [Кнобель, Седалищев, 2017; Кнобель, Чокаев, 2014], а также ряд других авторов [Кадочников и др., 2016] для определения оказываемого эффекта на рост ВВП и увеличение объемов торговли по отраслям экономики. В работах с применением данной модели были рассчитаны экономические эффекты от возможных ЗСТ между ЕАЭС и ЕС, Израилем, ТТП, Новой Зеландией, Индией, Южной Кореей, АСЕАН. Другим важным инструментом определения последствий экономической интеграции является модель частичного экономического равновесия, показывающая последствия либерализации таможенных пошлин для определенных товарных рынков. С ее помощью А.Б. Лихачева и Г.М. Калачигин [Лихачева, Калачигин, 2018] провели анализ импорта России при возможном заключении соглашений о ЗСТ с Китаем, Южной Кореей, Японией, Индией и Сингапуром. Исследования С.П. Глинкиной и др. [Глинкина и др., 2018], А.Г. Пылина [Пылин, 2017], Г.М. Костюниной [Костюнина, 2019], Е.Я. Островской, В.Ю. Скрябиной [Островская, Скрябина, 2016] опираются на расчет торговых индексов для определения эффектов от ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом, странами АСЕАН и Египтом. Д.А. Изотов [Изотов, 2013; Изотов, 2015; Изотов, 2017] применяет различные инструменты для решения рассматриваемого вопроса, в том числе модель частичного равновесия и некоторые торговые индексы, а также производит расчет эластичности спроса на товары на внутренних рынках стран-партнеров и эффектов создания и отклонения торговли при заключении соглашений. Таким образом, несмотря на имеющийся обширный обзор перспектив и возможных последствий для экономики России от заключения РТС с третьими странами, наблюдается отсутствие исследова-

ний, направленных на выявление наиболее оптимальных государств-партнеров из числа всех торговых партнеров России для достижения цели расширения внешней торговли товарами с помощью новых соглашений.

Тенденции торгово-экономического сотрудничества между Россией и государствами – партнерами по РТС

В отличие от ЕС, Мексики и ряда стран Южной Америки, порядка 75% внешней торговли которых приходится на страны – партнеры по РТС, для РФ торговля со странами – партнерами по ЗСТ не так важна [UNCTAD, 2019, р. 17]. Правда, при расчете степени вовлеченности России в РТС эксперты ЮНКТАД не учли последние соглашения, заключенные ЕАЭС и касающиеся России. Но даже если их учесть в расчетах, то торговля с государствами – партнерами России по РТС все равно остается на невысоком уровне. Товарооборот России за период 2008–2019 гг. сократился на 9,3%, составив в 2019 г. 666,6 млрд долл. На экспорт пришлось 63,4% (422,8 млрд долл.), на импорт – 36,6% (243,8 млрд долл.). Доля экспорта в товарообороте России снизилась за рассматриваемый период на 0,4%, а доля импорта возросла на 0,7%. Помимо того что объемы российского экспорта сократились за рассматриваемый период на 9,7%, а импорта – на 8,7%, экспорт российских товаров в государства – партнеры по РТС сократился сильнее – на 30,3%, а импорт из этих стран упал на 26,4%. В целом доля стран – партнеров РФ по РТС в российском товарообороте в 2019 г. составила 11,7% против 15,2% в 2008 г.

Наблюдаемая динамика, в первую очередь, обусловлена отменой с 1 ян-

варя 2016 г. режима ЗСТ в торговле с Украиной, которая являлась важнейшим партнером России на пространстве СНГ. Таким образом, объемы торговли в рамках соглашений о ЗСТ России, вступивших в силу после 2016 г., к 2019 г. не смогли уравновесить ситуацию. В 2019 г. основные поставки российских товаров пришлось на Белоруссию (41,4%, или 20,5 млрд долл.), Казахстан (28,3%, или 14,1 млрд долл.) и Узбекистан (7,9%, или 3,9 млрд долл.); главными импортерами являются также Белоруссия (46,8%, или 12,8 млрд долл.), Казахстан (20,4%, или 5,6 млрд долл.), а также Вьетнам (13,8%, или 3,8 млрд долл.). Можно в целом отметить растущую роль Вьетнама во внешней торговле России со странами – партнерами по РТС. Таким образом, статистика внешнеторговых потоков РФ подтверждает мнение экспертов о том, что действующие в настоящее время соглашения о ЗСТ России (ЕАЭС) с третьими странами не оказывают пока серьезного влияния на ее товарооборот.

В то же время на графике динамики внешнеторгового оборота России заметна тенденция сохранения и упрочения позиций стран – партнеров по РТС в кризисные периоды. Так, при резком спаде объемов общего экспорта в 2009 и 2015 гг. и небольшом спаде в 2016 и 2019 гг. на 35,5 и 30,9%, а также 17 и 6%, соответственно, сокращение экспорта в страны – партнеры по РТС было меньшим – на 34,1 и 27,4%, а также 12,4% соответственно. При этом в 2019 г. наблюдался рост экспорта России в государства – партнеры по РТС на 1,8% при снижении общего экспорта. Развитие и расширение подобных соглашений будет способствовать наращиванию потенциала развития внешнеэкономических связей России.

Следует также отметить, что рост объемов торговли со странами – партнерами по РТС в 2019 г. был

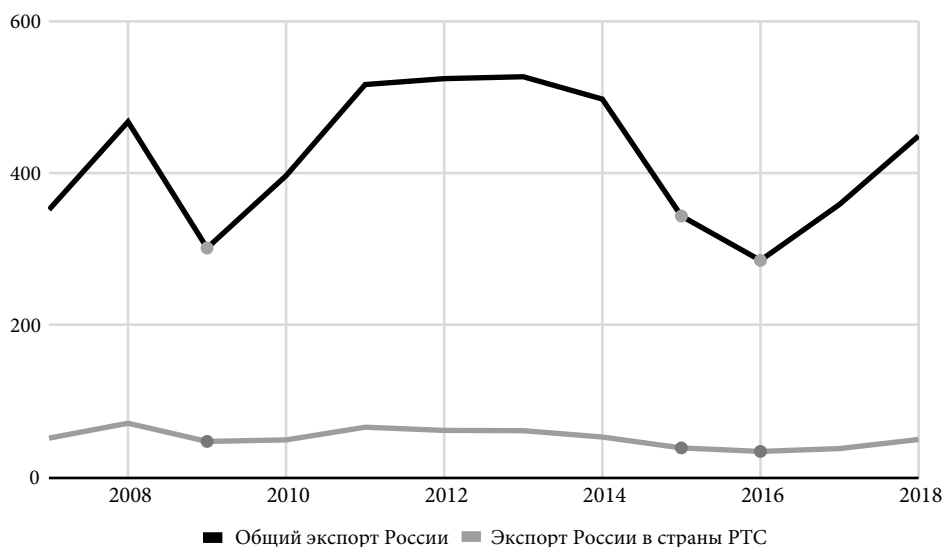

Рис. Динамика экспорта России в страны - партнеры по РТС (млрд долл.)

Figure. Russian export dynamics to RTA partner countries (USD billion)

Источник: составлено авторами по данным UN Comtrade.

Source: authors' calculation based on UN Comtrade data.

значительнее, чем с остальными странами (экспорт вырос на 1,8% против падения общего экспорта на 6%, импорт – на 7,4% при росте общего импорта на 1,8%). Торговля РФ со странами – партнерами по соглашениям не так значительна по объему, тем не менее экспортные поставки в такие страны относительно более стабильны и обладают значительным потенциалом роста.

С целью определения прогнозного значения показателя значимости для экономики подписанных и планируемых к подписанию ЗСТ, рассмотрим динамику объемов торговли между Россией и страной, с которой торговое соглашение заключено недавно и пока не вступило в силу (Сингапур), а также с государствами, с которыми ведутся переговоры о заключении соглашений (Израиль, Египет, Индия). Сум-

марно на взаимную торговлю с данными государствами в 2019 г. приходится 22,5 млрд долл., что составляет 3,4% от общего товарооборота России. Объемы экспорта и импорта за рассматриваемый период с данными странами возросли почти в 2 раза, в 2019 г. экспорт составил 16,8 млрд долл., а импорт достиг 5,8 млрд долл. Российский экспорт в страны, с которыми ЕАЭС планирует заключение соглашений о ЗСТ, превышает суммарный экспорт в Сингапур в 6 раз (14,5 млрд долл. и 2,3 млрд долл. соответственно). Можно предположить, что при успешном завершении переговорного процесса и вступлении в силу соглашений о ЗСТ между ЕАЭС и Индией, Египтом и Израилем при сохранении существующих объемов поставок доля торговли со странами – партнерами по ЗСТ для России существенно возрастет (почти на треть) и

составит 15%. В кризисные годы (2009, 2014 и 2015) внешняя торговля с данной группой стран снижалась значительно меньшими темпами: экспорт упал на 4,1, 6,7 и 13,5%, а импорт – на 10,1, 3,5 и 28,4% соответственно. Эти факты подтверждают наше предположение о значимом вкладе создаваемой Россией сети ЗСТ в развитие отечественных внешнеэкономических связей.

Оценка потенциала развития внешнеторговых связей России с третьими странами

Перспективы развития торгово-экономических отношений России в рамках ЕАЭС с третьими странами закреплены в решении Коллегии Комиссии от 1 октября 2019 г. № 19 «Об основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2020 год»⁶, где в качестве ближайших кандидатов на заключение соглашений о ЗСТ обозначены Египет, Индия и Израиль. Отмечается, что ЕАЭС планирует и дальше продолжить работу по заключению соглашений о ЗСТ с третьими странами. Однако в данном решении не был указан развернутый перечень государств-претендентов для заключения таких соглашений.

Из разных источников можно получить общую картину. По данным сайта агентства ТАСС, планируется заключить соглашения о ЗСТ с Южной Кореей⁷. На официальном сайте ЕЭК заявлено, что перспективными для развития сотрудничества ЕАЭС в формате ЗСТ могут стать Монголия, Индонезия⁸, а также Чили⁹, Камбоджа¹⁰ и МЕРКОСУР¹¹. По материалам ЕАБР, претендентами на ЗСТ также являются Таиланд и ЮАР¹². Возникает необходимость оценить возможные последствия таких соглашений для российской экономики. На основе качественных и количественных методов анализа попытаемся определить круг наиболее перспективных потенциальных партнеров России в ЕАЭС по ЗСТ.

По мнению авторов данного исследования, для определения наиболее подходящего государства – партнера для заключения соглашения о ЗСТ следует произвести расчет торговых индексов по общим объемам внешней торговли для всех торговых партнеров России. Выбор торговых индексов не случаен: их расчет основан на общедоступных данных, что позволяет получить более прозрачные и логичные результаты, также их анализ не осложняется введением множества предположений и допущений, как, например, в

6 Об основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2020 год (2019) // Евразийской экономической комиссией. 1 октября 2019 // http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01423307/err_02102019_19, дата обращения 13.11.2020.

7 Россия и Южная Корея официально начинают переговоры о формировании ЗСТ // ТАСС. 17 июня 2019 // <https://tass.ru/ekonomika/6557876>, дата обращения 13.11.2020.

8 Статус по переговорным трекам о свободной торговле (2020) // Евразийская экономическая комиссия // <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Статус-по-переговорным-трекам-о-свободной-торговле.aspx>, дата обращения 02.03.2021.

9 Министр ЕЭК Вероника Никишина: «Республика Чили относится к перспективным торговым партнерам ЕАЭС» (2017) // Евразийская экономическая комиссия. 25 июня 2017 // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25-07-2017-1.aspx>, дата обращения 13.11.2020.

10 Страны ЕАЭС и Королевство Камбоджа готовы наращивать масштабы экономического сотрудничества (2017) // Евразийская экономическая комиссия. 15 февраля 2017 // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/15-02-2017-113828.aspx>, дата обращения 13.11.2020.

11 ЕЭК и МЕРКОСУР договорились интенсифицировать сотрудничество (2018) // Евразийская экономическая комиссия. 18 декабря 2018 // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/18-12-3018-1.aspx>, дата обращения 13.11.2020.

12 Евразийский экономический союз: связи с внешним миром (2017) // Евразийский банк развития. Монография-2017. С. 156–194 // https://eabr.org/upload/data/EDB_Centre_2017_Monograph_Chapter_5.pdf, дата обращения 13.11.2020.

случае с упомянутой моделью общего равновесия, кроме того, торговые индексы могут быть посчитаны сразу для всех торговых партнеров. Несмотря на то что в современных ЗСТ набирают популярность форматы ВТО-плюс и ВТО-экстра, достижение договоренности по упрощению правил торговли товарами сохраняет значимое положение. Именно поэтому, а также учитывая задачи торговой политики России на среднесрочную перспективу, для первичного определения наиболее перспективных партнеров по ЗСТ был сделан выбор в пользу анализа торговли товарами.

Логично предположить, что планируемые к заключению ЗСТ России (ЕАЭС) будут преследовать цель сохранить и стабильно наращивать товарооборот, в первую очередь экспорт. Таким образом, инструментом для первичного анализа может выступить показатель, позволяющий выделить тех партнеров, в торговле с которыми Россия в наибольшей мере заинтересована и имеет потенциальные возможности наращивать экспорт. Таковым послужил индекс, разработанный авторами на основе индекса выявленных сравнительных преимуществ в производстве товара [Mikic, Gilbert, 2007, pp. 72–73]¹³. В модифицированном виде он будет больше соответствовать названию – индекс значимости экспорта. Данный индекс рассчитывается нами как отношение доли экспорта в страну Б в экспорте страны А к доле экспорта в страну Б в общем мировом экспорте. Таким образом, индекс значимости

экспорта отличается тем, что помогает определить, заинтересовано ли рассматриваемое государство (например, Россия) в осуществлении экспорта в ту или иную страну-партнера в большей степени, чем в среднем все страны мира. По итогам расчета такого индекса из всех торговых партнеров могут быть определены страны, в которые рассматриваемое государство в большей степени стремится экспортировать свои товары.

Индекс был рассчитан для всех торговых партнеров Российской Федерации по итогам 2019 г. (193 страны). Результаты по первым 40 странам, имеющим наибольшее значение индекса, представлены в табл. 1.

По результатам расчета индекса значимости экспорта можно отметить, что государства – партнеры по ЕАЭС, за исключением Казахстана, входят в первую пятерку стран, экспорт России в которые уже весьма значителен. Также можно выделить достаточно высокий результат индекса у Грузии, Узбекистана, Молдовы, Украины, Таджикистана, Азербайджана и Туркменистана – стран – потребителей российских товаров в рамках ЗСТ СНГ. По результатам расчета индекса обращают на себя внимание и другие страны, например Сербия, значение индекса для которой высоко при незначительной доле в экспорте России. Похожая ситуация складывается для некоторых стран ЕС, Турции, ряда стран Африки южнее Сахары, отдельных стран Латинской Америки, а также Южной Кореи. При этом значение индекса для Китая, имеющего существенную долю в экс-

13 Индекс значимости экспорта может быть рассчитан по следующей формуле:

$$\frac{X_{sd}/X_{sw}}{X_{wd}/X_{wy}},$$

где X_{sd} – экспорт рассматриваемой страны в страну – партнера по соглашению о ЗСТ, X_{sw} – общий экспорт рассматриваемой страны, X_{wd} – общий мировой экспорт в страну – партнера по соглашению о ЗСТ, X_{wy} – мировой экспорт.

Таблица 1. Индекс значимости экспорта в географической структуре экспорта России и доля стран в экспорте России (2019)**Table 1.** Export importance index for Russia (geographical structure of export) and the share of countries in Russian export (2019)

Страна	Значение индекса	Доля страны в экспорте России, в %	Страна	Значение индекса	Доля страны в экспорте России, в %
Белоруссия	33,28	6,47	Польша	2,51	3,80
Армения	22,11	0,50	Словения	2,12	0,15
Грузия	14,82	0,28	Турция	1,95	6,30
Киргизия	11,52	0,46	Чехия	1,73	1,45
Узбекистан	11,42	1,16	Германия	1,64	8,36
Литва	11,25	1,04	Китай	1,59	17,08
Казахстан	7,81	4,25	Уругвай	1,58	0,008
Латвия	7,37	1,54	Словакия	1,42	1,13
Молдова	7,24	0,37	Болгария	1,42	0,87
Эстония	6,74	0,73	Венгрия	1,33	1,22
Парагвай	6,36	0,005	Италия	1,33	4,27
Украина	5,23	1,97	Австрия	1,24	0,04
Мавритания	4,50	0,005	Исландия	1,23	0,01
Финляндия	4,44	3,00	Румыния	1,19	0,95
Сербия	4,04	0,46	Южная Корея	1,15	4,88
Ямайка	3,54	0,0004	Туркменистан	1,12	0,16
Таджикистан	3,19	0,28	Швеция	1,11	0,68
Эквадор	3,17	0,10	Нидерланды	1,01	13,35
Азербайджан	2,97	0,69	Люксембург	1,00	0,01
Малави	2,90	0,001	Израиль	0,98	0,42

Источник: составлено авторами по данным UN Comtrade.**Source:** authors' calculation based on UN Comtrade data.

порте России, является относительно низким.

Другим инструментом для первичного анализа потенциальных партне-

ров для развития торгово-экономических отношений стран в формате ЗСТ может выступить индекс торговой интенсивности¹⁴ [Mikic, Gilbert, 2007,

¹⁴ Индекс интенсивности торговли имеет следующую формулу для расчета:

$$\frac{\sum_{sd} X_{sd} / \sum_{sw} X_{sw}}{\sum_{wd} X_{wd} / \sum_{wy} X_{wy}},$$

где X_{sd} – взаимный экспорт стран – партнеров по соглашению о ЗСТ, X_{sw} – общий экспорт рассматриваемых стран, X_{wd} – общий мировой экспорт в рассматриваемые страны, X_{wy} – мировой экспорт.

Таблица 2. Индекс интенсивности торговли между Россией и ее торговыми партнерами (2019)

Table 2. Trade intensity index for Russia and its trading partners (2019)

Страна	Значение индекса интенсивности торговли	Страна	Значение индекса интенсивности торговли
Белоруссия	6,74	Алжир	0,62
Казахстан	3,42	Румыния	0,60
Турция	2,23	Дания	0,58
Финляндия	2,11	Армения	0,56
Украина	1,65	Австрия	0,55
Литва	1,56	Бельгия	0,52
Латвия	1,35	Сербия	0,51
Польша	1,29	Индия	0,48
Узбекистан	1,25	Швеция	0,44
Нидерланды	1,24	Норвегия	0,42
Египет	1,02	Япония	0,42
Мальта	0,82	Германия	0,42
Эстония	0,81	Великобритания	0,42
Чехия	0,80	Монголия	0,41
Южная Корея	0,75	Швейцария	0,38
Словакия	0,75	Китай	0,36
Венгрия	0,72	Молдова	0,35
Италия	0,71	Хорватия	0,33
Греция	0,70	Грузия	0,33
Болгария	0,66	Израиль	0,32
Азербайджан	0,65	Бразилия	0,32

Источник: составлено авторами по данным UN Comtrade.

Source: authors' calculation based on UN Comtrade data.

pp. 52–53], который определяется отношением суммарной доли взаимного экспорта стран (таможенных территорий) А и Б в общем объеме их экспорта к доле мирового экспорта, направленного в страны А и Б, в общем объеме мирового экспорта. Применительно к нашему исследованию данный индекс позволит выявить государ-

ства, которые заинтересованы в развитии торговли с Россией (в т.ч. экспорта в Россию).

Индекс интенсивности торговли был также рассчитан для всех торговых партнеров РФ по итогам 2019 г. Из всех рассмотренных государств значение индекса выше 1 имеют только 20 стран: Белоруссия, Казахстан, Турция,

Финляндия, Украина, Литва, Латвия, Польша, Узбекистан, Нидерланды и Египет, что означает, что по этому показателю именно эти страны являются наиболее перспективными партнерами России по ЗСТ. Результат по первым 42 странам, имеющим наибольшее значение индекса, представлены в табл. 2.

Наибольшей интенсивностью торговли отличаются внешнеторговые отношения России с партнерами по ЕАЭС – Беларуссией и Казахстаном. Также к странам с высокой интенсивностью торговли с Россией можно отнести некоторые страны ЕС, Турцию, Украину, Узбекистан и Египет. Почти достигает порогового значения торговля с Южной Кореей. Кроме того, достаточно высокий уровень интенсивности наблюдается с Азербайджаном и Алжиром. Выше среднего уровень интенсивности торговли у России также с Арменией, Сербией, Индией, Японией, Монголией, Молдовой, Израилем и Бразилией. Значение индекса интенсивности для Китая составля-

ет 0,36, что относительно ниже, чем у стран-лидеров.

Значение индекса для стран, уже имеющих ЗСТ с ЕАЭС, относительно невелико: для Ирана он составляет 0,28, для Вьетнама – 0,23, для Сингапура – 0,13. Исходя из этих расчетов, можно предположить, что эффекты заключения ЗСТ со многими странами (см. табл. 2) могли бы быть потенциально выше, чем от заключения ЗСТ с Вьетнамом и Сингапуром, при этом полноформатное ЗСТ с Ираном имеет потенциал для роста взаимной торговли.

Для определения целесообразности заключения ЗСТ с региональными объединениями с учетом современных трендов развития нового регионализма интересно рассчитать также индексы интенсивности торговли России с региональными экономическими объединениями (см. табл. 3).

Из рассмотренных объединений можно выделить значение индекса интенсивности торговли для МЕРКОСУР

Таблица 3. Индекс интенсивности торговли между Россией и региональными экономическими объединениями и их доля в экспорте России (2019)

Table 3. Trade intensity index for Russia and RTAs and their share in Russian export (2019)

РТС	Значение индекса интенсивности торговли	Доля РТС в экспорте России, в %
МЕРКОСУР	0,35	0,84
Андское сообщество	0,20	0,27
ЕС	0,15	53,49
Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА)	0,12	0,21
АСЕАН	0,08	2,08
Центральноамериканский общий рынок	0,04	0,05
КАРИКОМ	0,03	0,03

Источник: составлено авторами по данным UN Comtrade.

Source: authors' calculation based on UN Comtrade data.

и Андского сообщества, показатель индекса совокупной торговли с которыми выше по сравнению с другими рассматриваемыми объединениями. Использование расчетов индекса интенсивности торговли позволяет сделать первичную выборку стран, торговые связи с которыми для России отличаются относительно большей интенсивностью в сравнении с остальными партнерами.

Проведенные расчеты двух индексов показывают, что, несмотря на существующие невысокие объемы экспорта России, например, в Турцию, Алжир и Египет в абсолютном выражении, данные страны представляются наиболее перспективными для увеличения объемов поставок товаров в относительном выражении. Безусловно, при заключении возможных ЗСТ с такими странами рост объемов торговли будет не так значителен, как со странами ЕС или Китаем в абсолютных величинах, однако он может обеспечивать более быстрые темпы прироста и стать более стабильным, в том числе в случае неблагоприятной мировой конъюнктуры.

Для более полного экономического обоснования выстраивания стратегии заключения ЗСТ может оказаться полезным еще один показатель интенсивности торговых связей – индекс симметричной торговой интроверсии¹⁵ [Гурова, 2009, с. 67–68]. Значение

данного индекса позволяет не только оценить интенсивность взаимной торговли между Россией и торговым партнером, но и сравнить ее с уровнем интенсивности внешней торговли рассматриваемых стран на других направлениях. Расчет индекса проводился по актуальным торговым партнерам России. Результаты представлены в табл. 4.

В отличие от предыдущих индексов, расчет индекса интроверсии позволяет определить меньшее число государств, имеющих более тесные торговые отношения с Россией. Показатель симметричной торговой интроверсии выше нуля (уровня «нейтральности» торговли) у России с Белоруссией, Казахстаном и Турцией. Незначительный отрицательный результат расчета индекса имеется с некоторыми странами ЕС и Украиной. Порядка -0,5 значения индекса достигают у Узбекистана, Египта, Южной Кореи, Азербайджана, Алжира и Армении. Около 67% стран имеют показатель близкий к -1, что показывает отсутствие значимой торговли с Россией. У стран, имеющих в настоящее время ЗСТ с ЕАЭС или планирующих его заключить, показатели также невелики. У Сербии и Индии они находятся на уровне -0,6, у Вьетнама и Израиля – на уровне -0,7. Таким образом, и по этому показателю эти страны с точки зрения торгово-экономического потенциала – не самые перспективные партнеры.

¹⁵ Индекс симметричной торговой интроверсии рассчитывается по формуле:

$$\frac{(HITI_i - HETI_i)}{(HITI_i + HETI_i)},$$

где $HITI_i$ – гомогенный индекс интенсивности внутренней торговли, $HETI_i$ – гомогенный индекс интенсивности внешней торговли, которые рассчитываются по следующим формулам:

$$HITI_i = \frac{IT_i/T_i}{ET_i/(T_w - IT_i)}, \quad HETI_i = \frac{(1 - IT_i/T_i)}{(1 - ET_i/(T_w - IT_i))},$$

где IT_i – взаимный внешнеторговый оборот рассматриваемых стран, T_i – внешнеторговый оборот рассматриваемых стран, ET_i – внешнеторговый оборот рассматриваемых стран с третьими странами, T_w – общий мировой экспорт и импорт.

Таблица 4. Индекс симметричной торговой интроверсии во внешней торговле России (2019)**Table 4.** Symmetric trade introversion index for Russian foreign trade (2019)

Страна	Индекс симметричной торговой интроверсии	Страна	Индекс симметричной торговой интроверсии
Белоруссия	0,54	Дания	-0,53
Казахстан	0,25	Алжир	-0,55
Турция	0,05	Эстония	-0,55
Финляндия	-0,01	Армения	-0,57
Украина	-0,05	Австрия	-0,58
Нидерланды	-0,20	Сербия	-0,61
Польша	-0,26	Индия	-0,64
Латвия	-0,28	Норвегия	-0,65
Узбекистан	-0,22	Великобритания	-0,66
Египет	-0,34	Швеция	-0,66
Мальта	-0,42	Киргизия	-0,66
Словакия	-0,44	Бельгия	-0,67
Италия	-0,46	Япония	-0,67
Литва	-0,47	Монголия	-0,69
Венгрия	-0,48	Бразилия	-0,70
Чехия	-0,49	Молдова	-0,70
Южная Корея	-0,49	Швейцария	-0,70
Греция	-0,50	Бангладеш	-0,70
Азербайджан	-0,52	Франция	-0,71
Болгария	-0,52	Германия	-0,71
Румыния	-0,53	Израиль	-0,72

Источник: составлено авторами по данным UN Comtrade.

Source: authors' calculation based on UN Comtrade data.

Выводы

Рассчитанные выше индексы, в том числе разработанный авторами индекс значимости экспорта, позволяют дополнить систему показателей для оценки наращивания экспорта Российской Федерации в случае заключения ЗСТ,

давая возможность определить страны, отношения с которыми обладают значительным потенциалом темпов прироста торговли. Тем самым заключение ЗСТ с ними позволило бы создать дополнительные стимулы роста экспорта.

Эмпирическим подтверждением корректности рассчитанных выше

торговых индексов для выявления перспективных для России торговых партнеров в формате ЗСТ является то обстоятельство, что расчеты показывают высокие значения этих индексов для партнеров России по ЕАЭС. Так, Белоруссия и Казахстан имеют наивысшие значения индексов торговой интенсивности и симметричной торговой интроверсии, Армения и Киргизия имеют высокий уровень индекса интенсивности двусторонних товарных потоков. Примененные индексы подтверждают экономическую обоснованность выбора партнеров по ЕАЭС для России.

Рассчитанные в совокупности торговые индексы позволяют подтвердить наличие большого потенциала развития сотрудничества России со многими странами ЕС, в особенности с Финляндией, Литвой, Польшей, Нидерландами, Мальтой, Латвией и Эстонией. Принимая во внимание, что страны ЕС во внешней торговле России сохраняют лидирующие позиции (совокупная доля в экспорте достигает 42%, а в импорте – 35%), можно предположить, что развитие торгово-экономических связей с данным объединением при условии устранения политических препятствий могло бы привести к получению действительно значимого экономического эффекта для России. Однако в настоящее время в условиях напряженной политической ситуации и санкционной политики сценарий заключения соглашения о ЗСТ с ЕС в краткосрочной перспективе представляется маловероятным.

Исходя из экономической целесообразности, далее можно выделить группу стран СНГ, в особенности Украину и Узбекистан, а также Таджикистан, Азербайджан, Туркменистан и Молдову, значение индексов для кото-

рых высокое и свидетельствует о том, что их стоит рассматривать в качестве перспективных торговых партнеров России. Политические причины препятствуют использованию существующего торгово-экономического потенциала развития российско-украинского сотрудничества. Что касается Узбекистана, Азербайджана, Таджикистана, Туркменистана и Молдовы, то потенциальные возможности взаимной торговли могут полнее раскрыться в случае активизации интеграционных процессов с их участием (в рамках СНГ, ЕАЭС или путем заключения ЗСТ нового формата).

Приведенные расчеты торговых индексов показывают, что перспективным для России может быть развитие торгово-экономических отношений с Турцией, Алжиром и Южной Кореей, которые имеют высокий уровень как индекса торговой интенсивности, так и симметричной торговой интроверсии и средний уровень индекса значимости экспорта. Вопрос заключения соглашения о ЗСТ с Южной Кореей уже прорабатывался государствами – членами ЕАЭС, однако при прогнозируемых возможных выгодах от соглашения стороны в среднесрочной перспективе не готовы к проведению либерализации торговли товарами. При этом в настоящее время Россия и Южная Корея ведут переговоры по соглашению о либерализации торговли услугами и инвестиционному сотрудничеству¹⁶. Кроме того, на наш взгляд, может быть экономически обоснованно и эффективно развитие сотрудничества с Монголией.

Среди государств, с которыми уже заключены соглашения о ЗСТ или планируются к заключению в ближайшее время, может быть выделен Египет с высокими значениями индексов,

16 Россия и Южная Корея ведут переговоры по соглашению о зоне свободной торговли (2019) // Коммерсантъ, 17 июня 2019 // <https://www.kommersant.ru/doc/4003888>, дата обращения 13.11.2020.

что свидетельствует о перспективности заключения ЗСТ с данной страной в сравнении с другими государствами.

Расчеты показали достаточно низкую вовлеченность в торговлю с Россией Вьетнама, Ирана, Сингапура, Сербии, Израиля и Индии. Относительно Китая, с которым у ЕАЭС в 2018 г. подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, можно отметить, что, несмотря на то что его доля в экспорте РФ существенна и составляет 13,4%, а в импорте – 22,2%, расчет торговых индексов показал достаточно низкий уровень интенсивности торговли между данными странами и невысокую перспективность заключения ЗСТ.

Следует обратить внимание еще на один важный результат исследования. Согласно проведенным расчетам, заключение двусторонних соглашений о ЗСТ с отдельными странами приведет к более ощутимым результатам интенсивного генерирования торговых потоков для экономики РФ по сравнению с подобными соглашениями с региональными экономическими объединениями.

Таким образом, по результатам проведенного анализа можно заключить, что среди всех стран наиболее перспективным с точки зрения достижения быстрого темпа роста торговли в относительных величинах в настоящее время для России может быть развитие торгово-экономических отношений в формате соглашений о ЗСТ с такими странами, как Египет, Турция, Алжир, Южная Корея и Монголия. Кроме того, может быть отдельно рассмотрен вопрос об углублении торгово-экономического сотрудничества с некоторыми странами СНГ в рамках ЕАЭС.

Использованная авторами методология может послужить основой для проведения аналогичных расчетов для других стран, активно вовлеченных в процесс выстраивания сетей РТС.

Список литературы

Воловик Н.П. (2017). Активизация интеграционного взаимодействия Евразийского экономического союза с третьими странами // Экономическое развитие России. Т. 24. № 2. С. 7–12 // <https://www.ncfu.ru/export/uploads/Dokumenty-Nauka/ekonomicheskoe-razvitie-Rossii2.pdf>, дата обращения 31.03.2021.

Глинкина С.П., Пылин А.Г., Нгуен Куок Хунг (ред.) (2018). Проблемы имплементации и ожидаемые эффекты Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам. М.: Эдитус.

Гурова И.П. (2009). Измерение глобальной и региональной торговой интеграции // Евразийская экономическая интеграция. № 3(4). С. 60–73 // https://eabr.org/upload/iblock/ead/n4_2009_5.pdf, дата обращения 31.03.2021.

Зеленева И.В. (2016). Перспективы интеграции больших пространств – АСЕАН и ЕАЭС // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. № 1(3). С. 57–67 // <https://politicalscience.rsuh.ru/jour/article/view/53/54>, дата обращения 31.03.2021.

Изотов Д.А. (2013). Либерализация российско-вьетнамской торговли: плюсы и минусы для экономики России // Известия ИГЭА. № 6(92). С. 108–115 // <http://izvestia.bgu.ru/reader/article.aspx?id=18718>, дата обращения 31.03.2021.

Изотов Д.А. (2015). Либерализация торговли между Россией и странами Восточной Азии // Пространственная экономика. № 4. С. 75–97. DOI: 10.14530/se.2015.4.075-097

Изотов Д.А. (2017). Либерализация торговли России со странами Европейского союза, БРИКС и Транстихоокеанского партнерства // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 133–141 // <https://cyberleninka.ru/article/n/liberalizatsiya>

torgovli-rossii-so-stranami-evropeyskogo-soyuza-briks-i-transtihookeanskogo-partnerstva/viewer, дата обращения 31.03.2021.

Кадочников П.А., Рогатных Е.Б., Герман Е.И., Алиев Т.М., Кнобель А.Ю., Соколянская А.Н., Ли Чжэ Ён, Квак Сонгил, Ли Чул Вон, Чже Сун Хун, Мин Жиёнг (2016). Оценка текущего российско-корейского экономического сотрудничества и перспективы развития на средне- и долгосрочный период. М.: ВАВТ.

Кнобель А.Ю., Седалищев В.В. (2017). Риски и выгоды для ЕАЭС от различных сценариев интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Экономическая политика. Т. 12. № 2. С. 72–85. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-2-03

Кнобель А.Ю., Чокаев Б.В. (2014). Возможные экономические последствия торгового соглашения между Таможенным и Европейским союзами // Вопросы экономики. № 2. С. 68–87 // https://www.iep.ru/files/text/nauchnie_jurnali/knobel2-14.pdf, дата обращения 31.03.2021.

Костюнина Г.М. (2019). Внешняя торговля России со странами АСЕАН: основные тенденции развития // Российский внешнеэкономический вестник. № 3. С. 43–59 // [http://www.rfej.ru/rvv/id/500492F50/\\$file/43-59.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/500492F50/$file/43-59.pdf), дата обращения 31.03.2021.

Лихачева А.Б., Калачигин Г.М. (2018). Оценка рисков либерализации торговли товарами со странами Азии в рамках российской политики поворота на Восток // Вестник международных организаций. Т. 13. № 3. С. 52–69 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_39134246_20954415.pdf, дата обращения 31.03.2021.

Мазырин В.М. (2016). Вьетнам: зоны свободной торговли // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 3. С. 72–82. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-3-72-82

Мамедова Н.М., Данильцев А.В., Глазатова М.К. (2016). Иран: перспективы торгового сотрудничества со странами ЕАЭС // Торговая политика. № 3(7). С. 9–32 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32399421_41881997.pdf, дата обращения 31.03.2021.

Мигранян А.А. (2017). Методологические аспекты оценки экономической эффективности зон свободной торговли ЕАЭС с Вьетнамом // Вестник ИЭ РАН. № 3. С. 150–161 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29344502_87185494.pdf, дата обращения 31.03.2021.

Островская Е.Я., Скрыбина В.Ю. (2016). Оценка целесообразности заключения соглашения о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Египтом с использованием расчетов торговых индикаторов // Современная конкуренция. Т. 10. № 6(60). С. 89–106 // [https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-tselesoobraznosti-zaklyucheniya-soglasheniya-o-zone-svobodnoy-torgovli-mezhdu-eaes-i-egiptom-s-ispolzovaniem-raschetov-torgovyh/viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-tselesoobraznosti-zaklyucheniya-soglasheniya-o-zone-svobodnoy-torgovli-mezhdu-eaes-i-egiptom-s-ispolzovaniem-raschetov-torgovyh-indikatorov), дата обращения 31.03.2021.

Перская В.В. (2017). FREE TRADE или протекционизм определяют будущее региональных экономических объединений // Международная торговля и торговая политика. № 3(11). С. 23–42 // <https://mtpp.rea.ru/jour/article/view/200/156>, дата обращения 31.03.2021.

Подбиралина Г.В. (2016). Основные направления внешнеторгового сотрудничества стран ЕАЭС // Международная торговля и торговая политика. № 1. С. 15–26 // <https://mtpp.rea.ru/jour/article/view/53/54>, дата обращения 31.03.2021.

Пылин А.Г. (2017). Внешнеторговое взаимодействие ЕАЭС и Вьетнама в контексте создания зоны свободной торговли // Россия и современный мир. № 3(96). С. 164–176 // <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnetorgovoe-vzaimodeystvie-eaes-i-vietnama-v-kontekste>

sozdaniya-zony-svobodnoy-torgovli/viewer, дата обращения 31.03.2021.

Ревенко Н.С. (2017). Внешняя торговля ЕАЭС с Вьетнамом: первые итоги функционирования зоны свободной торговли // Горизонты экономики. № 6(39). С. 75–81 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32458516_27128732.pdf, дата обращения 31.03.2021.

Ушкалова Д.И. (2018). Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом: механизмы торговой интеграции // Вестник ИЭ РАН. № 6. С. 24–34 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36542996_22167031.pdf, дата обращения 31.03.2021.

Хейфец Б.А. (2018). Перспективы создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН // Вестник ИЭ РАН. № 5. С. 107–120 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36328329_19773385.pdf, дата обращения 31.03.2021.

Limaо N. (2016). Preferential Trade Agreements // Handbook of Commercial Policy, vol. 1, part B (eds. Bagwell K., Staiger R.W.), Elsevier, pp. 281–367.

Mikic M., Gilbert J. (2007). Trade Statistics in Policymaking a Handbook of Commonly Used Trade Indices and Indicators // UNESCAP // https://www.unescap.org/sites/default/files/0%20-%20Full%20Report_27.pdf, дата обращения 01.11.2020.

UNCTAD (2019). Key Statistics and Trends in Trade Policy 2018 // https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ditctab2019d1_en.pdf, дата обращения 01.11.2020.

Zuev V. (2020). International Trade at a Triple Crossroads // Global Governance in Transformation Challenges for International Cooperation (eds. Grigoryev L.M., Pabst A.), Springer, pp. 183–200.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-4

The EAEU Free Trade Agreements as a New Viable Format for the Russian Trade Policy

Vladimir N. ZUEV

DSc in Economics, Professor, Institute of Trade Policy

National Research University Higher School of Economics, 101000, Myasnitskaya St., 20, Moscow, Russian Federation

E-mail: vzuev@hse.ru

ORCID: 0000-0002-1271-1200

Elena Ya. OSTROVSKAYA

PhD in Economics, Associate Professor, School of World Economy

National Research University Higher School of Economics, 101000, Myasnitskaya St., 20, Moscow, Russian Federation

E-mail: eostrovskaya@hse

ORCID: 0000-0002-8208-3801

Valentina Yu. SKRYABINA

PhD in Economics, Lecturer, Institute of Trade Policy

National Research University Higher School of Economics, 101000, Myasnitskaya St., 20, Moscow, Russian Federation;

Leading Advisor, Department of Expert and Analytical Works

Analytical Center for the Government of the Russian Federation, 107078, Akademika Sakharova Av., 12, Moscow, Russian Federation

E-mail: skryabina.valentina@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3832-5148

CITATION: Zuev V.N., Ostrovskaya E.Ya., Skryabina V.Yu. (2021). The EAEU Free Trade Agreements as a New Viable Format for the Russian Trade Policy. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 3, pp. 63–83 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-4

Received: 23.01.2021.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article was prepared with the grant support of the Faculty of World Economy and International Affairs of the National Research University Higher School of Economics in 2021.

ABSTRACT. *The Regional Trade Agreements (RTA) as a legal format of trade between countries has been actively developed within the last decades. Russian involvement in RTAs until recently was modest. However, after the EAEU creation in 2015, trade policies of the member coun-*

tries have changed. Setting up the RTAs has become an important priority of the EAEU's common trade policy. In this study, the assessment is made of the significance for the Russian domestic policies of the already signed and planned FTAs. The focus of the methodology of the study lies in

computations of three trade indices: export significance index (suggested by authors and based on the revealed comparative advantage index), trade intensity index and symmetric trade introversion index, which were calculated for the totality of trade partners of Russia for 2019 (193 countries) in order to identify the most promising countries to conclude new FTAs. Authors come to a conclusion that the already signed Russian RTAs and newly planned Russian common FTAs on behalf of the EAEU have a potential to generate trade. Another important result of the study is that it provides the list of the first-priority countries for the new-coming FTAs for Russia and the EAEU partners in terms of efficiency in generating trade, that are - Egypt, Turkey, Algeria, Republic of Korea and Mongolia. The authors suggest to make similar calculations for other countries to support the revealed pattern.

KEYWORDS: Russian and the EAEU trade, partners within the free trade agreements, regional trade agreements, trade indices, Russian trade policy.

References

- Glinkina S.P., Pylin A.G., Nguyen Kuok Hung (eds.) (2017). *The Problems of Implementation and the Expected Effects of the Eurasian Economic Union – Vietnam Free Trade Agreement*, Moscow: Editus (in Russian).
- Gurova I.P. (2009). Measuring the Global and Regional Trade Integration. *Eurasian Economic Integration*, no 3(4), pp. 60–73. Available at: https://eabr.org/upload/iblock/ead/n4_2009_5.pdf, accessed 31.03.2021 (in Russian).
- Izotov D.A. (2013). Liberalization of Russian-Vietnamese Trade: Pros and Cons for the Russian Economy. *Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, no 6(92), pp. 108–115. Available at: <http://izvestia.bgu.ru/reader/article.aspx?id=18718>, accessed 31.03.2021 (in Russian).
- Izotov D.A. (2015). Trade Liberalization between Russia and East Asian Countries. *Spatial Economics*, no 4, pp. 75–97 (in Russian). DOI: 10.14530/se.2015.4.075-097
- Izotov D.A. (2017). Trade Liberalization between Russia and the European Union, BRICS and the Trans-Pacific Partnership Countries. *Problemy prognozirovaniya*, no 3, pp. 133–141. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/liberalizatsiya-torgovli-rossii-so-stranami-evropeyskogo-soyuza-briks-i-trans-tihookeanskogo-partnerstva/viewer>, accessed 31.03.2021 (in Russian).
- Kadochnikov P.A., Rogatnykh E.B., Gherman E.I., Aliev T.M., Knobel A.Yu., Sokolyanskaya A.N., Lee Jae-Young, Kwak Sungil, Lee Chul Won, Jeh Sung Hoon, Min Jiyoun (2016). *Evaluation of Korea-Russia Economic Cooperation and Its Mid- to Long- TERM Vision*, Moscow: VAVT (in Russian).
- Kheyfets B.A. (2018). Prospects for the Creation of a Free Trade Zone between the EAEU and ASEAN. *Bulletin of the IE RAS*, no 5, pp. 107–120. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36328329_19773385.pdf, accessed 31.03.2021 (in Russian).
- Knobel A.Yu., Chokaev B.V. (2014). Possible Economic Effects of CU-EU Trade Agreement. *Voprosy Ekonomiki*, no 2, pp. 68–87. Available at: https://www.iep.ru/files/text/nauchnie_jurnali/knobel2-14.pdf, accessed 31.03.2021 (in Russian).
- Knobel A.Yu., Sedalishchev V.V. (2017). Risks and Benefits for EAEU from Various Integration Scenarios in Asia-Pacific Region. *Economic Policy*, vol. 12, no 2, pp. 72–85 (in Russian). DOI: 10.18288/1994-5124-2017-2-03
- Kostyunina G.M. (2019). Russia-ASEAN Foreign Trade: Key Development Trends. *Russian Foreign Economic Journal*, no 3, pp. 43–59. Available at: <http://www.>

rfej.ru/rvv/id/500492F50/\$file/43-59.pdf, accessed 31.03.2021 (in Russian).

Likhacheva A.B., Kalachyhin H.M. (2018). Risk Assessment of Trade Liberalization with Asian Countries in the Context of Russia's Policy of Pivot to Asia. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 3, pp. 52–69. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_39134246_20954415.pdf, accessed 31.03.2021 (in Russian).

Limao N. (2016). Preferential Trade Agreements. *Handbook of Commercial Policy*, vol. 1, part B (eds. Bagwell K., Staiger R.W.), Elsevier, pp. 281–367.

Mamedova N.M., Daniltsev A.V., Glazatova M.K. (2016). Iran: The Prospects of Trade Cooperation with the EAEU Countries. *Trade Policy*, no 3(7), pp. 9–32. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32399421_41881997.pdf, accessed 31.03.2021 (in Russian).

Mazyrin V.M. (2016). Vietnam: Free Trade Areas. *World Economy and International Relations*, vol. 60, no 3, pp. 72–82 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-3-72-82

Migranyan A.A. (2017). Methodological Aspects of the Assessment of Economic Efficiency of Free Trade Zones of EAEU with Vietnam. *Bulletin of the IE RAS*, no 3, pp. 150–161. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29344502_87185494.pdf, accessed 31.03.2021 (in Russian).

Mikic M., Gilbert J. (2007). Trade Statistics in Policymaking a Handbook of Commonly Used Trade Indices and Indicators. *UNESCAP*. Available at: https://www.unescap.org/sites/default/files/0%20-%20Full%20Report_27.pdf, accessed 01.11.2020.

Ostrovskaya E.Ya., Skryabina V.Yu. (2016). The EAEU and Egypt Free Trade Agreement Feasibility Study (Including Trade Indicators Calculation). *Journal of Modern Competition*, vol. 10, no 6(60), pp. 89–106. Available at: [\[escap.org/sites/default/files/0%20-%20Full%20Report_27.pdf\]\(https://www.unescap.org/sites/default/files/0%20-%20Full%20Report_27.pdf\), accessed <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-tselesoobraznosti-zaklyucheniya-soglasheniya-o-zone-svobodnoy-torgovli-mezhdu-eaes-i-egiptom-s-ispolzovaniem-raschetov-torgovyh/viewer>, accessed 31.03.2021 \(in Russian\).](https://www.un-</p></div><div data-bbox=)

Perskaya V.V. (2017). Free Trade or Protectionism Will Define the Future of Regional Economic Associations. *International Trade and Trade Policy*, no 3(11), pp. 23–42. Available at: <https://mttp.rea.ru/jour/article/view/200/156>, accessed 31.03.2021 (in Russian).

Podbiralina G.V. (2016). Main Areas of Cooperation of Foreign Eurasian Economic Union. *International Trade and Trade Policy*, no 1, pp. 15–26. Available at: <https://mttp.rea.ru/jour/article/view/53/54>, accessed 31.03.2021 (in Russian).

Pylin A.G. (2017). Foreign Trade Cooperation of the EAEU and Vietnam in the Context of the Free Trade Zone Creation. *Rossiia i Sovremennyy Mir*, no 3(96), pp. 164–176. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnetorgovoe-vzaimo-deystvie-eaes-i-vietnama-v-kontekste-sozdaniya-zony-svobodnoy-torgovli/viewer>, accessed 31.03.2021 (in Russian).

Revenko N.S. (2017). EAEU — Vietnam Foreign Trade: First Results of the Free Trade Zone Functioning. *Gorizonty Ekonomiki*, no 6 (39), pp. 75–81. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32458516_27128732.pdf, accessed 31.03.2021 (in Russian).

UNCTAD (2019). *Key Statistics and Trends in Trade Policy 2018*. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ditctab2019d1_en.pdf, accessed 01.11.2020.

Ushkalova D.I. (2018). Agreement of a Free Trade Zone between EAEU and Vietnam: Mechanisms of Trade Integration. *Bulletin of the IE RAS*, no 6, pp. 24–34. Available at: <https://www.elibrary.ru/>

download/elibrary_36542996_22167031.pdf, accessed 31.03.2021 (in Russian).

Volovik N.P. (2017). Activation of the Integration Interaction of the Eurasian Economic Union with Third Countries. *Russian Economic Development*, vol. 24, no 2, pp. 7–12. Available at: <https://www.ncfu.ru/export/uploads/Dokumenty-Nauka/ekonomicheskoe-razvitie-Rossii2.pdf>, accessed 31.03.2021 (in Russian).

Zeleneva I.V. (2016). Prospects for the Integration of Large Spaces – ASEAN

and EAEU. *RSUH/RGGU Bulletin. Political Science. History. International Relations*, no 1(3), pp. 57–67. Available at: <https://politicalscience.rsuh.ru/jour/article/view/53/54>, accessed 31.03.2021 (in Russian).

Zuev V. (2020). International Trade at a Triple Crossroads. *Global Governance in Transformation Challenges for International Cooperation* (eds. Grigoryev L.M., Pabst A.), Springer, pp. 183–200.

Постсоветское пространство

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-5

Деятельность ГУАМ на постсоветском пространстве: намерения, результаты, перспективы

Дмитрий Александрович БЕЛАЩЕНКО

кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и теории международных отношений, Институт международных отношений и мировой истории Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 603005, ул. Ульянова, д. 2, Нижний Новгород, Российская Федерация

E-mail: dmi-belashhenko@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0692-3418

Виталий Валерьевич ТОЛКАЧЕВ

кандидат исторических наук, доцент, кафедра мировой дипломатии и международного права, Институт международных отношений и мировой истории

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 603005, ул. Ульянова, д. 2, Нижний Новгород, Российская Федерация

E-mail: tolkatchev_v@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6308-0202

Антон Павлович ШМЕЛЕВ

кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и теории международных отношений, Институт международных отношений и мировой истории Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 603005, ул. Ульянова, д. 2, Нижний Новгород, Российская Федерация

E-mail: a.shmelev1975@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5486-8281

Имомидин Фозилович ШОДЖОНОВ

ассистент, кафедра зарубежного регионоведения и локальной истории, Институт международных отношений и мировой истории

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 603005, ул. Ульянова, д. 2, Нижний Новгород, Российская Федерация

E-mail: shodzhonov@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-0913-2440

ЦИТИРОВАНИЕ: Белащенко Д.А., Толкачев В.В., Шмелев А.П., Шоджонов И.Ф. (2021). Деятельность ГУАМ на постсоветском пространстве: намерения, результаты, перспективы // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 3. С. 84–105. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-5

Статья поступила в редакцию 26.12.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00666 «Интеграционные процессы в Европе: сравнительный анализ».

АННОТАЦИЯ. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве с учетом современных международно-политических процессов актуализируют тему перспектив отдельных организаций, в частности организации ОДЭР-ГУАМ. Данное образование специфично, поскольку оно не только изначально создавалось без участия России, но и в определенной мере формировалось в качестве объединения, альтернативного Содружеству Независимых Государств, другим интеграционным проектам, где ведущая роль признавалась за Российской Федерацией.

Исследование состоит из двух частей. В первой части рассматривается процесс развития организации ОДЭР-ГУАМ, выделяются основные этапы ее существования и трансформация концептуальных идей развития от глобального к локальному актору мировой политики, проводится широкий анализ источниковой базы, оцениваются достигнутые результаты, причины изменения состава.

Вторая часть исследования посвящена анализу с учетом совокупности эндогенных и экзогенных факторов перспектив развития данной организации с позиций неореализма (структурного реализма).

Совокупность моментов, связанных со спецификой эволюции концептуальной составляющей организации ОДЭР-ГУАМ, эпизодичностью активизации ее деятельности, наличи-

ем внутренних конфликтов интересов стран-участниц, внутриполитической обстановкой, позицией и политикой ведущих акторов системы международных отношений, позволяет рассматривать данное интеграционное образование как во многом искусственный конструкт, объединивший государства, по той или иной причине оказавшиеся вне ключевых интеграционных проектов, реализуемых Россией на постсоветском пространстве. Организацию ОДЭР-ГУАМ актуально рассматривать также в качестве инструмента продвижения интересов таких акторов, как США и ЕС, на постсоветском пространстве, в качестве инструмента информационно-идеологического, экономического давления на Россию и ее партнеров по интеграционным образованиям.

Фактически перспективы организации ОДЭР-ГУАМ оказываются в прямой зависимости от позиции и политики внешних акторов, рассматривающих данную организацию в качестве одной из площадок для давления на Российскую Федерацию, а также Китайскую Народную Республику и реализуемые этими странами интеграционные проекты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ОДЭР-ГУАМ, постсоветское пространство, интеграционные процессы, Украина, украинский кризис, конфликты, экономика, транспортно-логистические проекты.

Введение

В середине 1990-х годов на постсоветском пространстве сформировались предпосылки для возникновения новых международных организаций, в том числе с целью интеграционного сотрудничества, что было связано с рядом факторов, а именно:

1) общий кризис Содружества Независимых Государств (СНГ), одним из результатов которого стало последующее провозглашение курса на разноразностную и разностороннюю интеграцию¹;

2) кризис постсоветского пространства как полноценного региона, отсутствие идей и концепций взаимодействия, способных объединить бывшие советские республики [Дегтерев, Курылев, 2017, с. 16–21];

3) стремление некоторых новых независимых государств, недовольных степенью влияния России на постсоветском пространстве или уровнем двусторонних отношений с Москвой, проводить более самостоятельную и многовекторную внешнюю политику [Алібейлі, 2016].

В результате оформилось сразу несколько новых направлений по развитию интеграции. Некоторые из них (евразийская интеграция – Евразийское экономическое сообщество / Евразийский экономический союз – ЕврАзЭС / ЕАЭС) относительно успешно развиваются и на современном этапе, другие (интеграционные процессы в Центральной Азии – Центрально-Азиатское экономическое сообщество / Центрально-Азиатское сотрудничество – ЦАЭС / ЦАС) были существенно ограничены экономически и выступили лишь в качестве промежуточного этапа.

Отдельно стоит выделить создание организации ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова), которая стала совершенно новым явлением для региона, поскольку не только не предполагала присутствие России в своем составе, но и должна была выступить в качестве альтернативы СНГ и другим структурам, где ведущая роль принадлежала Москве. В качестве особого фактора выступали территориальные проблемы. Грузия и Молдова столкнулись с проблемой непризнанных и частично признанных государств, получавших поддержку от России (Приднестровская Молдавская Республика, Абхазия, Южная Осетия). В Закавказье по настоящий момент не разрешен нагорно-карабахский конфликт, одним из участников которого является Азербайджан. Украина с 2014 г. утратила контроль над Крымом и частью Донбасса.

Этапы развития: от глобального к локальному

Началом сотрудничества будущих членов ГУАМ – Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы – можно считать их совместное заявление в рамках заседания профильного комитета Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) от 14 марта 1996 г., а 10 октября 1997 г. процесс сближения оформился в виде создания Консультативного форума ГУАМ. Соответственно, начало институционализации было положено за пределами региона (на заседании Совета Европы) [Пивовар, 2008, с. 119], что можно объяснить стремлением «четверки» найти поддержку своих действий у ведущих

1 Евразийская экономическая интеграция: Цифры и факты (2015) // Евразийская экономическая комиссия // http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/EEC_dig_facts1.pdf, дата обращения 08.12.2020.

стран и организаций Западной Европы, а впоследствии и США.

Появление нового игрока в рамках постсоветского пространства можно объяснить несколькими причинами² [Пивовар 2008, с. 119]:

1) «четверка» предполагала выработать совместную позицию по развитию отношений с Россией;

2) страны – члены ГУАМ рассматривались странами Европы в качестве важных звеньев при создании транспортного коридора «Европа–Кавказ–Азия», который должен был соединить две части Евразийского континента, минуя Россию;

3) в перспективе территория ГУАМ позволяла диверсифицировать поставки углеводородов в страны ЕС, тем самым ослабив его зависимость от поставок из России;

4) в середине 1990-х годов получил импульс ряд кризисных процессов и явлений на постсоветском пространстве.

Практически сразу оформился и определенный диссонанс в декларируемых целях и практической деятельности. Несмотря на превалирование в официальных документах положений о развитии экономического сотрудничества, на первый план чаще выходили вопросы политического взаимодействия, носившие иногда исключительно конъюнктурный характер [Аширов, 2014].

Дальнейшие шаги государств ГУАМ, к которым в 1999 г. присоединился Узбекистан (и организацию стали именовать ГУУАМ), имели место также и за

пределами постсоветского пространства. В апреле 1999 г. на Вашингтонском саммите НАТО «пятерка» выступила с совместным заявлением, в котором были отражены основные приоритеты деятельности организации³. В сентябре 2000 г. в рамках Саммита тысячелетия Организации Объединенных Наций (ООН) главы стран – участниц ГУУАМ подписали Нью-Йоркский меморандум, который упорядочил работу организации и придал ее деятельности многоуровневый характер за счет диверсификации участников саммитов и встреч⁴.

Следующие четыре года организация развивалась довольно противоречиво. С одной стороны, были проведены три полноценных саммита на уровне глав государств, приняты важные документы, включая устав, постепенно вырабатывалась структура объединения. С другой – утратилась консолидированность в действиях и взглядах на развитие организации, которая была присуща на предыдущем этапе. В 2002 г. о сокращении масштабов своего участия объявил Узбекистан, сосредоточившись на сферах экономического сотрудничества и борьбы с терроризмом. «Существенное изменение изначально объявленных целей и задач» станет обоснованием прекращения участия Узбекистана в организации в 2005 г.; президент И. Каримов прямо обозначил то, что Узбекистан не устраивают «акценты... на решении замороженных конфликтов, формировании совместных вооруженных блоков и пересмотре существующих систем

2 Дмитриев А.Ю. (2004). СНГ и ГУУАМ: передел постсоветского пространства // Агентство политических новостей. 30 сентября 2004 // <https://www.apn.ru/index.php?newsid=1121>, дата обращения 08.12.2020.

3 Заявление президентов Азербайджанской Республики, Республики Молдова, Украины и Республики Узбекистан (1999) // ОДЭР-ГУАМ. 24 апрель 1999 // <https://guam-organization.org/zayavlenie-prezidentov-azerbajdzhanskoj-respubliki-gruzii-respubliki-moldova-ukrainy-i-respubliki-uzbekistan/>, дата обращения 08.12.2020.

4 Нью-Йоркский меморандум президентов Азербайджанской Республики, Грузии, Республики Молдова, Республики Узбекистан и Украины (2000) // Организация Объединенных Наций. 2 октября 2000 // <https://undocs.org/pdf/symbol-ru/A/55/434>, дата обращения 08.12.2020.

безопасности» [Ахмедов, Смолик, 2019, с. 856].

Новый этап в истории ГУАМ начался после «оранжевой революции» на Украине, одной из серии аналогичных процессов на постсоветском пространстве в середине 2000-х годов. Президент Украины В. Ющенко и его грузинский коллега М. Саакашвили активизировали деятельность ГУАМ. Теперь организация, с 2006 г. получившая последнее на данный момент обозначение ОДЭР-ГУАМ (Организация за демократию и экономическое развитие – ГУАМ), выступала не только как инструмент экономического взаимодействия участников, но и являлась площадкой по продвижению идей демократизации постсоветского пространства.

На данном этапе расширяется и география саммитов ГУАМ. За 2005–2008 гг. встречи глав государств прошли попеременно в каждой из четырех стран-участниц. При этом помимо традиционных сфер взаимодействия (экономика, безопасность, внешняя политика) актуализируются новые вопросы – военно-политическое сотрудничество и миротворчество, «замороженные» конфликты и др. [Язькова, 2005].

Однако к концу первого десятилетия XXI в. этап активности ГУАМ пошел к завершению. Причинами стали уже традиционные противоречия между странами по поводу сфер взаимодействия и изменения во внешнеполитических курсах некоторых из участников. После победы на президентских выборах 2010 г. В. Януковича произошло сближение Киева и Москвы, что

снизило интерес Украины к деятельности ГУАМ. Новый всплеск активности в организации произошел уже только после событий вокруг выхода Крыма и конфликта в Донбассе.

Для более точной характеристики взаимодействия в рамках организации следует обратиться непосредственно к ключевым стратегическим документам. Документы 1997–2000 гг. носят в основном декларативно-организационный характер. Страсбургская декларация, принятая в день создания ГУАМ, определяла сферы сотрудничества и круг вопросов, которые должны были составлять основу деятельности новой организации: политические и экономические связи, европейская и региональная безопасность, двустороннее и многостороннее взаимодействие⁵.

Вашингтонское заявление глав ГУУАМ несколько иначе определяет приоритеты деятельности организации. В основе данного документа лежат восемь пунктов, наибольший интерес представляют следующие: развитие взаимодействия в рамках Совета Евро-Атлантического партнерства и программы «Партнерство ради мира»; укрепление миротворческого потенциала; создание транспортного коридора Европа–Кавказ–Азия⁶.

Нью-Йоркский меморандум также можно отнести к категории декларативных, поскольку документ фактически не содержал в себе конкретных шагов в тех или иных сферах. Однако в нем больший приоритет отдавался уже многостороннему сотрудничеству и экономике⁷.

5 Совместное коммюнике встречи президентов Азербайджана, Грузии, Молдовы и Украины в Страсбурге (1997) // ОДЭР-ГУАМ. 10 октября 1997 // <https://guam-organization.org/sovместnoe-kommyunike-vstrechi-prezidentov-azerbajdzhana-gruzii-moldovy-i-ukrainy-v-strasburge/>, дата обращения 08.12.2020.

6 Заявление президентов Азербайджанской Республики, Республики Молдова, Украины и Республики Узбекистан (1999) // ОДЭР-ГУАМ. 24 апрель 1999 // <https://guam-organization.org/zayavlenie-prezidentov-azerbajdzhanskoj-respubliki-gruzii-respubliki-moldova-ukrainy-i-respubliki-uzbekistan/>, дата обращения 08.12.2020.

7 Нью-Йоркский меморандум президентов Азербайджанской Республики, Грузии, Республики Молдова, Республики Узбекистан и Украины (2000) // Организация Объединенных Наций. 2 октября 2000 // <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/55/434>, дата обращения 08.12.2020.

Более конкретные цели и задачи деятельности организации содержатся в документах, принимавшихся на саммитах ГУУАМ. Ялтинская хартия (2001) приводит четко прописанный перечень целей и направлений сотрудничества, причем в качестве приоритетов заявлены социально-экономическое развитие, торгово-экономические связи, транспортно-коммуникационные магистрали и инфраструктура, региональная безопасность и борьба с международным терроризмом, организованной преступностью и наркобизнесом и др.⁸ Таким образом, произошел определенный отход от декларируемых ранее интеграции в западные структуры и тесного сотрудничества с НАТО, ЕС и ОБСЕ, как и в целом от сугубо политического вектора развития. Однако политический фактор оставался как на уровне публичных выступлений политиков стран ГУУАМ, так и в рамках выстраиваемой внешней политики организации [Бахтуридзе, Лагутина, 2015].

В 2002 г. в Коммюнике по итогам очередного саммита ГУУАМ из практических шагов отмечены транспортный коридор «Европа–Кавказ–Азия», Евро-Азиатский нефтетранспортный коридор и внутренняя зона свободной торговли⁹. Однако речь шла не о конкретных планах реализации проектов, а о намерениях в них участвовать или претворять в жизнь в будущем. Фактически аналогичным было Заключительное коммюнике саммита ГУУАМ, прошедшего в 2003 г.¹⁰

Можно констатировать, что основные документы, принимавшиеся на втором этапе развития ГУУАМ, носят уже более прикладной характер, в основном сконцентрированы на экономической составляющей, развитии торговли, реализации конкретных проектов с участием только стран «пятерки» либо выступлениями в качестве одного из элементов более масштабных транспортных и энергетических коридоров. Вопросы политики, региональной безопасности, борьбы с терроризмом также присутствуют, однако не являются первостепенными. Политическая риторика сместилась на уровень частных заявлений представителей стран ГУУАМ.

Качественные изменения в содержании документов ГУУАМ произошли в 2005 г., когда политическое направление заняло лидирующие позиции в деятельности организации [Czerewacz-Filipowicz, Konopelko, 2017, pp. 55–62]. Первый после годичного перерыва саммит глав государств ГУУАМ ознаменовался принятием Кишиневской декларации, в которой главное место было отведено демократическим преобразованиям, европейской интеграции, установлению партнерства с ЕС и НАТО, урегулированию существующих в странах – участниках конфликтов¹¹.

Тема конфликтов стала одной из центральных и на следующем саммите в Киеве, где им посвятили отдельную Совместную декларацию, в которой была закреплена позиция ОДЭР–ГУАМ

8 Ялтинская хартия ГУУАМ (2001) // ОДЭР–ГУАМ. 7 июня 2001 // <https://guam-organization.org/yaltinskaya-hartiya-guuum-2001/>, дата обращения 08.12.2020.

9 Заключительное коммюнике саммита ГУУАМ 2002, Ялта (2002) // ОДЭР–ГУАМ. 20 мая 2002 // <https://guam-organization.org/zaklyuchitelnoe-kommyunike-sammita-guuum-2002-yalta/>, дата обращения 08.12.2020.

10 Заключительное коммюнике саммита ГУУАМ 2003, Ялта (2003) // ОДЭР–ГУАМ. 4 июля 2003 // <https://guam-organization.org/zaklyuchitelnoe-kommyunike-sammita-guuum-2003-yalta/>, дата обращения 08.12.2020.

11 Кишиневская декларация глав государств ГУУАМ «Во имя демократии, стабильности и развития» (2005) // ОДЭР–ГУАМ. 22 апреля 2005 // <https://guam-organization.org/kishinevskaya-deklaratsiya-glav-gosudarstv-guuum-vo-imya-demokratii-stabilnosti-i-razvitiya/>, дата обращения 08.12.2020.

по их урегулированию¹². Киевский саммит примечателен также не только переименованием организации и впервые принятой отдельной декларацией по конкретному вопросу, но и появлением нового устава. Последний представляет, по сравнению с Ялтинской хартией, гораздо более проработанный документ, описывающий структуру ОДЭР-ГУАМ, цели и приоритеты деятельности, особенности взаимодействия с другими государствами и международными организациями¹³.

Следующий саммит ОДЭР-ГУАМ, прошедший в 2007 г. в Баку, на сегодняшний день является наиболее представительным по составу участников, среди которых были лидеры и представители ряда государств (Польша, Румыния, США, Япония и др.). Наряду с традиционными положениями о приверженности демократическим ценностям и сотрудничестве с другими государствами и международными организациями, стремлении урегулировать существующие локальные конфликты, в Бакинской декларации неоднократно делается акцент на геополитической и геоэкономической значимости ОДЭР-ГУАМ в качестве связующего элемента между различными регионами¹⁴. Кроме того, в ходе саммита была подписана Стратегия отраслевого сотрудничества ГУАМ, посвященная исключительно развитию связей в сферах экономики, безопасности и гуманитарного взаимодействия¹⁵.

Стоит отметить, что в рамках Бакинского саммита было предложено создать миротворческий батальон в рамках ОДЭР-ГУАМ, который в перспективе участвовал бы в операциях наряду с миротворцами из России и СНГ. В случае реализации данного проекта организация могла сделать существенный шаг в сторону военно-политического сотрудничества либо закрепить уже на практическом уровне многовекторный формат сотрудничества. Однако проект был заблокирован президентом Молдовы, сославшись на статус «нейтрального государства» [Джанаридзе, 2008].

Батумский саммит 2008 г. тем не менее не привел к каким-либо значимым качественным изменениям в деятельности ОДЭР-ГУАМ. Декларация содержит привычные положения из сфер политики и экономики, а возможные проекты упоминаются лишь как желательные к реализации¹⁶. Коммюнике также не содержит каких-то практических шагов, констатируя развитие отношений между участниками и значительную внешнюю поддержку со стороны других стран и международных организаций¹⁷.

Таким образом, подводя итог наиболее активным этапам деятельности ГУАМ (ГУУАМ, ОДЭР-ГУАМ), стоит отметить следующее.

1. Отсутствие четкой консолидации между участниками организации привело к частой смене главных приори-

12 Совместная декларация глав государств Организации за демократию и экономическое развитие–ГУАМ по урегулированию конфликтов (2006) // ОДЭР-ГУАМ. 23 мая 2006 // <https://guam-organization.org/sovmeznaya-deklaratsiya-glav-gosudarstv-organizatsii-za-demokratiyu-i-ekonomicheskoe-razvitie-guam-po-voprosu-uregulirovaniya-konfliktov/>, дата обращения 08.12.2020.

13 Устав Организации за демократию и экономическое развитие–ГУАМ // ОДЭР-ГУАМ // <https://guam-organization.org/ustav-organizatsii-za-demokratiyu-i-ekonomicheskoe-razvitie-guam/>, дата обращения 08.12.2020.

14 Бакинская декларация «ГУАМ: Объединяя континенты» (2007) // ОДЭР-ГУАМ // <https://guam-organization.org/bakinskaya-deklaratsiya-guam-obedinyaya-kontinenty/>, дата обращения 08.12.2020.

15 Стратегия развития отраслевого сотрудничества ГУАМ (2007) // ОДЭР-ГУАМ // <https://guam-organization.org/strategiya-razvitiya-otraslevogo-sotrudnichestva-guam/>, дата обращения 08.12.2020.

16 Батумская декларация «ГУАМ – интегрируя Восток Европы» (2008) // ОДЭР-ГУАМ. 1 июля 2008 // <https://guam-organization.org/batumskaya-deklaratsiya-guam-integriruya-vostok-evropy/>, дата обращения 08.12.2020.

17 Коммюнике Батумского саммита ГУАМ (2008) // ОДЭР-ГУАМ. 1 июля 2008 // <https://guam-organization.org/kommyunike-batumskogo-sammita-guam/>, дата обращения 08.12.2020.

тетов и направлений сотрудничества. При этом частая смена повестки дня вызвала появление существенных противоречий между участниками, а также не позволила сосредоточиться на реализации взаимовыгодных проектов.

2. Внешняя поддержка со стороны других стран и международных организаций носила в основном декларативный характер, а ее материальная часть была весьма дозированной и ограниченной.

3. Не был реализован транзитный потенциал организации, связанный с географическим расположением стран-участниц по причине влияния как внешних, так и внутренних факторов.

4. В рамках ГУАМ был предложен ряд проектов, которые могли быть реализованы при определенном стечении обстоятельств и наличии интереса со стороны ЕС. Однако данные проекты, связанные с транзитом энергоресурсов, либо не получили поддержки со стороны внешних партнеров, либо оказались неконкурентными в отношении, например, проекта «Набукко» [Шелест, 2009, с. 51–52].

Первым знаковым событием после длительного «простоя» организации стало подписание Программы сотрудничества ГУАМ-Япония (3 декабря 2015 г.). Несмотря на то что документ можно охарактеризовать как рамочный, а его положения – как максимально общие и лишенные конкретики в плане четких приоритетов взаимодействия, сроков реализации программы и путей достижения заявленных целей¹⁸, его подписание можно считать

важным с формально-символической точки зрения.

Следующее важное событие в рамках ОДЭР-ГУАМ произошло в марте 2017 г., когда после многолетнего перерыва был проведен саммит, на котором обсуждалось расширение дальнейшего международного сотрудничества организации (как на базе ранее подписанной Программы сотрудничества с Японией, так и за счет новых соглашений с США и Вишеградской группой). Другими важными темами были ранее широко обсуждавшиеся вопросы транспортного коридора и зоны свободной торговли. При этом если первая проблема нашла итоговое отражение лишь в общем совместном заявлении участников, носившем, скорее, протокольный характер¹⁹, то вторая была подкреплена подписанием двух документов, которые должны были активизировать создание зоны свободной торговли в рамках ОДЭР-ГУАМ (Протокол между таможенными администрациями государств – членов ГУАМ и Протокол о создании рабочего органа, координирующего действия по созданию зоны свободной торговли).

Следующие саммиты в октябре 2018 г. в Кишиневе и в декабре 2019 г. в Киеве не привели к конкретным достижениям в практической деятельности ОДЭР-ГУАМ. Итоговые совместные заявления, по большей части, содержат традиционные экономические и политические положения, хотя приоритет, в отличие от предыдущих этапов, явно отдается экономическому, гуманитарному и культурному сотрудничеству.

18 Программа сотрудничества ГУАМ-Япония (in English) (2015) // ОДЭР-ГУАМ. 3 декабря 2015 // <https://guam-organization.org/programma-sotrudnichestva-guam-yaponiya-in-english/>, дата обращения 08.12.2020.

19 Совместное заявление глав правительств государств – членов ГУАМ (in English) (2017) // ОДЭР-ГУАМ. 27 мая 2017 // <https://guam-organization.org/sovместное-zayavlenie-glav-pravitelstv-gosudarstv-chlenov-guam-in-english/>, дата обращения 08.12.2020.

В силу глобальных обстоятельств, связанных с пандемией коронавируса, в 2020 г. деятельность ОДЭР-ГУАМ была существенно ограничена и фактически не имела практического воплощения. Реализация ключевых проектов была в очередной раз отложена на более поздние сроки.

В целом на современном этапе развития и деятельности ОДЭР-ГУАМ можно констатировать следующие особенности.

1. Вопреки негативным прогнозам ОДЭР-ГУАМ не была упразднена, состав участников после выхода из организации Узбекистана в 2005 г. вернулся к первоначальному формату.

2. Деятельность организации сохранила преемственность в сфере ключевых направлений и проектов, но приоритетом теперь является экономическое, гуманитарное и культурное сотрудничество, вопросы политики и безопасности фактически перешли в разряд второстепенных.

3. Произошли изменения в подходах к организации своей деятельности. Они стали проектно-ориентированными и более конкретными в плане аспектов и вопросов практической реализации. При этом формулировки глобального характера, выходящие далеко за географические пределы постсоветского пространства, сохранились на уровне официальных документов и риторики представителей государств-участников. Однако на современном этапе крупные экономические и транспортно-логистические проекты находятся лишь в стадии обсуждения и планирования, а существующие достижения можно охарактеризовать как локальные.

4. Особое внимание уделяется международному сотрудничеству на уровне отдельных государств и международ-

ных организаций (США, Япония, Канада, ООН, ОБСЕ, Вишеградская группа и т.д.), но данному направлению не хватает как документального наполнения, так и практической составляющей.

5. ОДЭР-ГУАМ продолжает существенно зависеть от таких факторов, как поддержка со стороны внерегиональных акторов и внутривосточная ситуация в государствах-участниках.

Современное состояние и перспективы развития

Оценивая место ОДЭР-ГУАМ в системе международных организаций на постсоветском пространстве, роль в международно-политических процессах, перспективы ее развития, необходимо принимать во внимание ряд важных моментов.

Во-первых, в современной мировой системе одним из основных драйверов интеграционных процессов являются стратегические экономические проекты. В перечне основных целей организации ОДЭР-ГУАМ экономический аспект взаимодействия стран-участниц указан в качестве одного из ведущих²⁰, данный момент нашел свое отражение и в самом названии организации – «Организация за демократию и **экономическое развитие**».

Что касается торгово-экономических отношений стран ОДЭР-ГУАМ как базы для строительства желаемой зоны свободной торговли, то она представляется достаточно скромной по сравнению с товарооборотом с другими близкими торговыми партнерами региона, например, с Белоруссией, Турцией, Российской Федерацией, Румынией (см. табл.).

20 Устав Организации за демократию и экономическое развитие–ГУАМ // ОДЭР-ГУАМ // <https://guam-organization.org/ustav-organizatsii-za-demokratiyu-i-ekonomicheskoe-razvitiie-guam/>, дата обращения 08.12.2020.

Таблица. Сравнительные объемы товарооборота членов ГУАМ, в млн долл. США (данные округленные)

Table. Comparative amount of GUAM countries turnover in million US dollars (data are rounded)

	Украина	Грузия	Азербайджан	Молдова	Россия	Белорусия	Турция	Румыния
Украина	-	600	800	800	10 000	7 500	5 000	1 600
Грузия	600	-	1 000	20	1 400	100	1 800	400
Азербайджан	800	1 000	-	8	3 000	230	4 500	200
Молдова	800	20	8	-	950	210	600	1 600

Источник: составлено по: Географічна структура зовнішньої торгівлі товарами у 2019 році // Державна служба статистики України // http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2019/zd/ztt/ztt_u/ztt1219_u.htm; The Foreign Trade of Azerbaijan // The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan // <https://www.stat.gov.az/source/trade/?lang=en>; National Statistics Office of Georgia (Geostat), External Trade // National Statistics Office of Georgia // <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/35/external-trade>; Statistical Databank, Moldova, External Trade, Export, Import, Trade Balance, Annual Series // Statistica Moldovei // <https://statbank.statistica.md/PxWeb/pxweb/en/40%20Statistica%20economica/?rxid=b2ff27d7-0b96-43c9-934b-42e1a2a9a774>, дата обращения 15.02.2021.

Следует отметить существующие различия в цифрах, представленных статистическими службами разных стран, что может быть обусловлено и разными методиками подсчета, и вопросом учета неподконтрольных центральным правительствам территорий в Молдове, Украине, Грузии и Азербайджане. Тем не менее нельзя сказать, что эти различия сильно влияют на масштаб данных и, соответственно, на итоговый анализ.

Реальные достижения организации в целом в экономической сфере в сравнении с тем, что реализуется соседними государствами или на сопредельных территориях, выглядят также достаточно bleakо. Большая часть достижений, несмотря на уже не первое десятилетие развития организации, имеет про-

сто характер согласованных проектов и планов: проект «виртуального торгового узла для предоставления электронных услуг в сфере таможенной, туризма и транспорта, внедрения блокчейн-технологий»²¹, представленный на саммите ОДЭР-ГУАМ 2019 г., проект интеграции транспортного коридора ГУАМ в европейскую транспортно-логистическую сеть, представленный на Railfreight Summit 2020²².

Многие проекты стран ОДЭР-ГУАМ, предлагаемые к реализации, фактически утратили свою актуальность во многом по причине отсутствия заинтересованности внешних потенциальных партнеров. Соглашение о развитии транспортного коридора было подписано еще в рамках июльского саммита ГУАМ 2008 г. Участники

21 Страны – члены ГУАМ договорились о свободной торговле и транспортном коридоре (2019) // Point.md. 13 декабря 2019 // <https://point.md/ru/novosti/politika/strany-chleny-guam-dogovorilis-o-svobodnoi-torgovle-i-transportnom-koridore/>, дата обращения 08.12.2020.

22 Участие генерального секретаря ГУАМ в Railfreight Summit 2020 (2020) // ОДЭР-ГУАМ. 2 сентября 2020 // <https://guam-organization.org/uchastie-generalnogo-sekretarja-guam-v-railfreight-summit-2020/>, дата обращения 12.12.2020.

саммита, понимая локальный характер проекта, акцентировали внимание на потенциальных возможностях данного коридора стать элементом евразийской транспортной системы, анонсировали начало реализации «центрального маршрута Новой евро-азиатской транспортной инициативы (NELTI)», разработанного в рамках проекта Международного союза автомобильного транспорта²³. При этом в течение всего периода реализации проекта транспортный коридор ГУАМ позиционировался в качестве элемента системы международной торговли, в качестве инструмента интеграции стран – участниц организации в международные торговые сети²⁴. Существовали планы интеграции отдельных экономических сегментов стран – участниц ГУАМ в общеевропейскую систему, например планы создания ГУАМ совместно с Польшей и Литвой единого пространства добычи и транзита энергоресурсов²⁵.

Вместе с тем реализуемые в евразийском пространстве стратегические проекты КНР и России достаточно слабо затрагивают территории стран – участниц ГУАМ. Проекты скоростной трассы «Меридиан», высокоскоростного грузопассажирского железнодорожного транспортного коридора «Евразия», являющиеся элементами системы проекта «Silk Road», предусматривают обход территории практически всех стран – участниц ГУАМ [Асаул, Кураков, Мохов, 2019], так же как и основная артерия проекта МТК/«Север–Юг». Дистанцировать отдельные государства, являющиеся членами организации, от системы стратегических не-

фте- и газотрубопроводов способен и проект «Турецкий поток».

Помимо удаления ряда стран – участниц ГУАМ от магистральных потоков транспортно-логистических и трубопроводных систем, реализуемые в настоящее время КНР и Россией проекты формируют и иные риски организации ОДЭР-ГУАМ как международно-политическому актору. Транс-азиатский коридор «Silk Road», западный вариант проекта МТК/«Север–Юг» предусматривают инкорпорацию в данные проекты Грузии и Азербайджана [Винокуров, Лобывев, Тихомиров, 2018, с. 7], при этом структурными элементами транспортно-логистической и трубопроводной систем могут стать уже реализованные и перспективные региональные проекты с участием данных государств.

В данном случае возможна переоценка эффективности и перспектив участия в организации ГУАМ рядом ее членов, в первую очередь Азербайджаном. Азербайджан, например, принял активное участие в проекте создания Трансадриатического трубопровода (Trans Adriatic Pipeline, TAP), запущенного в 2020 г., и теперь поставляет газ в ЕС. Данный проект, реализованный в интересах Азербайджана, Турции и стран Евросоюза, никоим образом не затрагивает другие страны ОДЭР-ГУАМ. В перспективе способна сделать аналогичную переоценку и Грузия, учитывая усиливающиеся позиции в ее экономике КНР [Мачавариани, 2015, с. 146].

Во-вторых, в качестве одной из основных целей организации ОДЭР-ГУАМ заявлено «утверждение демокра-

23 Саммит ГУАМ завершил работу подписанием соглашения о развитии транспортного коридора (2008) // Trend.az. 2 июля 2008 // <https://www.trend.az/business/economy/1236747.html>, дата обращения 12.12.2020.

24 Концепция развития транспортного коридора ГУАМ (2013) // ОДЭР-ГУАМ. 13 февраля 2013 // <https://guam-organization.org/kontsepsiya-razvitiya-transportnogo-koridora-guam/>, дата обращения 12.12.2020.

25 ГУАМ создаст с Польшей и Литвой единое пространство добычи и транзита энергоресурсов (2007) // E-news.com.ru. 19 июня 2007 // <http://e-news.com.ua/show/152630.html/>, дата обращения 12.12.2020.

тических ценностей, обеспечение верховенства права и уважения прав человека»²⁶, что также отражено в самом названии организации: «Организация за **демократию** и экономическое развитие». И в данной плоскости можно говорить о присутствии в пространстве ГУАМ конфликтогенных пространств, потенциально способных угрожать целостности данного интеграционного образования.

Так, например, Азербайджан (наравне с Россией) остается одним из двух государств, входящих в Совет Европы, не подписавших Стамбульскую конвенцию по борьбе с насилием в отношении женщин. По причине несоответствия национальному законодательству и национальным интересам Азербайджан не подписал и Конвенцию об альтернативной службе²⁷. Данная позиция связана как с тем, что азербайджанское общество отличается высокой степенью традиционализма, так и с тем, что правящая элита стремится ограничить транзит «западных» демократических ценностей, потенциально способных привести к «цветной революции». Следует отметить, что аналогичное стремление стало одной из причин прекращения членства в организации Узбекистана [Ахмедов, 2019, с. 1183].

Таким образом, с учетом конфликта традиционных и «западных» демократических ценностей, именно Азербайджан следует рассматривать в качестве потенциального кандидата на выход из организации либо существенную минимизацию практического взаимодей-

ствия в ее рамках со стороны данного государства.

Необходимо учитывать и внутривосточную ситуацию в странах – членах ГУАМ. На определенных этапах существования организации отдельные лидеры стран-участниц высказывали свои сомнения в ее жизнеспособности и перспективах, например В. Янукович и В. Воронин в 2009–2010 гг. При этом критике подвергалась смена приоритетов в пользу вопросов политического характера²⁸.

Изменение как политических ориентиров властных элит, так и позиции и политики стран ЕС в отношении отдельных стран – участниц организации ГУАМ могут сделать участие данных стран в организации неактуальным. Исследователи отмечают фактически прекращение «демократических» (с точки зрения стран Запада) реформ в Азербайджане [Бахтуридзе, Лагутина, 2015, с. 14], формирующиеся тесные взаимодействия между Молдовой и ЕС в целом и Молдовой и Румынией в частности [Офицеров-Бельский, Ермаков, 2020]. Кроме того, взаимодействие ЕС с рядом стран организации развивается и в рамках учрежденного в 2008 г. проекта «Восточного партнерства», а в 2016–2017 гг. вступили в силу Соглашения об ассоциации с ЕС, подписанные Молдовой, Грузией и Украиной. Азербайджан также участвовал в переговорном процессе, но в 2013 г. он был приостановлен. В 2019 г. президент И. Алиев назвал бессмысленными дальнейшие шаги по сближению с европейскими институтами, подчеркнув,

26 Устав Организации за демократию и экономическое развитие–ГУАМ // ОДЭР-ГУАМ // <https://guam-organization.org/ustav-organizatsii-za-demokratiyu-i-ekonomicheskoe-razvitiie-guam/>, дата обращения 08.12.2020.

27 Расулзаде З. (2018). Азербайджан и РФ не подписали конвенцию ЕС против насилия над женщинами // Aze.az. 19 января 2018 // <https://aze.az/azerbaydzhan-rf-ne-podpisali-konventsiiyu.html/>, дата обращения 12.12.2020.

28 Воронин: Я нигде не заявлял о том, что мы выходим из ГУАМ (2008) // ФОРУМ. 23 июля 2008 // <https://forum.md/ru/836153/>, дата обращения 12.12.2020.

что «Брюсселю следовало бы больше учитывать интересы его страны»²⁹.

В-третьих, одним из направлений деятельности организации ОДЭР-ГУАМ является укрепление международной безопасности, в том числе и посредством углубления европейской интеграции³⁰.

До событий 2008 и 2014 гг. основной угрозой региональной безопасности официальные представители стран – членов ГУАМ позиционировали «неурегулированные конфликты и незаконное присутствие иностранных войск и вооружений на территории Азербайджана, Грузии и Молдавии»³¹. В последние годы спектр формулировок стал значительно шире: «продолжающиеся акты вооруженной агрессии против государств – членов ГУАМ... систематические и серьезные нарушения прав человека и основных свобод, произвольных задержаний... на оккупированных территориях»³². Официальная позиция ГУАМ в этом плане сформулирована следующим образом: урегулирование всех вооруженных и иных конфликтов только на основании принципа территориальной целостности³³.

Рассматривая ситуацию в Закавказье, следует также обратить внимание на тот факт, что регион в определенной мере «окружен» государствами, взаимодействующими между собой в различных экономических проектах, которые потенциально могут стать элементами экономической системы «Silk Road». Соответственно, сопряжение интересов таких ведущих ак-

торов в регионе, как Россия, Иран, Турция, в совокупности с усиливающимися позициями Китая в Закавказье в условиях получения странами региона существенных экономических выгод может отразиться на позициях и политике Грузии, Армении и Азербайджана. Например, это может произойти через Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), в работе институтов которой в качестве государства-наблюдателя принимает участие Иран, а в качестве «партнеров по диалогу» – Турция и Азербайджан.

Что касается ситуации с Приднестровьем, то официальные власти Молдовы, отказавшись от силовых вариантов, фактически интегрировали свою политику в отношении непризнанной республики в политику ЕС, предусматривающую применение технологий «мягкой силы» и экономических рычагов [Офицеров-Бельский, Ермаков, 2020]. С учетом возможных вариантов развития ситуации с самой Молдовой в плане интеграции в различных форматах (суверенно либо в составе Румынии) данная конфликтная ситуация может утратить свою актуальность.

Развитие ситуации применительно к неурегулированным региональным конфликтам может либо снять с повестки данные вопросы, либо кардинально изменить позицию отдельных участников организации ОДЭР-ГУАМ. Например, по соглашению, подписанному в ночь на 10 ноября 2020 г. лидерами Армении, Азербайджана и России, российские миротворцы будут

29 «А нужно ли нам членство в ЕС?» Почему Баку разочаровался в Европе (2019) // РИА Новости. 27 декабря 2019 // <https://ria.ru/20191227/1562897634.html>, дата обращения 15.02.2021.

30 Устав Организации за демократию и экономическое развитие–ГУАМ // ОДЭР-ГУАМ // <https://guam-organization.org/ustav-organizatsii-za-demokratiyu-i-ekonomicheskoe-razvitiye-guam/>, дата обращения 08.12.2020.

31 Лидеры ГУАМ видят угрозу в присутствии иностранных войск (2006) // Кавказский узел. 24 мая 2006 // <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/95193/>, дата обращения 12.12.2020.

32 Мартиросян С. (2018). Целью ГУАМ по-прежнему является совместная борьба с «российской угрозой» // Военно-политическая аналитика. 12 октября 2018 // <https://vpoanalytics.com/2018/10/12/tselyu-guam-po-prezhnemu-yavlyayetsya-sovmestnaya-borba-s-rossijskoj-ugrozoj/>, дата обращения 12.12.2020.

33 Там же..

контролировать ситуацию в армянской и азербайджанской частях Нагорного Карабаха³⁴. Роль России в урегулировании вооруженного противостояния в 2020 г. была отмечена и международными организациями (в выступлении Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Борреля³⁵, на брифинге пресс-секретаря Генерального секретаря ООН С. Дюжаррика³⁶), и зарубежными обозревателями, подчеркнувшими факт укрепления позиций России в регионе³⁷.

Наряду с перечисленными факторами при анализе перспектив организации ОДЭР-ГУАМ следует отметить и периодический характер активности стран-участниц. Триггерами активизации деятельности организации, что отмечают специалисты в данном вопросе [Бахтуридзе, Лагутина, 2015, с. 10; Долленко, Мальчуков, 2019], являлись события на Украине 2004 и 2014 гг. Периоды же пассивного существования были сопряжены со снижением уровня «антироссийских» настроений в среде политических элит стран – участниц ГУАМ. Именно в период подобных этапов звучали критические оценки относительно целей и задач, механизмов функционирования институтов организации, ее перспектив [Abadjian, 2010; Tsereteli, 2013].

Очередной всплеск активности породил ряд прогнозов и вариантов раз-

вития организации, а также показал имеющийся у стран – членов ГУАМ комплекс противоречий относительно того вектора развития, который предлагает в настоящее время, в первую очередь Украина, подразумевая активизацию консолидированных действий в политической сфере. С точки зрения Азербайджана, «вдохнуть жизнь в увядающий ГУАМ» способна реализация экономических инициатив в совокупности с политикой «активного нейтралитета» в сфере внешней политики³⁸. Присутствуют и идеи о важности конструктивного диалога с Россией [Магавариани, 2014, с. 112], однако данный вариант развития ситуации выглядит маловероятным.

Согласно оценкам исследователей, организация ОДЭР-ГУАМ изначально выстраивалась как проект, «специально исключаящий присутствие в нем России», а также ее влияние на сам проект [Какутич, 2018, с. 13]. Организацию можно рассматривать в качестве инструмента политики США и ЕС, ориентированного на создание своего рода противовеса интеграционным проектам России, на окончательный отрыв стран ГУАМ от постсоветского пространства с последующей интеграцией в пространство единого европейского рынка и систему безопасности НАТО [Глинкина, Косикова, 2010]. Именно поэтому в качестве основных задач развития организации позиционируется

34 Тадтаев Г. (2020). Минобороны показало карту размещения российских миротворцев в Карабахе // РБК. 11 ноября 2020 // <https://www.rbc.ru/politics/11/11/2020/5fabef29a7947824cb2c565>, дата обращения 15.02.2021.

35 Nagorno Karabakh: Statement by the High Representative/Vice-President Josep Borrell on the Cessation of Hostilities. Brussels (2020) // EEAS, November 10, 2020 // https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/88476/nagorno-karabakh-statement-high-representativevice-president-josep-borrell-cessation_en, дата обращения 02.04.2021.

36 Daily Press Briefing by the Office of the Spokesperson for the Secretary-General (2020) // United Nations, November 10, 2020 // <https://www.un.org/press/en/2020/db201110.doc.htm>, дата обращения 02.04.2021.

37 «Дипломатический успех России». Мировые СМИ о соглашении по Нагорному Карабаху (2020) // ТАСС. 11 ноября 2020 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9973949>; Armenia, Azerbaijan and Russia Sign Nagorno-Karabakh Peace Deal (2020) // BBC, November 10, 2020 // <https://www.bbc.com/news/world-europe-54882564>; Another Map Redrawn in Blood Six Consequences of the Six-week War for Nagorno-Karabakh (2020) // Meduza, November 13, 2020 // <https://meduza.io/en/feature/2020/11/13/another-map-redrawn-in-blood>, дата обращения 02.04.2021.

38 Мамишова Н. (2020). ГУАМ 2020: Чего ожидать от председательства Азербайджана? // Центр досліджень армії, конверсії та роззброєння. 2 февраля 2020 // <https://cacds.org.ua/en/?p=8770/>, дата обращения 12.12.2020.

укрепление взаимоотношений в различных сферах с США и ЕС³⁹.

Фактически именно прямая заинтересованность стран Запада становится определяющим фактором в плане перспектив организации ОДЭР-ГУАМ⁴⁰, т.е. организация позиционируется как проект, «отделяющий демократический Запад от потенциально враждебной России» [Алібейлі, 2016, с. 16]. Представители украинского научного сообщества наиболее оптимистично смотрят на перспективы ОДЭР-ГУАМ, отмечая необходимость дальнейшей экономической интеграции, более тесного взаимодействия с Румынией, Болгарией, Польшей и Турцией с возможным расширением организации в дальнейшем, заключения ряда военно-политических соглашений с европейскими и евро-атлантическими структурами безопасности [Алібейлі, 2016, с. 16–19].

Данный вариант развития ситуации выглядит маловероятным. Более вероятен вариант сокращения состава участников. Например, выход Азербайджана из организации прогнозировался не единожды с 2007 г. Скорее, стоит говорить о «несовпадении взглядов государств-участников, отсутствии реальной стратегии, которая... соответствовала бы интересам входящих в организацию стран» [Мачавариани, 2014, с. 114], отсутствии стратегии политического и экономического единства [Желевский, 2017, с. 332], нежелании отдельных участников соглашаться с вектором развития, формируемым Украиной, претендующей на роль регионального лидера.

Кроме того, следует учитывать, что, будучи частью других соглашений, ко-

торые были подписаны со странами СНГ, и в первую очередь с Россией, государства ГУАМ пока так и не смогли капитализировать выгоды от собственной зоны свободной торговли [Pincu, Stan, 2020, p. 32]. Импортные и экспортные потоки следовали тенденциям международной торговли и в основном соответствовали критерию географической близости.

Заключение

С учетом изложенных выше фактов можно спрогнозировать вариант дальнейшего существования данной организации в формате искусственного конструкта, обладающего сомнительным интеграционным потенциалом. Экономические процессы на постсоветском пространстве ставят под сомнение эффективность аналогичных проектов в рамках ОДЭР-ГУАМ, что наглядно показывают как политика отдельных стран-участниц, например Азербайджана (участие в проекте ТАР), так и развитие взаимоотношений стран организации с ЕС в двустороннем формате в рамках проекта «Восточного партнерства».

В политической сфере ключевое значение может иметь то, что организации отводится роль одного из инструментов санкционно-информационного давления на Россию со стороны стран Запада. В данном плане под угрозой оказывается принцип комплементарности интересов всех участников. В данной ситуации в ОДЭР-ГУАМ резко выделяется позиция Азербайджана, но и действующие молдавские власти не

39 Klimkin P., Umland A. (2020). Grey Zone Politics: Why Ukraine Needs Creative International Cooperation // European Council on Foreign Relations, April 16, 2020 // https://www.ecfr.eu/article/commentary_grey_zone_politics_why_ukraine_needs_creative_international_coop/, дата обращения 12.12.2020.

40 Avdaliani E. (2019). GUAM Could Be Turned into an Effective Bloc // Modern Diplomacy, April 4, 2019 // <https://moderndiplomacy.eu/2019/04/04/guam-could-be-turned-into-an-effective-bloc/>, дата обращения 12.12.2020.

отказываются от развития взаимоотношений с Россией: несмотря на то что новый президент Молдавии М. Санду в меньшей степени привержена идеям развития российско-молдавских отношений, Партия социалистов Республики Молдова (ПСРМ) имеет большинство в парламенте.

Следующим политическим моментом, способным привести к формированию конфликтного пространства в организации вплоть до сокращения числа ее участников, может стать вопрос о транзите «западных демократических» ценностей, достаточно негативно воспринимаемый в том же Азербайджане.

Условность и ограниченность экономических достижений в рамках организации с учетом имеющихся противоречий относительно политических вопросов деятельности ОДЭР-ГУАМ может привести либо к ликвидации организации, либо к ее сохранению (возможно, даже в полном составе) в статусе формальной структуры, решающей локальные задачи стран-участниц и не имеющей практического веса на международно-политической арене.

Можно предположить, что западные акторы будут поддерживать данный проект «на плаву», периодически его реанимируя, в том числе и в плане оказания возможного политического давления не только на Россию, но и на КНР, Иран с целью блокирования либо затруднения дальнейших интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и ШОС, осуществления давления на каспийские проекты.

Тем не менее в настоящее время у взаимодействующих между собой Российской Федерации, Китая и Ирана есть достаточно четкое представление о реальных возможностях и потенциях ОДЭР-ГУАМ. Это позволяет выстраивать взаимодействие посредством реализации программ и проектов, способ-

ных заинтересовать не только участников организации, но и внешних акторов, поддерживающих ГУАМ в активной фазе существования. Несмотря на то что организация ГУАМ в основном терпит неудачу в своей цели создания новых транзитных коридоров, государства, входящие в эту организацию, могут присоединиться к другим структурам и адаптироваться, находя при этом новые пути экономического взаимодействия и дальнейшего развития, что потенциально способно привести к ситуации, когда ОДЭР-ГУАМ перейдет к формату интеграционного образования «на бумаге».

Список литературы

Алібейлі Е.А. (2016). Вибір Україною зовнішньополітичної стратегії в середині 1990-х років: варіант ГУАМу // Науковий вісник Дипломатичної академії України. № 23(2). С. 13–20 // http://irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&2_S21P03=FILE&2_S21STR=Nvdau_2016_23%282%29__4, дата обращения 10.04.2021.

Асаул М.А., Кураков А.В., Мохов А.Е. (2019). Проект «Меридиан» – первая частная автомагистраль в России // Транспорт Российской Федерации. № 5(84). С. 8–11 // <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-meridian-pervaya-chastnaya-avtomagistral-v-rossii/viewer>, дата обращения 10.04.2021.

Ахмедов Х.Т. (2019). Участие Узбекистана в развитии военно-политической интеграции и обеспечении региональной безопасности в Центрально-Азиатском регионе // Постсоветские исследования. Т. 2. № 4. С. 1180–1186 // https://elibrary.ru/download/elibrary_38174754_23484017.pdf, дата обращения 10.04.2021.

Ахмедов Х.Т., Смолик Н.Г. (2019). Республика Узбекистан в интеграционных процессах на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. Т. 2. № 1. С. 854–865 // https://elibrary.ru/download/elibrary_36793916_23841073.pdf, дата обращения 10.04.2021.

Аширов В.Г. (2014). ГУАМ в контексте современных экономических и политических реалий // Гілея: науковий вісник. № 80. С. 328–332 // http://irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&2_S21P03=FILEA=&2_S21STR=gileya_2014_80_86, дата обращения 10.04.2021.

Бахтуридзе З.З., Лагутина М.Л. (2015). Организация за демократию и экономическое развитие – ГУАМ как модель политической интеграции на постсоветском пространстве // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. № 2(220). С. 9–19 // <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-za-demokratiyu-i-ekonomicheskoe-razvitie-guam-kak-model-politicheskoy-integratsii-na-postsovetskom-prostranstve/viewer>, дата обращения 10.04.2021.

Винокуров Е.Ю., Лобырев В.Г., Тихомиров А.А. (2018). Транспортные коридоры Шелкового пути: анализ барьеров и рекомендации по направлению инвестиций // Центр интеграционных исследований ЕБР. Доклад № 50 // https://eabr.org/upload/iblock/304/EDB-Centre_2018_Report-50_Transport-Corridors_Barriers-and-Investments_RUS.pdf, дата обращения 12.12.2020.

Глинкина С., Косикова Л. (2010). Европейская политика соседства в странах СНГ: новые тенденции и вызовы для России // Аналитические записки // <http://analyticsmz.ru/?p=309/>, дата обращения 12.12.2020.

Дегтерев Д.А., Курылев К.П. (ред.) (2017). Внешняя политика стран СНГ: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс.

Джапаридзе Т. (2008). Организация за демократию и экономическое развитие ГУАМ: «Дорожная карта» продвижения к цели (Взгляд из Грузии с некоторыми личными раздумьями и выводами) // Центральная Азия и Кавказ. № 3–4(57–58) // <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-za-demokratiyu-i-ekonomicheskoe-razvitie-guam-dorozhnaya-karta-prodvizheniya-k-tseli-vzglyad-iz-gruzii-s-nekotorymi/viewer>, дата обращения 08.12.2020.

Доленко Д.В., Мальченков С.А. (2019). Тенденции развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. С. 453–455 // https://elibrary.ru/download/elibrary_42435107_92022225.pdf, дата обращения 10.04.2021.

Желевский М.С. (2017). Трансформация постсоветского пространства в парадигме интеграционных процессов // АНИ: экономика и управление. № 2(19). С. 331–333 // https://elibrary.ru/download/elibrary_29728911_62088601.pdf, дата обращения 10.04.2021.

Какутич Е.Ю. (2018). Эволюция интеграционного взаимодействия стран в пределах Евразийского континента // Universum: экономика и юриспруденция. № 2(47). С. 10–15 // https://elibrary.ru/download/elibrary_32326984_51036355.pdf, дата обращения 10.04.2021.

Мачавариани Г.Г. (2014). ГУАМ как проект альтернативной интеграции на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. № 4. С. 112–119 // <https://cyberleninka.ru/article/n/guam-kak-proekt-alternativnoy-integratsii-na-postsovetskom-prostranstve/viewer>, дата обращения 10.04.2021.

Мачавариани Г.Г. (2015). Грузия – Китай: политические, экономические и гуманитарные аспекты сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. № 1. С. 142–151 // <https://arxiv.gau.ru/s2313-0660000617-5-1-ru-554/?reader=Y>, дата обращения 10.04.2021.

Офицеров-Бельский Д., Ермаков А. (2020). Постсоветское пространство 2020: Республика Молдова // Российский совет по международным делам // <https://russiancouncil.ru/postsoviet2020-moldova/>, дата обращения 12.12.2020.

Пивовар Е.И. (2008). Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. СПб.: Алетейя.

Шелест Г. (2009). Стан і перспективи співробітництва державчленів ГУАМ у сфері економіки та енергетики // Чорноморська безпека. № 2(12). С. 48–54 // <http://geum.ru/next/art-377685.php>, дата обращения 10.04.2021.

Язькова А.А. (2005). Саммит ГУАМ – намеченные цели и возможности их реализации // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. № 16. С. 10–13 // <https://cyberleninka.ru/article/n/sammit-guam-namechennyyetseli-i-vozmozhnosti-ih-realizatsii/viewer>, дата обращения 10.04.2021.

Abadjian V. (2010). Kakistocracy or the True Story of What Happened in the Post-Soviet Area // *Journal of Eurasian Studies*, vol. 1, no 2, pp. 153–163. DOI: 10.1016/j.euras.2010.04.009

Czerewacz-Filipowicz K., Konopelko A. (2017). Regional Integration Processes in the Commonwealth of Independent States. Economic and Political Factors, Springer International Publishing AG.

Pincu B.-N., Stan A.-D. (2020). Economic Integration Struggles in the Post-Soviet Space – The Organization for Democracy and Economic Development (GUAM) // *Research and Science Today*, no 1(19)/2020, pp. 19–33 // <https://www.rstjournal.com/?mdocs-file=3987>, дата обращения 12.02.2021.

Tsereteli M. (2013). Azerbaijan and Georgia: Strategic Partnership for Stability in a Volatile Region // *SILK ROAD PAPER*, September 2013 // <https://www.files.ethz.ch/isn/173440/2013-Tsereteli-Azerbaijan-and-Georgia1.pdf>, дата обращения 12.12.2020.

Vorotin V.Ye., Shirinova A.F. kizi (2019). The Risk Management as an Innovation Approach in Governmental Management of Customs Procedures in GUAM Countries // *Public Administration*, no 2(17), pp. 43–54. DOI: 10.32689/2617-2224-2019-17-2-45-55

The Post-Soviet Space

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-5

GUAM Activity in the Post-Soviet Space: Intentions, Results, Prospects

Dmitry A. BELASHCHENKO

PhD in History, Associate Professor, Department of History and Theory of International Relations, Institute of International Relations and World History Lobachevsky State University, 603005, Ylanova St., 2, Nizhny Novgorod, Russian Federation

E-mail: dmi-belashhenko@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0692-3418

Vitalij V. TOLKACHEV

PhD in History, Docent, Associate Professor, Department of World Diplomacy and International Law, Institute of International Relations and World History Lobachevsky State University, 603005, Ylanova St., 2, Nizhny Novgorod, Russian Federation

E-mail: tolkatchev_v@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6308-0202

Anton P. SHMELEV

PhD in History, Associate Professor, Department of History and Theory of International Relations, Institute of International Relations and World History Lobachevsky State University, 603005, Ylanova St., 2, Nizhny Novgorod, Russian Federation

E-mail: a.shmelev1975@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5486-8281

Imomidin F. SHODZHONOV

Assistant, Department of Foreign Regional Studies and Local History, Institute of International Relations and World History Lobachevsky State University, 603005, Ylanova St., 2, Nizhny Novgorod, Russian Federation

E-mail: shodzhonov@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-0913-2440

CITATION: Belashchenko D.A., Tolkachev V.V., Shmelev A.P., Shodzhonov I.F. (2021). GUAM Activity in the Post-Soviet Space: Intentions, Results, Prospects. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 3, pp. 84–105 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-5

Received: 26.12.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The reported study was funded by RFBR, project no 20-011-00666 "Integration Processes in Europe: Comparative Analysis"

ABSTRACT. Integration processes in the post-Soviet space actualize the topic of several individual organizations prospects considering current trends on the international scene, particularly the ODED-GUAM. This formation is specific because it was initially created without the participation of the Russian Federation and also formed as an alternative to the Commonwealth of Independent States and other integration projects where the leading role was recognized for the Russian Federation.

The study consists of two parts. The first part examines the development process of the ODED-GUAM organization and highlights the main stages of its existence. The transformation of the conceptual ideas of the organization's development from a global to a local actor in world politics was also mentioned in the article. The study conducts a broad analysis of the organization's source base, evaluates the results that the organization has achieved and the reasons of its composition change.

The second part of the study is devoted to the analysis of the prospects for the development of this organization from the standpoint of neorealism (structural realism) taking into account the combination of endogenous and exogenous factors.

The totality of moments related to the specifics of the ODED-GUAM conceptual component evolution, the episodic nature of its activities, the presence of the internal conflict of interests among participating countries, the leading international actors positions towards the organization, allows us to consider the integration entity is mostly the artificial construct that unified states that were for one reason or another out of key integration projects of the Russian Federation in the post-Soviet space. It is also relevant to consider the ODED-GUAM as a tool for promoting the interests of such actors as the United States and the EU in the post-Soviet space, as an instrument of information, ideological, and economic pressure on Russia and its partners in integration entities.

In fact, the prospects of the ODED-GUAM organization are directly dependent on the position and policy of external actors who consider this organization as one of the platforms to influence the Russian Federation as well as the People's Republic of China and the integration projects implemented by these countries.

KEYWORDS: ODED-GUAM, post-Soviet space, integration processes, Ukraine, Ukrainian crisis, conflicts, economy, transport and logistics projects.

References

Abadjian V. (2010). Kakistocracy or the True Story of What Happened in the Post-Soviet Area. *Journal of Eurasian Studies*, vol. 1, no 2, pp. 153–163. DOI: 10.1016/j.euras.2010.04.009

Akhmedov Kh.T. (2019). Uzbekistan's Participation in the Development of Military-political Integration and Ensuring Regional Security in the Central Asian Region. *Post-Soviet Studies*, vol. 2, no 4, pp. 1180–1186. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_38174754_23484017.pdf, accessed 10.04.2021 (in Russian).

Akhmedov Kh.T., Smolik N.G. (2019). The Republic of Uzbekistan in Integration Processes in the Post-Soviet Space. *Post-Soviet Studies*, vol. 2, no 1, pp. 854–865. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_36793916_23841073.pdf, accessed 10.04.2021 (in Russian).

Alibejli E.A. (2016). Ukraine's Choice of Foreign Policy Strategy in the mid-1990s: Version of GUAM. *Scientific Bulletin of the Diplomatic Academy of Ukraine*, no 23(2), pp. 13–20. Available at: http://irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&2_S21P03=FILA=&2_S21ST

R=Nvdau_2016_23%282%29__4, accessed 10.04.2021 (in Ukrainian).

Asaul M.A., Kurakov A.V., Mokhov A.E. (2019). Meridian Project – The First Private Highway in Russia. *Transport of the Russian Federation*, no 5(84), pp. 8–11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-meridian-pervaya-chast-naya-avtomagistral-v-rossii/viewer>, accessed 10.04.2021 (in Russian).

Ashirov V.G. (2014). GUAM in the Context of Modern Economic and Political Realities. *Gileya: Scientific Bulletin*, no 80, pp. 328–332. Available at: http://irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&2_S21P03=FILA=&2_S21STR=gileya_2014_80_86, accessed 10.04.2021 (in Russian).

Bakhturidze Z.Z., Lagutina M.L. (2015). Organization for Democracy and Economic Development-GUAM as a Model of Political Integration in the post-Soviet Space. *Scientific and Technical Bulletin of the St. Petersburg State Polytechnic University. Series: Humanities and Social Sciences*, no 2(220), pp. 9–19. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-za-demokratiyu-i-ekonomicheskoe-razvitie-guam-kak-model-politicheskoy-integratsii-na-postsovetском-prostranstve/viewer>, accessed 10.04.2021 (in Russian).

Czerewacz-Filipowicz K., Konopelko A. (2017). *Regional Integration Processes in the Commonwealth of Independent States. Economic and Political Factors*, Springer International Publishing AG.

Degterev D.A., Kurylev K.P. (eds.) (2017). *Foreign Policy of the CIS Countries*, Moscow: Aspekt Press (in Russian).

Dolenko D.V., Mal'chenkov S.A. (2019). Trends in the Development of Integration Processes in the post-Soviet Space. *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*, pp. 453–455. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_42435107_92022225.pdf, accessed 10.04.2021 (in Russian).

Dzhaparidze T. (2008). Organization for Democracy and Economic Development GUAM: “Road Map” of Progress towards the Goal (View from Georgia with Some Personal Thoughts and Conclusions). *Central Asia and the Caucasus*, no 3–4(57–58). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-za-demokratiyu-i-ekonomicheskoe-razvitie-guam-dorozh-naya-karta-prodvizheniya-k-tseli-vzglyad-iz-gruzii-s-nekotorymi/viewer>, accessed 08.12.2020 (in Russian).

Glinkina S., Kosikova L. (2010). European Neighborhood Policy in the CIS Countries: New Trends and Challenges for Russia. *Analytical Notes*. Available at: <http://analyticmz.ru/?p=309/>, accessed 12.12.2020 (in Russian).

Kakutich E.Yu. (2018). Evolution of Integration Interaction of Countries within the Eurasian Continent. *Universum: Economics and Jurisprudence*, no 2(47), pp. 10–15. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_32326984_51036355.pdf, accessed 10.04.2021 (in Russian).

Machavariani G.G. (2014). GUAM as an Alternative Integration Project in the post-Soviet Space. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov*. Series: International Relations, no 4, pp. 112–119. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/guam-kak-proekt-alternativnoy-integratsii-na-postsovetском-prostranstve/viewer>, accessed 10.04.2021 (in Russian).

Machavariani G.G. (2015). Georgia-China: Political, Economic and Humanitarian Aspects of Cooperation. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov*. Series: International Relations, no 1, pp. 142–151. Available at: <https://arxiv.gaugn.ru/s2313-06600000617-5-1-ru-554/?reader=Y>, accessed 10.04.2021 (in Russian).

Ofitserov-Bel'skii D., Ermakov A. (2020). Post-Soviet Space 2020: Republic

of Moldova. *The Russian International Affairs Council*. Available at: <https://russian-council.ru/postsoviet2020-moldova/>, accessed 12.12.2020 (in Russian).

Pincu B.-N., Stan A.-D. (2020). Economic Integration Struggles in the post-Soviet Space – The Organization for Democracy and Economic Development (GUAM). *Research and Science Today*, no 1(19)/2020, pp. 19–33. Available at: <https://www.rstjournal.com/?mdocs-file=3987>, accessed 12.02.2021.

Pivovarov E.I. (2008). *Post-Soviet Space: Alternatives to Integration. Historical Essay*, Saint Petersburg: Aleteiya (in Russian).

Shelest G. (2009). Status and Prospects of Cooperation of GUAM Member States in the Field of Economy and Energy. *Black Sea Security*, no 2(12), pp. 48–54. Available at: <http://geum.ru/next/art-377685.php>, accessed 10.04.2021 (in Ukrainian).

Tsereteli M. (2013). Azerbaijan and Georgia: Strategic Partnership for Stability in a Volatile Region. *SILK ROAD PAPER*, September 2013. Available at: <https://www.files.ethz.ch/isn/173440/2013-Tsereteli-Azerbaijan-and-Georgia1.pdf>, accessed 12.12.2020.

Vinokurov E.Yu., Lobyrev V.G., Tikhomirov A.A. (2018). Silk Road Transport

Corridors: Analysis of Barriers and Recommendations for Investment Direction. *Center for Integration Studies of EBR*. Report no 50. Available at: https://eabr.org/upload/iblock/304/EDB-Centre_2018_Report-50_Transport-Corridors_Barriers-and-Investments_RUS.pdf, accessed 10.04.2021 (in Russian).

Vorotin V.Ye., Shirinova A.F. kizi (2019). The Risk Management as an Innovation Approach in Governmental Management of Customs Procedures in GUAM Countries. *Public Administration*, no 2(17), pp. 43–54. DOI: 10.32689/2617-2224-2019-17-2-45-55

Yaz'kova A.A. (2005). GUAM Summit-goals and Opportunities for Their Implementation. *European Security: Events, Estimates, Forecasts*, no 16, pp. 10–13. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sammit-guam-namechennye-tseli-i-vozmozhnosti-ih-realizatsii/viewer>, accessed 10.04.2021 (in Russian).

Zhelevskii M.S. (2017). Transformation of the post-Soviet Space in the Paradigm of Integration Processes. *ASR: Economics and Management*, no 2(19), pp. 331–333. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_29728911_62088601.pdf, accessed 10.04.2021 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-6

Союзное государство и союзная экономика: политэкономия российско-белорусского сотрудничества

Максим Владимирович ВИЛИСОВ

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Центр междисциплинарных исследований

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), 117418, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Москва, Российская Федерация

E-mail: mvilisov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6634-3829

ЦИТИРОВАНИЕ: Вилисов М.В. (2021). Союзное государство и союзная экономика: политэкономия российско-белорусского сотрудничества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 3. С. 106–126.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-6

Статья поступила в редакцию 31.03.2021.

АННОТАЦИЯ. На фоне политической нестабильности в Белоруссии и неудавшихся попыток «углубленной интеграции» в 2019–2020 гг. политэкономия российско-белорусского сотрудничества как предмет изучения выходит далеко за пределы академического интереса и представляет большое практическое значение. В статье выдвигается предположение о том, что сложности интеграции имеют объяснение в природе действующей в Белоруссии политэкономической модели, которая и становится основным объектом анализа. По аналогии с политэкономической моделью «путиномики» К. Миллера и по результатам сравнительного анализа сформулирована политэкономическая модель «лукашенномики» и ее основные стратегии (централизация власти, высокий уровень социальных обязательств, государственный контроль экономики, извлечение «политической ренты» из отношений с Россией и приоритет государственности над государ-

ственной состоятельностью). На основе разработанной ранее автором в составе коллектива модели стабильности и устойчивости государственных систем определено влияние «лукашенномики» на стабильность и устойчивость государственной системы Белоруссии. Выявлена принципиальная несовместимость существующей белорусской и российской политэкономических моделей и определены перспективы развития российско-белорусских отношений в контексте возможных сценариев трансформации белорусской модели.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Союзное государство России и Белоруссии, «путиномика», «лукашенномика», углубленная интеграция.

Введение

Политический кризис 2020 г. в Белоруссии четко обозначил роль России в

поддержании стабильности и устойчивости функционирования белорусской государственной системы: экономическая помощь и гарантии военной безопасности. В сентябре 2020 г. устойчивость государственной системы Белоруссии была оценена в 1,5 млрд долл. США¹. Россия и без того являлась главным кредитором Белоруссии с размером долга в 7,92 млрд долл. США², при этом эксперты оценивают объем помощи, предоставленной Россией в форме скрытых дотаций за последние двадцать с лишним лет Белоруссии, в размере 120–150 млрд долл. [Гронский, Кузьмина, Соловьёв, 2020]. Угрозы обороне и государственной безопасности были купированы словесными интервенциями относительно готовности направить в помощь белорусским властям российские силовые подразделения³. Российская поддержка поступила на фоне явного тупика по вопросам «углубленной интеграции» в 2019 г.⁴ и откровенно антироссийской риторики со стороны белорусского президента накануне выборов летом 2020 г.⁵ Положение Белоруссии на фоне отложенной конституционной реформы, продолжающихся протестов и нерешенных экономических проблем (падение ВВП, рост госдолга и выплат по нему, бюджетный дефицит)⁶ сложно назвать устойчивым и очевидно, что без российской помощи (в том числе кредитов на реструктуризацию долга и скрытых субсидий для

компенсации последствий «налогового маневра»⁷) обеспечить стабилизацию будет невозможно. Вопрос заключается в том, возможно ли это сделать при условии наличия этой помощи, но сохранении существующей белорусской экономической модели и политико-экономической модели взаимодействия России и Белоруссии.

Для ответа на него в статье последовательно рассматриваются следующие вопросы. Каким образом можно охарактеризовать политэкономическую модель Белоруссии и как она выглядит в сравнении с российской? Существует ли «лукашеномика» и в чем ее основное содержание, какова эволюция развития? Может ли она в принципе интегрироваться с «путиномикой»? Каким образом можно охарактеризовать российско-белорусские политические и экономические отношения: интеграция, взаимозависимость, зависимость, сотрудничество? В какой мере экономики двух стран интегрированы и как это влияет на перспективы их социально-экономического и политического развития, как совместного, так и самостоятельного? Каким образом актуальная нестабильность (кризис) на глобальном, региональном и национальном уровнях будут влиять на существующие политэкономические модели?

Статья состоит из трех частей. В первой приводится сравнительный анализ социально-экономического и полити-

1 Путин дал обещание Лукашенко по кредиту на \$1,5 млрд (2020) // РБК. 14 сентября 2020 // <https://www.rbc.ru/politics/14/09/2020/5f5f69029a7947e22d77a2e3>, дата обращения 21.04.2021.

2 Как связаны экономики России и Белоруссии. Что важно знать (2020) // РБК. 19 августа 2020 // <https://www.rbc.ru/economics/19/08/2020/5f3bcfd09a7947dbcf3afb76b>, дата обращения 21.04.2021.

3 Путин заявил о создании резерва силовиков на случай помощи Белоруссии (2020) // РИА Новости. 27 августа 2020 // <https://ria.ru/20200827/rezerv-1576391615.html>, дата обращения 21.04.2021.

4 Российско-белорусские переговоры не привели к принятию программы углубленной интеграции (2019) // Эхо Москвы. 8 декабря 2019 // <https://echo.msk.ru/news/2550571-echo.html>, дата обращения 21.04.2021.

5 Всадники дестабилизации (2020) // Lenta.ru. 31 июля 2020 // <https://lenta.ru/articles/2020/07/31/33bogatitya/>, дата обращения 21.04.2021.

6 Блеск и нищета белорусской экономики (2020) // РБК. 1 сентября 2020 // <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/09/01/5f4a734a9a79477fa015e387>, дата обращения 21.04.2021.

7 В Белоруссии оценили свои потери от налогового маневра в России в 2021 году (2020) // РБК. 21 июля 2020 // <https://www.rbc.ru/economics/21/07/2020/5f170d819a79475b4d77af01>, дата обращения 21.04.2021.

ческого развития двух стран, определяются имеющиеся политико-правовые рамки сотрудничества и то, в какой мере они влияют на взаимодействие двух стран. Во второй части дается описание белорусской политико-экономической модели («лукашеномики») в сравнении с моделью «путиномики», разработанной К. Миллером [Miller, 2018], и определяется принципиальная совместимость двух моделей. В третьей части показывается, что «неформализация» отношений не дает результата и требуется возврат к строгой правовой рамке уже созданных институтов, с переводом рабочих контактов на правительственный уровень. Усиление роли правительства Белоруссии в ходе конституционной реформы и включение в состав правительства представителей умеренной оппозиции способствовали бы оздоровлению ситуации и проведению необходимых реформ во взаимных интересах (приватизация, оздоровление финансового сектора, налоговое администрирование, повышение качества государственных услуг).

Союз нерушимый республик свободных?

Распространенное клише об отношениях России и Белоруссии – Белоруссия это главный, а по мнению А.Г. Лукашенко, – единственный союзник России⁸. В 2020 г. А.Г. Лукашенко также признал и Россию «главным союзником» Белоруссии⁹. Помимо этого высокого неформального статуса страны состоят как минимум в двух формальных союзах: Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) с мо-

мента его основания в 2015 г. и в Союзном государстве (далее – СГ) – с момента подписания соответствующего договора в 1999 г. Кажется, что долгосрочное и формализованное международное сотрудничество должно было создать прочную правовую и институциональную основу для сотрудничества двух государств в экономической сфере. Однако на практике это совсем не так.

Наиболее продолжительным является нахождение двух стран в составе СГ. Несмотря на название, эта структура не является государством и скорее может быть отнесена к категории международных организаций. В связи с 20-летием СГ опубликовано достаточно большое количество научных работ, подчеркивавших фактический провал этого проекта, который описывался в диапазоне терминов от «стагнации» [Суздальцев, 2020, с. 56] до «деградации интеграционных обязательств» [Гронский, Кузьмина, Соловьёв, 2020, с. 17] и «политики использования белорусско-российской интеграции для укрепления собственной (А.Г. Лукашенко. – Авт.) власти, включая автономность от РФ» [Царик, 2020, с. 139]. Последнее определение представляется наиболее важным для дальнейшего анализа.

Существующее формально СГ и действующие в его рамках институты оказались неэффективными с точки зрения реализации формально декларируемых в Договоре о СГ задач. По оценке автора, из 19 пунктов, предусмотренных в программе реализации Договора о СГ [Программа действий..., 1999], полностью не выполнено 10, частично (с существенным нарушением сроков) выполнено 8, полностью вы-

8 Лукашенко назвал Белоруссию единственным союзником России (2020) // РИА Новости. 28 июня 2020 // <https://ria.ru/20200628/1573597935.html>, дата обращения 21.04.2021.

9 «Нет угрозы»: Помпео пообещал Лукашенко не нападать на Белоруссию (2020) // Газета.ru. 24 октября 2020 // https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/24_a_13331875.shtml, дата обращения 21.04.2021.

полнен 1. Практически все из частично выполненных пунктов реализованы в рамках другого союза – ЕАЭС. Попытка «санации» проекта СГ [Суздальцев, 2020, с. 56] в формате «углубленной интеграции», предпринятая в 2018–2019 гг., которая формально была направлена на реализацию положений действующего Договора о СГ, была болезненно встречена в Минске и породила в белорусском экспертном сообществе спекуляции на тему «интеграционного ультиматума» как новой стратегии России в отношении Белоруссии [Tsarik, Vasa, 2019, p. 6; Sivitsky, 2019].

Новизна российской стратегии, по мнению экспертов, заключалась в отказе от экономической поддержки режима в обмен на «определенную степень геополитической лояльности» и «ожидания интеграции» [Sivitsky, 2019]. В рамках этих, безусловно неформальных (если они существовали) обязательств, Москва, по мнению эксперта, исправно выполняла свою часть в виде «интеграционных субсидий» («интеграционной ренты» в формулировке другого эксперта [Царук, 2020, с. 139]), которые составили в 2005–2015 гг. 106 млрд долл. США (в среднем 9,7 млрд долл. США в год) [Sivitsky, 2019]. Стоит ли говорить о том, что подобное понимание полностью противоречит сути действующих документов о СГ. Кроме того, степень «геополитической лояльности» Минска также трудно назвать высокой в условиях реализуемой «многовекторной политики», отказа от согласованного размещения в Бобруйске базы российских ВКС в 2015 г., позиции относительно признания Крыма или политики в отношении соблюдения российских «контрсанкций» и организации «масштабной контрабан-

ды на российский рынок» [Суздальцев, 2020, с. 61–62]. Тем не менее озвученная таким образом экспертная позиция заслуживает самого пристального внимания, так как она во многом соответствует официальной позиции А.Г. Лукашенко.

Ситуация такого «баланса» изменилась, по мнению экспертов, в 2015 г. В связи с объявленным в России «налоговым маневром» скрытые субсидии белорусской экономике в виде скидки на цену российских нефти и газа в размере экспортных таможенных пошлин прекращались, что, по некоторым оценкам, приводило к потерям в 10–12 млрд долл. в течение шести лет (2019–2025), когда «налоговый маневр» будет осуществляться [Sivitsky, 2019]. Компенсировать эти потери Москва соглашалась только в обмен на «серьезные уступки» со стороны Белоруссии по углублению интеграции, прежде всего в части создания единой валюты, формирования единой налоговой и таможенной политики [Sivitsky, 2019], выравнивания условий для конкуренции между российскими и белорусскими предприятиями [Tsarik, Vasa, 2019]. Все это, по мнению белорусских экспертов, ведет к потере национальной независимости [Sivitsky, 2019], которая, судя по неоднократным высказываниям А. Лукашенко, составляет намного большую ценность, чем интеграция и ее возможные социально-экономические последствия¹⁰. Важно отметить, что перечисленные требования как раз и составляли содержание Программы действий двух стран по реализации Договора о СГ, принятой еще в 1999 г. [Программа действий., 1999]. Получается, что для белорусской политической и интеллектуальной элиты мотив «суверенитета» и «свободы» участников союза намного важнее, чем

10 Лукашенко пожелал сохранить суверенитет при интеграции с Россией (2021) // Lenta.ru. 11 февраля 2021 // https://lenta.ru/news/2021/02/11/luka_su/, дата обращения 21.04.2021.

какие-либо формальные обязательства в рамках этого союза, и тем более органы, способные обеспечить выполнение этих обязательств.

Таким образом, предпринятая Россией попытка реализовать, спустя почти 20 лет, формально предусмотренные положения Договора о СГ была встречена «единственным союзником» резко негативно, буквально со словами «не надо нас обвинять в нахлебничестве» и «если мы влезем в ломку договора, то вообще все разрушим, что было сделано за это время» [Суздальцев, 2020, с. 57]. Систему органов СГ при этом А. Лукашенко считает «жизнеспособной», которая может существовать без каких-либо новых наднациональных органов¹¹.

К вопросу сравнительной эффективности структур СГ и ЕАЭС мы еще вернемся позже, перед этим необходимо понять, какая же политико-экономическая модель сформировалась в российско-белорусских отношениях за эти годы.

Серийный союзник

Несмотря на то что Белоруссия – главный российский союзник, ее политико-экономическая модель недостаточно хорошо изучена в России. Долгое время доминировала точка зрения, что в Белоруссии реализуется некая особая «белорусская модель социального государства» [Гронский, Кузьмина, Соловьёв, 2020, с. 11], что, возможно, было справедливо, особенно при сравнении социально-экономических показателей в 1990-е и начале 2000-х годов с соседними Украиной и Россией. Действительно, исходя из показателей 1991–2009 гг. Белоруссия лидировала как по тем-

пам роста ВВП (7,2 пп в 1996–2009 гг. против 3,8 и 2,4 в России и на Украине соответственно) и уровню безработицы (самый низкий в среднем из трех стран за период 1991–2009 гг.), так и по уровню неравенства (самый низкий – в диапазоне 0,244–0,272 коэффициент Джини в 1996–2006 гг. по сравнению с 0,387–0,421 и 0,275–0,371 для России и Украины соответственно), находясь на одном уровне с Россией и обгоняя Украину по темпам роста производительности труда (13,1% против 13,2 и 11,8% в среднем за 1996–2006 гг. соответственно) [Ioffe, Yarashevich, 2011, pp. 758–763].

Низкий уровень неравенства и безработицы, отсутствие «олигархов», ставших отличительной чертой украинской и российской экономической модели, особенно в 1990-х годах, сделало такую социально-экономическую модель, которую иногда сравнивали со скандинавской [Ioffe, Yarashevich, 2011, p. 760], весьма привлекательной для населения, что сформировало своего рода негласный «общественный договор»: политическая лояльность в обмен на стабильное состояние и рост (пусть и медленный) благосостояния основной массы населения [Гронский, Кузьмина, Соловьёв, 2020, с. 11]. Такая ситуация, по мнению ряда экспертов, сохранялась до середины 2010-х годов, когда под давлением внешних обстоятельств (череда глобальных, российских и национальных кризисов 2008–2009, 2011, 2014–2015 гг.) модель начала давать сбои как минимум в части распределения доходов в пользу государственного сектора [Царик, 2020, с. 135], что привело к падению уровня жизни населения и первым конфликтам на социально-экономической почве («марш тунеядцев» 2017 г.) [Гронский, Кузьми-

11 Белоруссия полностью сохранит суверенитет при интеграции с Россией (2021) // РИА Новости. 11 февраля 2021 // <https://ria.ru/20210211/integratsiya-1596961673.html>, дата обращения 21.04.2021.

на, Соловьёв, 2020, с. 11]. Хронологически описанное ухудшение экономической ситуации совпадает с ухудшением экономической ситуации в России, что хорошо иллюстрирует график динамики ВВП двух стран (см. рис.).

Это совпадение хорошо объясняется моделью «интеграционной ренты» (получение от России дотаций в обмен на обещание интеграции и геополитическую лояльность), предложенной Ю. Цариком [Царик, 2020] и фактически разделяемой рядом других авторов [Гронский, Кузьмина, Соловьёв, 2020; Суздальцев, 2020; Sivitsky, 2019]. Насколько применима эта модель и не является ли она способом примитивизировать ситуацию [Шурубович, 2018, с. 18]?

Попробуем описать белорусскую экономическую модель при А. Лукашенко («лукашеномику») по аналогии с моделью, сделанной К. Миллером для описания российской экономической модели при В. Путине («путиномики») [Miller, 2018].

Модель «путиномики» представляет собой весьма взвешенное, политически нейтральное, достаточно конкретное, но при этом обобщенное описание

политэкономической модели, сформированной в период с 2000 г. по настоящее время в период президентства и премьерства В. Путина. В самом общем виде автор излагает эту модель как совокупность трех взаимосвязанных стратегий [Miller, 2018].

1. Укрепление центральной власти для обеспечения ресурсных возможностей реализации собственной стратегической повестки.

2. Предотвращение социального недовольства путем гарантирования низкого уровня безработицы и адекватного социального обеспечения.

3. Опора на частный бизнес для повышения (экономической) эффективности, но только в тех случаях, когда это не входит в противоречие с предыдущими двум стратегиями.

Упомянутая выше в первом пункте повестка формулируется весьма лаконично: «поддержание власти, распространение российского влияния вовне и развитие российской экономики внутри» [Miller, 2018].

Подобный подход вполне раскрывает взаимодействие политических и экономических факторов, обеспечивающих достаточно устойчивое функцио-

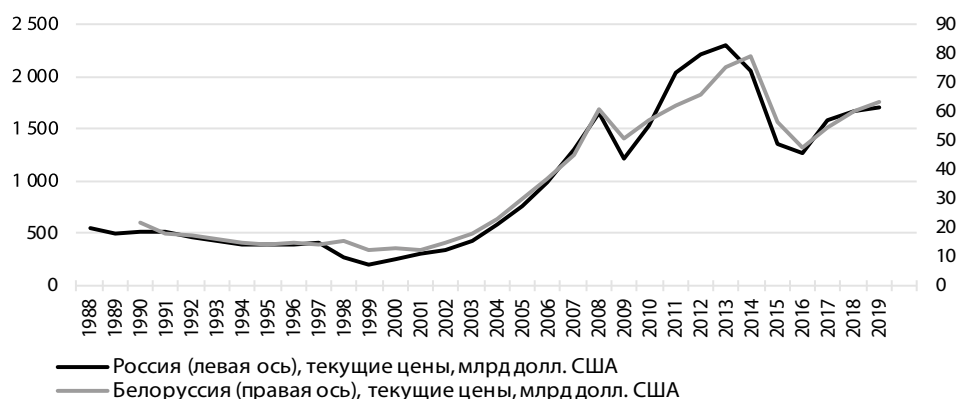

Рис. Динамика ВВП России (слева) и Белоруссии (справа)

Figure. GDP dynamics in Russia (left) and Belarus (right)

Источник: World Bank, расчеты автора

нирование российской государственной системы в краткосрочном периоде и стабильность – в долгосрочном. Понятия «устойчивость»¹² и «стабильность»¹³, а также «государственная система»¹⁴ в данном случае используются в контексте модели стабильности и устойчивости государственных систем (МСУГС), разработанной автором в составе научного коллектива [Вилисов, Телин, Филимонов, 2020] и апробированной в рамках межстрановых сравнений [Якунин, Кузнецов, Вилисов, 2020]. В рамках МСУГС стратегия 1 обеспечивает деятельность функционально-деспотического параметра, стратегии 2 и 3 – частично консолидационно-инфраструктурного и функционально-инфраструктурного параметров [Вилисов, Телин, Филимонов, 2020, с. 15–16]. Принцип подчиненности стратегии 3 первым двум стратегиям также обеспечивает функционирование консолидационно-деспотического и консолидационно-инфраструктурного параметров [Вилисов, Телин, Филимонов, 2020, с. 16–17] – через понимание «правил игры» и консенсус относительно приоритета публичных (государственных) интересов над частными.

Рассмотрим, каким образом стратегии, описанные К. Миллером, применимы к описанию политэкономической модели Белоруссии и как эта модель может влиять на устойчивость и стабильность белорусской государственной системы.

На первый взгляд, белорусская модель, которую тоже можно условно на-

зывать «лукашеномикой» просто по причине срока нахождения А.Г. Лукашенко у власти и соотношения этого времени с общим временем существования страны в качестве независимого государства в постсоветский период, имеет сходство с российской как по стратегической повестке, так и по реализуемым стратегиям.

Начнем с реализуемых стратегий. Центральная власть в Белоруссии сильна, социальная политика обеспечивает поддержание низкого уровня безработицы и социального неравенства. Частный бизнес также развивается – удельный вес численности предприятий с частной формой собственности в стране находится на уровне более 80%, хотя их доля в занятости и добавленной стоимости существенно ниже (в районе 60–70%) [Возможен ли белорусский «майдан»..., 2016, с. 20], но все же частный сектор составляет значительную часть экономики страны. Таким образом, можно признать, что в части реализуемых стратегий «лукашеномика» очень близка «путиномике».

Что касается стратегической повестки, то здесь также можно найти сходства, хотя и не столь очевидные на первый взгляд. Наиболее бесспорной является цель «поддержания власти». Приверженность развитию белорусской экономики, которая, в наследство от советских времен, оказалась наиболее индустриально развитой и которую, по мнению ряда экспертов и руководства Белоруссии, удалось в таком виде и сохранить, также явля-

12 Устойчивость — это состояние государственной системы, позволяющее ей воспроизводиться и реализовывать полномочия, которыми наделен правительственный аппарат и государственные институты в целом, тем самым достигая равновесия, обеспечивающего ее функционирование.

13 Стабильность – это динамическая способность государственной системы достигать состояния, при котором она устойчиво функционирует, т.е. способность добиваться устойчивости или воспроизводить ранее достигнутое равновесие.

14 Государственная система понимается как часть социального порядка, с которой имеют дело агенты политического процесса и которая включает в себя не только государственные институты, нормативные установления и реализуемые правительствами программы, но и устойчивые неформальные практики работы институтов государства, местное самоуправление и социальные правила в целом, т.е. устойчивые, регулирующие взаимодействие людей и воспринимаемые как легитимные и «нормальные».

ется лейтмотивом публичной политической повестки А.Г. Лукашенко. Ради выполнения этой задачи (достаточно трудной, так как Белоруссия не богата природными ресурсами и единственное ее советское наследие – это промышленный комплекс, один из наиболее развитых в СССР [Ioffe, Yarashevich, 2011, р. 754; Павловец, Шиптенко, 2017, с. 175]) руководство республики использует комбинацию различных методов протекционизма: от управления курсом национальной валюты до административных препятствий [Возможен ли белорусский «майдан»..., 2016, с. 18], в том числе и в отношении ближайшего союзника – России. Это позволило на протяжении 30 лет сохранять промышленный потенциал, который все же стагнирует в последние годы [Грон-

ский, Кузьмина, Соловьёв, 2020, с. 11]. В то же время в этом аспекте белорусская экономика часто противопоставляется российской, как более индустриально развитая по сравнению с более ресурсно ориентированной [Мясникович, 2016, с. 22].

Тем не менее периоды развития и стагнации в показателях роста ВВП у Белоруссии и России совпадают. Более того, динамика социально-экономического развития двух стран совпадает и по целому ряду других показателей (см. табл.).

Как видно, основные различия, не связанные с размером страны и экономики, можно свести к следующим.

Отличие первое. Значительно более высокая доля экспорта и импорта товаров в структуре белорусской эко-

Таблица. Отдельные экономические показатели России и Белоруссии
Table. Some economic indicators of Russia and Belarus

Показатель	Россия			Белоруссия		
	2000 г.	2010 г.	2018 г.	2000 г.	2010 г.	2018 г.
Добавленная стоимость, созданная в сельском хозяйстве, лесопользовании и рыболовстве (в % от ВВП)	6	3	3	12	9	7
Добавленная стоимость, созданная в промышленности (в % от ВВП)	34	30	33	33	35	31
Экспорт товаров и услуг (в % от ВВП)	44	29	31	69	51	70
Высокотехнологичный экспорт (в % от произведенной продукции)	-	10	11	-	3	4
Импорт товаров и услуг (в % от ВВП)	24	21	21	72	65	69
Налоговые доходы бюджета (в % от ВВП)	13,6	13,0	11,4	16,6	16,3	14,7
Расходы на оборону	3,3	3,6	3,7	1,3	1,3	1,2
Прямые иностранные инвестиции (млн долл. США)	2 678	43 168	8 785	119	1 393	1 427
Внешний долг (млн долл. США)	146 665	417 852	453 808	2 620	28 412	38 768

Источники: World Bank (1) (2021). Country Profile. Russian Federation // https://databank.worldbank.org/views/reports/reportwidget.aspx?Report_Name=CountryProfile&Id=b450fd57&tbar=y&dd=y&inf=n&zm=n&country=RUS, дата обращения 21.04.2021; World Bank (2) (2021). Country Profile. Belarus // https://databank.worldbank.org/views/reports/reportwidget.aspx?Report_Name=CountryProfile&Id=b450fd57&tbar=y&dd=y&inf=n&zm=n&country=BLR, дата обращения 21.04.2021.

номики, превышающая соответствующие российские показатели в 2–3 раза. Согласно данным Белстата, в 2020 г. доля России в экспорте белорусских товаров составляла 45,2%¹⁵, доля импорта – 55,8%¹⁶. Многие виды экспортной продукции, производимые в Белоруссии, предназначены почти исключительно для российского рынка: около 90% экспортируемой продовольственной продукции, 75 – машин и оборудования, 60–70% экспортируемых транспортных средств [Шурубович, 2018, с. 47–48]. Несмотря на структуру торговли (сырье в обмен на промышленную продукцию), торговый баланс между двумя странами является отрицательным, причем в последние годы эта тенденция усиливается [Дайнеко, Береснев, 2019; Пылин, 2019].

При этом Белоруссия в целом имеет значительно более низкие по сравнению с Россией показатели глобальной связности, что характеризует ее как «периферийную» с точки зрения глобальной экономики [Якунин, Кузнецов, Вилисов, 2020, с. 12–13], хотя при нахождении в составе СССР она характеризовалась скорее как «полупериферия» или «ядро» самого СССР [Bradshaw, Lynn, 1994]. Зависимость от России и «периферийный характер» отчасти подтверждаются и структурой прямых иностранных инвестиций: согласно данным Белстата, 41,4% иностранных инвестиций, поступивших в Белоруссию в 2020 г. из зарубежных стран, были из России¹⁷. Все это может быть признаком экономической зави-

симости от России. При этом эксперты отмечают парадоксальное поведение коэффициента торгово-экономической связанности двух стран, которое, возможно, отражает «глубинный характер» комплементарности экономик двух стран [Шурубович, 2018, с. 20]. Таким образом, Россия для Белоруссии является «мостом» в глобальную экономику и способом подняться с уровня периферии до полупериферийного уровня. Этим объясняется торгово-экономическая и инвестиционная зависимость. Сохранение высокой степени связанности Белоруссии и России является наследием советской модели и залогом существования белорусской экономики в ее нынешнем виде [Мясникович, 2016; Павловец, Шиптенко, 2017]

Отличие второе. Значительно меньшая (в три раза) доля расходов в Белоруссии на оборону. Конечно, для России всегда были характерны относительно большие расходы на оборону. Однако для сравнения: по состоянию на 2018 г. военный бюджет США составлял 3,58 % ВВП, а Германии – 1,2% – соотношение такое же, как у России и Белоруссии, при несопоставимых размерах белорусской и германской экономик (63 млрд долл. против 3861 млрд долл. соответственно). Подобный дисбаланс в финансировании союзниками по НАТО расходов на оборону в свое время вызвал достаточно резкую реакцию Дональда Трампа, в ультимативном порядке требовавшего эти расходы увеличить. В итоге, на саммите в 2014 г. союзники по НАТО приня-

15 Распределение экспорта товаров по странам – основным торговым партнерам в 2020 г. // Белстат // <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realnyy-sektor-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/raspredele-nie-eksporta-tovarov-po-stranam-osnovnym-torgovym-partneram-v-2018-godu/>, дата обращения 21.04.2021.

16 Распределение импорта товаров по странам – основным торговым партнерам в 2020 г. // Белстат // <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realnyy-sektor-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/raspredele-nie-importa-tovarov-po-stranam-osnovnym-torgovym-partneram-v-2018-godu/>, дата обращения 21.04.2021.

17 Структура инвестиций, поступивших от иностранных инвесторов в реальный сектор экономики Республики Беларусь в 2020 г., по основным странам-инвесторам // Белстат // <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realnyy-sektor-ekonomiki/inostrannyye-investitsii/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/struktura-investitsiy-ot-inostrannykh-investorov-v-realnyy-sek-tor-ekonomiki-v-2018-godu-po-stranam/>, дата обращения 21.04.2021.

ли обязательство в течение 10 лет увеличить свои военные расходы до 2% ВВП¹⁸ – показатели, весьма далекие от белорусских. Еще одно сравнение: недавно проводивший военную кампанию в Нагорном Карабахе Азербайджан имел расходы на оборону в размере 2,8 и 3,6% в 2010 и 2018 гг. соответственно [World Bank., 2021], соседняя с ним Армения – 4,4 и 4,9%. Соседние с Беларуссией страны НАТО – Литва и Польша – тратят около 2% от ВВП на оборону и безопасность. Расходы Украины на оборону были 1,9 и 3,2% от ВВП в 2010 и 2018 гг. соответственно. Из этих сравнений можно сделать еще один вывод: Россия является провайдером безопасности для Белоруссии, в том числе в части обороны. Это легко объяснимо важным геостратегическим положением Белоруссии на западном направлении и известными опасениями российского руководства по поводу военной угрозы с этой стороны, в том числе из-за расширения НАТО. Российский военный «зонтик», т.е. понимание того, что Россия всегда обеспечит военное прикрытие Белоруссии в случае военной агрессии с Запада, позволяет стране иметь сравнительно низкий военный бюджет – на уровне европейских стран, входящих в НАТО и фактически находящихся под военным зонтиком США.

Эти два отличия позволяют сделать очень важный вывод: нынешняя белорусская политэкономическая модель отражает высокую степень зависимости от России как в части экономических отношений, так и в части гарантий обороны и национальной безопасности. Уровень этой зависимости был доказан во время политического кризиса 2020 г., когда российская экономическая помощь и обещание сило-

вой поддержки фактически обеспечили дальнейшее функционирование режима А.Г. Лукашенко. Таким образом, задача развития собственной экономики для Белоруссии в нынешней модели нереализуема без политической и экономической поддержки со стороны России. В этой связи возникает закономерный вопрос: «Почему не состоялась интеграция двух стран?» Ответ на него кроется в политической природе постсоветских государств, при формировании политического курса которых желание сохранить государственность побеждает стремление обеспечить государственную состоятельность [Якунин, Кузнецов, Вилисов, 2020, с. 19]. Для большинства постсоветских стран это означает националистическую риторику, воспроизводимую бывшими советскими элитами, совершившими трансформацию «от коммуниста к националисту» [От Туркестана к Центральной Азии., 2016, с. 18], как единственный способ обеспечения хоть какой-то легитимности, а также переход к реализации режима «государства национальной безопасности» для мобилизации сторонников и борьбы с политическими оппонентами, развитие авторитарных тенденций, неопатримониализма и иных проявлений неформального управления, формирование экономического поведения рентного типа [Якунин, Кузнецов, Вилисов, 2020, с. 20].

Источником ренты в случае отсутствия возможности извлекать ее из природных ресурсов будет геополитическое положение, в том числе эксплуатация советского инфраструктурного наследия и попытка получить ренту с природной ренты соседей, в первую очередь – России. Эта ситуация наблюдалась в странах Балтии, на Украине. В Белоруссии она развивается по

18 Трамп потребовал от стран НАТО немедленно довести расходы на оборону до 2% ВВП (2018) // ТАСС. 11 июля 2018 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5366224>, дата обращения 21.04.2021.

тому же сценарию, именно поэтому возникло определение «интеграционной ренты», описанной ранее. Оказавшись в условиях такой рентной экономической модели, страна невольно попадает и в ловушку «ресурсного проклятья» [Movchan, Zotin, Grigoryev, 2017]. Эта ловушка усугубляется тем, что страна зависит не от собственных, а от чужих природных ресурсов, поэтому не может управлять ими никакими инструментами, кроме политических. В белорусском случае такими инструментами являются инструменты влияния на Россию с целью сохранения «политической ренты», которая может приобретать разные формы: форму «интеграционной ренты» под обещание интеграции; форму «контрреволюционной ренты» для предотвращения «цветной революции»; форму «контрабандной ренты» при содействии обходу российских «контрсанкций». В случае с Украиной, например, это «геоэкономическая рента», обязывающая Россию платить за использование газопроводов даже в случае их неполного использования.

Таким образом, завершая описание стратегической повестки «лукашеномии», можно отметить, что в ней также присутствует цель проецирования белорусского влияния вовне. При этом главным адресатом этого влияния является Россия и ее руководство, а главной целью – извлечение политической ренты, которая трансформируется в ресурсы для укрепления центральной власти (в том числе ее опорных групп в виде чиновничества и «силовиков») и в бюджетные расходы, связанные с выполнением социальных обязательств.

Суммируя, можно сформулировать следующую модель «лукашеномии».

1. Поддержание и укрепление сильной центральной власти, концентрация политических, административных и экономических ресурсов. Цен-

тральная власть функционирует в лице президента, концентрирующего все политические полномочия, административного аппарата исполнительной власти и эффективного силового корпуса, формально подчиненных и лично преданных президенту. Отсутствие масштабной приватизации, в том числе вследствие консервативной политики белорусско-советского «промышленного лобби» 1980–1990-х годов [Павловец, Шиптенко, 2017, с. 181], сохранило большинство ключевых активов в руках государства, что исключило формирование политэкономических оппонентов в виде «олигархов» по аналогии с Россией, Украиной и другими постсоветскими странами. Формальные административные механизмы, в том числе механизмы управления экономикой, в основном унаследованы от советского периода и адаптированы под режим личной власти благодаря неопатримониальным практикам и формированию «бюрократического» [Fisun, 2012, pp. 93–94] или «рационально-бюрократического» [Abramova, Vilisov, 2020, pp. 29–31] неопатримониализма.

2. Выполнение социальных обязательств для предотвращения социального недовольства, подкрепленное пропагандой «социалистической ориентированности» экономики и бережного сохранения советского наследия [Царик, 2020, с. 138].

3. Советский способ развития экономики. Попытки развития национальной экономики на основе советского индустриального наследия и в рамках советского типа (максимально возможная автаркия и протекционизм, сохранение государственного контроля при возможности допуска отдельных иностранных инвесторов на национальный рынок, но под жестким контролем со стороны государства и лично А.Г. Лукашенко) [Павловец, Шиптенко, 2017, с. 219, 232]. Сказанное не означа-

ет, что в Белоруссии нет частного бизнеса – он есть, но вынужден функционировать в рамках «государственного капитализма» – еще одно парадоксальное советское наследие, выросшее из советских индустриальных гигантов. Государственный или полугосударственный бизнес даже способен на экспансию в рамках ЕАЭС, при этом его основным направлением является Россия, как наиболее привлекательный рынок [Пылин, 2019]. Однако его конкурентоспособность все же недостаточно высокая даже по сравнению с партнерами по ЕАЭС.

4. Извлечение «политической ренты» из отношений с Россией в виде получения прямых и скрытых субсидий, торговых преференций и доступа на российский рынок, кредитов и гарантий безопасности в обмен на демонстрацию политической лояльности и иные символические политические проявления при условии сохранения и укрепления автономности политической власти Минска от Москвы на основе «многовекторного» подхода во внешней политике. Дотирование Россией белорусской экономики воспринимается как нечто само собой разумеющееся, как часть советского наследия, позволившего сохранить советский индустриальный комплекс (что является реальным достижением Белоруссии) и белорусскую государственность, что было фактически равнозначной задачей [Павловец, Шиптенко, 2017, с. 219]. Ситуация ожидания односторонних преференций хорошо иллюстрируется, например, следующей экспертной позицией: присоединение России к ВТО повлекло «снижение таможенно-тарифной защиты ЕАЭС» и падение белорусского экспорта в Россию в 2012–2017 гг. (что усилило отрицательный торговый баланс белорусско-российской торговли), поэтому белорусскому правительству «целесообразно ставить

вопрос о достижении паритета путем увеличения Россией ежегодных закупок белорусской продукции на величину отрицательного внешнеторгового сальдо с целью его ликвидации» [Дайнеко, Береснев, 2019, с. 7]. Как видно, экономические интересы России в данном случае в расчет не принимаются вообще, равно как и потребительские свойства белорусской продукции – закупки со стороны России должны быть увеличены в плановом порядке для решения экономических проблем Белоруссии. Это закономерное продолжение еще последних лет существования СССР и более поздних «бартерных» и «взаимозачетных» схем российско-белорусской торговли, опосредовавших фактическое дотирование белорусской экономики на абсолютно нерыночных принципах [Павловец, Шиптенко, 2017, с. 219].

5. Следование принципу «государственность выше государственной состоятельности». Это означает оппортунистическое использование имеющихся международных политических институтов в комбинации с активным неформальным взаимодействием с российским руководством для достижения цели извлечения «политической ренты», блокирование любых институционализированных форм взаимодействий, ограничивающих свободу политического маневра и покушающихся на национальный суверенитет и автономию от России.

Справедливости ради надо отметить, что у руководства Белоруссии фактически не было альтернативы такой модели, так как она была определена положением этой республики в едином хозяйстве СССР: «сборочный цех», зависящий от «импорта» дешевого сырья и «экспорта» промышленной продукции. Проблема была в том, что за пределами советского контура и советской ресурсозатратной модели

производства эта продукция была почти не востребована. Однако белорусским руководителям, в том числе А.Г. Лукашенко, удалось невозможное: сохранить этот промышленный потенциал, обеспечить достойный уровень социального обеспечения населения и сохранить новую государственность. В каком-то смысле называть эту модель в честь нынешнего руководителя Белоруссии не совсем корректно, так как она начала формироваться до него, он только лишь окончательно оформил ее. Положительные черты этой модели эксперты характеризуют как «социально ориентированная рыночная экономика», или «рыночный социализм» [Павловец, Шиптенко, 2017, с. 269]. Отрицательные черты – прежде всего рентный характер – в конечном итоге определили облик этой модели и перевесили все положительные достижения.

Каким образом эта политэкономическая модель влияет на стабильность и устойчивость Белоруссии? Высокий уровень централизации, сильная бюрократия, включая силовую, усиливают функционально-деспотический и консолидационно-деспотический параметры, что придает режиму устойчивость в краткосрочной и стабильность в долгосрочной перспективе. Но вызовом является недостаточная гибкость из-за слабости функционально-инфраструктурного («общественный договор», который больше не работает) и консолидационно-инфраструктурного («ответственное гражданское поведение», которое постепенно присваивается протестующей «улицей») параметров. Действующий политический режим отрицает наличие политических субъектов для организации какого-либо обсуждения вопросов стратегического развития, в том числе социально-экономических реформ, и пытается создать собственные площадки таких переговоров (Всебелорусское народ-

ное собрание) в противовес протестующей улице. Пока эта стратегия работает, но по мере роста недовольства социально-экономической ситуацией и перспективами ее развития положение в стране может начать меняться катастрофическим образом. Как это может повлиять на российско-белорусские отношения?

Союзы соединительные и противительные

Подобно тому как в русском языке союзы как части речи должны соединять однородные члены предложения, так и союзы правовые, политические и экономические должны были бы соединять однородные государства. Однако, несмотря на все предпосылки (общая история, культура, уже интегрированная экономика и все необходимые правовые рамки), интеграция «буксует» и развитие самой Белоруссии, равно как и состояние взаимных отношений, явно находится в тупике. Налицо ситуация, когда имеющиеся союзы выполняют не «соединительную» («Россия и Белоруссия»), а «противительную» функцию («Россия..., а Белоруссия...», «Белоруссия..., однако Россия...»).

Следование принципу «государственность выше государственной состоятельности» для Белоруссии означает неприемлемость интеграции с Россией прежде всего в политическом плане. Реализация этой стратегии на практике означает блокирование любых попыток «углубить» интеграцию, используя широкий арсенал инструментов: от самих институтов – будь то СГ или ЕАЭС (использование формального и неформального права «вето», закрепление в официальных документах «неполитического» характера союза, блокирование даже потенциально угрожающих инициатив) – до посто-

янного перевода отношений в «неформальный» и/или «чрезвычайный» формат, означающий, как правило, личные консультации (звонки, встречи) на президентском уровне, которые предваряются или сопровождаются громкими публичными заявлениями. При этом преследуется только одна цель – затянуть решение стратегически невыгодных для себя вопросов, уйти от прямых обязательств, получив при этом необходимые ресурсы. Процесс взаимодействия начинается напоминать ближний бой в боксе, когда один из участников состязания «душит в объятиях» другого, изматывая морально и физически и не давая ничего сделать содержательно. Такая тактика довольно часто помогает заведомо более слабому спортсмену не потерпеть поражения, а иногда даже и одержать победу.

Использование подобной аналогии в данном случае абсолютно сознательное и уместное, так как проигравшей стороной в таких «союзных» отношениях однозначно является Россия, которая помимо финансовых расходов несет огромные репутационные потери, подрывая не только свой авторитет, но и привлекательность ЕАЭС как институциональной рамки интеграции – другие государства-участники получают четкий сигнал, что добиться значительных ресурсов от России проще за счет двусторонних отношений, основанных на «чрезвычайном» и «неформальном» формате взаимодействия, как это делает А. Лукашенко. При этом получать ресурсы можно в формате ренты, практически ничего не отдавая взамен. Это исключает возможность организации сколь угодно рационального экономического сотрудничества, основанного на согласовании экономических интересов: белорусского и российского государств, белорусских и российских компаний. В рентной политэкономиче-

ской модели экономические интересы отдельных белорусских предприятий оказываются подчинены общей политической логике действий политического режима.

Таким образом, рентный характер отношений становится ключевой проблемой российско-белорусского сотрудничества. Уйти от этой модели, как показывает опыт других постсоветских стран, бывает очень сложно. В качестве наглядного примера может быть взята украинская ситуация. Отказавшись в свое время от евразийской интеграции, которая предполагала институционализацию экономического сотрудничества и перевод экономической помощи со стороны России в какой-то организованный и контролируемый формат, украинская политическая элита не может отказаться от соблазна извлечения геополитической ренты: как в формате эксплуатации темы энергетического транзита, так и продавая «геополитический страх» «российской военной агрессии» на Запад в обмен на политическую, финансовую и военную помощь.

В белорусском случае можно ожидать точно таких же трансформаций: «интеграционная» рента меняется на «геополитическую» (развитие политики многовекторности и угрозы «уйти на Запад» добровольно или после «цветной революции»), «углубленная интеграция» снимается с повестки или уходит на второй план, при этом российская поддержка все равно поступает. Пока будет сохраняться политический субъект, ориентированный на извлечение такой ренты, ситуация не изменится. Даже если гипотетически предположить смену власти в Белоруссии, в результате которой будет произведен стандартный «постсоветский транзит» с демократизацией политических институтов и масштабной приватизацией для развития рыночных отношений,

что приведет к изменению первых трех из описанных выше компонентов «лукашенимики», слишком велика вероятность «украинизации» белорусской политэкономической модели. В этом случае высокая централизация и социальный характер государства сменяются на децентрализацию и появление олигархата (в результате спешной приватизации), слабость институтов и недостаток финансирования (из России оно прекратится, с Запада не придет по причине высоких политических рисков) приведет к экономическому коллапсу и появлению несостоятельного государства или государства-террориста, которое будет пытаться «продать страх» Западу в отношении России, России – в отношении Запада, последовательно продолжая стратегию «государственность важнее государственной состоятельности». Пока на Западе этому поведению будут подыгрывать в виде предоставления обещаний на вступление в НАТО или на европейскую интеграцию, извлечение ренты будет продолжаться.

Возможен ли вариант с отказом от «политической ренты» в отношениях двух стран? Простое и очевидное решение – полная интеграция Белоруссии в состав Российской Федерации в формате нового федерального округа (такие варианты уже курсируют в политическом сегменте российского Телеграмма¹⁹) – вряд ли может быть реализовано в настоящее время без неприемлемых политических издержек. Тем не менее можно предположить несколько сценариев.

Сценарий первый – «конституционная реформа» с переходом к парламентской республике. Можно было бы предположить, что в результате проведенной конституционной реформы

произошло бы перераспределение полномочий от президента к правительству и парламенту, и последний в перспективе стал бы реальным институтом формирования национального политического курса, в том числе с участием оппозиционных ныне сил. Правительство смогло бы сформулировать и реализовать программу экономических реформ, которая включала бы предусмотренные в Договоре о СГ гармонизацию гражданского, налогового и бюджетного законодательства, проведение единой денежно-кредитной политики и формирование общей валюты, санацию и приватизацию белорусских государственных предприятий с активным участием российского бизнеса и других иностранных инвесторов и созданием единых рынков (энергетического, телекоммуникационного, потребительского), унификацию социального и пенсионного обеспечения. Сформированный в итоге «новый общественный договор» расширил бы социальную базу поддержки правительства за счет белорусского предпринимательства и других социальных групп, менее патерналистски ориентированных, устранил бы негативные явления, связанные с неопатримониализмом и коррупцией в сфере гражданской и силовой бюрократии.

При всей своей фантастичности (успешных сценариев для постсоветских стран не было, за исключением стран Балтии) он не представляется совсем нереалистичным при наличии внешнего, более сильного партнера, стимулирующего такие преобразования. Россия могла бы выполнить такую функцию, однако для этого должна быть радикально изменена российская политика, в том числе символическая. При этом следует ожидать серьезного

19 Новости на каждый день (2021) // Telegram. 7 апреля 2021 // <https://t.me/daydaynews/1157>, дата обращения 21.04.2021.

информационно-пропагандистского противостояния с националистическими общественно-политическими силами, которые будут стимулировать конкуренцию российской и европейской «мягкой силы». Потенциал такого противодействия и перспективы этого противостояния, которое будет происходить в информационном, научно-экспертном и политическом пространствах коммуникации, представляют собой особый предмет для дальнейшего изучения.

Сценарий второй можно условно назвать «авторитарной модернизацией». При сохранении высокого уровня централизации и социальных обязательств «реформы сверху» будут предполагать градиентную приватизацию, радикальное повышение эффективности налоговой и бюджетной дисциплины, борьбу с коррупцией и опору на крупный российский и государственный бизнес для повышения экономической эффективности – вариант, максимально близкий модели «путиномики». Реализация этого сценария требует еще большей политической воли, но конфликтная внутриполитическая повестка является очень неблагоприятным фактором для его реализации.

Заключение

В ходе исследования удалось сформировать модели «лукашеномики» как политэкономической модели, предполагающей высокую централизацию политической и экономической власти, высокий уровень государственных социальных обязательств, стагнирующий советско-государственный тип хозяйствования, неспособный обеспечить взятый уровень социальных и экономических обязательств, компенсация финансового дефицита режима за счет извлечения «политической ренты» из

отношений с Россией при безусловном приоритете суверенитета и автономии от России над соображениями социально-экономической эффективности.

Точная идентификация политэкономических особенностей существующей в Белоруссии модели является критически важной для формирования российской политики в отношении «главного союзника».

«Лукашеномика» в ее нынешнем виде несовместима для интеграции с «путиномикой», а извлечение «политической ренты» из отношений с Россией как ее ключевая стратегия является политически неприемлемым для России и дискредитирует другие интеграционные проекты с российским лидерством. Эволюционные варианты развития этой системы для России также вряд ли приемлемы, так как все они будут предполагать сохранение «политической ренты», которая может видоизменяться и приобретать еще более негативные для России формы. Чтобы избежать такого развития событий, России следует выступить основным гарантом политических и экономических изменений в Белоруссии, рассматривая при этом модель «путиномики» в качестве целевого ориентира для этих преобразований.

Список литературы

Вилисов М.В., Телин К.О., Филимонов К.Г. (2020). От устойчивости к стабильности: что делает «хорошим» государственное управление // *Полития*. № 1(96). С. 7–27. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-96-1-7-27

Возможен ли белорусский «майдан»? Диагностика и вызовы для России (2016). М.: Научный эксперт // http://centero.ru/wp-content/uploads/2016/12/doklad_bel.pdf, дата обращения 21.04.2021.

Гронский А.Д., Кузьмина Е.М., Соловьёв Э.Г. (2020). Белоруссия: эрозия белорусской модели социального государства и специфика белорусской политической многовекторности // Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы. М.: ИМЭМО РАН. С. 7–22.

Дайнеко А., Береснев Д. (2019). Внешняя торговля и развитие экономики Беларуси // Наука и инновации. № 1. С. 4–12. DOI: 10.29235/1818-9857-2019-1-4-12

Договор о Евразийском экономическом союзе (2014) // Евразийский экономический союз // http://www.eaeunion.org/files/history/2014/2014_2.pdf, дата обращения 21.04.2021.

Договор о Союзном государстве (1999) // Министерство экономического развития Российской Федерации // https://www.economy.gov.ru/material/file/8b7594d3b3872de6ab2e6b44b0d4cc04/Dogovor_%20sg_1999.pdf, дата обращения 21.04.2021.

Лойко А.И. (2018). Экономика Беларуси и России: модели и практики эволюции в XIX–XXI веках // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. № 1–2. С. 267–270 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-belarusi-i-rossii-modeli-i-praktiki-evolyutsii-v-xix-xxi-vekah>, дата обращения 21.04.2021.

Мясникович М.В. (2016). Эволюционные трансформации экономики Беларуси. Минск: Беларуская навука.

От Туркестана к Центральной Азии: политическое будущее региона (2016). М.: Научный эксперт // <http://centero.ru/wp-content/uploads/2017/02/for-prps-Turkmenistan.pdf>, дата обращения 21.04.2021.

Павловец Ю., Шиптенко С. (2017). Экономика Белоруссии. Исторические очерки XX–XXI века. М.: Книжный мир.

Программа действий Российской Федерации и Республики Беларусь по

реализации положений Договора о создании Союзного государства (Москва, 8 декабря 1999 г.) // <https://docs.cntd.ru/document/930110169>, дата обращения 21.04.2021.

Пылин А.Г. (2019). Белорусский бизнес в ЕАЭС как фактор региональной интеграции // Инновации и инвестиции. № 10. С. 92–97 // <https://cyberleninka.ru/article/n/beloruskiy-biznes-v-eaes-kak-faktor-regionalnoy-integratsii>, дата обращения 21.04.2021.

Суздальцев А.И. (2020). Кризис союзного государства Белоруссии и России // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 3. С. 56–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-56-67

Царик Ю. (2020). Политэкономика Беларуси, эволюция белорусско-российских отношений и политический кризис 2020 года // Пути к миру и безопасности. № 2(59). С. 133–149. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-2-133-149

Шурубович А.В. (2018). Экономическое взаимодействие России и Белоруссии: интеграционные проекты и национальные интересы. М.: ИЭ РАН.

Якунин В.И., Кузнецов И.И., Вилисов М.В. (2020). Устойчивость государственных систем на постсоветском пространстве: контуры теоретической модели // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 6–33. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-1

Abramova M., Vilisov M. (2020). The Post-Soviet Transition: Constitutional Structuring and Political Reality (Case-study de la cei) // Cuestiones Constitucionales. Revista Mexicana de Derecho Constitucionales, no 42, pp. 3–38 // http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1405-91932020000100003, дата обращения 21.04.2021.

Bradshaw M., Lynn N. (1994). After the Soviet Union: The Post-Soviet States in the World System // The Professional Ge-

ographer, vol. 46, no 4, pp. 439–449. DOI: 10.1111/j.0033-0124.1994.00439.x

Charap S., Troitskiy M. (2013). Russia, the West and the Integration Dilemma // *Survival*, vol. 55, no 6, pp. 49–62. DOI: 10.1080/00396338.2013.862935

Fisun O. (2012). Rethinking post-Soviet Politics from a Neo-patrimonial Perspective // *Demokratizatsiya. Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 20, no 2, pp. 87–96 // https://www.researchgate.net/publication/280882953_Rethinking_post-Soviet_politics_from_a_neopatrimonial_perspective, дата обращения 21.04.2021.

Ioffe G., Yarashevich V. (2011). Debating Belarus: An Economy in Comparative Perspective // *Eurasian Geography and Economics*, vol. 52, no 6, pp. 750–779 // <http://gioffe.asp.radford.edu/images/publications/eurasiangeog.pdf>, дата обращения 21.04.2021.

Miller C. (2018). *Putinomics. Power and Money in Resurgent Russia*, University of North Carolina Press.

Movchan A., Zotin A., Grigoryev V. (2017). *Managing the Resource Curse: Strategies of Oil-Dependent Economies*

in the Modern Era // Carnegie Moscow Center, March 30, 2017 // <https://carnegie.ru/2017/03/30/managing-resource-curse-strategies-of-oil-dependent-economies-in-modern-era-pub-68460>, дата обращения 21.04.2021.

Sivitsky A. (2019). Tensions between Kremlin and Minsk Rise after ‘Integration Ultimatum’ // *Raamoprusland*, January 23, 2019 // <https://raamoprusland.nl/dossiers/buitenlandse-politiek/1187-tensions-between-kremlin-and-minsk-rise-after-integration-ultimatum>, дата обращения 21.04.2021.

Tsarik Y., Vasa L. (2019). Foreign Policy Challenges for Belarus since 2014 and Their Domestic Dimension // *KKI. E-2019/34* // https://kki.hu/wp-content/uploads/2019/07/34_KKI-Policy-Brief_BLR_Tsarik_Vasa_20190718_n.pdf, дата обращения 21.04.2021.

World Bank (2021). Country Profile. Azerbaijan // https://databank.worldbank.org/views/reports/reportwidget.aspx?Report_Name=CountryProfile&Id=b450fd57&tbar=y&dd=y&inf=n&zm=n&country=AZE, дата обращения 21.04.2021.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-6

The Union State and the Union Economy: Political Economy of Russian-Belarusian Cooperation

Maksim V. VILISOV

PhD in Politics, Leading Researcher, Center for Interdisciplinary Research
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of
Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation
E-mail: mvilisov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6634-3829

CITATION: Vilisov M.V. (2021). The Union State and the Union Economy: Political Economy of Russian-Belarusian Cooperation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 3, pp. 106–126 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-6

Received: 31.03.2021.

ABSTRACT. *Against the background of political instability in Belarus and unsuccessful attempts to “deepen integration” in 2019–2020, the political economy of Russian-Belarusian cooperation as a subject of study goes far beyond academic interest and is of great practical importance. The article suggests that explanation of the integration difficulties in inside the nature of the existing Belarusian political and economic model, which becomes the main object of analysis. By analogy with the political economic model of “Putinomics” by C. Miller and the results of a comparative analysis, the political economic model of “Lukashenomics” and its main strategies (centralization of power, a high level of social obligations, state control of the economy, extraction of “political rent” from relations with Russia and the priority statehood over state solvency) are explained. On the basis of the model of resilience and stability of state systems developed earlier by the author as part of the team, the influence of the “Lukashenomics” on the resilience and stability of the state system of Belarus is determined. The fundamen-*

tal incompatibility of the existing Belarusian and Russian political economic models is revealed and the prospects for the development of Russian-Belarusian relations in the context of possible scenarios for the transformation of the Belarusian model are determined.

KEYWORDS: *Union State of Russia and Belarus, “Putinomics”, “Lukashenomics”, deeper integration.*

References

Abramova M., Vilisov M. (2020). The Post-Soviet Transition: Constitutional Structuring and Political Reality (Case-study of the CEE). *Cuestiones Constitucionales. Revista Mexicana de Derecho Constitucional*, no 42, pp. 3–38. Available at: http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1405-91932020000100003, accessed 21.04.2021.

Action Program of the Russian Federation and the Republic of Belarus to Imple-

ment the Provisions of the Treaty on the Establishment of the Union State (Moscow, December 8, 1999). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/930110169>, accessed 21.04.2021 (in Russian).

Bradshaw M., Lynn N. (1994). After the Soviet Union: The Post-Soviet States in the World System. *The Professional Geographer*, vol. 46, no 4, pp. 439–449. DOI: 10.1111/j.0033-0124.1994.00439.x

Charap S., Troitskiy M. (2013). Russia, the West and the Integration Dilemma. *Survival*, vol. 55, no 6, pp. 49–62. DOI: 10.1080/00396338.2013.862935

Daineko A., Beresnev D. (2019). Foreign Trade and Economic Development of Belarus. *Science and Innovation*, no 1, pp. 4–12 (in Russian). DOI: 10.29235/1818-9857-2019-1-4-12

Fisun O. (2012). Rethinking post-Soviet Politics from a Neo-patrimonial Perspective. *Demokratizatsiya. Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 20, no 2, pp. 87–96. Available at: https://www.researchgate.net/publication/280882953_Rethinking_post-Soviet_politics_from_a_neopatrimonial_perspective, accessed 21.04.2021.

From Turkestan to Central Asia: The Political Future of the Region (2016), Moscow: Scientific Expert. Available at: <http://centero.ru/wp-content/uploads/2017/02/for-prps-Turkmenistan.pdf>, accessed 21.04.2021 (in Russian).

Gronskiy A.D., Kuźmina E.M., Solovyov E.G. (2020). Belarus: Erosion of the Belarusian Model of the Social State and the Specifics of the Belarusian Political Multi-vector. *Political Processes in the post-Soviet Space: New Trends and Old Problems*, Moscow: IMEMO RAS, pp. 7–22 (in Russian).

Ioffe G., Yarashevich V. (2011). Debating Belarus: An Economy in Comparative Perspective. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 52, no 6, pp. 750–779. Available at: <http://gioffe.asp.radford.edu/images/pubpdfs/eurasiangeog.pdf>, accessed 21.04.2021.

Is Belarusian “Maidan” Possible? Diagnosis and Challenges for Russia (2016), Moscow: Scientific Expert. Available at: http://centero.ru/wp-content/uploads/2016/12/doklad_bel.pdf, accessed 21.04.2021 (in Russian).

Loiko A.I. (2018). Economy of Belarus and Russia: Models and Practices of Evolution in the XIX – XXI Centuries. *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*, no 1–2, pp. 267–270. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-belarusi-i-rossii-modeli-i-praktiki-evolyutsii-v-xix-xxi-vekah>, accessed 21.04.2021 (in Russian).

Miller C. (2018). *Putinomics. Power and Money in Resurgent Russia*, University of North Carolina Press.

Movchan A., Zotin A., Grigoryev V. (2017). Managing the Resource Curse: Strategies of Oil-Dependent Economies in the Modern Era. *Carnegie Moscow Center*, March 30, 2017. Available at: <https://carnegie.ru/2017/03/30/managing-resource-curse-strategies-of-oil-dependent-economies-in-modern-era-pub-68460>, accessed 21.04.2021.

Myasnikov M.V. (2016). *Evolutionary Transformations of the Belarusian Economy*, Minsk: Belarusian Science (in Russian).

Pavlovets Y., Shiptenko S. (2017). *Economy of Belarus. Historical Sketches of the XX–XXI Century*, Moscow: Book world (in Russian).

Pylin A.G. (2019). Belarusian Business in the EAEU as a Factor of Regional Integration. *Innovations and Investments*, no 10, pp. 92–97. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/belorusskiy-biznes-v-eaes-kak-faktor-regionalnoy-integratsii>, accessed 21.04.2021 (in Russian).

Shurubovich A.V. (2018). *Economic Interaction between Russia and Belarus: Integration Projects and National Interests*, Moscow: Institute of Economics Russian Academy of Science (in Russian).

Sivitsky A. (2019). Tensions between Kremlin and Minsk Rise after 'Integration Ultimatum'. *RaamopRusland*, January 23, 2019. Available at: <https://raamoprusland.nl/dossiers/buitenlandse-politiek/1187-tensions-between-kremlin-and-minsk-rise-after-integration-ultimatum>, accessed 21.04.2021.

Suzdaltsev A.I. (2020). The Crisis of the Union State of Belarus and Russia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 64, no 3, pp. 56–67 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-56-67

Treaty on the Eurasian Economic Union. (2014). *Eurasian Economic Union*. Available at: http://www.eaeunion.org/files/history/2014/2014_2.pdf, accessed 21.04.2021 (in Russian).

Tsarik Y. (2020). The Political Economy of Belarus, the Evolution of Belarusian-Russian Relations and the Political Crisis of 2020. *Paths to Peace and Security*, no 2(59), pp. 133–149 (in Russian). DOI: 10.20542/2307-1494-2020-2-133-149

Tsarik Y., Vasa L. (2019). Foreign Policy Challenges for Belarus since 2014 and Their Domestic Dimension. *KKI*. E-2019/34. Available at: <https://kki.hu/wp-content/>

[uploads/2019/07/34_KKI-Policy-Brief_BLR_Tsarik_Vasa_20190718_n.pdf](https://kki.hu/wp-content/uploads/2019/07/34_KKI-Policy-Brief_BLR_Tsarik_Vasa_20190718_n.pdf), accessed 21.04.2021.

Union State Treaty. *Ministry of Economic Development of the Russian Federation*. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/8b7594d3b3872de6ab2e6b44b0d4cc04/Dogovor_%20sg_1999.pdf, accessed 21.04.2021 (in Russian).

Vilisov M.V., Telin K.O., Filimonov K.G. (2020). From Resilience to Stability: What Makes Good Public Administration. *Politeia*, no 1(96), pp. 7–27 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2020-96-1-7-27

World Bank (2021). Country Profile. Azerbaijan. Available at: https://datatabank.worldbank.org/views/reports/reportwidget.aspx?Report_Name=Country_Profile&Id=b450fd57&tbar=y&d-d=y&inf=n&zm=n&country=AZE, accessed 21.04.2021.

Yakunin V.V., Kuznetsov I.I., Vilisov M.V. (2020). The Post-Soviet State Systems' Resilience: An Outline of the Theoretical Model. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 6–33 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-1

Азия: вызовы и перспективы

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-7

Историческая перспектива «поворота на Восток»: почему Россия в ХХІ веке стала восточной державой

Раффаэлло ЛОРЕТО ЧЕЧОНИ

бакалавр

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России, 119454, проспект Вернадского, д. 76, Москва,
Российская Федерация

E-mail: loreto.r@my.mgimo.ru

ORCID: 0000-0001-8453-0700

ЦИТИРОВАНИЕ: Лорето Чечони Р. (2021). Историческая перспектива «поворота на Восток»: почему Россия в ХХІ веке стала восточной державой // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 3. С. 127–146. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-7

Статья поступила в редакцию 20.01.2021.

АННОТАЦИЯ. «Поворот на Восток» – одна из главных тем международной повестки последних лет как в самой России, так и в западных странах. Символизируют поворот России на Восток стратегическое сближение с Китаем и начало новой эры в российско-китайских отношениях. Историческая перспектива политики «поворота на Восток» представляет собой часто упущенный аспект в ее международном обсуждении, но при этом способный открыть для нее новые концептуальные горизонты. В настоящей статье анализируются исторические и современные факты, которые могут послужить базой для концептуализации этой политики. История показывает, что «поворот на Восток» – шанс по-настоящему разрешить (искоренить) давние вопросы, препятствующие отношениям, в том числе проблему исторической памяти о России

в Китае. Значение поворота на Восток для развития российского Дальнего Востока – самый яркий пример этого. Исторический анализ также обогащает содержание многовековой дискуссии об идентичности России, т.е. о принадлежности России к западному или восточному миру. Внимание получил и вопрос торговых отношений, выгода от которых является важным критерием измерения экономического эффекта от политики «поворота на Восток». На примере моделей двусторонних отношений других стран с Китаем показывается, как история может стать важным инструментом для продвижения взаимодействия с Китаем на современном этапе. Данная возможность актуальна и для России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, Россия, экономика, двусторонние отношения, исторический фактор, торговля,

международные экономические отношения, общественная дискуссия, право.

Историческая перспектива: инструмент для анализа российско-китайских отношений

История – это, как известно, главный рычаг давления на настоящее время. Принято считать, что прошлое и современность связаны неразрушимой и логической причинно-следственной связью, ведущей исследователя к нахождению причин происходящего в современное время в прошлом времени. Несомненно, это научный фундамент, на котором построена не только историческая наука, но и другие науки, не говоря уже о сознании человека, общественном сознании и повседневном мыслительном процессе обычных людей. Однако существует еще один важный аспект истории. В истории, возможно, заложена не только цепочка причин, ведущих к событиям настоящего времени. В какой-то степени в ней находится некая проекция того, что произойдет во времени, являющемся будущим по отношению к настоящему. Иными словами, история не только говорит о настоящем, но и сообщает исследователю, живущему в настоящем, размытую информацию о будущем. Связь между историей и будущим – факт не первоочередной очевидности, но имеющий под собой веское научное основание и, вероятно, получивший общее признание [Maza, 2017].

Таким образом, для проведения анализа современных фактов и составления соответствующих прогностических сценариев, как часто делается в наше время, исторический элемент – довольно необходимая точка отправления. Если применить это к отношениям между Россией и Китаем, то мы увидим,

что их современный характер является историческим вызовом. А «поворот на Восток», определяемый в узком смысле как то невиданное в истории сближение России с Китаем, произошедшее в 2014 г., – это самое яркое проявление данного вызова. Из этого следует, что, вероятно, примеров стратегических отношений столь высокого уровня крайне мало. Многие имеют право и обоснование считать, что для современного времени данное явление – уникал. Одновременно с этим исторический аргумент часто приводится в пользу теории о «дряхлом фундаменте» российско-китайских отношений, вокруг которых существует скептицизм как на Западе, так и в самой России [Savic, 2016]. Скептицизм, при этом и в китайском внутривластном дискурсе, не заставляет себя долго искать [Trenin, 2012].

Однако существует другое измерение для анализа российско-китайского взаимодействия, которое часто игнорируется. Данное измерение представляет нам история как концептуальное связующее звено между прошлым, настоящим и будущим. Речь идет о той концепции, которую мы называем «исторической перспективой», служащей параллельно и инструментом для анализа. Проводя аналогию с миром азартных и настольных игр, данное измерение можно было бы сопоставить с «привилегией новичка» или «везением новичка», где под словом «новичок» подразумевается игрок без опыта или с малым опытом. Для двух государств, причем соседних, иметь сравнительно пустой «исторический лист» взаимоотношений – это привилегия, а не только аргумент для обоснования их слабого фундамента. С одной стороны, на пустом листе можно написать многое (в том числе то, чего не было). С другой же стороны, пустой лист – это возможность действовать более свобод-

но. Становится очевидным, что «поворот на Восток» представляет собой интересный казус для анализа в том числе потому, что за ним стоит не совсем очевидная историческая база. Данный аргумент не только является одним из способствующих факторов, когда-то позволивших «повороту на Восток» осуществиться. Он является еще предпосылкой для надежности этой новой политики в отличие от того, что порой звучит в международной литературе [Hillman, 2020].

В некоторой степени, многие страны ныне пользуются привилегией пустого листа, особенно для выстраивания с Китаем эффективного торгового обмена, подкрепленного политическим и правовым фоном (официальное установление дипломатических отношений, взаимное признание, поддержание дружбы). Это вытекает из общеизвестных исторических особенностей Китая, который являлся долгое время страной, неактивно контактирующей с внешним миром [Crossley, Siu, Sutton, 2006].

У всех на глазах экономический подъем Китая. Эксперименты китайского регулятора вокруг цифрового юаня свидетельствуют о том, что, несмотря на наличие еще развивающейся системы финансовых институтов, если ее сравнить с развитой системой западных стран, Китай может добиться и финансового подъема¹. Умелые политические и дипломатические действия КНР на Африканском континенте, в том числе влияющие на уровень поддержки Китая в ООН, свидетельствуют о внешнеполитическом подъеме Китая [Yun, 2014].

В настоящее время контакты с Китаем, если (вдруг) не являются первоочередным приоритетом в повестке

конкретной страны, то как минимум являются реальностью ее «повседневной» международной экономической и политической деятельности. Интересно наблюдать над тем, как многие страны, у которых существуют различные ограничения, не позволяющие в полной мере развить всесторонние отношения с Китаем, используют различные рычаги для построения все же выгодных отношений с восточным партнером. И порой исторический фактор этому способствует. Он вне политических ограничений и, как правило, по определению относится к «наивному» миру культурного сотрудничества.

Китайское руководство, понимая свою позицию как в истории межцивилизационных контактов, так и в современности, за последние десятилетия регулярно использовало язык как один из инструментов поддержания связей [Loreto Cecioni, 2019]. А к темным страницам истории взаимодействия с западными державами, как неоднократно доказали заявления китайских руководителей, на официальном уровне Пекин выражает свое умеренное отношение [Wallace, 1990]. Сказать, что темные эпизоды из истории взаимодействия Китая с внешним миром, особенно в последние два столетия, негативно повлияли на интеграцию Китая в современные мировые процессы, нельзя. Многие зарубежные эксперты любят обращаться к истории для поддержания тезиса о том, что реальное содержание установленных отношений с Китаем далеко от идеала [Hsu, Jenn-Jaw, 2014].

В контексте России и стран Запада принято ссылаться на живую среди современных китайцев историческую память об иностранном вмешательстве в XIX в., а также на мировоззрение, на

1 China Leads in Race for Digital Currency (2020) // Deutsche Welle, October 5, 2020 // <https://www.dw.com/en/china-digital-currency-yuan-bitcoin/a-55134692>, дата обращения 10.12.2020.

уроки истории в школах и на обсуждения в Интернете. То есть комментаторы ссылаются на довольно абстрактные категории, но при этом получившие широкое распространение как среди обществ, так и истеблишмента. Несомненно, что для полного понимания сути и перспектив «поворота на Восток» игнорировать исторический фактор нельзя.

Краткий портрет Восточной России: взаимодействие с Китаем

Известно, что европейский театр международных отношений – это апофеоз воздействия истории на внешние сношения и на выстраивание диалога между государствами. Это еще и самый очевидный пример системы международного общения, на субъекты которой история наложила жесткие ограничения. Сложная история построения Европейского союза говорит об этом. Как и поворот России в сторону Китая, во многом европейская интеграция тоже является резонансным изменением, отбросившим назад традиционные альянсы и соперничества, укоренившиеся в политическом сознании европейских государств [Буторина, Кавешников, 2016]. Кроме альянсов и соперничеств, Европе история оставила в наследство большое количество предубеждений и «истин», до сих пор являющихся составной частью народного и общественного сознания этих стран, в то время как, согласно российской историографии, российско-китайские отношения ведут свое начало с 1618 г., когда первая русская экспедиция прибыла в Пекин [Демидова, Мясников, 1966]. Таким образом, отношения России с Китаем насчитывают лишь 402 года. К тому же данная экспедиция в истории России получила на-

звание «полудипломатическая», так как отправлена была не центральным авторитетом (выражаясь китайским политическим лексиконом), а местным воеводой Тобольска И.С. Куракиным [Мясников, 1958]. Ее возглавил томский казак Иван Петлин, человек, сочетавший в себя интеллектуальные навыки и физические способности преодолеть нелегкий путь из Сибири до столицы Минского Китая. Тогда казаки, не захватив с собой подарков для китайского императора, не получили аудиенцию от императора, но получили возможность общения с представителями двора и право на ведение торговли по пути возвращения на родную землю.

Казаки, однако, прославились не только тем, что положили начало системным российско-китайским отношениям. Они составили подробный отчет о своей поездке, сыгравшей важную роль в китаеведении России и всего западного мира. Дело в том, что до 1618 г. самым подробным отчетом о жизни внутри Китая и о политической системе страны считалась книга венецианского торговца и путешественника Марко Поло «Книга о разнообразии мира», опубликованная вслед за возвращением венецианца в Италию и по итогам, по разным версиям, от 14 до 17 прожитых лет в Поднебесной.

Вокруг Марко Поло существовали и существуют различные теории. Первоначальный манускрипт отчета Марко Поло о своей жизни в Китае был написан Рустикелло из Пизы, с которым Марко Поло в 1298 г. оказался в генуэзской тюрьме по итогам проигранного венецианцами сражения на море [Bertolucci Pizzorusso, 1975]. По довольно курьезному стечению обстоятельств Рустикелло из Пизы по профессии был писателем романов, сказок и художественно-литературных произведений. Отсюда претензии историков к красочным рассказам Марко Поло об ос-

лепительной китайской природе, помпезной одежде монгольских чиновников времен династии Юань, о пожалованной должности правителя (мэра) двух важных городов империи и о якобы доверенных ему самим императором дипломатических миссиях в Азии [Camesasca, 1965].

Несмотря на детальное описание географических местностей и различных традиций, часто совпадающих с реальными, работа Марко Поло к 1618 г. утратила актуальность. Тайный отчет Петлина вскоре попал в Европу и к 1628 г. в европейских странах циркулировали переводы отчета о путешествии казаков в Китай на латыни, немецком, шведском, французском и английском языках [Демидова, Мясников, 1966, с. 32–35]. В России оригинал документа был найден лишь в 1882 г. и, судя по обращению царя Алексея Михайловича к китайскому императору в 1654 г., в котором царь утверждал об отсутствии прецедентов отправления в Китай русских посланников, память о «рописи Петлина» была утеряна [Демидова, Мясников, 1966, с. 32–35].

Роспись, в отличие от увлекательной книги Марко Поло, упоминает Великую Китайскую стену [Демидова, Мясников, 1966, с. 32–35]. Становится очевидным, что Россия в силу своего географического положения, волей или неволей, являлась одним из главных источников информации о Китае не только для своего двора, но и для всей Европы. Столь близких связей с Китаем не могло сложиться у европейских держав, которые не разделяли с Китаем такие контактные зоны, как территории вокруг Амура и просторы Дальнего Востока России. С точки зрения сравнительного анализа, сколько бы банальным это ни звучало, Россия обладает историческим правом совершить поворот в сторону Востока, так как она всегда являлась страной Востока. Дан-

ное утверждение вытекает из сугубо географических реалий, неизбежно повлиявших как на историю России, так и на историю Китая. Слово «поворот» означает лишь произошедшую на рубеже 2014 г. смену внешнеполитической стратегии, которая действительно ознаменовала некоторый отход от принятых ранее позиций, в том числе от политики сближения с ЕС. Однако вышеупомянутую смену курса трудно квалифицировать как поворот по отношению к собственной истории.

Вопрос торговли: история и современность

В определенной степени вопрос торговли в российско-китайских отношениях является не менее важным вопросом, чем гораздо более знаменитая проблема пограничного урегулирования. По иронии судьбы он был в какой-то степени болезненным для истории и в аналогичной степени является болезненным для современности. С самого начала 1990-х годов мир переживает эпоху экономического и финансового подъема. Подъем финансов и экономики лежит не столько в экономике и финансах, сколько в их возрастающем значении как во внешней политике государств, как и во внутренней. Китай – это страна, правительство которой ставит вопрос «денежно-экономического» благополучия населения во главу своей внутриполитической повестки [Си, 2013].

Внешняя политика Китая во многом призвана обеспечить стабильное развитие внутреннего рынка, который является средой обитания среднестатистического гражданина страны. Национальное бюро статистики, различные министерства и многочисленные партийные органы активно занимаются расчетом и оценкой экономической

обстановки (в том числе используя «среднее благополучие», т.е. благополучие среднестатистического гражданина, как важный параметр)². Во времена первой вспышки эпидемии коронавируса в январе 2020 г. антиэпидемическая стратегия, принятая правительством по настоянию китайского научного сообщества, была как раз призвана обеспечить быстрое возвращение к доэпидемической жизни для всех граждан Китая³.

Несложно было прийти к заключению о том, что достижение целей экономического развития становится гораздо более осуществимым, когда в стране нет экстренной санитарной ситуации. В отличие от многих стран мира, правительство Китая ввело жесткие ограничительные меры по сдерживанию мобильности населения и межчеловеческих контактов. Правительство обеспечило соблюдение данных мер на протяжении достаточного временного периода (два месяца) для полного прерывания циркуляции вируса среди населения. 29 марта 2020 г. китайские власти объявили об окончании карантина внутри страны⁴. С момента снятия ограничений вспышек инфекции с внутренним происхождением не наблюдалось в течение нескольких месяцев⁵. Это позволило стране вернуться к потреблению, к деловой жизни и к привычным условиям труда.

Неудивительно, что китайская общественность, как и китайское прави-

тельство, рассматривает вопрос экономического сотрудничества как один из главных критериев для измерения «важности» (приоритетности для Китая) какого-либо партнера во внешнеполитической деятельности. И в России вопрос экономической выгоды от отношений с зарубежными государствами является не последним. Интересно, что и в Китае, и в России, и в третьих странах экономическо-торговый аспект двусторонних отношений часто приписывается фактам, свидетельствующим об отсутствии глубокого содержания в отношениях [Hillman, 2020]. Взаимный товарооборот России и Китая достигает, по разным расчетам, от 90 млрд до 110 млрд долл., в то время как товарооборот США и Китая в прошлом году достиг отметки 541 млрд долл.⁶ В сентябре 2020 г. соответствующий отчет Евростата подтвердил, что Китай обошел США в списке крупнейших торговых партнеров Евросоюза⁷. За период с января 2020 г. по июль 2020 г. взаимный товарооборот ЕС с КНР составил примерно 337 млрд долл.

На официальном уровне правительства Китая и России никогда не комментируют в отрицательном ключе торговую статистику. Тем не менее вопрос низких торговых показателей по сравнению с аналогичными показателями, наблюдаемыми между Китаем и западными странами, часто обсуждается среди научных и журналистских кругов. Помимо ученого сообщества вопрос ча-

2 Understanding Statistics (2021) // National Bureau of Statistics of China // <http://www.stats.gov.cn/>; <http://www.stats.gov.cn/english/understanding/>, дата обращения 01.01.2021.

3 The Chinese Centre for Disease and Control Prevention Management Board General Meeting Communique (2021) // Chinese Centre for Disease and Control Prevention, January 11, 2021 // http://www.chinacdc.cn/yw_9324/202101/t20210118_223796.html, дата обращения 05.01.2021 (на китайском).

4 The Official Notice on the End of Novel Coronavirus Epidemic in China (2020) // People's Government of China, March 30, 2020 // http://www.gov.cn/xinwen/2020-03/30/content_5496949.htm, дата обращения 02.01.2021 (на китайском).

5 In Virtue of the Absence of Internal Coronavirus Cases, Is It Necessary to Prolong the Mask Regime? (2020) // Xinhua, September 5, 2020 // http://www.xinhuanet.com/2020-09/05/c_1126455107.htm, дата обращения 18.01.2021 (на китайском).

6 Товарооборот между КНР и РФ за 2018 год составил \$107,06 млрд (2019) // РИА Новости. 14 января 2019 // <https://ria.ru/20190114/1549310515.html>, дата обращения 20.12.2020.

7 Крупнейшим торговым партнером Евросоюза стал Китай (2020) // Финмаркет. 17 сентября 2020 // <http://www.finmarket.ru/database/news/5315373>, дата обращения 20.12.2020.

сто поднимается китайской общественностью, в том числе в активном китайском цифровом пространстве. В России данный вопрос поднимается преимущественно экспертами, публицистами, учеными и журналистами. Несомненно, это является самым острым актуальным вопросом в экономических отношениях между двумя странами. Политические вопросы тоже существуют, в том числе международного характера. Но, как правило, экономический фактор вызывает большее внимание со стороны наблюдателей из двух стран. Исторически же, как и в современности, торговля является критическим местом для российско-китайских отношений. Дело в том, что экспедиции Петлина в 1618 г. не удалось переломить устоявшуюся в российско-китайских отношениях тенденцию к спорадической и непостоянной связи (по необходимости или по случаю).

Отношения приобрели некоторое постоянство лишь тогда, когда вопрос торговли стал острым для обеих сторон. В XVII в., вплоть до подписания в 1689 г. Нерчинского соглашения, торговля между Россией и Китаем находилась на стадии свободного и произвольного обмена между пограничными территориями [Фэй, 2010]. В этой фазе преобладала еще ранняя модель торговли, согласно которой император выдавал исключительное и однократное разрешение на ведение торговли с местным населением членам прибывших российских делегаций по пути возвращения из Пекина в Россию. Речь идет о Китае времен маньчжурской династии Цин, сменившей в 1636 г. ханьскую династию Мин. В некоторой степени повторялась история той же казачьей делегации, посетившей Пекин в 1618 г. и получившей привилегию на ведение попутной торговли.

Однако 7 сентября 1689 г. Россия и Китай подписали Нерчинский договор,

положивший конец 40-летнему периоду стычек и пограничных конфликтов вокруг местности Албазино и части Приамурья. В данном договоре впервые было упомянуто наличие у двух стран каких-либо отношений. Также договор вошел в историю как первый правовой акт, определивший характер торговли и связей между странами. В договоре было прописано, что лица, обладающие документальным удостоверением, могут пересечь границу между двумя странами и осуществлять торговлю. Однако договор не прописывал в пределах каких городов или малых регионов была разрешена торговля, что было важным упущением, ведь на территории Китая торговля была не желанным и не поощряемым правительством видом экономической деятельности [Фэй, 2010].

Цинское правительство рассматривало выдачу разрешения на торговлю в качестве политического инструмента, позволяющего китайской стороне сохранить мирную обстановку на северных границах, в то время как для России обеспечение торговли и получение от нее соответствующей выгоды было важным вопросом внешней политики. Города Нерчинск и Цицикар становятся главными пунктами назначения для русских купцов, торговая деятельность которых постепенно начинает охватывать внутренние части региона Хэйлунцзян. Статистика, сохранившаяся в китайских исторических документах, свидетельствует о росте посещаемости этих местностей со стороны русских торговых миссий. В периодах с 1714 по 1716 г. и с 1724 по 1725 г. наблюдается приезд делегаций, соответственно состоявших из 28, 91, 69, 19, 20 торговцев. В 1726 г. три торговые делегации из России посещают Цицикар, в 1727 г. – шесть делегаций [Фэй, 2010].

Преимущественно торговля осуществлялась путем простого товаро-

обмена, без посредства денег. Структура торговли также была простой. Импорт из России составляли такие товары, как шкуры, мех, стекло, поясные мечи и связанные с ними предметы одежды, а также скот. В то время русские торговцы вывозили из Китая ткани, табак, имбирь, перец и сахар. В тогдашних условиях необходимость в торговле оказалась прерогативой российской стороны. В Европе бушевали англо-голландские войны за морское и экономическое господство на континенте, что создавало большие препятствия для сбыта меховых товаров из России в Европу. С учетом длительности англо-голландских конфликтов русским торговцам пришлось искать другие каналы сбыта [Фэй, 2010].

Третья фаза налаживания торговых связей между Цинским Китаем и Россией связана с одной из самых сложных страниц в истории двух стран. В 1861 г. Китай был вынужден объявить о начале политики открытых портов после окончательного поражения в «опиумных войнах». Это привело к стремительным переменам в структуре торговли между двумя странами в пользу России [Фэй, 2010]. Спектр торгуемых товаров заметно расширился и освоение китайского рынка российскими торговцами убыстрилось в несколько раз. Именно в этой фазе произошло одно из, как принято считать, отрицательных событий в истории России и Китая. Это присоединение России к Альянсу восьми держав (под первоначальным общим командованием русского генерала Линеви́ча), который вторгся на территорию Китая в 1900 г. войском в 45 тыс. человек [Линевич Николай Петрович, 1907].

В то время в Китае произошло несколько народных восстаний, направ-

ленных как против династии Цин, так и против колониальных захватчиков. Союзные войска держав, включая Россию и Японию, смогли и подавить восстания, и разбить императорские силы, заставив Цинское правительство подписать довольно суровый Заключительный протокол от 1901 г.

В 2016 г. телеканал «Культура» запустил цикл лекций (проект «Academia»), в котором принял участие академик РАН и знаменитый китаевед В.С. Мясников, прочитавший две лекции о российско-китайских отношениях в честь 400-летия с начала системных контактов⁸. Одной из задач лекционных циклов от телеканала «Культура» было доходчиво объяснить широкой аудитории основные вехи из истории российско-китайских отношений. Академик Мясников, касаясь участия Российской империи в Альянсе восьми держав, заявил, что это событие не является позитивным для двусторонних отношений, и явно выразил сожаление о нем. Это один из примеров того, какую интерпретацию и какую оценку дает сегодня российская историография о событиях 1900 г. Роль России в военных действиях на территории Китая, так же как и полученные привилегии от Заключительного акта, не были ключевыми, но такое событие не может не оставлять следа. Память об «опиумных войнах» и о последующем иностранном вмешательстве в дела Китая (выражаясь современным языком – агрессии) жива в исторической памяти и в общественном дискурсе Китая.

То, что официальные представители российского научного сообщества в эфире государственного телевидения выражают, пусть и мягко, подобную позицию, может показаться незначительным политическим событием вну-

8 Россия и Китай. 400 лет взаимоотношений (2016) // Телеканал «Культура» // <https://www.culture.ru/movies/202/rossiya-i-kitai-400-let-vzaimootnoshenii>, дата обращения 15.12.2020.

три России, но это является очень важным сигналом для китайской стороны. Не только научное сообщество Китая, но и официальные лица пристально наблюдают за зарубежным общественным дискурсом и за тем, какого мнения об исторических событиях, касающихся Китая, придерживаются представители научных сообществ. Вне зависимости от того, в каком ключе этот вопрос обсуждается в более широких кругах (общество и т.д.), историческая сторона дискуссии, как правило, является самой важной для китайских партнеров. Несомненно, Россия продвигает отношения с Китаем и способствует их высокому уровню, в том числе посредством таких «историко-интерпретационных маркировок» и оценочных коррекций.

Современные предпосылки «поворота на Восток»

Современный смысл отношений между Москвой и Пекином нужно проанализировать и с точки зрения событий, характеризующих сложную международную обстановку нового века. Глобализация сильно повлияла на двусторонние отношения. В XXI в. традиционные для отношений между Россией и Китаем вопросы – экономическое сотрудничество и вопрос государственных границ – получили совершенно новую интерпретацию. С правовой точки зрения вопрос государственной границы между Россией и Китаем является закрытым. Переговорный процесс, призванный урегулировать многовековой вопрос, имеет гораздо более длинную историю, чем другие эпизоды

из прошлого двусторонних отношений. Начало ему было положено в 1991 г. подписанием специального международного договора («Соглашение между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее восточной части»), призванного обозначить дух и принципы дальнейшего переговорного процесса. Договор подписан СССР в мае 1991 г., но был ратифицирован только Российской Федерацией⁹.

Ратификация Российской Федерацией позволила позитивному духу соглашения продолжить свое существование, несмотря на исчезновение одной из сторон как субъекта международного права. Далее начался длительный, но успешный путь урегулирования вопроса границ, который пережил как сроки полномочий глав государств (соглашение изначально подписывалось Китаем Цзян Цзэминя и СССР Михаила Горбачева), так и смены правительств, внутренней и внешней обстановки. Процесс завершился 14 октября 2004 г., когда в Пекине было подписано последнее дополнительное соглашение между двумя странами, внесенное в основное соглашение от 1991 г.¹⁰ Это пример того, как поэтапная и терпеливая дипломатическая работа ведет к конструктивному согласию, обходя войны и другие способы овладения территориями.

Несомненно, «поворот на Восток» нельзя рассматривать по отдельности от успешной истории демаркации российско-китайской границы. Две страны вступили в новый век, работая над решением этой проблемы. Таким образом, внешняя политика обеих стран предусматривала урегулирование этого вопроса и наличие договора, фиксировавшего политическую волю, дух

9 Распоряжение Президента Российской Федерации от 21.02.1996 г. № 77-рп (1996) // Президент России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8942>, дата обращения 17.11.2020.

10 О границе между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой на ее восточной части (2004) // Коммерсантъ. 4 ноября 2004 // <https://www.kommersant.ru/doc/521958>, дата обращения 30.11.2020.

и конкретные подходы к его обсуждению. Смена руководителей и глобальные трансформации не стали препятствием для этого. Процессы глобализации, в которых и Россия, и Китай на рубеже нового века видели свою собственную роль, подтолкнули к этому шагу и поспособствовали плавному сценарию разрешения вопроса. Если учитывать эти явления, то становится очевидным, что поворот в сторону Китая во внешней политике России не мог произойти лишь из-за крымских событий 2014 г. и появления новых препятствий в диалоге с западным миром. Под ним находился фундамент, исходящий из совсем недавней истории. Этот фундамент был тесно связан с самыми актуальными мировыми процессами, среди которых глобализация, как в политическом плане (возрастающее участие стран в международных организациях), так в экономическом (возрастающая роль экономического фактора во внешних сношениях).

«Поворот на Восток»: определяющий фактор в международных отношениях

Как было неоднократно сказано в этой статье, Китай является страной с неоднозначным прошлым ведения отношений с внешним миром. Россия не является единственной страной, в выстраивании отношений с которой данное обстоятельство дает о себе знать. Большинство стран испытывает достаточно схожие вызовы в двусторонних отношениях с Китаем. Если брать в

качестве примера страны ЕС, то современное состояние отношений осложняется дихотомией между экономикой и политикой. Экономический интерес очевиден. Это подтверждается не только вышеприведенными статистическими данными о взаимной торговле, но и успешным достижением 30 декабря 2020 г. договоренности об основных принципах будущего инвестиционного соглашения между ЕС и КНР¹¹.

В рамках ЕС Италия занимает видное место среди стран, имеющих односторонние инициативы по сближению и налаживанию особого сотрудничества с Китаем помимо линии Евросоюза. В марте 2019 г. европейское турне председателя КНР началось именно с государственного визита в Рим, в ходе которого итальянское правительство заключило целый ряд важных соглашений о правах эксплуатации китайскими компаниями некоторых итальянских портов и об экономическом сотрудничестве¹². Также Италия подписала меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в совместном строительстве «Пояса и Пути», что является главным реквизитом для вступления страны в одноименную инициативу. Через месяц глава итальянского правительства принял участие во втором форуме инициативы «Пояс и Путь» в Пекине, и он стал одним из немногих представителей западных государств и «Большой семерки» на данном мероприятии. Также Италия в одностороннем порядке передала китайскому правительству права собственности на более 700 единиц утраченных культурных ценностей Китая¹³. В выстраива-

11 Official Text of the Key Elements of the EU-China Comprehensive Agreement on Investment (2020) // 163.com // <https://www.163.com/dy/article/FVDON5T305371P76.html>, дата обращения 03.01.2021 (на китайском).

12 President Xi in Rome: Talking about History, Discussing the Present, Designing the New Sino-Italian Relations (2019) // The People's Daily Online Foreign Edition, March 17, 2019 // <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1628886561745121424&wfr=spider&for=pc>, дата обращения 06.01.2021 (на китайском).

13 Си Цзиньпин встретился с премьер-министром Италии Джузеппе Конте (2019) // Синьхуа. 24 апреля 2019 // http://russian.news.cn/2019-04/28/c_138016425.htm, дата обращения 30.11.2020.

нии отношений с Китаем, несмотря на политические обязательства в рамках Евросоюза, Италия пытается использовать доступные для себя инструменты взаимодействия. Италия, как конечный путь исторического Шелкового пути и родина Марко Поло, использует историческое прошлое в своих отношениях с Китаем. Так же как и Россия, Италия принимала участие в Альянсе восьми держав в 1900–1901 гг. и потенциально имеет схожие препятствия исторического характера в ведении отношений с Китаем.

Другая интересная сфера для сотрудничества, ставшая недавно резонансной в отношениях между Италией и Китаем, – правовая сфера. 1 января 2021 г. в Китае вступил в силу первый в истории страны Гражданский кодекс. В разработке Гражданского кодекса по западной модели и по стандартам римской правовой школы приняли участие ведущие эксперты-юристы КНР. Однако проведение данной работы длилось десятилетиями. Первые ученые, положившие начало этим процессам, – это группа китайских правоведов, изучивших римское право в Москве во время «весны китайско-советских отношений» и затем продолжавших свою работу в Италии, в том числе с помощью местных юристов и профессоров юридических наук, относящихся к итальянскому коммунистическому движению [*Diliberto*, 2021].

Франция же использует политику городов-побратимов и регионов-побратимов для расширения сотрудничества с Китаем, получая возможность развивать сотрудничество по линии региональных властей. К 2019 г. насчитывалось более ста французско-китайских соглашений о городах-побратимах и регионах-побратимах. Также Франция яв-

ляется первой крупной западной страной, установившей с КНР дипломатические отношения, и в настоящее время является государством-депозитарием Парижского соглашения по климату, что представляет собой ключевую тему во внешнеполитической повестке Китая. В данном международном контексте «поворот на Восток» во внешней политической стратегии России выглядит не как единственный случай, а вписывается в мировые тенденции. Однако отношения между Россией и Китаем являются одним из главных рычагов поддержания стабильности в современных международных отношениях. Знаменитая теория о «балансе сил», являющаяся одновременно пережитком Вестфальской системы и времен «холодной войны», утратила свою действенность после распада СССР и начала становления многополярного мира. В этом контексте отношения стратегического партнерства и сотрудничества между двумя странами становятся некой гарантией устойчивости для данной теории, особенно в период, когда ООН переживает институциональный кризис и кризис авторитета.

Медленно, но эффективно разрешенный вопрос границ и новая стратегия России по отношению к Китаю после 2014 г. смогли даже размыть проблему неравноправных договоров – классика отрицательного воздействия истории на современность российско-китайских отношений. Термин «неравноправный договор» используется китайской правоведческой школой для обозначения договоров, заключенных путем «оказания силового или несилового давления на одну из сторон» и ведущих к «нежеланному невыгодному положению» для потерпевшей стороны¹⁴.

14 Unequal Treaties (2021) // Baike Baidu // <https://baike.baidu.com/item/不平等条约/600776?fr=aladdin>, дата обращения 08.01.2021 (на китайском).

Несмотря на то что не существует официального перечня договоров, которые китайская страна считает неравноправными, имеется общее представление о том, о каких договорах идет речь. Это помимо договоров, заключенных во время «опиумных войн» (например, Нанкинский договор между Китаем и Великобританией по итогам первой «опиумной войны» и др.), – Айгунский договор с Россией, Тяньцзиньский договор с Россией, США, Великобританией и Францией и др. Данная проблема всегда являлась одним из пунктов на повестке как партии Гоминьдана, так и Китайской коммунистической партии еще во времена гражданской войны.

Феномен «неравноправных договоров» как понятие и концепция почти не имеет аналогов в историографии и в политическом дискурсе стран мира, что вызывает внимание западного мира (тема вновь всплыла на фоне торговых войн между Китаем и США времен администрации Трампа)¹⁵. Часто существование таких договоров и важность, которую придает им китайская историография, приводятся как аргументы для обоснования скептицизма в отношении искренности находящихся на подъеме российско-китайских отношений. Тема стала одной из любимых как в России, так и в западных странах. Однако насколько реально историческая память о таких событиях может сыграть отрицательную роль в нынешних условиях двусторонних отношений с Китаем, предсказать сложно. Тем не менее, в силу того что никаких проявлений обеспокоенности со стороны официальных лиц КНР не выявляется, трудно сказать, что это оказыва-

ет прямое негативное воздействие. Из-за этого данные теории продолжают занимать маргинальное место в официальной риторике, представляя интересную дискуссионную тему только для ограниченного круга лиц, чаще всего относящихся к науке. Вне Китая, как и упомянутые ранее другие вопросы, дилемма неравноправных соглашений обсуждается в другом ключе и преимущественно на уровне общечеловечности, но, как правило, это не влечет за собой участие официальных лиц¹⁶. «Поворот на Восток» стал продолжением тенденции сближения между двумя странами, которая уже намечалась, несмотря на исторические препятствия.

Дискуссия об идентичности России и об исторической обусловленности «поворота на Восток»

Нельзя отрицать, что «поворот на Восток» вызвал новую волну обсуждения вопроса национальной идентичности в русском обществе. Вопрос идентичности, или «цивилизационный вопрос», для России – это тоже следствие истории. Идентичность и принадлежность русской цивилизации миру западному или миру восточному обсуждаются как минимум со времен Ломоносова и его спора с немецкими коллегами, служившими при императорском дворе и выдвигавшими свои собственные теории. Позже данный дискурс превратился в масштабную «интеллектуальную битву» между западничеством и славянофильством, которая выходит за рамки узких гуманитарных кругов и времени.

15 19th-Century 'Humiliation' Haunts China-U.S. Trade Talks (2019) // The New York Times, March 27, 2019 // <https://www.nytimes.com/2019/03/27/us/politics/china-opium-wars-trade-talks.html>, дата обращения 30.12.2020.

16 Unequal Treaties (2021) // Baike Baidu // <https://baike.baidu.com/item/不平等条约/600776?fr=aladdin>, дата обращения 08.01.2021 (на китайском).

В разные эпохи ученые разных отраслей принимали участие в этой дискуссии в силу того, что их деятельность так или иначе сталкивалась с вопросом двух начал русской цивилизации. Академик Д.С. Лихачев посвятил этому вопросу целую книгу под названием «Размышления о России», опубликованную впервые сразу после окончания перестройки в 1991 г. [Лихачев, 2001]. Все западные школы русистики увлеклись и увлекаются данной темой. В ее обсуждении, разумеется, самое активное участие принимает современное российское общество. «Россия относится к Востоку или к Западу?» – это, пожалуй, вопрос, который часто звучит во время обсуждения отношений с Китаем. События 2014 г. и последующее обращение России к Востоку вызвали серьезные сомнения у части русской общественности и российского научного сообщества, воспринимающих историю, культуру, язык и религию своей страны через призму связей с Западом, нежели с Востоком.

Бурное обсуждение продолжается по сей день и, возможно, в нем не суждено прийти к единому согласию в скором времени. События 2014 г. привели к возрождению теории евразийства и к видению России как отдельной цивилизации, существующей вне культурологических рамок Восток–Запад. Несомненно, культурологическое и антропологическое обоснование поворота России на Восток будет определяться по мере развития событий, так как феномен недавний. То, что это событие смогло вновь поднять дискуссию вокруг идентичности не только российской политики, но и русского человека, свидетельствует о том, что отношения с Китаем – это важная тема не только для российского руководства, но и для более широкой категории граждан России.

Историческая и цивилизационная близость России и Запада была неод-

нократно изучена и доказана. Небезызвестная история о сравнительно небольшом присутствии «русской крови» у представителей правящей династии Романовых – один из многих примеров теснейшей связи между Европой и Россией. После 1762 г. благодаря приходу на престол сына Анны Петровны Петра III правящая ветвь династии Романовых фактически стала именоваться «Гольштейн-Готторп-Романовы», будучи одной из линий немецкого Ольденбургского дома. Реформы Петра Великого также являются одним из ярких примеров «европеизации» русского общества и русской культуры и даже некой окончательной точкой в вопросе идентичности русской цивилизации. Тем не менее существует множество работ, доказывающих необходимость и обоснованность Петровских европейских реформ [Ключевский, 1904], и существуют авторитетные исследования, выделяющие характерно «русские» и «восточные» аспекты правления Петра и его реформ [Лихачев, 2001].

Как известно, Россию и Запад объединяют не только близкие контакты между элитами и династийные связи, но и гораздо более глубокие культурологические элементы – вероисповедание и язык. Нельзя сказать то же самое о взаимодействии с Китаем. Тем не менее Россия имеет длительную историю контактов с Китаем и в этом занимает передовую позицию по сравнению с Западным миром. Еще в XIII в. Софийская вторая летопись (6903 год) упоминает Китай, так же как и Степенная книга царского родословия [Софийская вторая летопись, 1853; Степенная книга царского родословия, 1913, с. 120].

Русский народ упоминается в китайских летописях, например в памятнике об истории китайской династии Юань (1271–1368). Здесь говорится о русских военных, перешедших на

службу китайскому императору после их взятия в плен. Для сравнения, в китайских источниках не существует сведений о путешествии Марко Поло в Китай, так же как и о более раннем путешествии его отца и дяди, побывавших в Поднебесной во времена той же династии Юань. Несомненно, западная цивилизация в лице Римской империи имеет древнейшие контакты с Китаем. Однако контакты России с Китаем, имевшие место после полноценного объединения и становления государственности обеих стран, произошли не только на уровне отдельных личностей, но и на уровне феноменов. Феномен пограничной торговли между российским Дальним Востоком и китайским Севером – это очень существенная страница в истории взаимодействия Китая с внешним миром, учитывая редкость подобных связей и запрет на ведение внутренней торговли в Китае. Вышеупомянутые примеры миссии Петлина и развитие торговых отношений Китая с Россией до «опиумных войн» свидетельствуют о качественном взаимодействии, произошедшем на очень ранних этапах открытия Китаем внешнего мира и наоборот. Несомненно, первопричиной появления данных феноменов является географическая близость. И в этом плане невозможно отрицать, что Россия является «восточной державой» не только в современности, но и в истории.

Современный «поворот к Китаю», несомненно, сталкивается с многочисленными проблемами, среди которых часто упоминаются отсутствие концептуализации и однобокость в его общей интерпретации [Савченко, Зуенко, 2020]. Однобокость вытекает из того, что феномен поворота часто объясняется простым доводом реакции на западные санкции в посткрымский период. Отсутствие концептуализации связано в том числе со сравнитель-

но небогатой исторической базой российско-китайского взаимодействия. Однако с учетом специфики модели взаимодействия Китая с другими субъектами международных отношений в древности и до «опиумных войн», упомянутые выше пример осуществления торговли русскими купцами, пример географической близости и пример мирового значения российских знаний о Китае имеют высочайшую ценность. Также ученые-международники указывают на наличие у современной политики «поворота на Восток» нескольких компонентов [Торкунов, Стрельцов, Колдунова, 2020].

Помимо политического компонента, обусловленного неучастием Китая в санкционной политике Запада, приводятся еще два: попытка России пересмыслить парадигму развития Дальнего Востока (внутренний компонент) и стремление разработать концепцию «Большой Евразии» (внешний компонент), раскрывая полностью интеграционный и экономический потенциал России в Азии. Несомненно, данная политика была инициирована исходя из геополитических соображений и в контексте задачи восстановления баланса сил в международных отношениях, она сыграла значимую и уже ощутимую сегодня роль. Однако вопрос результата данной политики в контексте реализации второго и третьего компонентов остается открытым [Торкунов, Стрельцов, Колдунова, 2020]. Критики данной политики указывают не только на неправильность конфронтации с Западом. Опровержение целесообразности второго и третьего компонентов тоже присутствует. Мнение о том, что Китай является скорее угрозой для дальневосточной политики России, а не содействующим фактором, а также сомнения в вероятности появления в Азии и в Евразии широкой интеграционной площадки, способной на большие эко-

номические достижения, являются основными контраргументами.

Неудивительно, что именно в выстраивании контраргументов к «повороту на Восток» часто всплывает вопрос об идентичности России, так как о подобных рассуждениях история оставила очень видимый след. Ф.М. Достоевский характеризовал Россию как «европеец в Азии» [*Достоевский*, 1995, с. 504]. В этом предложении неоспоримым фактом является только присутствие России в Азии как в географическом, так и в политическом и экономическом планах. О том, является ли Россия «европейцем», ведутся до сих пор споры и, вероятнее всего, предположение является недоказуемым, т.е. без окончательного ответа, который мог стать общепризнанным. Очевидно еще и то, что у «поворота на Восток» имеется свое историческое оформление, в силу чего данная политика не может быть воспринята исключительно как реагирование на санкции Запада. Достаточно прочесть труды И. Бичурина, архимандрита Палладия и многочисленных участников православных духовных миссий в Пекине во времена Цинской империи, чтобы убедиться, что российское присутствие в Китае имеет собственный характер, независимый от европейского изучения Китая.

Научное присутствие России в Китае, кроме политического, и компетентность русской школы китаеведения являются яркими примерами того, что российско-китайские контакты имеют уникальный характер. Знания России о Китае, о Маньчжурии, о древних и современных народах Китайского Севера, о религиях и обычаях, а также их распространение внутри России превосходили аналогичные показатели в Западной Европе. Еще со времен публикации И. Бичуриным своих трудов в Российской империи русские ученые-китаеведы ставили перед собой задачу

дойти до незнакомого с востоковедением читателя. Кроме того, в это же время российское китаеведение уже приобрело самостоятельность от исследований западных католических миссионеров [Скачков, 1977].

Развитие Дальнего Востока в контексте «достигших исторического пика российско-китайских отношений» тоже может быть интерпретированным в качестве отсылки на исторические вопросы, касающиеся состояния этих регионов. Это может стать очень грамотным разрешением скрытой, но все же присутствующей проблемы присвоения этих территорий, оставленной историей. И это происходит в то время, когда Китай проявляет повышенную чувствительность к вопросам урегулирования границ. Это доказывают примеры китайско-индийского спора и спора вокруг островов в Южно-Китайском море. Существование такой концепции является уникальным примером поддержания мира и развития двусторонних отношений между крупными державами.

Заключение

Становление России в качестве восточной державы в XXI в., как и перспективность российско-китайских отношений, являются спорными вопросами, вокруг которых идет широкое обсуждение. В этой дискуссии большую роль играют исторические факторы, причем это происходит не только в отношениях между Китаем и Россией, но и в отношениях между Китаем и другими зарубежными странами. Историческая перспектива отношений имеет двоякую планку: с одной стороны, история контактов Китая с внешним миром хронологически ограничена; с другой стороны, история активно используется для продвижения связей

с Китаем в настоящее время. Здесь были приведены некоторые эпизоды как из истории, так и из современности, которые могут повысить глубину дискуссии вокруг политического и экономического феноменов, получивших название «поворот на Восток». Исторические факты и современные реалии, обсуждаемые здесь, тесно взаимосвязаны друг с другом и среди них сформировалась общая красная линия. Политика «поворота на Восток», ядром которой являются отношения России с Китаем, доказала свою историческую состоятельность и имеет очень большой шанс разрешить текущие вопросы, восстанавливая баланс не только в международных отношениях, но и в дискуссии о принадлежности России к Западу или Востоку.

Традиционная дискуссия о цивилизационном пути России сочетается с современными политическими реалиями и может найти новые ответы в зависимости от того, как будут дальше развиваться отношения с Китаем. Географическое положение позволило России иметь качественные связи с Китаем с относительно древних времен, преодолевая закрытость Китая больше, чем другие страны. После «опиумных войн», мировых войн и советского периода Россия и Китай смогли урегулировать многие вопросы, в том числе территориальные. Благодаря успешному результату этих усилий сегодня политика «поворота на Восток» может ставить перед собой гораздо более широкую повестку как шаг в сторону развития российского Дальнего Востока и продвижения идеи евразийства. Данная политика, нуждающаяся в концептуализации, может обратиться к истории для проработки своего концептуального фундамента и своего академического обоснования. Параллельно с этим рассмотрение «поворота на Восток» как феномена, имеющего более глубокие

корни, выходящие за рамки простой реакции на западные санкции, может существенно обогатить дискуссию вокруг этой немаловажной тематики.

Список литературы

Буторина О.В., Кавешников Н.Ю. (ред.) (2016). Европейская интеграция: учебник для вузов. М.: Аспект-Пресс.

Демидова Н.Ф., Мясников В.С. (1966). Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). М.: Наука.

Достоевский Ф.М. (1995). Собрание сочинений в 15 томах. Том 14. СПб.: Наука.

Ключевский В.О. (1904). Курс русской истории. Полный курс лекции. СПб.

Линевич Николай Петрович (1907) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 34. СПб.

Лихачев Д.С. (2001). Раздумья о России. СПб.: Логос.

Мясников В.С. (1958). Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина // Советское китаеведение. № 1. С. 146–152 // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1620-1640/Reise_Petlin/text2.htm, дата обращения 31.03.2021.

Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. (2020). Движущие силы российского поворота на Восток // Сравнительная политика. Т. 11. № 1. С. 111–125. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10009

Си Ц.П. (2013). Речь Председателя КНР во время первой сессии 12-го созыва Всекитайского собрания народных представителей // ВСНП КНР. 17 марта 2013 // <http://npc.people.com.cn/n/2013/0319/c53042-20836848.html>, дата обращения 01.01.2021 (на китайском).

Скачков П.Е. (1977). Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука.

Софийская вторая летопись, 6903 год (1853) // Полное собрание русских летописей. Т. 6. СПб.: Изд. Археогр. Комиссии. С. 119–276.

Степенная книга царского родословия (1913) // Полное собрание русских летописей. Т. 21. Издание 1-е. Половина 2-я.

Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. (2020). Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Полис. № 5. С. 8–21. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.02

Фэй Ч. (2010). Динамика изменений в торговых связях между северо-восточным регионом Китая и российскими пограничными территориями во времена правления династии Цин // The People's University of China. 10 октября 2010 // http://www.iqh.net.cn/info.asp?column_id=6791, дата обращения 01.01.2021 (на китайском).

Bertolucci Pizzorusso V. (1975). *Il Milione*: versione toscana trecentesca, Milano.

Camesasca E. (1965). *Il Milione*, Istituto Geografico DeAgostini.

Crossley P.K., Siu H.F., Sutton D.S. (eds.) (2006). *Empire at the Margins: Culture, Ethnicity, and Frontier in Early Modern China*, University of California Press.

Diliberto O. (2021). Intervista a Radio Radicale. Programma «Lora di Cindia» // Radio Radicale, Gennaio 16, 2021 // <https://www.radioradicale.it/scheda/626434/lora-di-cindia&>, дата обращения 16.01.2021.

Hillman J.E. (2020). China and Russia: Economic Unequals // Center for Stra-

tegic and International Studies, July 15, 2020 // <https://www.csis.org/analysis/china-and-russia-economic-unequals>, дата обращения 01.02.2021.

Hsu J.Y., Jenn-Jaw S. (2014). Development of China-Russia Relations (1949–2011) Limits, Opportunities, and Economic Ties // *Chinese Economy*, vol. 47, no 3, pp. 70–87. DOI: 10.2753/CES1097-1475470305

Loreto Cecioni R. (2019). The Latin American Direction of China's Foreign Policy: An Example of China's XXI Century Mission, *Rivista di Studi Politici Italiani*.

Maza S. (2017). *Thinking About History*, University of Chicago Press.

Savic B. (2016). Behind China and Russia's 'Special Relationship': China and Russia's Carefully Curated Relationship Is Increasingly Having a Global Impact // *The Diplomat*, December 7, 2016 // <https://thediplomat.com/2016/12/behind-china-and-russias-special-relationship/>, дата обращения 01.01.2021.

Trenin D. (2012). True Partners? How Russia and China See Each Other // Center for European Reform // https://carnegieendowment.org/files/Trenin_CER_Eng.pdf, дата обращения 01.01.2021.

Wallace M. (1990). 60 Minutes Archives: The Interview of President Jiang Zemin of China // CBS // <https://www.youtube.com/watch?v=pCUlJrx5oas>, дата обращения 02.09.2020.

Yun S. (2014). *Africa in China's Foreign Policy*, Washington: Brookings.

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-7

The Historical Perspective of Russian Turn to the East: How Russia Became an Eastern Power in XXI Century

Raffaello LORETO CECIONI

Bachelor

MGIMO University, 119454, Vernadskogo Av., 76, Moscow, Russian Federation

E-mail: loreto.r@my.mgimo.ru

ORCID: 0000-0001-8453-0700

CITATION: Loreto Cecioni R. (2021). The Historical Perspective of Russian Turn to the East: How Russia Became an Eastern Power in XXI Century. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 3, pp. 127–146 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-7

Received: 20.01.2021.

ABSTRACT. *Russia's so-called "turn to the East" policy has become one of the widely discussed issues among other issues in contemporary international relations. The new strategic relations with China and the beginning of a new era in Sino-Russian bilateral relations are the most representative results of the "turn to the East". The history behind these relations is a factor with tend to be ignored by those discussing the matter. However, the historical view of Sino-Russian relations can provide us with new horizons in their interpretation. This article analyses the "turns to the East" from a historical point of view and theorizes new approaches towards their conceptualization. From the historical point of view, Russia's "turns to the East" can potentially help the two countries overcome very profound obstacles in bilateral relations, such as the problem of Russia's image in China after the border disputes with the Qing Empire. Undoubtedly, the "turns to the East" policy's implications in the economic development of Russian Far East is one of the central topics. As well, the historical analy-*

sis of this policy can enrich nowadays discussion about Russian identity and Russia's position in the East-West paradigm. Also, this article draws attention to the commercial aspect of Sino-Russian relations, which nowadays still represent an important criterion in judging the "turn to the East" policy's effectiveness. By including examples of other countries' relations with China, we tried to underline how history has become an instrument for developing relations with modern China and how this opportunity is applicable in the Sino-Russian context too.

KEYWORDS: *China, Russia, economy, bilateral relations, historical factor, commerce, international economic relations, social dispute, law.*

References

Bertolucci Pizzorusso V. (1975). *Il Milione: versione toscana trecentesca*, Milano: A cura di Adeplhi.

Butorina O.V., Kaveshnikov N.Y. (2016). *European Integration: A Didactic Manual for Higher Educational Institutes*, Moscow: Aspect Press (in Russian).

Camerasca E. (1965). *Il Milione*, Istituto Geografico DeAgostini.

Crossley P.K., Siu H.F., Sutton D.S. (eds.) (2006). *Empire at the Margins: Culture, Ethnicity, and Frontier in Early Modern China*, University of California Press.

Degree Book of Royal Genealogy (1913). *Complete Collection of Russian Chronicles*. Vol. 21, Saint Petersburg (in Russian).

Demidova N.F., Myasnikov V.S. (1966). *The Petlin's Manuscript: The First Russian Diplomats in China*, Moscow: Nauka (in Russian).

Diliberto O. (2021). Intervista a Radio Radicale. Programma "Lora di Cindia". *Radio Radicale*, Gennaio 16, 2021. Available at: <https://www.radioradicale.it/scheda/626434/lora-di-cindia&>, accessed 16.01.2021.

Dostoevsky F.M. (1995). *Collected Works in 15 volumes*. Volume 14, Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Fei C. (2010). The Changes in Commercial Contacts Between Chinese Northern-Eastern Regions and Russian Boundary Regions in the Qing Era. *The People's University of China*, October 10, 2010. Available at: http://www.iqh.net.cn/info.asp?column_id=6791, accessed 01.01.2021 (in Chinese).

Hillman J.E. (2020). China and Russia: Economic Unequals. *Center for Strategic and International Studies in Washington*, July 15, 2020. Available at: <https://www.csis.org/analysis/china-and-russia-economic-unequals>, accessed 01.02.2021.

Hsu J.Y., Jenn-Jaw S. (2014). Development of China-Russia Relations (1949–2011) Limits, Opportunities, and Economic Ties. *Chinese Economy*, vol. 47, no 3, pp. 70–87. DOI: 10.2753/CES1097-1475470305

Klyuchevsky V.O. (1904). *Course of Russian History. Full Course of the Lecture*, Saint Petersburg (in Russian).

Likhachev D.S. (2001). *Thoughts about Russia*, Saint Petersburg: Logos (in Russian).

Linevich Nikolay Petrovich (1907). *The Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron*. Vol. 34, Saint Petersburg (in Russian).

Loreto Cecioni R. (2019). *The Latin American Direction of China's Foreign Policy: An Example of China's XXI Century Mission*, Rivista di Studi Politici Italiani.

Maza S. (2017). *Thinking About History*, University of Chicago Press.

Myasnikov V.S. (1958). New Documentary Findings about the Chinese Journey of Ivan Petlin. *The Soviet Sinology Journal*, no 1, pp. 146–152. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1620-1640/Reise_Petlin/text2.htm, accessed 31.03.202 (in Russian).

Savchenko A.E., Zuenko I.Yu. (2020). The Driving Forces of the Russian Turn to the East. *Comparative Politics*, vol. 11, no 1, pp. 111–125 (in Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10009

Savic B. (2016). Behind China and Russia's 'Special Relationship': China and Russia's Carefully Curated Relationship Is Increasingly Having a Global Impact. *The Diplomat*, December 7, 2016. Available at: <https://thediplomat.com/2016/12/behind-china-and-russias-special-relationship/>, accessed 01.01.2021.

Skachkov P.E. (1977). *Essays on the History of Russian Chinese Studies*, Moscow: Nauka (in Russian).

Sofia Second Chronicle, 6903 (1853). *Complete Collection of Russian Chronicles*. Vol. 6, Saint Petersburg: Ed. Archeogr. Commissions, pp. 119–276 (in Russian).

Torkunov A.V., Streltsov D.V., Koldunova E.V. (2020). The Russian Turn to the East: Achievements, Problems and Prospects. *POLIS*, no 5, pp. 8–21 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.05.02

Trenin D. (2012). True Partners? How Russia and China See Each Other. *Center for European Reform*. Available at: https://carnegieendowment.org/files/Trenin_CER_Eng.pdf, accessed 01.01.2021.

Wallace M. (1990). 60 Minutes Archives: The Interview of President Jiang Zemin of China. CBS. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=pCUIjrx5oas>, accessed 02.09.2020.

Xi J.P. (2013). The Programme Speech of the President of China at the 1st Session of the National People's Congress of the People's Republic of China. *The National People's Congress*, March 17, 2013. Available at <http://npc.people.com.cn/n/2013/0319/c53042-20836848.html>, accessed 18.12.2020 (in Chinese).

Yun S. (2014). *Africa in China's Foreign Policy*, Washington: Brookings.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-8

Россия и Турция в региональном и геополитическом пространстве

Борис Васильевич ДОЛГОВ

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Институт востоковедения РАН, 107031, ул. Рождественка, д. 12, Москва,

Российская Федерация

E-mail: dolgov.boris@list.ru

ORCID: 0000-0001-6541-58624

ЦИТИРОВАНИЕ: Долгов Б.В. (2021). Россия и Турция в региональном и геополитическом пространстве // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 14. № 3. С. 147–160.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-8

Статья поступила в редакцию 10.03.2021.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена рассмотрению российско-турецких отношений в исторической ретроспективе. Выявляются региональные и геополитические задачи, стоявшие перед Россией в XVII – начале XX в., обусловленные необходимостью обеспечения безопасности и дальнейшего экономического развития страны. Представлены факторы, приводившие к столкновению интересов России и Турции, ставшие причиной в рассматриваемый период российско-турецких военных конфликтов, перемежавшихся тем не менее этапами партнерства и сотрудничества. Рассматриваются результаты российских военно-политических усилий, позволивших выполнить задачи по освобождению Крыма, выхода России к Черному морю и в Средиземноморский бассейн, поддержки балканских народов в завоевании ими национальной независимости, что значительно укрепило как региональные, так и геополитические позиции России. Выявляется характер российско-турецких отношений в советский период, прошедших этапы сотрудниче-*

ства и конфронтации, обусловленной «холодной войной».

Основное внимание уделено детальному анализу современного периода взаимоотношений России и Турции. Выявлен характер действующей турецкой правящей элиты, представленной Партией справедливости и развития (ПСР), исповедующей идеологию умеренного исламизма и неосманизма. Рассматривается внутренняя социально-экономическая политика ПСР. Анализируются выдвигаемые руководством Турции цели и задачи, обусловленные стремлением продвигать турецкие интересы в регионы, входившие в состав Османской империи, занять лидерские позиции в мусульманском мире и играть свою роль в геополитике, и их влияние на российско-турецкие отношения. Рассматривается активизация турецкой внешнеполитической деятельности на различных направлениях в арабском мире, Европе, странах СНГ, мусульманских регионах РФ. В выводах анализируются различия и общие интересы во внешней политике России и Турции и возможность их сотрудничества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *российско-турецкие отношения, геополитика, турецкая правящая элита, умеренный исламизм, неосманизм.*

Исторический аспект

Длительный исторический период взаимоотношений России и Турции прошел различные этапы, характеризовавшиеся как противостоянием, так и попытками выстраивания взаимовыгодного партнерства и сотрудничества. Начало российско-турецких контактов относят к 1492 г., когда Иван III направил первое официальное послание османскому султану Баязиду II по вопросам урегулирования торговли, осуществлявшейся русскими купцами на территориях, контролировавшихся Османской империей. С XVI в. начинается длительный период российско-турецкого противостояния, обусловленный столкновением стратегических интересов России, становившейся империей и великой европейской державой, и Османской империей, захватившей огромные территории арабского мира и часть Европы, вышедшей на вершину своего могущества и провозглашавшейся исламскими суннитскими идеологами «пятым халифатом»¹, восприимницей существовавшего в раннее Средневековье Арабского халифата. Этот период включал в себя 13 военных конфликтов, большинство из которых были успешными для России и которые тем не менее перемежались этапами партнерских и даже союзнических отношений.

В XVII–XVIII вв. геополитическими приоритетами для России, продиктованными жизненно важными интересами безопасности и дальнейше-

го экономического развития, являлись освоение Причерноморья, освобождение Крыма, откуда крымские ханы – вассалы Османской империи осуществляли регулярные набеги на российские земли, а также выход к Азовскому, Каспийскому, Черному морям и впоследствии в Средиземноморский бассейн, которые контролировались тогда Османской империей [Ключевский, 1995, с. 236]. К концу XVIII в. эти задачи были успешно решены. На протяжении XIX в. стратегической целью России, которая определяла ее политику в отношении Османской империи, являлась поддержка славянских народов в их национально-освободительной борьбе против османского владычества. При этом, несмотря на неудачный исход Крымской войны (1853–1856), обусловленный вступлением в нее Англии и Франции, стремившихся не допустить усиления России в Средиземноморье, эта цель была достигнута. В результате российских военно-дипломатических действий ранее Греция в 1830 г. и впоследствии в 1878 г. Сербия, Черногория и Румыния получили независимость, Болгарии предоставился статус автономного княжества. Освобождение балканских народов от османского ига значительно укрепило как региональные, так и геополитические позиции России.

Во время Первой мировой войны (1914–1918) Османская империя, воевавшая на стороне Германии и Австро-Венгрии, потерпела ряд поражений от русской армии, проводившей успешные наступательные операции на Кавказском фронте вплоть до краха Российской империи в феврале 1917 г.

Начало советского периода было ознаменовано достаточно широким со-

¹ Согласно суннитской исторической традиции, существовали четыре халифата, следовавших за первым, которым считалась мусульманская община Пророка Мухаммеда, – Омейядский, Аббасидский, Фатимидский и пятый – Османский халифат, упраздненный Мустафой Кемалем Ататюрком 3 марта 1924 г. [Долгов, 2018, с. 231].

трудничеством Советской России с руководством Мустафы Кемаля Ататюрка, возглавившего Турецкую Республику после поражения Османской империи в Первой мировой войне. Такое сотрудничество во многом обуславливалось наличием общего противника, которого видели в лице стран Антанты как Советская Россия, так и Турция, а также стремлением советского руководства продвигать социалистическую идеологию в соответствии с доктриной «мировой революции». Так, в 1920–1922 гг. в Турцию, противостоявшую греческой армии, развивавшей наступление в районе Анатолии, поставлялось вооружение, боеприпасы, медикаменты. В 1921 г. между Советской Россией и Турцией был заключен мирный договор, в соответствии с которым Турция восстанавливала контроль над районом Карса. В Турции была создана коммунистическая партия, которая, однако, впоследствии в 1925 г., когда турецкое руководство стало восстанавливать отношения с Англией и Францией, была запрещена, а ее руководители арестованы и казнены. Тем не менее в 1930-е годы контакты между Турцией и СССР продолжали развиваться на основе подписанного в 1933 г. Договора о дружбе и сотрудничестве. В то же время в ходе начавшейся Второй мировой войны Турция, хотя и объявила о своем нейтралитете, поставляла стратегическое сырье Германии, пропускала через Черноморские проливы германские военные корабли, замаскированные под гражданские, и сосредоточила на границе с СССР, по разным данным, до 25 дивизий. Однако военные успехи СССР и его союзников по антигитлеровской коалиции заставили Турцию объявить в феврале 1945 г. войну Германии, хотя

в военных действиях турецкая армия участия не принимала.

С началом «холодной войны» Турция в 1952 г. вступила в НАТО, ее руководство в 1961 г. согласилось на размещение на турецкой территории американских ракет средней дальности, спровоцировавшее ответные действия СССР, развернувшего советские ракеты на Кубе. Это во многом привело к «карибскому кризису» 1962 г. Тем не менее период 1970–1980-х годов был отмечен развивавшимся экономическим сотрудничеством и достаточно стабильными отношениями, закрепленными в межгосударственном договоре 1978 г.

Политика и интересы Турции на современном этапе

После распада СССР Турция, особенно с 2002 г., после прихода к власти президента Реджепа Тайипа Эрдогана, возглавлявшего Партию справедливости и развития (ПСР), начала продвигать свои экономические, политические и во многом религиозно-идеологические интересы в мусульманских районах России. Здесь, в частности в тюркоязычных республиках РФ, активно развивались экономические и политико-культурные контакты² с Турцией. Создавались турецкие колледжи, в которых преподавание велось на турецком и английском языках, активно работал турецкий бизнес, под лозунгом «общности тюркоязычного мира» проводились всевозможные фестивали и конкурсы. Такая политика обуславливалась достаточно амбициозными планами объединения всех тюркоязычных народов под эгидой Турции (возрождение Великого Турана) и политикой

2 Власти Татарстана заявили даже о признании т.н. «Турецкой республики Северного Кипра», что противоречило как внешнеполитическому курсу России, так и подавляющего большинства мирового сообщества [Надеин-Раевский, 2018, с. 151].

неоосманизма, предполагавшего продвижение турецкого влияния во все регионы, ранее входившие в состав Османской империи. В этой связи необходимо отметить, что правящая партия ПСР была основана выходцами из распущенной в 2001 г. исламистской Партии добродетели (ПД), которая наряду с турецко-османским национализмом исповедовала идеологию, близкую движению «Братьев-мусульман». Лидер ПСР Р. Эрдоган в молодые годы входил в руководство двух исламистских партий, а в период военных режимов в Турции отбывал тюремное заключение за публично высказываемую приверженность исламистским идеям.

После прихода к власти Р. Эрдогана его руководство в достаточной степени исламизировало общественно-политическую жизнь Турции. Это проявилось прежде всего в выдвижении на ключевые посты в руководящем государственном звене выходцев из ПД, ставших активными членами ПСР, а также представителей религиозно-политических организаций, разделяющих идеологию ПСР. Исламские суннитские ценности играли все большую роль в общественно-политической и культурной жизни Турции. Поэтому ислам и неоосманизм, сочетающийся с ориентированностью Р. Эрдогана на современное экономическое развитие и связи с ЕС, представляли собой идеологическую основу ПСР. Турецкое руководство использовало некую ностальгию части турецкого общества по успешным предыдущим историческим периодам и провозглашало необходимость учета османского наследия. В то же время концепция неоосманизма подпитывалась изменениями в расстановке сил на мировой арене, связанными с коллапсом социалистического лагеря и распадом СССР. Эти изменения открывали перед Турцией новые направления для внешнеполитического влияния – Азербайджан и Гру-

зия, мусульманские регионы РФ, Средняя Азия, Балканы, а также Ближний Восток. Турецкое влияние реализовывалось в политике, экономике, а также в распространении и популяризации турецкой культуры [Черниченкина, 2012, с. 93–94]. Однако в арабском мире турецкая экспансия встречала неоднозначный ответ, обусловленный таким же неоднозначным восприятием османского периода турецкой истории.

При этом официальным принципом внешней политики нового турецкого руководства стала провозглашенная министром иностранных дел Турции Ахметом Давутоглу концепция «ноль проблем с соседями». Одной из ее целей являлось преодоление финансово-экономического кризиса 2001 г. путем расширения экономических связей с сопредельными государствами, в том числе с Сирией. В то же время основным направлением экономической программы ПСР как правящей партии стала реализация баланса между предлагаемыми МВФ стабилизационными фискальными и кредитно-денежными параметрами и активной социальной политикой в соответствии с Конституцией, провозглашавшей Турцию социальным государством. Впоследствии Турция отказалась от продолжения кредитного сотрудничества с МВФ и экономическая политика страны стала определяться трехгодичными программами, что принесло определенный эффект. Так, по итогам 2011 г. ВВП Турции вырос на 5%. Улучшение экономической ситуации позволило увеличить финансирование образования и науки. Так, за период с 2002 по 2011 г. было построено 163 тыс. новых школ, начался переход к бесплатному обеспечению учебниками учеников начальных и средних школ, число университетов выросло с 76 до 165, их бюджет увеличился в пять раз [Ульченко, 2012, с. 75]. При этом планы экономическо-

го развития постоянно включали в качестве стратегической составляющей предоставление преференций производителям продукции с высокой добавленной стоимостью на основе самых современных и наукоемких технологий. Это касалось также производства вооружений турецкого ВПК. Так, Турция начала строить современные боевые корабли, бронетехнику, БПЛА³. Р. Эрдоган провозгласил цель превратить Турцию к 2023 г. (100-летний юбилей создания Турецкой Республики) в страну, производящую и экспортирующую свои танки, самолеты, вертолеты, БПЛА. В зарубежных и российских СМИ появлялись также сообщения о существующих планах создания турецкого ядерного оружия, не подтвержденные тем не менее официальными турецкими властями.

Большое внимание турецкое руководство уделяло вопросам социальной политики, сокращению безработицы и борьбе с бедностью. Одним из основных каналов ее реализации являлся Фонд социальной поддержки и солидарности. Эффективная организация его деятельности через 973 вакфа-отделения, расположенных по всей структуре административного деления Турции вплоть до наиболее мелких территориальных подразделений, позволила охватить к 2010 г. предоставлением социальной поддержки, в том числе ме-

дицинского обслуживания, образования, социального жилья, около 10 млн граждан. Основной упор в работе фонда был направлен на стимулирование производительной деятельности, создание проектов по увеличению занятости посредством программ профессиональной подготовки, кредитов малым и сельскохозяйственным предприятиям. Значительная поддержка, оказываемая турецким руководством деятельности фонда, связана также с тем, что его цели и особенности функционирования сочетаются с мусульманской концепцией взаимопомощи и взаимответственности членов мусульманской *уммы*. При этом часть турецкого политического истеблишмента позиционировала деятельность этого фонда как современное воплощение османской традиции благотворительности.

Тем не менее определенный сегмент турецкого общества (в особенности часть военных, профессорско-преподавательского состава и журналистского сообщества), ориентированный на светское развитие Турции, не воспринимал позитивно исламизацию общественно-политической жизни и усиление роли исламских ценностей. Отражением таких настроений стала неудачная попытка военного переворота в июле 2016 г., спровоцировавшая волну репрессий против оппозиционных сил⁴.

3 Так, например, в 2011 г. на воду был спущен первый боевой корабль (фрегат), полностью спроектированный и оснащенный вооружением, созданным турецкими специалистами, завершены испытания беспилотного самолета «Анка», который, по данным экспертов, способен совершать полеты на высоте 10 тыс. метров, оставаясь в воздухе 24 часа.

4 В ночь на 16 июля 2016 г. ряд подразделений турецкой армии попытались захватить в Стамбуле и Анкаре правительственные учреждения и студии центральных телеканалов, а также была предпринята воздушная атака на место пребывания президента Эрдогана, который незадолго до нападения его покинул. Эрдоган обратился с призывом к своим сторонникам противостоять попытке государственного переворота. По сообщениям зарубежных СМИ, с таким же призывом обратились к населению имамы многих мечетей. В результате тысячи турецких граждан заблокировали передвижение военных. В то же время сообщалось о демонстрациях в поддержку действий военных. Тем не менее попытка переворота была подавлена. По данным МВД Турции, в общей сложности после попытки государственного переворота в Турции были помещены под стражу более девяти тысяч человек, большая часть из них – военные, а также журналисты. Руководство Эрдогана объявило, что за попыткой переворота стоял проживающий в США мусульманский богослов Фетхуллах Гюлен, возглавлявший созданное им мусульманское движение «Хизмет». Сам он эти обвинения отрицал. Власти США предупредили, что не выдадут 75-летнего проповедника, если не получат убедительные доказательства его вины. Как сообщали турецкие власти, жертвами попытки государственного переворота стали 145 гражданских лиц, 63 полицейских и военнослужащих и 24 заговорщика [Долгов, 2016, с. 122].

В то же время провал военного переворота свидетельствовал, что значительная часть в основном религиозно настроенных турецких граждан как в провинции, так и в крупных городах и в политическом истеблишменте поддержала Р. Эрдогана и его политический курс. Сам Р. Эрдоган, выступая перед своими сторонниками, заявил, что его и Турцию от военного переворота спасла «рука Аллаха». В дальнейшем по результатам проведенного референдума по превращению Турции в президентскую республику президент Эрдоган получил дополнительные властные полномочия (хотя результаты референдума свидетельствовали об определенном расколе в турецком обществе: 51% – за, 49% – против). Причем сторонники Р. Эрдогана, стремясь всячески возвысить его имидж как национального лидера, называли его «отцом турок» (*Ата Тюрк* – турецк. яз.) [Kerel, 2018, p. 396], так же как основателя Турецкой Республики Мустафу Кемаля Ататюрка.

Внешнеполитические амбиции Турции и российско-турецкие противоречия

Турецкие руководители, получив поддержку значительной части общественно-политических сил и подавив оппозицию, продолжали и во многом активизировали проводившийся политический курс, стремясь закрепить позицию Турции как регионального центра силы и претендуя на свою роль в глобальной политике. При этом Турция стремится к лидерству в исламском мире, что поддерживается частью исламистских деятелей. Так, видный тунисский идеолог политического исла-

ма, руководитель тунисской исламистской партии «Нахда» (Возрождение), избранный в 2019 г. спикером парламента Туниса, Рашид Ганнуши в ходе переговоров в Стамбуле с президентом Эрдоганом заявил, что «после разгрома “арабской весны” диктаторами именно Турция под руководством Эрдогана стала лидером Исламского мира»⁵. Наряду с этим внешнеполитическая активность Турции реализуется в продвижении экономических, военно-политических и религиозно-идеологических интересов на целом ряде направлений, а именно: в государствах бывшего СССР, в определенной степени в выше-названных тюркоязычных республиках РФ, в Крыму, воссоединение которого с РФ не признается турецким руководством, в Ливии, Сирии, районе Восточного Средиземноморья, в Европе, где активно действует турецкая диаспора, часть которой курируется турецкими властями. Причем внешняя политика Турции отличается последовательностью, решительностью и жесткостью, зачастую игнорирующей интересы других стран, в том числе России.

Так, Турция активно продвигала свою военно-политическую, экономическую и идеологическую экспансию в арабском мире, в частности в Катаре, имеющем с Турцией союзнические отношения и в котором создавались две турецкие военные базы. В Тунисе Турция поддерживала исламистскую партию «Нахда» (Возрождение), многие члены которой воевали в рядах радикальной вооруженной оппозиции в Сирии. В Ливии Турция оказывала активную поддержку в происходившем в этой стране гражданском конфликте вооруженным отрядам Правительства национального согласия (ПНС), значительная часть которых исповедовала

5 Ганнуши: Запад – оппортунист, Турция – лидер Исламского мира (2016) // Голос ислама. 16 августа 2016 // <https://golosislama.com/news.php?id=30073>, дата обращения 27.01.2020.

идеологию «Братьев-мусульман». Так, в 2020 г. Турция направила для поддержки этих отрядов боевиков из лояльных Турции сирийских вооруженных группировок. Затем, заключив с ПНС соглашение о разработке полезных ископаемых на ливийском шельфе, военно-техническом сотрудничестве и в сфере разведки, начала массированную переброску в Ливию вооружений, включая бронетехнику, системы ПВО и БПЛА. Получив столь мощную военную поддержку, военные формирования ПНС начали наступательные операции против Ливийской национальной армии (ЛНА), возглавляемой маршалом Халифой Хафтаром, поддерживавшим противостоявшее ПНС правительство, сформированное парламентом Ливии в Тобруке. В результате формирования ПНС одержали ряд военных успехов, отбросив ЛНА от Триполи, заняв район по ливийско-тунисской границе и продвинувшись на восток Ливии до г. Сирта. При этом Турция, осуществляя активную военную поддержку ПНС, которую она оправдывает официальным признанием ПНС со стороны ООН, в то же время нарушала решения международной конференции по Ливии, состоявшейся в Берлине в январе 2020 г. Участники этой конференции, представлявшие целый ряд европейских и арабских стран, ЕС, Африканский союз, ЛАГ, которая проводилась под эгидой Генерального секретаря ООН, призывали стороны ливийского конфликта к диалогу, наложили эмбарго на поставки вооружений в Ливию и внешнее вмешательство в ливийский конфликт. Со своей стороны Турция обвиняла во вмешательстве в ливийский конфликт

на стороне ЛНА Египет, ОАЭ, Судан и даже Россию, заявляя, что военные российских частных охранных предприятий якобы воюют в Ливии и военные самолеты РФ, базировавшиеся на российской военной базе в сирийском Хмеймиме, якобы действовали на стороне ЛНА.

В то же время в результате действий Турции между ВМС Франции, выполнявшими решения берлинской конференции по эмбарго по Ливии и пытавшимися досмотреть турецкий транспорт с вооружением для ПНС, и сопровождавшими его ВМС Турции произошел инцидент, едва не закончившийся военным столкновением. Такого рода инциденты имели место также между Грецией и Кипром, с одной стороны, и Турцией – с другой, в связи с предпринятыми Турцией геологоразведочными работами по освоению нефтегазовых месторождений в районах Средиземного моря вблизи Кипра и акватории греческих островов, которую Греция считает своими территориальными водами. При этом Франция призвала руководство НАТО осудить действия Турции, а Греция предложила ввести против Анкары санкции⁶. В свою очередь руководство Египта в ответ на просьбу о военной помощи со стороны ливийского правительства в Тобруке заявило, что готово направить свои войска для поддержки ЛНА. В этой связи необходимо отметить, что на территории Египта, в районе Синайского полуострова, продолжают совершать террористические акции радикальные группировки «Братьев-мусульман», с которыми ведет борьбу египетская армия. Поэтому

6 Обострению греко-турецких отношений в достаточной степени способствовало решение Турции превратить в действующую мечеть древнейшую (построена в VI веке н.э.) и самую большую византийскую базилику Св. Софии, имевшую с 1934 г. статус музея. Такое решение турецкого парламента, подтвержденное президентом Р. Эрдоганом в июле 2020 г., вызвало негативную реакцию в ООН и во многих странах христианского мира, в особенности в тех, где исповедуется православие, и в наибольшей степени в Греции, а также в России.

продвижение ливийских вооруженных формирований ПНС, в которых преобладают последователи «Братьев-мусульман», к египетской границе вызывало обеспокоенность руководства Египта. США со своей стороны призывали Грецию не обострять ситуацию и предупредили Египет о возможности наложения на него американских санкций в случае введения египетских войск на ливийскую территорию. Вместе с тем обострение ситуации в Ливии обсуждалось в июле 2020 г. на переговорах между министрами иностранных дел России и Алжира, которые заявили о необходимости политического урегулирования ливийского конфликта⁷.

Противоречия между Россией и Турцией проявились также в различных позициях сторон по сирийскому конфликту. Турецкое руководство, представленное ПСР, как отмечалось выше, является умеренными исламистами, идеологически близкими исламистскому движению «Братьев-мусульман». В связи с этим свержение светского баасистского режима в Сирии и приведение к власти суннитских исламистских сил отвечало турецким интересам. В то же время Турция, претендуя на роль лидера мусульманского суннитского мира⁸, каковым являлась Османская империя, в состав которой на протяжении 400 лет (XVI – начало XX в.) входила Сирия, имеет в ее отношении аннексионистские «имперские»⁹, как определял их министр информации Сирийской Арабской Республики (САР),

амбиции. При этом турецкий проправительственный истеблишмент оправдывал поддержку сирийской вооруженной оппозиции заявлениями о том, что в Сирии якобы имела место «народная революция, являвшаяся продолжением революций в Восточной Европе в конце 1980-х – начале 1990-х годов»¹⁰.

Турецкие амбиции в отношении Сирии реализовывались посредством оккупации района Сирии, расположенного вдоль сирийско-турецкой границы, где в основном проживает сирийское тюркоязычное население (туркоманы). Здесь действуют сформированные турецкими спецслужбами вооруженные группировки, воюющие против сирийской правительственной армии [Raimbaud, 2015, p. 550]. В то же время свои действия Турция аргументировала необходимостью обезопасить территорию Турции от проникновения курдских вооруженных формирований – Отрядов народной самообороны (YPG), которых Турция считает террористической организацией, связанной с Курдской рабочей партией, совершающей вооруженные акции в Турции. При этом Турция входила в некое противостояние с США, поддерживавшими курдские силы.

В то же время Турция, несмотря на то что она являлась наряду с Россией и Ираном страной – гарантом Астанинских соглашений, тем не менее поддерживала сирийские исламистские группировки, разделявшие идеи «Братьев-мусульман», определяя их как умерен-

7 В результате ряда раундов переговоров 15.03.2021 г. в Женеве был сформирован новый состав Президентского совета и правительства Ливии. Цель нового руководства страны – добиться национального единства и подготовить всеобщие выборы. Одним из самых сложных вопросов на этом пути остается присутствие в Ливии до 20 тыс. иностранных наемников.

8 Во время встречи сирийской оппозиции с представителями неправительственных международных организаций в Стокгольме в апреле 2017 г. один из участников встречи рассказывал автору этих строк, участвовавшему в данной встрече, что в среде сирийской исламистской оппозиции президента Эрдогана называют «Амир аль-мууминин» (Повелитель правоверных – титул халифа) (Стокгольм. 11 апреля 2017 г. Архив автора).

9 Беседа с министром информации САР Омраном аз-Зааби (Дамаск. 24 июля 2015 г. Архив автора).

10 Такую риторику автор слышал в выступлениях турецких историков, участвуя в международном коллоквиуме «Политика Турции, Ирана, Китая и России в отношении кризиса в Сирии», проходившем в Турецком государственном университете в Анкаре 9.03.2012 (Анкара. 9 марта 2012 г. Архив автора).

ную оппозицию. Такая поддержка была обусловлена тем, что, во-первых, они исповедовали близкую турецкой исламистскую идеологию, а во-вторых, стремлением Турции иметь лояльные военно-политические силы в Сирии для продвижения здесь своих интересов.

Наряду с этим необходимо признать также влияние фактора наличия большого количества сирийских беженцев в Турции, которая приняла, по приблизительным оценкам, около 3,7 млн (больше, чем все остальные страны мира вместе взятые). Присутствие такой массы беженцев провоцирует определенные проблемы, такие как периодическое обострение взаимоотношений части местного населения с беженцами по поводу рабочих мест, известный рост уровня преступности в местах их проживания, так как среди беженцев встречается криминальный элемент и боевики, входившие в состав экстремистских сирийских группировок.

Такая ситуация вызывает растущее недовольство турецкой общественности, что, в свою очередь, заставило Эрдогана в 2020 г. заявить, что Турция уже не сможет принимать новые потоки беженцев. Достаточно важной причиной, по которой руководство Эрдогана поддерживает ряд исламистских группировок в районе сирийского Идлиба, является также, с одной стороны, стремление Р. Эрдогана подтвердить свой имидж сильного и решительного мусульманского лидера и Турции, как защитницы мусульман, в частности в Сирии от «алавитской власти Асада и его союзников». С другой стороны, на политику Эр-

догана значительное влияние оказывает позиция руководства Националистической партии действия (НПД), являющейся главным союзником партии ПСР, возглавляемой Эрдоганом в правящей правительственной коалиции. Так, руководитель НПД Девлет Бахчели заявлял в парламенте Турции о необходимости пересмотра «руководством страны своих отношений с Москвой. Гибель турецких солдат лежит на совести как сирийского режима, так и России, которая подталкивает Дамаск на эти действия. До тех пор пока Асад не будет свергнут со своего трона, ни в Сирии, ни в Турции не будет спокойствия»¹¹.

Такая позиция Турции особенно проявилась в районе Идлиба в феврале-марте 2020 г. в конфликте между сирийской правительственной армией и поддерживаемыми Турцией исламистскими группировками, которые неоднократно совершали провокационные обстрелы позиций сирийских правительственных войск и населенные пункты, включая пригороды Алеппо. В ответ сирийская правительственная армия при поддержке российских ВКС проводила операции по подавлению данных группировок и освобождению территорий, контролируемых ими.

Возможности партнерства России и Турции

Россия и Турция по-разному оценивали сирийский конфликт и прошли через серьезные испытания в своих отношениях¹². Вместе с тем действия Турции

11 Лидер соправящей партии Турции: мы должны свергнуть Асада в Дамаске (2020) // Голос ислама. 11 февраля 2020 // <https://golosislama.com/news.php?id=38048>, дата обращения 23.03.2020.

12 Наряду с атакой турецких ВВС, в результате которой в ноябре 2016 г. был сбит российский военный самолет, погиб российский летчик и участвовавший в попытке его спасения российский военный летчик, в декабре 2016 г. в Стамбуле в результате теракта погиб российский посол в Турции А. Карлов. В него стрелял бывший сотрудник спецназа турецкой полиции, уволенный, по заявлениям турецких властей, из органов полиции за его связи с участниками попытки государственного переворота в июле 2016 г. Аналогичные связи, также по заявлениям турецких властей, имели турецкие летчики, сбившие российский военный самолет.

по продвижению своих интересов в регионе в ряде случаев, в частности по курдскому вопросу, вступали в противостояние с политикой США. Поэтому Турция, стремясь утвердить свой статус независимого регионального лидера и заинтересованная в сотрудничестве с Россией, стала участницей наряду с Ираном и Россией Астанинского переговорного процесса, начавшегося в 2017 г., что содействовало снижению остроты сирийского конфликта. Этому во многом способствовали успешные политические и дипломатические действия России в отношении Турции¹³, как одного из наиболее влиятельных региональных центров силы. Таким образом, России удалось не допустить повторения в Сирии «ливийского сценария» и сохранить сирийскую государственность. В то же время необходимо согласиться с отечественными исследователями, высказывавшими мнение, что следует выработать «выверенную и объективную позицию в отношении Турции, имеющей большую значимость для России и тем не менее становившейся, как это не раз бывало в истории, ее врагом» [Аватков, 2015, с. 34].

Еще одним испытанием для российско-турецких отношений стало обострение конфликта между Арменией и Азербайджаном по поводу принадлежности Нагорного Карабаха. Причем здесь также значительную роль играла Турция и использование ею своего влияния в сирийском конфликте. Противостояние Армении и Азербайджана, ставших независимыми государствами в результате распада СССР, продолжалось в форме вялотекущего

конфликта более 30 лет. Однако в сентябре 2020 г. между двумя странами начались активные боевые действия с использованием современных видов вооружений, в результате которых обе стороны несли значительные потери среди военнослужащих, а также мирного населения. Руководство Турции во главе с Р. Эрдоганом сразу заявило о решительной поддержке «братского азербайджанского народа». Представители турецкого государственно-политического истеблишмента и СМИ провозглашали лозунг «два государства – один народ», тем самым выдвигая на первый план турецко-азербайджанскую этническую близость, а также подтверждая тесное экономическое и военно-политическое сотрудничество между Турцией и Азербайджаном. Так, за несколько недель до начала обострения конфликта прошли совместные азербайджано-турецкие военные маневры и часть турецкой военной техники, в частности боевые самолеты, как подтвердил президент Азербайджана И. Алиев, осталась на территории Азербайджана. Причем Турция в достаточно агрессивной форме требовала от армянской стороны освободить «незаконно оккупированные азербайджанские территории» в районе Нагорного Карабаха. При этом армянская сторона и ряд СМИ обвиняли Турцию в переброске из района Идлиба в Сирии значительного числа сирийских боевиков из лояльных Турции исламистских группировок и использование их в боевых действиях наряду с турецкими военными советниками и турецким вооружением.

13 На позицию России в отношении Турции в сирийском конфликте влияет также такой фактор, как контроль Турции над проливами Босфор и Дарданеллы, через которые проходят коммуникации России с российскими военными базами в Хмеймиме и Тартусе в Сирии, а также транспортировка грузов в рамках российско-сирийского военно-технического сотрудничества. В то же время в Турции дебатруется вопрос о выходе из Конвенции Монре́ от 1936 г., закрепившей за проливами международный статус. Стремление Турции утвердить свой контроль над проливами подтверждается также реализацией проекта нового канала «Стамбул», соединяющего Черное и Мраморное моря, параллельного Босфору, который поддерживает президент Эрдоган.

Так, американские издания «Washington Post» и «Wall Street Journal» сообщали о гибели в боевых столкновениях в Нагорном Карабахе более 50 сирийских боевиков, воевавших на стороне Азербайджана, и о передаче их тел сирийским родственникам. В свою очередь президент Сирии Б. Асад подтвердил переброску Турцией исламистских боевиков в район Нагорного Карабаха и заявил в интервью РИА Новости, что «руководитель Турции Р. Эрдоган является подстрекателем и вдохновителем обострения армяно-азербайджанского конфликта»¹⁴. При этом как представители Азербайджана, так и Турции отвергали эти обвинения, заявляя в свою очередь, что на стороне Армении воюют курдские формирования, прибывающие из Сирии. Тем не менее направление в район Нагорного Карабаха сирийских боевиков, в том числе из радикальных исламистских группировок, запрещенных в России и признанных ООН террористическими, а именно «Джабхат ан-Нусра», «Фиркат Хамза», «Султан Мурад», подтвердили также руководитель Службы внешней разведки (СВР) РФ С. Нарышкин¹⁵ и президент Франции Э. Макрон. При этом С. Нарышкин отметил возможность проникновения данных исламистских боевиков на территорию РФ и возникновения угрозы совершения ими здесь

террористических акций¹⁶. Такая политика Турции в армяно-азербайджанском конфликте, направленная на продвижение турецких военно-политических и экономических интересов в район Южного Кавказа, обусловлена, как отмечалось выше, турецкой стратегией неоосманизма, а также стремлением позиционировать Турцию как лидера мусульманского мира.

Необходимо отметить, что Россия, а также ведущие страны Запада и члены ООН высказались за немедленное прекращение вооруженных действий и политическое решение конфликта. С аналогичным заявлением выступила международная Контактная группа по конфликту в Нагорном Карабахе, в которую входят Россия, США и Франция. В свою очередь Азербайджан предложил официально подключить Турцию к процессу разрешения конфликта. Наряду с этим в октябре 2020 г. по предложению руководства России в Москве состоялись переговоры министров иностранных дел Армении и Азербайджана. Затем в начале ноября 2020 г. в ходе переговоров руководителей России, Армении и Азербайджана было заключено соглашение о прекращении боевых действий, передаче ряда районов Азербайджану, что ранее подтверждалось международными договоренностями, и размещении

14 Асад назвал Эрдогана инициатором конфликта в Карабахе (2020) // РИА Новости. 6 октября 2020 // <https://ria.ru/20201006/karabakh-1578356443.html>, дата обращения 6.10.2020.

15 Нарышкин заявил о переброске тысяч террористов в Нагорный Карабах (2020) // Коммерсантъ. 6 октября 2020 // <https://www.kommersant.ru/doc/4520578#id1953226>, дата обращения 6.10.2020.

16 На территории РФ в районе г. Грозного в октябре 2020 г. российскими правоохранительными органами были ликвидированы трое исламистских террористов, при этом погибли двое российских военнослужащих. При этом президент Чеченской Республики Р. Кадыров подтвердил, что местное бандподполье в Чечне ликвидировано, а данные террористы прибыли из Сирии и нелегально проникли на чеченскую территорию. В этот же период в г. Ростове-на-Дону российскими силовыми структурами была обезврежена группа исламистских террористов, планировавших серию террористических актов против государственных учреждений и исторических памятников. В то же время российские ВКС нанесли точечные удары по лагерям подготовки и местам дислокации сирийских исламистских группировок, признанных террористическими, в районе Идлиба, в том числе по тем, из которых боевики направлялись в Нагорный Карабах. В результате были уничтожены места сосредоточения боевиков, склады вооружения и военной техники, а также командные пункты, в которых находились представители командного состава поддерживаемой Турцией так называемой Сирийской национальной армии – СНА (предыдущее название Сирийская свободная армия), в частности, был уничтожен один из командиров СНА Абу-Дияб (см.: [Цели обнаружены: ВКС России зависли над лагерями подготовки террористов для войны в Карабахе (2020) // Русская весна. 9 октября 2020 // <https://rusvesna.su/news/1602179832>, дата обращения 18.10.2020]).

российского миротворческого контингента на линии соприкосновения азербайджанских и армянских войск в течение пяти лет. В то же время на территории Азербайджана создавался совместный российско-турецкий Центр по мониторингу выполнения условий соглашения по прекращению огня, период функционирования которого определялся в один год. Заключенное соглашение о прекращении огня способствовало снижению остроты конфликтной ситуации.

Выводы

В качестве выводов можно констатировать, что развитие российско-турецких отношений, история которых насчитывает более 500 лет, проходило достаточно сложно и неоднозначно. В нем, с одной стороны, имели место периоды противостояния и конфликтов, обусловленные различием геополитических и региональных целей и задач. С другой стороны, были этапы партнерства и сотрудничества, связанные с общими экономическими и политическими интересами. В современный период новейшей истории экономический фактор в международной политике играет все большую роль, что нашло отражение и в российско-турецких отношениях. В 2010 г. лидерами двух стран был учрежден Совет сотрудничества высшего уровня (ССВУ) – руководящий орган под председательством глав обоих государств. ССВУ координирует реализацию наиболее важных проектов торгово-экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества, в частности таких, как «Турецкий поток» и строительство атомной электростанции «Аккую». Действует совместная программа подготовки турецких специалистов в области атомной энергетики. В то же время в совре-

менной геополитике проявляется тенденция применения жестких методов в достижении целей. Российская внешняя политика основана на соблюдении международных правил и законодательства и тем не менее данную тенденцию нельзя не учитывать, что предполагает наряду с открытостью к диалогу и сотрудничеству всемерное отстаивание российских национально-государственных интересов.

Список литературы

- Аватков В.А. (2015). Турция и Россия в поиске своего места в мире: общий контекст или стена непонимания // Орлов А.А., Аватков В.А., Дружиловский С.Б., Федорченко А.В. (ред.). Турция в новой мировой политической среде. Материалы Третьей международной конференции экспертов-тюркологов. М.: ИМИ МГИМО МИД России. С. 29–34.
- Долгов Б.В. (2016). Феномен «арабской весны» 2011–2016: причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. М.: ЛЕНАНД.
- Долгов Б.В. (2018). Исламистское движение в Алжире и Тунисе: 1970–2017. М.: ЛЕНАНД.
- Ключевский В.О. (1995). Русская история. Книга третья. М.: Мысль.
- Надеин-Раевский В.А. (2018). Пантюркизм: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении. М.: Русская панорама.
- Ульченко Н.Ю. (2012). Социально-экономическое развитие Турции в период правления Партии справедливости и развития // Ульченко Н.Ю., Шлыков П.В. (ред.). Турция в период правления Партии справедливости и развития. Сборник статей. М.: ИВ РАН. С. 63–78.
- Черниченкина Н.И. (2012). Политическая идентичность ПСР как фактор

ее успеха в качестве партии власти // Ульченко Н.Ю., Шлыков П.В. (ред.). Турция в период правления Партии справедливости и развития. Сборник статей. М.: ИВ РАН. С. 91–104.

Kepel G. (2018). Sortir du chaos. Les crises en Méditerranée et au Moyen-Orient, Paris.

Raimbaud M. (2015). Tempête sur le Grand Moyen-Orient, Paris.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-8

Russia and Turkey in Regional and Geopolitical Space

Boris V. DOLGOV

DSc in History, Leading Researcher

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 107031,

Rozhdestvenka St., 12, Moscow, Russian Federation

E-mail: dolgov.boris@list.ru

ORCID: 0000-0001-6541-58624

CITATION: Dolgov B.V. (2021). Russia and Turkey in Regional and Geopolitical Space. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, vol. 14, no 3, pp. 147–160 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-8

Received: 10.03.2021.

ABSTRACT. *The article is devoted to examine Russian-Turkish relations in the historical retrospective review. The regional and geopolitical goals which Russia had to realize in XVII – beginning XX centuries and which is stipulated the necessity to ensure Russia security and further economical development are revealed. The factors which led to push of Russia and Turkey interests and which became the cause of Russian-Turkish military conflicts which is occurred at interval of cooperation and partnership in this period are represented. The results of Russian military and political efforts which allowed realize the tasks to liberate Crimea, for Russia passage to Black Sea and to Mediterranean Sea basin, to support Balkan peoples to win their national independence, what strengthened Russian regional and geopolitical positions considerably are examined. The character of Russian-Turkish relations in Soviet peri-*

od which passed the stages of the cooperation and confrontation which caused “Cold War” is revealed.

The main attention is allotted to analyze in details the recent stage of Russia – Turkey relations. The character of the actual Turkish ruling elite, which is represented of the Justice and Development Party (JDP), which is confessing the ideology of the moderate Islamism and Neo Osmanism is exposed. The internal social and economical politics of JDP is examined. The goals and intentions, which Turkish leadership pushed forward, are analyzed and their influence on Russian-Turkish relations is inspected. The activity of the Turkish foreign politics on the different directions in the Arab World, Europe, countries of CIS, Moslem regions of Russian Federation is examined. In the conclusions the differences and common interests in the foreign politics of Russia and Turkey and the possibility of their cooperation are analyzed.

KEYWORDS: *Russian-Turkish relations, Turkish ruling elite, geopolitics, moderate Islamism, Neo Osmanism.*

References

- Avatkov V.A. (2015). Turkey and Russia in Finding for Their Place in the World: Common Context or Wall of not Understanding. *Turkey in New Political Environment of the World. Materials of Third International Conference of Experts-turkologues* (eds. Orlov A.A., Avatkov V.A., Drujilovsky C.B., Fedorthenko A.V.), Moscow: MGIMO, pp. 29–34 (in Russian).
- Chernichenkina N.I. (2012). Political Identity of PJD as Factor of Its Success as Party of Authority. *Turkey in Ruling Period of Party of Justice and Development* (eds. Ul'chenko N.Yu., Shlykov P.V.), Moscow: Institute of Oriental Studies, pp. 91–104 (in Russian).
- Dolgov B.V. (2016). *Phenomenon of "Arab Spring" 2011–2016: Causes, Development, Perspectives. Tunisia, Egypt, Libya, Syria, Algeria*, Moscow: LENAND (in Russian).
- Dolgov B.V. (2018). *Islamist Movement in Algeria and Tunisia: 1970–2017*, Moscow: LENAND (in Russian).
- Kepel G. (2018). *Sortir du chaos. Les crises en Méditerranée et au Moyen-Orient*, Paris.
- Kluthevsky V.O. (1995). *Russian History. Third Book*, Moscow: Mysl' (in Russian).
- Nadein-Raevsky V.A. (2018). *Panturkism: From Ottoman Empire until Our Days and Destinies of Turkey, Russia and Armenia*, Moscow: Russkaya panorama (in Russian).
- Raimbaud M. (2015). *Tempête sur le Grand Moyen-Orient*, Paris.
- Ulchenko N.Yu. (2012). Social and Economic Development of Turkey in Ruling Period of Party of Justice and Development. *Turkey in Ruling Period of Party of Justice and Development* (eds. Ul'chenko N.Yu., Shlykov P.V.), Moscow: Institute of Oriental Studies, pp. 63–78 (in Russian).

Проблемы Старого Света

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-9

Российско-греческие отношения: есть ли свет в конце тоннеля?

Юрий Дмитриевич КВАШНИН

кандидат исторических наук, руководитель Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: ykvashnin@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2042-7215

ЦИТИРОВАНИЕ: Квашнин Ю.Д. (2021). Российско-греческие отношения: есть ли свет в конце тоннеля? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 3. С. 161–175. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-9

Статья поступила в редакцию 27.03.2021.

АННОТАЦИЯ. В конце 2000-х годов взаимоотношения России и Греции вступили в затяжную полосу стагнации, которая продолжается до сих пор, несмотря на многочисленные попытки обеих стран активизировать политический диалог. Отчасти это связано с общей деградацией отношений России со странами Запада, которая усилилась в середине прошлого десятилетия на фоне украинского кризиса. Вместе с тем «санкционные войны» стали важной, но не единственной причиной сокращения двусторонних контактов. Были и другие факторы – недовольство Греции в связи с излишне тесным – с ее точки зрения – сотрудничеством между Россией и Турцией, разные взгляды на расширение НАТО на восток, межцерковные разногласия.

В экономической плоскости преградами к российско-греческому сотрудничеству послужили стремление Греции к диверсификации поставок энергоносителей, введенный Россией в отношении стран ЕС режим продуктового эмбарго,

а также проводимая Грецией политика инвестиционного протекционизма в отношении российских компаний.

Наибольшие успехи были достигнуты в гуманитарной сфере. Благодаря культурно-исторической общности двух народов, а также вследствие разочарованности греков в результатах европейской интеграции, Греция остается одной из немногих стран, где большинство населения относится к России с симпатией. В то же время представления греков о России носят искаженный и зачастую фрагментарный характер. Положительный эффект от российско-греческого гуманитарного сотрудничества зачастую затмевается негативным освещением российской внешней политики в греческих СМИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: российско-греческие отношения, греческая диаспора, внешняя торговля, прямые иностранные инвестиции, санкции, гуманитарное сотрудничество.

В 2021 г. Греческая Республика отметила 200-летие независимости¹. Значительная часть ее истории была неразрывно связана с Россией – одной из трех стран (наряду с Великобританией и Францией), которая сыграла решающую роль в помощи греческому национально-освободительному движению. Однако в настоящее время – и это сейчас признает большинство экспертов – российско-греческие отношения переживают не лучшее время. Встречи на высшем уровне стали проводиться все реже, перечень выносимых на двустороннюю повестку вопросов заметно сузился. Символично, что участие российской делегации в праздничном военном параде 25 марта в Афинах (в итоге ее возглавил премьер-министр РФ М.В. Мишустин) было подтверждено всего за несколько дней до мероприятия, что многими комментаторами было увязано с негативными тенденциями в межгосударственных связях.

В данной статье будет предпринята попытка объяснить, что в двусторонних отношениях пошло не так, когда и почему пути России и Греции разошлись, каковы перспективы восстановления стратегического партнерства. С этой целью мы рассмотрим три составляющие российско-греческого сотрудничества на современном этапе: политический диалог, экономические и гуманитарные связи.

Что препятствует политическому диалогу?

Стагнация в российско-греческих отношениях, о которой в научно-экспертном сообществе заговорили еще

на рубеже 2000 – 2010-х годов [Triantaphyllou, 2012; Квашинин, 2012], в последние годы все чаще стала осознаваться как долгосрочная тенденция, связанная с достаточно серьезным расхождением двух стран по целому ряду принципиальных вопросов. Попытки придать им новую динамику, предпринимавшиеся в 2012 г. с приходом к власти в Греции коалиционного правительства А. Самараса и в 2015 г., когда кабинет министров в стране возглавил лидер левой партии СИРИЗА А. Ципрас, оказались безрезультатными. Кризис в межгосударственных отношениях 2018 г., сопровождавшийся взаимной высылкой дипломатов, в очередной раз показал беспочвенность надежд на возвращение двух стран к стратегическому партнерству.

В значительной степени сложности в российско-греческих связях стали проекцией ухудшения отношений между Россией и Западом. Резкое сужение двусторонней повестки, произошедшее еще в конце 2000-х годов (фактическое прекращение военно-технического сотрудничества, заморозка совместных энергетических проектов), было напрямую связано с возросшей обеспокоенностью США и их союзников по НАТО по поводу возможного роста российского влияния в стратегически важных странах Балканского полуострова. В середине прошлого десятилетия российско-греческий диалог оказался под ударом «санкционных войн», вызванных конфликтом вокруг Украины, а во второй половине 2010-х годов – активизации политики западных стран на Балканах, направленной на скорейшую интеграцию расположенных в этом регионе стран в евро-

¹ Несмотря на то что международное признание страны состоялось в 1830 г. (в соответствии с Лондонским протоколом), в греческом нарративе ее история как самостоятельного государства началась 25 марта 1821 г., когда, согласно легенде, в православный праздник Благовещения митрополит Патрский Герман благословил знамя восставших греков в монастыре Святая Лавра на Пелопоннесе.

атлантические структуры. В 2021 г. в условиях продолжающейся пандемии коронавируса из-за давления ЕС была упущена возможность активизировать сотрудничество в сфере здравоохранения. Так, премьер-министр Греции К. Мицотакис, несмотря на сложную эпидемиологическую ситуацию в стране, отказался закупать российскую вакцину «Спутник V», мотивировав свое решение нежеланием «взламывать европейский фронт» закупкой и использованием препаратов, «не получивших одобрения Европейского агентства лекарственных средств»².

В то же время, не отрицая сам факт того, что усиление прозападного вектора во внешней политике отрицательно отразилось на отношениях с Россией, греческие эксперты утверждают – и некоторые их доводы звучат убедительно, – что рост взаимной отчужденности имеет более глубокие причины и ответственность не может быть возложена исключительно на Брюссель или Вашингтон.

Во-первых, существенные расхождения имеются в вопросе о влиянии на российско-греческие связи долгового кризиса в Греции. В России распространено мнение, что обращение греческого правительства за помощью к «тройке» кредиторов (ЕЦБ, Еврокомиссии и МВФ) привело к возрастанию зависимости страны от Брюсселя и, как следствие, к частичной утрате ею субъектности во внешней политике, что проявилось в присоединении Греции к антироссийским санкциям. Греческие эксперты это не отрицают, однако подчеркивают, что принятие кабальных условий предоставления помощи было вынужденным решением, поскольку другие страны соответствующую поддержку Греции не оказали. Так, А. Или-

опулу полагает, что правительства Г. Папандреу и А. Ципраса изначально планировали решить бюджетные проблемы за счет кредитов со стороны России, однако российские власти, не желая вмешиваться во внутренние дела ЕС, в обоих случаях ответили на это отказом [Илиопулу, 2020, с. 110–112]. Конечно, на это есть веский контрдовод. Не имея достаточных финансовых возможностей для того, чтобы взять греческую экономику «на буксир», Россия предлагала направить инвестиции российских госкомпаний в греческие производственные и инфраструктурные активы, однако соответствующие проекты так и не были реализованы из-за неготовности греческой стороны допустить российский капитал в стратегически значимые предприятия. Тем не менее тезис о том, что Россия не помогла Греции в трудной ситуации, в греческих публикациях встречается довольно часто.

Во-вторых, российско-греческие отношения в Греции всегда рассматривались сквозь призму греко-турецкого противостояния, которое во второй половине 2010-х годов едва не привело к повторению ситуации 1996 г., когда из-за конфликта вокруг островов Имия две страны лишь благодаря дипломатическим усилиям международного сообщества избежали полномасштабного вооруженного конфликта. Любое сближение России и Турции рассматривается греческими властями как вызов национальной безопасности, притом что российская дипломатия придерживается принципа равной удаленности и придает сравнительно небольшое значение греко-турецким спорам. Так, продажа Россией Турции зенитных ракетных систем С-400 в Греции была расценена как недружественный по отношению к ней

2 Премьер Греции объяснил решение не покупать «Спутник V» нежеланием идти против ЕС (2021) // ТАСС. 2 апреля 2021 // <https://tass.ru/obschestvo/11061645>, дата обращения 03.04.2021.

жест, тогда как РФ не видит в этом проблемы, справедливо отмечая, что Турция и Греция являются союзниками по НАТО³. Турецкая тема так или иначе поднимается Афинами на всех переговорах с Москвой, а заявления российских официальных лиц, касающиеся Турции, быстро тиражируются в греческих СМИ [Tzogopoulos, 2020].

В сложившейся ситуации греческими правительствами, вне зависимости от их партийной принадлежности, последовательно проводится курс на выстраивание антитурецких альянсов с другими региональными акторами (прежде всего с Республикой Кипр, Израилем и Египтом) и укрепление связей с США как единственной страной, способной гарантировать безопасность в данном регионе. Параллельно меняется и позиционирование Греции в современном мире: если раньше страна презентовала себя как своеобразный мост между Западом и Востоком, то сейчас – как «оазис стабильности, оплот западной цивилизации и ценностей в многострадальном регионе Восточного Средиземноморья»⁴. При этом в некоторых греческих публикациях Россия наряду с Турцией и Китаем стала фигурировать в числе «ревизионистских держав», политика которых угрожает интересам Греции⁵.

В-третьих, Россией и Грецией по-разному трактуются международ-

но-политические процессы, происходящие на Западных Балканах. Эта проблема оказалась в центре внимания в 2018 г. в связи с решением многолетнего спора о государственном названии бывшей югославской республики Македония⁶ [Власова, 2020], когда Греция среди прочего⁷ поставила в вину России финансирование протестов против греко-македонского компромисса. Из Москвы достигнутая Афинами и Скопье договоренность видится как очередной шаг на пути расширения НАТО на Восток, который противоречит не только российским, но и греческим интересам и был сделан под давлением со стороны Вашингтона. В Греции такая точка зрения также получила широкое распространение (большинство греков было настроено против данного соглашения), однако в целом урегулирование отношений с Македонией соответствовало стратегическим интересам Греции, которая в свете усилившихся трений с Турцией остро нуждалась в минимизации проблем с остальными соседями [Nimetz, 2020, p. 210].

В-четвертых, по-разному оцениваются церковные конфликты. Признание в октябре 2019 г. архиерейским собором Элладской православной церкви права Константинопольского патриарха предоставить автокефалию Православной церкви Украины в России бы-

3 Σκληρές και δύσκολες αλήθειες για τις σχέσεις Ελλάδας και Ρωσίας // Εθνός // https://www.ethnos.gr/apopseis/76614_sklires-kai-dyskoles-alitheies-gia-tis-sheseis-elladas-kai-rosias, дата обращения 09.03.2021 (на греческом).

4 Примечательно, что эти слова принадлежат пророссийскому греческому политику – бывшему министру обороны и главе партии «Независимые греки» П. Камменосу. См.: Πάνος Καμμένος: Η Ελλάδα είναι το προπύργιο του δυτικού πολιτισμού // Πολιτική Tribune // <https://www.tribune.gr/politics/news/article/306860/panos-kammenos-ellada-ine-propirgio-tou-ditikou-politismou.html>, дата обращения 09.03.2021 (на греческом).

5 См., например: Aligning US-Greek Interests in the Biden Era (2021) // Kathimerini, February 23, 2021 // <https://www.ekathimerini.com/opinion/1155708/aligning-us-greek-interests-in-the-biden-era>, дата обращения 09.03.2021.

6 По результатам подписанного в июне 2018 г. Преспанского соглашения страна была переименована в Северную Македонию (ранее греческая дипломатия настаивала на том, что Македонией может называться только историческая область в составе Греции), что открыло ей путь в НАТО и ЕС.

7 Другие обвинения касались деятельности Императорского православного палестинского общества, которое якобы выполняло роль агента российского влияния в Греции, а также – по утверждению греческих СМИ – вмешательству российских дипломатов во внутреннюю политику страны. В России дипломатический скандал обычно связывается с активизацией деятельности американского посольства в Афинах, стремящегося не допустить укрепления российско-греческих связей.

ло воспринято как политически мотивированное решение. На это есть основания: в Греции церковь полностью не отделена от государства, православные иерархи участвуют в политической жизни, а священники до сих пор имеют статус государственных служащих⁸. Греческие власти тем не менее настаивают на том, что все решения Элладской церковью принимаются самостоятельно⁹.

Существуют и другие проблемные точки в российско-греческих отношениях, например: планомерное расширение американского военного присутствия в Греции (в 2019 г. было подписано соглашение о предоставлении Соединенным Штатам инфраструктуры баз Стефановикио, Лариса и Александруполис¹⁰) и дело А. Винника – россиянина, который был арестован в Греции по запросу США и впоследствии экстрадирован во Францию. Однако еще более важной проблемой, препятствующей выходу отношений на прежний уровень, является затухание экономических связей. Тревожные тенденции в торговом и инвестиционном сотрудничестве заслуживают отдельного рассмотрения.

Экономические связи: все лучшее – позади?

Развитие торгово-экономических связей России и Греции в 2010-е годы оказалось под давлением сразу не-

скольких факторов, носящих по большей части политический характер.

Первый, который обозначился еще в тот период, когда двусторонние отношения переживали расцвет, – это стремление греческих властей к превращению страны в международный энергетический узел и диверсификации поставок энергоносителей. В 1999 г. был построен регазификационный терминал на острове Ревитусса вблизи Афин, на который осуществляются поставки сжиженного природного газа из Алжира. В 2007 г. завершилось строительство газопровода Турция – Греция, по которому страна получает сравнительно небольшие объемы газа от турецкой компании «BOTAŞ».

Хотя с точки зрения ценовых предложений поставки из России остаются наиболее выгодными, целесообразность поиска альтернатив «Газпрому» в Греции мало кем ставится под сомнение, особенно после двух российско-украинских газовых конфликтов (2005–2006 гг. и 2008–2009 гг.), а также событий 2014–2015 гг. вокруг Украины, создавших угрозу приостановки газового снабжения. В 2020 г. был достроен Трансадриатический трубопровод (ТАР), который был подключен к Транс-анатолийскому газопроводу в рамках Южного газового коридора. В настоящее время мощность ТАР составляет 10 млрд куб. м в год, из которых за Грецией зарезервирован 1 млрд куб. м¹¹ (порядка 20% годового потребления),

8 В период правления А. Ципраса была предпринята попытка вывести священников из штата госслужащих, заменив зарплаты ежегодными субсидиями в специальный фонд поддержки церкви, однако после прихода к власти в 2019 г. К. Мицотакиса эти планы были свернуты.

9 Minister of Foreign Affairs Nikos Dendias' Statements Following His Meeting with the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, Sergey Lavrov // Hellenic Republic Ministry of Foreign Affairs, November 6, 2019 // <https://www.mfa.gr/en/current-affairs/top-story/minister-of-foreign-affairs-nikos-dendias-statements-following-his-meeting-with-the-minister-of-foreign-affairs-of-the-russian-federation-sergey-lavrov-moscow-november-2019.html>, дата обращения 09.03.2021.

10 США хотят расширить военное присутствие в Греции, пишут СМИ (2021) // РИА Новости. 21 февраля 2021 // <https://ria.ru/20210221/voennye-1598520837.html>, дата обращения 09.03.2021.

11 Trans Adriatic Pipeline Begins Gas Deliveries from Azerbaijan to Italy (2020) // S&P Global, December 31, 2020 // <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/natural-gas/123120-trans-adriatic-pipeline-begins-gas-deliveries-from-azerbaijan-to-italy>, дата обращения 12.03.2021.

однако впоследствии она расширится до 20 млрд и соответственно доля Греции также удвоится. Важно отметить, что проект ТАР может быть сопряжен с уже упомянутыми поставками СПГ из Алжира. В частности, крупная греческая корпорация «Corvelouzos Group» вынашивает идею строительства регазификационного терминала в Александруполисе – городе, расположенном на пути следования трубопровода. Кроме того, Греция лоббирует строительство Восточносредиземноморского газопровода для доставки израильского и кипрского газа в страны ЕС, который является потенциальным конкурентом российским поставкам на европейский рынок. Успешная диверсификация газового импорта привела к тому, что с 2007 по 2019 г. доля поставляемого из России в Грецию газа снизилась до 50%¹² и в будущем эта тенденция сохранится. По сути, в энергетической сфере Россия и Греция, некогда находившиеся в партнерских отношениях, в 2010-е годы стали конкурентами. Провал продвигавшегося Россией проекта «Южный поток» и закончившиеся безрезультатно переговоры о подключении Греции к «Турецкому потоку» стали ярким тому подтверждением [Александрова, 2020, с. 103–104].

Второй негативный фактор – введенные ЕС санкции против России и ответное продуктовое эмбарго. В случае с российско-греческими отношениями наибольшие издержки от «войны санкций» понесла Греция в силу особенностей товарной структуры греческого экспорта в РФ – высокой доли

продовольственных товаров. Сокращение стоимостного объема товарных поставок из Греции в Россию на 18,8% в 2014 г. и еще на 54% в 2015 г. фактически привело к откату этого показателя на уровень середины 2000-х годов. Столь значительный спад, однако, был вызван не только эмбарго, но также снижением покупательной способности россиян, для которых греческие товары, среди которых высок удельный вес продукции премиального сегмента, стали не по карману. Этой же причиной объясняется сокращение потока российских туристов в Грецию: в 2015 г. в эту страну приехали всего 0,5 млн граждан РФ, т.е. на 63% меньше, чем двумя годами ранее¹³ [Квашнин, 2018, с. 418].

Третий фактор, также имеющий политическую природу, – настороженное отношение греческих властей к проникновению в Грецию российского капитала. Инвестиционное сотрудничество было и остается наиболее сложным и противоречивым аспектом российско-греческих экономических связей. По данным Банка России, накопленные резидентами РФ прямые капиталовложения в Греции в 2020 г. составили всего 649 млн долл. (рост по сравнению с 2014 г. – всего 14%). По данному показателю Греция уступает сразу четырем странам региона – Турции, Болгарии, Сербии и Черногории. Греческие инвестиции в России и вовсе ничтожны – 38 млн долл.¹⁴

Если греческие компании слабо представлены в РФ по объективным причинам (они в принципе мало инвестируют за рубежом, за исключени-

12 Russian Gas Exports to Greece in Decline (2019) // Kathimerini, August 9, 2019 // <https://www.kathimerini.com/economy/244294/russian-gas-exports-to-greece-in-decline>, дата обращения 12.03.2021.

13 На рекордный уровень 2013 г. туристический поток из России до сих пор не вышел. Принимая во внимание ограничения на поездки, связанные с пандемией коронавируса 2020–2021 гг., ожидать полного восстановления туристического обмена между двумя странами не следует даже в среднесрочной перспективе.

14 См.: Статистика внешнего сектора // ЦБ РФ // https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs, дата обращения 12.03.2021. Следует, однако, отметить, что реальный объем греческих инвестиций несколько выше, поскольку некоторые связанные с Грецией компании (например, «Coca-Cola Hellenic Bottling Company») осуществляют инвестиции через третьи юрисдикции.

ем соседних балканских стран), то российские предприятия неоднократно пытались зайти в Грецию, используя эту страну как плацдарм для освоения европейских рынков. Так, после объявления Грецией плана приватизации ряда крупнейших объектов государственной собственности, в том числе Государственной газовой компании Греции (DEPA), Организации железных дорог Греции и никелевой компании «Лэгсо», интерес к соответствующим проектам проявили «Газпром», РЖД и «Норникель». Однако ни одна из предполагаемых инвестиций не была реализована. Так, в 2013 г. «Газпром», считавшийся фаворитом конкурса на приватизацию газовых активов, отозвал заявку, «не получив достаточных гарантий, что финансовое положение компании DEPA не ухудшится к моменту завершения сделки»¹⁵.

Большинство инвестиционных сделок последних лет с участием российского капитала связано с его проникновением в активы (недвижимость, табачную промышленность, спортивные клубы), которые, по мнению греческих властей, не относятся к числу стратегически важных. Единственным заметным исключением стала покупка в 2017 г. предпринимателем И.И. Саввиди, который имеет как российское, так и греческое гражданство, – в составе международного консорциума – 67% акций порта Салоники на севере Греции¹⁶.

При всей важности политических ограничений стагнация в россий-

ско-греческом экономическом сотрудничестве не может быть сведена к перечисленным выше факторам. В долгосрочной перспективе более существенной видится другая проблема: хозяйственные связи двух стран являются узконаправленными, их экономические интересы касаются небольшого числа областей. Для Греции это туризм и в значительной меньшей степени (поскольку страна специализируется на сфере услуг) – экспорт товаров с низкой добавленной стоимостью, таких как меховые изделия, продукты переработки овощей и фруктов, табак, пластмассовые изделия, а также лекарства-дженерики¹⁷. Для России Греция – это главным образом рынок сбыта минерального топлива (на него приходится 90% российского экспорта¹⁸) и страна, привлекательная своим транзитным потенциалом. Таким образом, взаимный интерес двух стран в развитии экономических связей имеет объективные ограничения, которые проявились бы даже в случае сохранения благоприятного политического климата.

Вызовы гуманитарного сотрудничества

Российско-греческое гуманитарное сотрудничество, включающее, в расширенном понимании этого термина, связи в областях науки, образования, культуры, спорта, туризма, правозащитной деятельности и оказания взаимной

15 «Газпром» отказался от конкурса на покупку греческой DEPA (2013) // Forbes. 10 июня 2013 // www.forbes.ru/news/240428-gazprom-otkazalsya-ot-konkursa-na-pokupku-grecheskoi-depa, дата обращения 12.03.2021.

16 Ο Σαββίδης πήρε το λιμάνι της Θεσσαλονίκης // Πρώτο Θέμα // <https://www.protothema.gr/economy/article/673743/o-savvidis-pire-to-limani-tis-thessalonikis>, дата обращения 15.03.2021 (на греческом).

17 Ограниченность товарного экспорта во многом связана с деиндустриализацией греческой экономики, начавшейся после вступления Греции в 1981 г. в ЕС. Согласно Индексу экономической сложности, характеризующему разнообразие экспорта страны и распространенность поставляемой ею продукции, Греция в 2018 г. заняла 55-е место, пропустив вперед себя все остальные страны Евросоюза.

18 Внешняя торговля России с Грецией в I полугодии 2019 г. (2019) // Внешняя торговля России. 10 августа 2019 // <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-08/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-greksiei-v-1-polugodii-2019-g>, дата обращения 15.03.2021.

помощи в чрезвычайных ситуациях, имеет давнюю историю. Его активное развитие началось еще в 1970-е годы, после падения диктатуры «черных полковников». В 1978 г. СССР и Греческая Республика подписали научно-техническое и культурное соглашения [Никитина, 2020, с. 140], а в заключенном в 1993 г. Договоре о дружбе и сотрудничестве Россия и Греция подтвердили намерение развивать отношения в вышеперечисленных областях, «опираясь на многовековые традиции дружбы» двух стран и народов [Договор о дружбе..., 1996]. На фоне стагнации в торгово-экономической сфере и неясных перспектив политического диалога гуманитарные связи выглядят если не историей успеха, то по крайней мере «светлым пятном» в российско-греческих отношениях.

Греция остается одной из немногих европейских стран, где России удалось сформировать и сохранить позитивный имидж даже несмотря на напряженность в отношениях с ЕС. Согласно социологическому опросу, проведенному в 2019 г. Pew Research Center, о своем положительном восприятии России заявили 58% респондентов – больше, чем во всех обследованных странах, за исключением Болгарии и Словакии. Вместе с тем сейчас этот показатель несколько ниже, чем в середине 2010-х годов¹⁹, что, по всей видимости, связано с вышеупомянутым дипломатическим скандалом 2018 г.

В значительной мере взаимные симпатии связаны с исторической, культур-

ной, цивилизационной общностью. По мнению 42,5% греков, именно Российская империя оказала Греции решающую помощь в борьбе за независимость. В том, что ключевая роль принадлежала Франции и Великобритании, убеждены соответственно 18,3 и 17,1% опрошенных²⁰. Позитивное воздействие оказывают также религиозная близость (принадлежность к православной вере), византийское наследие, существование в России греческих диаспор, а в Греции – русскоговорящих греков, вернувшихся на историческую родину из стран постсоветского пространства [Спинеллис, 2011]. Примечательно, что негативные моменты в совместной истории России и Греции, каковых также было немало²¹, так и не стали системным фактором, влияющим на взаимное восприятие двух народов.

Следует, однако, иметь в виду, что историческая память – это зыбкая основа для развития двусторонних связей. Положительное отношение греков к России в последнее десятилетие во многом вызвано ситуативным фактором, а именно – их разочарованностью в результатах европейской интеграции (по данным Евробарометра за 2018 г., 51% греков не чувствовали себя гражданами ЕС [Standard Eurobarometer..., 2008, p. 30]). Рост экономической и политической зависимости Греции от западных партнеров и высокомерные высказывания последних в адрес страны были расценены греками как национальное унижение²². Закономерным образом маятник симпатий качнулся в

19 Topline Questionnaire. Pew Research Center Spring 2019 Global Attitudes Survey (2020) // Pew Research Center, February 7, 2020 // https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/2020/02/Views-of-Russia-Topline-for-Release_UPDATED.pdf, дата обращения 09.03.2021.

20 ΚΕΦΙΜ: «Πώς βλέπουν οι Έλληνες την Επανάσταση του 1821;» – Κυρίαρχοι Κολοκοτρώνη και Ρωσία // ΣΚΑΪ // <https://www.skai.gr/news/greece/kefim-pos-vlepon-oi-ellines-tin-epanastasi-tou-1821-kyriarxoi-kolokotronis-kai-rosia>, дата обращения 09.03.2021 (на греческом).

21 Участие Греции в военной интервенции против Советской России и советская помощь Турецкой Республике, репрессии против греков в СССР, «холодная война», многочисленные межцерковные конфликты и пр.

22 Karagiannis E. (2015). Greece and Russia: The Myths and the Reality // The Moscow Times, April 7, 2015 // <https://www.themoscowtimes.com/2015/04/07/greece-and-russia-the-myths-and-the-reality-a45543>, дата обращения 11.03.2021.

сторону России, сотрудничество с которой стало восприниматься как альтернатива прежнему пути развития с ориентацией на Запад. Однако предположение о религиозном единстве, как справедливо отмечает журналист газеты «Kathimerini» С. Цимас, «основывается на мифе о том, что сильная Россия поспешит на помощь своим греческим единоверцам в трудную минуту»²³, притом что в реальности жители Греции знают о нашей стране очень мало, и эти знания носят фрагментарный характер.

В недавнем исследовании О.Е. Петруниной, посвященном образу России в национальном образовании Греции, показано, что греческие школьные учебники изобилуют фактическими ошибками, устаревшими данными, трактуемыми не в пользу России историческими сюжетами; недостаточно отображен вклад россиян в мировую науку, литературу, изобразительное искусство [Петрунина, 2020, с. 245]. Конечно, тенденции европеизация системы образования, конструирования общего для ЕС исторического нарратива [Семененко, 2018] и системы ценностей в Греции не столь заметны, как в большинстве других стран ЕС, но с течением времени они будут усиливаться и в перспективе могут стать серьезным вызовом для российско-греческих связей.

Следующий вызов, который отмечался экспертами еще в середине 2010-х годов, – это «сокращение контингента носителей идеи и сторонников поддержания диалога между двумя странами» [Квашнин, Оленченко, 2014]. В Греции эту миссию отчасти выполняют пон-

тийские греки – репатрианты из стран бывшего СССР, в том числе предприниматели греческого происхождения, которые реализуют культурно-образовательные проекты, направленные на сохранение гуманитарных связей (яркий пример – создание кафедры русского языка и культуры на факультете филологии Университета Аристотеля в Салониках). Однако по мере интеграции понтийских греков в принимающее сообщество и утраты ими интереса к русскому языку этот фактор будет сходить на «нет»²⁴.

В России потенциал диаспоры как проводника двусторонних гуманитарных связей также невелик. Это связано как с сокращением численности проживающих в РФ греков, так и с относительной слабостью греческих национально-культурных организаций, большая часть которых не получает сколько-либо серьезной поддержки со стороны правительства Греции²⁵. Такие объединения ориентированы, как правило, на решение проблем диаспоры, а не на продвижение греческого языка и культуры за ее пределами. Действующий в Москве при поддержке предпринимателей греческого происхождения Греческий культурный центр – организация, выдвигающая на первый план укрепление российско-греческого культурного взаимодействия и предлагающая максимально широкий спектр культурно-образовательных программ (преподавание языка, лекции по истории, архитектуре, литературе Греции, выставки, концерты, кинофестивали и пр.), – является одним из немногих исключений [Баров, Янници, 2018].

23 Почему испортились отношения Греции и России? (2018) // DW. 6 августа 2018 // <https://www.dw.com/ru/почему-испортились-отношения-греции-и-россии/a-44965975>, дата обращения 09.03.2021.

24 Следует также отметить, что основной задачей понтийских греков является сохранение собственной идентичности и исторической памяти; восприятие ими России различается.

25 Георгий Илиадис: через какое-то время наш народ станет музейным экспонатом. Если... (2018) // Мир и Омония. 6 августа 2018 // <https://www.mio.com.gr/publikatsii/ekslyuziv/georgij-iliadis-cherez-kakoe-to-vremya-nash-narod-stanet-muzejnym-ekspontom-esli>, дата обращения 09.03.2021.

Теоретически роль своеобразного лобби развития российско-греческих отношений могло бы сыграть научно-экспертное сообщество двух стран. С начала XXI в. в обеих странах были проведены десятки конференций, посвященных общим страницам истории, языковым и культурным связям, экономическому сотрудничеству, вызовам внешней политики и безопасности. Большинство из них, однако, носит спорадический характер, греко-российские форумы гражданских обществ (главная институционализированная площадка для поддержания контактов в гуманитарной сфере) в последние годы проводятся все реже. Также следует отметить низкую заинтересованность в развитии экспертного диалога со стороны ведущих греческих мозговых центров, недостаточное использование обеими сторонами потенциала дипломатии «второго трека».

Наконец, серьезными ограничителями являются традиционные проблемы гуманитарной составляющей российской политики – отсутствие системного подхода, учитывающего особенности тех стран, где работают российские центры науки и культуры, ориентированность на проведение маловостребованных культурных мероприятий («балалаечная дипломатия»²⁶). Тематические «перекрестные годы» («всеобъемлющий» Год России и Греции – 2016, Год туризма – 2017–2018, Год литературы – 2019–2020, а также Год истории – 2021, в рамках которого 25–26 марта состоялся

российско-греческий Форум народной дипломатии) хотя и вносят определенный вклад в развитие гуманитарного сотрудничества, но, как правило, имеют недолгосрочный, по большей части медийный эффект²⁷, который легко перекрывается негативным освещением российской внешней политики в греческих СМИ.

В 1998 г. во время визита в Афины Е.М. Примаков, занимавший тогда должность министра иностранных дел, отметил, что «Греция является образцом того, как замечательно могут складываться у России отношения с членом НАТО»²⁸. Однако по прошествии двух десятилетий приходится констатировать, что российско-греческий диалог развивается примерно в том же негативном ключе, что и сотрудничество России с ЕС в целом, с поправкой на то, что две страны поддерживают довольно тесные гуманитарные связи.

Распространенный во второй половине 2000-х годов и до сих пор встречаемый в западных публикациях тезис о том, что Греция является российским «троянским конем» в объединенной Европе [Leonard, Popescu, 2007, pp. 27–30; Polyakova et al., 2017, pp. 5–10], также доказал свою несостоятельность. Очевидно, что греческие политические элиты все больше ориентируются на Запад в ущерб многовекторному подходу к внешней политике²⁹. Этот тренд усиливается трансформацией грече-

26 «Сложно представить человека в здравом уме, который пошел бы читать сайт Россотрудничества». Новый глава агентства Евгений Примаков — о «мягкой силе», бренде президента и бессмысленной показухе (2020) // Известия. 13 июля 2020 // <https://iz.ru/1033306/natalia-portiakova/slozhno-predstavit-cheloveka-v-zdravom-ume-kotoryi-poshel-chitat-sait-rossotrudnichestva>, дата обращения 09.03.2021.

27 Примечательно, что в период проведения Года туризма реальный туристический поток из России в Грецию упал на 12%.

28 Примаков в Греции (1998) // Коммерсантъ. 17 февраля 1998 // <https://www.kommersant.ru/doc/192627>, дата обращения 09.03.2021.

29 Оживление контактов с Москвой зачастую связано со стремлением Греции решить сиюминутные задачи, т.е. использовать «российскую карту» в качестве инструмента давления на партнеров по ЕС и получить уступки по важным для греческого правительства вопросам. См., например: Tsipras Plays the Russian Card // DW // <https://www.dw.com/en/tsipras-plays-the-russian-card/a-18366308>, дата обращения 09.03.2021.

ской партийной системы и вытеснением из нее тех сил, для которых развитие отношений с Россией было приоритетом (поражение партии «Независимых греков» на выборах 2019 г., упрочение позиций прозападного крыла в правящей «Новой демократии» и т.д.).

Наличие перечисленных выше проблем отнюдь не означает, что у России и Греции не осталось пространства для диалога. Противодействие международному терроризму и наркоторговле, борьба с изменением климата, реагирование на эпидемиологические вызовы, поддержка христианского населения в странах Ближнего Востока – вот далеко не полный перечень вопросов, по которым у двух стран есть немало точек соприкосновения. Также вероятна активизация российско-греческого сотрудничества по вопросу кипрского урегулирования: в противовес Турции, выступающей за создание на острове двух государств, Россия и Греция настаивают на решении проблемы на основании резолюций СБ ООН. Однако выход двусторонних связей на качественно новый уровень в условиях сохраняющегося антагонизма во взаимоотношениях России с западными странами маловероятен.

Список литературы

Александрова А. (2020). Российско-греческие экономические отношения во втором десятилетии XXI века (Есть ли точки роста в череде кризисов?) // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 8. С. 101–111. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-101-111

Баров С.А., Янници Т. (2018). Деятельность Греческого культурного центра в России // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. Т. 15. № 2. С. 320–324. DOI: 10.22363/2312-8011-2018-15-2-320-324

Власова К. (2020). Греция и Северная Македония: прорыв в двусторонних отношениях // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 8. С. 91–100. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-91-100

Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Греческой Республикой (1996) // Бюллетень международных договоров. № 5. С. 53.

Илиопулу А. (2020). Развитие греко-российских отношений в постсоветский период // Свободная мысль. № 2. С. 105–114 // <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-greko-rossiyskih-otnosheniy-v-postsovetskiy-period/viewer>, дата обращения 10.04.2021.

Квашнин Ю.Д. (2012). Российско-греческие отношения: что дальше? // Россия в системах международных связей: экономика, политика, безопасность. Мировое развитие. Вып. 8. М.: ИМЭМО РАН. С. 73–80.

Квашнин Ю.Д. (2018). Проблемы и перспективы экономических отношений России и Греции // Соколовская О.В. (ред.) 1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции. М.: Институт славяноведения РАН. С. 412–426.

Квашнин Ю.Д., Оленченко В.А. (2014). Текущее состояние и возможные пути улучшения российско-греческих отношений // Российский совет по международным делам // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tekushchee-sostoyanie-i-vozmozhnye-puti-uluchsheniya-rossiysk/>, дата обращения 09.03.2021.

Никитина Т.В. (2020). Российско-греческие отношения в XX в. Очерки. СПб.: Алетейя.

Петрунина О.Е. (2020). Образ России в национальном образовании Греции // Государственное управление. № 78. С. 245–267. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10042

Семененко И.С. (2018). Прошлое на переднем крае политики идентичности // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 11. С. 65–76. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76

Спинеллис М. (2011). Греко-российские межкультурные отношения. Прошлое, настоящее, будущее // *Международный диалог культур: Дипломатическая программа Международных Лихачевских научных чтений*. Вып. 2. С. 155–160 // https://www.lihachev.ru/pic/site/files/Dip_Programma/25_Dip_prog_2011.pdf, дата обращения 10.04.2021.

Leonard M., Popescu N. (2007). A Power Audit of EU–Russia Relations // *European Council on Foreign Relations* // https://ecfr.eu/wp-content/uploads/ECFR-02_A_POWER_AUDIT_OF_EU-RUS-SIA_RELATIONS.pdf, дата обращения 12.03.2021.

Nimetz M. (2020). The Macedonian “Name” Dispute: The Macedonian Question – Resolved? // *Nationalities Papers*, vol. 48, no 2, pp. 205–214. DOI: 10.1017/nps.2020.10

Polyakova A., Kounalakis M., Klap-sis A., Germani L., Iacoboni J., Lasheras F., Pedro N. (2017). *Kremlin’s Trojan Horses 2.0* // *Atlantic Council Eurasia Center* // <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-security-studies/resources/docs/AC-The%20Kremlin’s%20Trojan%20Horses%202.0.pdf>, дата обращения 09.03.2021.

Standard Eurobarometer 89 (2018) // *European Union*. Spring 2018 // <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/83538>, дата обращения 09.03.2021.

Triantaphyllou D. (2012). Greece // *EU – Russia Watch 2012* (eds. Lobjakas A., Mölder M.), Tartu: University of Tartu, pp. 57–62.

Tzogopoulos G. (2020). Greek-Russian Relations: A Potential to Mend Strained Tie // *ELIAMEP. Policy Brief no 137* // <https://www.eliamep.gr/en/publication/μα-ευκαιρία-για-αποκατάσταση-των-σχέ>, дата обращения 09.03.2021.

Problems of the Old World

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-9

Russian-Greek Relations: Is There a Light at the End of the Tunnel?

Yury D. KVASHNIN

PhD in History, Head of Center for European Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: ykvashnin@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2042-7215

CITATION: Kvashnin Yu.D. (2021). Russian-Greek Relations: Is There a Light at the End of the Tunnel? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 3, pp. 161–175 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-9

Received: 27.03.2021.

ABSTRACT. *At the end of the first decade of the 21st century, relations between Russia and Greece entered a protracted period of stagnation, which continues to this day, despite numerous attempts by both countries to intensify political dialogue. One of the reasons is the general degradation of Russia's relations with the Western countries, which intensified in the middle of the last decade against the backdrop of the Ukrainian crisis. At the same time, the "sanctions wars" have become an important, but not the only reason for the reduction in bilateral contacts. There were other factors as well: Greece's dissatisfaction with the excessively close cooperation between Russia and Turkey, different views on NATO's Eastern enlargement, as well as inter-church disagreements.*

On the economic plane, Russian-Greek cooperation was hampered by the desire of Greece to diversify its energy supplies, the food embargo regime introduced by Russia against the EU countries, as well as the policy of investment protectionism pursued by Greece towards Russian companies.

The greatest success has been achieved in the humanitarian field. Due to the cultural and historical closeness of the two peoples, as well as due to the disappointment of the Greeks in the results of European integration, Greece remains one of the few countries where most people treat Russia with sympathy. At the same time, the perception of Russia by the Greeks is distorted and often fragmentary. The positive effect of Russian-Greek humanitarian cooperation is often overshadowed by negative coverage of Russian foreign policy in the Greek media.

KEYWORDS: *Russian-Greek relations, Greek diaspora, foreign trade, foreign direct investment, sanctions, humanitarian cooperation.*

References

Alexandrova A. (2020). Russian-Greek Economic Relations in the Second Decade of the 21st Century (Are There Points of Growth in a Series of Crises?). *World Econo-*

my and International Relations, vol. 64, no 8, pp. 101–111 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-101-111

Barov S.A., Yannitsi T. (2018). The Role of the Hellenic Cultural Centre in the Proliferation of Greek Language and Culture in Russia. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, vol. 15, no 2, pp. 320–324 (in Russian). DOI: 10.22363/2312-8011-2018-15-2-320-324

Iliopoulou A. (2020). Development of Greek-Russian Relations in the Post-Soviet Period. *Free Thought*, no 2, pp. 105–114. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-greko-rossijskih-otnosheniy-v-postsovetitskiy-period/viewer>, accessed 10.04.2021 (in Russian).

Kvashnin Yu.D. (2012). Russian-Greek Relations: What's Next? *Russia in International Systems: Economy, Politics, Security. World Development*. Issue 8, Moscow: IMEMO RAN, pp. 73–80 (in Russian).

Kvashnin Yu.D. (2018). Problems and Prospects of Russian-Greek Economic Cooperation. *1000 Years Together: Key Moments in the History of Russia and Greece* (ed. Sokolovskaya O.V.), Moscow: Institute of Slavic Studies, pp. 412–426 (in Russian).

Kvashnin Yu., Olenchenko V. (2014). Current Status and Possible Ways to Improve Russian-Greek Relations. *Russian International Affairs Council*. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tekushchee-sostoyanie-i-vozmozhnye-puti-uluchsheniya-rossiys/>, accessed 09.03.2021 (in Russian).

Leonard M., Popescu N. (2007). A Power Audit of EU-Russia Relations. *European Council on Foreign Relations*. Available at: https://ecfr.eu/wp-content/uploads/ECFR-02_A_POWER_AUDIT_OF_EU-RUSSIA_RELATIONS.pdf, accessed 12.03.2021.

Nikitina T.V. (2020). *Russian-Greek Relations in the XX Century. Essays*, Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Nimetz M. (2020). The Macedonian “Name” Dispute: The Macedonian Question – Resolved? *Nationalities Papers*, vol. 48, no 2, pp. 205–214. DOI: 10.1017/nps.2020.10

Petrulina O.E. (2020). Image of Russia in Greece National Education. *Public Administration E-Journal*, no 78, pp. 245–267 (in Russian). DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10042

Polyakova A., Kounalakis M., Klap-sis A., Germani L., Iacoboni J., Lash-eras F., Pedro N. (2017). Kremlin's Trojan Hor-ses 2.0. *Atlantic Council Eur-asia Center*. Available at: <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/AC-The%20Kremlin's%20Trojan%20Horses%202.0.pdf>, accessed 09.03.2021.

Semenenko I.S. (2018). History on the Frontline of Identity Politics. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no 11, pp. 65–76 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76

Spinellis M. (2011). Greek-Russian Intercultural Relations. Past, Present, Future. *International Dialogue of Cultures: Diplomatic Program of the International Likhachev Scientific Readings*. Issue 2, pp. 155–160. Available at: https://www.likhachev.ru/pic/site/files/Dip_Programma/25_Dip_progr_2011.pdf, accessed 10.04.2021. (in Russian).

Standard Eurobarometer 89 (2018). *European Union*. Spring 2018. Available at: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/83538>, accessed 09.03.2021.

Treaty of Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the Hellenic Republic (1996). *Bulletin of International Treaties*, no 5, p. 53 (in Russian).

Triantaphyllou D. (2012). Greece. *EU – Russia Watch 2012* (eds. Lobjakas A., Mölder M.), Tartu: University of Tartu, pp. 57–62.

Tzogopoulos G. (2020). Greek-Russian Relations: A Potential to Mend Strained Tie. *ELIAMEP*. Policy Brief no 137. Available at: <https://www.eliamep.gr/en/publication/μια-ευκαιρία-για-αποκατάσταση-των-σχέ>, accessed 09.03.2021.

Vlasova K.V. (2020). Greece and North Macedonia: Breakthrough in Bilateral Relations. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no 8, pp. 91–100 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-91-100

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-10

Внешекономические отношения России со странами Северной Европы в современных условиях

Алексей Михайлович ВОЛКОВ

кандидат экономических наук, заведующий сектором экономики европейских стран, Центр европейских исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: volkov@imemo.ru

ORCID 0000-0002-7632-8542

ЦИТИРОВАНИЕ: Волков А.М. (2021). Внешнеэкономические отношения России со странами Северной Европы в современных условиях // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 3. С. 176–188.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-10

Статья поступила в редакцию 28.02.2021.

АННОТАЦИЯ. В 2010-е годы появились проблемы, которые внесли новые сложности в экономические связи России с внешним миром. В первой половине десятилетия наблюдались экономические проблемы в странах ЕС, а с конца 2014 г. – значительное падение цен на нефть, что привело, в свою очередь, к замедлению темпов экономического роста в России и резкому снижению курса рубля. В 2014 г. началась и «война санкций» России с Западом. На этом фоне особый интерес представляет анализ динамики российских внешнеэкономических отношений со странами Северной Европы. Особенно резкое снижение внешнеэкономических связей произошло в 2015–2016 гг. Последующее развитие продемонстрировало различную динамику. Если к концу 2010-х годов внешняя торговля России с Финляндией и Швецией так и не достигла уровня 2013–2014 гг. (прежде всего из-за снижения цен на нефть), то с Данией и Норвегией она увеличилась (за

счет российского экспорта). 2020 г. принес новые проблемы – пандемию коронавируса и связанные с ней ограничения в передвижении товаров, услуг и людей, а также разрыв производственных цепочек, что оказало влияние и на внешнеэкономические связи, – и усугубил старые: новое резкое падение цен на нефть и новое снижение курса рубля. В статье раскрываются характерные особенности общей динамики и товарной структуры внешней торговли с каждой из рассматриваемых стран. Подробно рассмотрена значительная зависимость российского экспорта прежде всего от поставок энергоносителей. Отдельное внимание уделено общей динамике прямых иностранных инвестиций в Россию. Проведен анализ современного состояния российского экспорта и импорта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, Финляндия, Швеция, Дания, Норвегия, внешняя торговля, экспорт, импорт.

В последнее десятилетие возникли обстоятельства, которые привели к новым проблемам во внешнеэкономических связях России. С конца 2014 г. произошло значительное падение цен на нефть, что привело к замедлению темпов экономического роста в России и резкому снижению курса рубля. В том же году началась «война санкций» России с Западом. Особенно резкое снижение внешнеэкономических связей произошло в 2015–2016 гг. 2020 г. принес новые проблемы – пандемию коронавируса и связанные с ней ограничения в передвижении товаров, услуг и людей, а также разрыв производственных цепочек, что оказало влияние и на внешнеэкономические связи, – и усугубил старые: новое резкое падение цен на нефть и новое снижение курса рубля. На этом фоне особый интерес представляет анализ динамики российских внешнеэкономических отношений с соседями России – странами Северной Европы, прежде всего с Финляндией, Швецией, Данией и Норвегией (внешняя торговля с остальными мала), которому посвящена данная статья.

Российско-финляндские экономические связи

Оборот российско-финляндской внешней торговли быстро увеличивался с начала 2000-х годов по 2008 г. Однако из-за мирового экономического кризиса в 2009 г. произошло резкое сокращение ее объемов до уровня 2006 г. (экспорт упал на 42%, а импорт – на 40%). В 2010–2011 гг. взаимная торговля двух соседних стран вновь росла, но предкризисного уровня 2008 г. так и не достигла. Затем из-за кризисных явлений в экономике Финляндии внешняя торговля вновь сократилась (в 2012 г. экспорт на 9%, а импорт на

12%), в 2013 г. возросла, но потом отличалась очень неустойчивой динамикой (см. табл.).

«Зеркальные» данные по взаимной внешней торговле существенно различаются, особенно в части импорта России из Финляндии. Дело в том, что финляндская статистика при поступлении товара отмечает страну происхождения, а российская – страну поставки товара. Так, по данным **Таможенного управления Финляндии**, в 2013 г. взаимный внешнеторговый товарооборот составил 21,1 млрд долл., импорт из России – 14,0 млрд долл., экспорт – 7,1 млрд долл. В 2013 г. Россия была важнейшим торговым партнером Финляндии (ее доля составляла 13,9%), тогда как доля Финляндии в торговом обороте России была 2,2% (15-е место).

В 2014–2015 гг. экспорт и импорт значительно сократились: в 2014 г. – на 18 и 14%, а в 2015 г. – еще на более чем на 40 и 30% соответственно. В 2016 г. товарооборот продолжил снижаться, но незначительно. К 2015–2016 гг. экспорт и импорт сократились почти вдвое по сравнению с 2013 г. Затем положение ненадолго улучшилось. В 2020 г. товарооборот заметно сократился с связи с пандемией коронавируса.

В последние годы больших изменений в товарной структуре экспорта России в Финляндию не произошло. Его основной статьей остаются топливо и энергоносители [Jääskeläinen, Höysniemi, Syri, Tynkkynen, 2018]. Основными статьями импорта России из Финляндии были машины, оборудование и транспортные средства – свыше 1/3, важными по значению были также химические товары (включая медикаменты), бумага, картон и изделия из них.

Новые проблемы появились в 2014 г. в результате введения странами ЕС (в том числе и Финляндией) санкций по отношению к России в связи с

Таблица. Внешняя торговля Российской Федерации с Северной Европой в 2013–2020 гг. (в млрд долл.).

Table. Foreign trade of the Russian Federation with Northern Europe in 2013–2020 (billions US dollars).

Страна	Показатель	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Финляндия	товарооборот	18,7	16,0	9,8	8,0	12,5	14,8	13,6	10,0
	экспорт	13,3	11,4	7,1	6,5	8,7	11,4	10,1	7,1
	импорт	5,4	4,6	2,7	2,5	3,8	3,4	3,5	2,9
	сальдо	7,9	6,8	4,4	4,1	4,9	8,0	6,6	4,2
Швеция	товарооборот	8,4	8,0	4,3	3,9	4,0	5,4	4,5	3,0
	экспорт	4,5	4,8	2,4	2,2	1,9	3,1	2,3	1,0
	импорт	3,9	3,2	1,9	1,7	2,1	2,2	2,2	1,9
	сальдо	0,6	1,6	0,6	0,6	-0,2	0,9	0,1	-0,9
Дания	товарооборот	3,7	4,5	2,8	2,2	3,8	4,9	4,4	2,8
	экспорт	1,5	2,9	1,9	1,4	2,9	3,9	3,2	1,7
	импорт	2,2	1,6	0,9	0,8	0,9	1,0	1,2	1,1
	сальдо	-0,7	1,3	1,1	0,6	2,0	2,9	2,0	0,6
Норвегия	товарооборот	2,6	2,1	1,4	1,4	1,4	1,6	3,3	1,5
	экспорт	0,8	0,9	0,8	0,7	0,8	1,1	2,8	1,1
	импорт	1,8	1,2	0,6	0,7	0,6	0,5	0,5	0,5
	сальдо	-0,9	-0,2	0,1	0,1	0,1	0,7	2,3	0,6
Исландия	товарооборот	0,21	0,28	0,15	0,05	0,04	0,05	0,10	0,08
	экспорт	0,02	0,02	0,04	0,03	0,01	0,02	0,04	0,04
	импорт	0,20	0,26	0,11	0,02	0,02	0,03	0,06	0,03
	сальдо	-0,18	-0,24	-0,07	0,01	-0,01	-0,01	-0,01	0,01
Фарерские острова	товарооборот	0,12	0,18	0,29	0,32	0,38	0,36	0,33	0,30
	экспорт	0,01	0,01	0,02	0,04	0,01	0,02	0,01	0,01
	импорт	0,12	0,17	0,28	0,28	0,37	0,34	0,32	0,28
	сальдо	-0,10	-0,16	-0,26	-0,24	-0,36	-0,32	-0,31	-0,27
Гренландия	товарооборот	0,00	0,03	0,06	0,08	0,10	0,07	0,04	0,01
	экспорт	0	0	0	0	0	0	0	0
	импорт	0,00	0,03	0,06	0,08	0,10	0,07	0,04	0,01
	сальдо	-0,00	-0,03	-0,06	-0,08	-0,10	-0,07	-0,04	-0,01

Примечание. Данные по Гренландии за январь-июнь 2020 г.
Рассчитано по данным ФТС России // www.customs.ru

событиями на Украине и последовавших ответных мер со стороны России. По результатам воздействия всех этих санкций существуют различные оценки. Так, согласно докладу «Трансатлантическая экономика 2014» университета Джона Хопкинса, в сфере инвестиций Финляндия пострадала от санкций больше, чем Россия, а Министерство финансов Финляндии оценило прямые потери от российских мер примерно в 0,1% ВВП страны.

По опросам Торговой палаты Финляндии, примерно 75% компаний на юго-востоке страны пострадали от спада в российской экономике и последствий санкций, а председатель Финско-российской торговой палаты Эско Ахо утверждал, что финские компании прежде всего терпят убытки от падения платежеспособности своих российских клиентов. По данным «Барометра финско-российской торговли», прямое влияние от российских санкций не испытывала основная часть респондентов, а их косвенное влияние сказывалось более чем на 80%. Главной проблемой для финских компаний, имевших деловые отношения с Россией, было изменение курса рубля, а уж затем – экономическая нестабильность, политическая обстановка и финансовые проблемы клиентов финских компаний. В Финско-российской торговой палате отметили, что финские компании, действующие в России, прагматично относились к изменяющейся ситуации.

Финский продовольственный экспорт в Россию сократился с 401 млн евро в 2013 г. и 301 млн евро в 2014 г. до примерно 100 млн евро в последующем. В 2018 г. он составлял 84 млн евро. И все же российский рынок занимал 4-е место после Швеции, Эстонии и Франции в экспорте Финляндии

[Liuhto, 2020, p. 43]. Сельское хозяйство Финляндии потеряло около 400 млн евро из-за ответных санкций России, из них около половины, согласно докладу Союза финских фермеров МТК, не получили производители молочной продукции. ЕС даже решил выделить финским фермерам 9 млн евро в качестве компенсации.

На взаимные экономические связи оказали влияние и другие факторы. Так, экспорт из России (в том числе и в Финляндию) необработанной древесины был запрещен в конце 2014 г. Это обосновывалось тем, что в России необходимо осуществлять более глубокую обработку древесины и поставлять на экспорт не лес-кругляк, а шпон, доски и вагонку. В конце 2020 г. Россия вообще ввела запрет на вывоз древесины, который власти Финляндии объявили «неприятным» решением, поскольку Россия выступает основным поставщиком таких материалов (75% поставок).

В итоге в 2020 г., по данным ФТС России, экспорт России в Финляндию упал до 7,1 млрд долл., причем 56,8% объема пришлось на минеральные продукты, еще 15,7 – на металлы и изделия из них, 14,9 – на химикаты, а 9,2% – на древесину и целлюлозно-бумажные товары. Импорт России был в 2,5 раза меньше, составив 2,9 млрд долл. При этом на машины, оборудование и транспортные средства пришлось 32,8% объема товарных поставок из Финляндии в Россию, на химикаты – 20,2, на металлы и изделия из них – 18,4, на древесину и целлюлозно-бумажные товары – 15,6%¹.

Иностранный туризм играет важную роль в двусторонних отношениях. В 2017 г. российские туристы в Финляндии составляли 8% от посетивших

1 Торговля между Россией и Финляндией в 2020 г. (2021) // Внешняя торговля России. 13 февраля 2021 // <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiei-i-finlyandiei-v-2020-g/>, дата обращения 21.04.2021.

Финляндию и занимали 3-е место, а финские туристы составляли 4% от всех иностранных туристов в России и занимали 4-е место [Liuhto, 2020, pp. 32, 34]. По российским данным, в 2018 г. было 2,5 млн туристических въездов в Финляндию, а согласно финским – 377,6 тыс. Разница в том, что в первом случае включены деловые поездки и визиты к друзьям и родственникам [Manakov, Kondratyeva, Terenina, 2020, p. 141]. Важно и то, что россияне – самая большая группа иностранных владельцев второго жилья в Финляндии. С 2000 по 2015 г. россияне купили 4424 единицы собственности в Финляндии, что примерно в 2 раза больше, чем все другие иностранные покупатели (2441) [Hannonen, 2019, p. 245].

В настоящее время в России работают примерно 900 финских компаний. По данным Статистического центра Финляндии, в финской экономике в 2018 г. было накоплено российских прямых инвестиций в объеме 1079 млн евро [Liuhto, 2020, pp. 46, 47]. По данным ЦБ России, по состоянию на начало 2020 г. финляндские инвестиции в Россию составили 7,1 млрд долл., а инвестиции России в Финляндию – 2,5 млрд долл. Вообще же официальная статистика инвестиций не слишком точна. В ряде случаев трудно выявить первоначальный источник инвестиций. Так, значительные финские инвестиции осуществляются через компании, зарегистрированные на Кипре, в Нидерландах и Швеции².

Среди наиболее крупных российских прямых инвестиций в Финляндию можно выделить приобретение «Газпромом» 25% акционерного капитала в газовом монополисте – концерне «Gazum» (до 2016 г., когда долю пришлось продать из-за действия Третьего

энергетического пакета), покупку «Лукойл» финских компаний «Oy Teboil Ab» и «Suomen Petrooli Oy» с сетью АЗС, создание компании «RAO Nordic» как дочернее подразделение «Интер РАО ЕЭС», которая специализируется на продаже российской электроэнергии в странах Северной Европы, и приобретение перерабатывающей компании «Harjavalta» «Норильским никелем».

Российско-шведские экономические связи

До начала мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. российско-шведские экономические отношения развивались динамично. Объем товарооборота России со Швецией с 2003 по 2008 г. вырос в 4 раза – с 2,1 млрд до 8,6 млрд долл. При этом увеличивался как экспорт, так и импорт – соответственно с 0,9 млрд до 4,1 млрд и с 1,2 млрд до 4,5 млрд³.

Негативное воздействие мирового кризиса привело к резкому сокращению объема взаимной торговли в 2009 г. почти на 40% – до 5,2 млрд долл. При этом экспорт уменьшился в меньшей степени по сравнению с импортом – соответственно до 3,2 млрд и 2,0 млрд. В 2010–2012 гг. вновь наблюдался рост и в 2012 г. показатели соответственно составили 10,1, 6,2 и 3,9 млрд долл. В 2013 г. в связи с ухудшением мировой конъюнктуры было зафиксировано снижение показателей (см. табл.). Экспорт России несколько вырос в 2014 г., а затем значительно уменьшился в 2015 г. почти в 2 раза. Затем он оставался на уровне 2–2,5 млрд долл. (несколько выше в 2018 г. – 3,1 млрд долл.) и вновь сократился в 2020 г. Импорт России из

2 Подробнее о российско-финляндских экономических отношениях см.: [Волков, 2016].

3 Российский статистический ежегодник // Росстат // <http://www.gks.ru>, дата обращения 21.04.2021.

Швеции после незначительного сокращения в 2014 г. резко снизился в 2015 г. (более чем наполовину). Лишь с 2017 г. он стабилизировался на уровне 2,1–2,2 млрд долл. В 2019 г. товарооборот России со Швецией составил 0,7% от общего внешнеторгового оборота России и 1,1% от внешнеторгового оборота Швеции за тот же год⁴.

По шведским данным, в 2019 г. экспорт в Россию вырос почти на 10% (особенно экспорт медицинской и фармацевтической продукции – на 44%), а импорт из России уменьшился на 17% по сравнению с 2018 г. Это произошло из-за значительного сокращения поступления нефти из России на 30%. Кстати, в шведской статистике приводятся два ряда стоимостного объема импорта Швеции, в том числе и из России: из страны поставки и из страны происхождения товаров. При этом первый ряд обычно ниже второго, что означает, что значительная часть произведенных в России товаров поступает в Швецию через страны-посредники.

За 2020 г. товарооборот между двумя странами вновь заметно сократился – до исторического минимума за десятилетие. Вследствие падения цен на нефть уменьшилась доля минеральной продукции в структуре российского экспорта. Структура российского импорта изменилась мало. В результате по итогам 2020 г., по данным ФТС России, экспорт России в Швецию упал до 1,04 млрд долл., причем лишь 48,9% объема пришлось на минеральные продукты, зато 32,4% – на химикаты, еще 6,4 – на металлы и изделия из них, а

4,8% – на древесину и целлюлозно-бумажные товары. Импорт России был почти вдвое больше, составив 1,93 млрд долл. При этом на машины, оборудование и транспортные средства пришлось 52,4% объема товарных поставок из Швеции в Россию, на химикаты – 22,6, на металлы и изделия из них – 9,2, на древесину и целлюлозно-бумажные товары – 6,8%⁵.

Достаточно динамично увеличивался шведский экспорт услуг в Россию – на 64% с 2008 г. В 2019 г. он составил 7,5 млрд крон, или примерно 35% от товарного экспорта в Россию (курс шведской кроны довольно устойчив – 0,10–0,12 за долл. США). В его структуре в основном доминируют телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги. Импорт услуг из России составил 3,3 млрд крон в 2019 г.

Стратегия шведских компаний исходит из долгосрочности своих отношений с российскими партнерами, и они считают, что у российского рынка есть большой потенциал. В последние годы приток шведских инвестиций в Россию продолжал расти. По данным ЦБ России, по состоянию на начало 2020 г. шведские инвестиции в Россию составили около 5 млрд долл. По сведениям Статистического бюро Швеции, в 2018 г. масштаб накопленных шведских прямых инвестиций в России достигал 6 млрд долл. Из примерно 450 работающих в нашей стране шведских компаний семь – IKEA, «Volvo Trucks», «Scania», H&M, «SCA/Essity», ABB и «Volvo Cars» – входят в число 600 крупнейших компаний России⁶.

4 Sveriges utrikeshandel med varor och tjänster samt direktinvesteringar (2019) // <https://www.kommerskollegium.se/globalassets/publikationer/statistikrapporter/2019/sveriges-utrikeshandel-med-varor-och-tjanster---forsta-halvaret-2019.pdf>, дата обращения 21.04.2021.

5 Торговля между Россией и Швецией в 2020 г. (2021) // Внешняя торговля России. 13 февраля 2021 // <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-shvetsiy-v-2020-g/>, дата обращения 21.04.2021.

6 Швеция и Россия: экономические отношения (2019) // Посольство Швеции в России // <https://www.swedenabroad.se/ru/embassies/россия-москва/актуальная-информация/бизнес-и-инвестиции/швеция-и-россия-экономические-отношения/>, дата обращения 21.04.2021.

В отличие от Финляндии, российских инвестиций в Швеции очень мало. В целом к середине 2010-х годов российские накопленные инвестиции в Швеции оставались на крайне незначительном уровне и составляли немногим более 200 млн долл.⁷

Обстановка вокруг Украины ухудшила отношения России и Швеции. Санкции ЕС по отношению к России и ответная реакция России в области сельскохозяйственного импорта усложнили взаимоотношения между двумя странами, которые и так не отличались благожелательностью. Однако сельскохозяйственные продукты всегда занимали лишь 3% в импорте России.

В одной из ведущих шведских газет «Svenska Dagbladet» эксперты подвели итоги влияния санкций на шведский экспорт в 2015 г. Экспорт в Россию шведских продуктов питания, напитков и табачных изделий сократился на 45%. Производитель молочных продуктов «Arla» заявил, что с момента введения санкций уже потерял 1 млрд крон. Некоторые шведские компании, например «Atlas Copco» и «Sandvik», отмечали, что сотрудничать с Россией стало намного сложнее. Россия сама создает слишком много формальных и бюрократических барьеров, к примеру: требуется специальное разрешение на экспорт, оформление которого занимает много времени.

Шведские исследователи подсчитали ежегодные потери от введения российских ответных мер, которые составили примерно 1 млрд крон, или 100 млн евро в ценах 2013 г., и оказались незначительными по сравнению с ВВП Швеции (около 4000 млрд крон). Однако для отдельных фирм и отраслей

они оказались высокими: экспорт компаний, продававших товары, подпавшие под санкции, в Россию, сократился более чем на 60% [Gullstrand, 2018, p. 27].

Но не только санкции повлияли на ухудшение торговых отношений России и Швеции. В ходе VI российско-шведского экономического форума в 2016 г. было отмечено, что влияние принятых в 2014 г. санкций против РФ на двусторонние экономические отношения оказалось не таким значительным, как предполагалось. Шведские предприниматели по-прежнему готовы к долгосрочному сотрудничеству. Более заметное отрицательное влияние на взаимодействие двух стран оказывают колебания экономической ситуации в мире, к примеру: снижение цен на нефть и перемены в курсах валют⁸.

Российско-датские экономические связи

После мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. объем внешней торговли между Россией и Данией превысил докризисный уровень уже в 2011 г. Однако затем он перестал расти, а после введения санкций снизился.

В 2015 г. объем товарооборота российско-датской торговли сократился на 37% по сравнению с показателями 2014 г., при этом российский экспорт сократился на 33%, а импорт – на 45% (см. табл.), что намного больше по сравнению со многими другими странами ЕС. В 2016 г. показатели сократились еще больше, особенно экспорт. Затем экспорт резко увеличился и в 2017–2019 гг. превысил уровень 2014 г. Импорт же увеличился незначительно.

7 Прямые инвестиции из Российской Федерации за рубеж: Исходящие остатки по инструментам и странам-партнерам (по принципу направленности) // <http://www.cbr.ru>, дата обращения 21.04.2021.

8 Подробнее о российско-шведских экономических отношениях см.: [Волков, 2015, с. 46–52; Волков (2), 2019, с. 115–140].

С 2014 г. внешнеторговое сальдо постоянно было в пользу России.

Данные таможенной статистики России свидетельствуют о сохранении в целом структуры российского экспорта в Данию. Несмотря на значительное сокращение объема российского экспорта, ведущее значение минерального топлива, нефти и нефтепродуктов, разумеется, сохранилось. По итогам 2020 г. объем экспорта составил 1,7 млрд долл., причем на минеральные продукты пришлось 67,7%, металлы и изделия из них – 10,9, древесину и целлюлозно-бумажные изделия – 9,8%. По данным ФТС России, в 2015 г. произошли изменения в структуре российского импорта из Дании, связанные с резким сокращением (на 96%) объемов поставок молочной продукции (доля в общем объеме импорта сократилась с более чем 5% до менее чем 0,1%) и импорта мяса и пищевых мясных субпродуктов (на 95%). В целом в 2020 г. товарный импорт России из Дании составил 1,1 млрд долл., в том числе машины, оборудование и транспортные средства 46,1%, а химикаты 31,1%. На продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье все еще приходилось 15,2%, но более половины составляли поставки живых животных либо кормов для них (т.е. товары, не попавшие под «войну санкций»)⁹.

На фоне сокращения импорта продовольствия из самой Дании резко увеличились поставки рыбы и морепродуктов из ее автономных территорий – Фарерских островов и Гренландии, которые не попали под санкции (см. табл.). По данным российской таможенной статистики, экспорт в Россию с Фарерских островов в 2015 г. вырос на 60,3% до 277,2 млн долл. по сравнению с 2014 г. и на 147,8% по сравне-

нию с 2013 г., а экспорт Гренландии в 2015 г. вырос на 136,2% до 58,8 млн долл. и в 41 раз по сравнению с 2013 г.

Существуют существенные расхождения данных статистики Дании и Росстата, в основном связанные с оценкой поставок минерального топлива. Так, нефть отгружается из России по контрактам с Нидерландами, где действует нефтяная биржа в Роттердаме. В ходе транспортировки товара проходят торги на бирже в Роттердаме, в результате которых российская нефть, первоначально направленная по контрактам с компаниями, зарегистрированными в Нидерландах, может быть перепродана датским дилерам и доставлена в Данию, где таможня фиксирует ее как российскую. Таким образом, российская таможня фиксирует поставки российской нефти в Нидерланды, а датская – ее российское происхождение. Кроме того, российская статистика может зафиксировать их с задержкой. Датская статистика не учитывает российский газ, идущий транзитом через Данию в Великобританию по газопроводу «Северный поток-1». Российские таможенные органы могут учитывать транзитные поставки газа в Великобританию по промежуточному пункту назначения как экспорт в Данию. Наконец, данные датской статистики публикуются в датских кронах и разница статистических показателей накапливается при пересчете данных в доллары США.

В результате российских ответных мер около 340 датских молочных ферм, т.е. 10% хозяйств, оказались на грани банкротства. Импорт свинины в Россию в 2014 г. сократился на 55%. Сокращение продолжилось и в 2015 г. Из-за российского эмбарго потери только свиноводов в 2014 г. составили около 4 млрд крон.

9 Торговля между Россией и Данией в 2020 г. (2021) // Внешняя торговля России. 13 февраля 2021 // <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-daniy-v-2020-g/>, дата обращения 21.04.2021.

В настоящее время около 200 датских компаний имеют представительства и отделения в России, примерно 40 из них основали свое собственное производство. По данным ЦБ РФ, на начало 2020 г. датских прямых инвестиций в России было накоплено на сумму около 0,5 млрд долл., что на порядок меньше масштабов присутствия в Российской Федерации финляндского или шведского бизнеса. Накопленные российские прямые инвестиции в Дании, однако, составили около 1 млрд долл., что было заметно выше показателя по Швеции, хотя и меньше масштабов присутствия российских инвесторов в Финляндии. В целом активность российских инвесторов сдерживается политикой Дании в области налогообложения и высоким уровнем заработной платы¹⁰.

Российско-норвежские экономические связи

По традиции объем внешнеэкономических отношений между Норвегией и Россией не слишком велик. Масштабы экономических отношений между двумя странами определяют два фактора. Во-первых, это большие запасы нефти и газа и гидроэнергии в Норвегии (а это резко снижает возможности российского экспорта), во-вторых, узость внутреннего рынка и небольшие производственные мощности в Норвегии. Поэтому структура российского экспорта в Норвегию значительно отличается от поставок в большинство других стран Европы.

К тому же в результате резкого ухудшения отношений России и ЕС, которое выразилось во введении летом

2014 г. взаимных экономических санкций, к которым присоединилась и Норвегия, объем внешней торговли России и Норвегии заметно сократился.

В 2015 г. норвежско-российский товарооборот сократился почти наполовину по сравнению с 2013 г. (см. табл.). При этом российский экспорт остался примерно на том же уровне, а импорт сократился с 1,75 млрд долл. до 627 млн долл. В 2015–2017 гг. экспорт стабилизировался на уровне примерно 750 млн долл., а затем кратковременно увеличился до 2,8 млрд долл. в 2019 г. Импорт также стабилизировался на уровне около 650 млн долл. в 2015–2017 гг., а затем снизился до 500 млн долл. За 2020 г. товарооборот сократился более чем вдвое, в том числе российский экспорт – на 61,6% до 1088 млн долл. и импорт – на 10,5% до 452 млн долл. Минеральные продукты составили лишь 33,5% российского экспорта в Норвегию, зато продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (прежде всего жиры и масла, продукция мукомольно-крупяной промышленности и рыбная продукция) обеспечили 27,2% российского экспорта, а машины, оборудование и транспортные средства (главным образом продукция по разделу «суда, лодки и плавучие конструкции») – еще 19,2%. Импорт из Норвегии наполовину состоял из машин, оборудования и транспортных средств (51%), выделялись также продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (24%, причем доминировали корма для животных) и химикаты (11,9%)¹¹.

Полное прекращение экспорта рыбы привело к тому, что Норвегия оказалась в числе стран, наиболее сильно пострадавших от российских ответных мер. К концу 2017 г. совокупный ущерб

¹⁰ Подробнее о российско-датских экономических отношениях см.: [Волков, 2017, с. 80–90].

¹¹ Торговля между Россией и Норвегией в 2020 г. (2021) // Внешняя торговля России. 13 февраля 2021 // <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-norvegiiy-v-2020-g/>, дата обращения 21.04.2021.

от санкций, по оценкам норвежских экспертов, достиг не менее 2 млрд евро. От 25 до 40% предприятий ее рыбной отрасли резко сократили свои производственные мощности или приостановили работу¹².

Возможности российско-норвежского сотрудничества еще больше сократились в связи с введением ЕС и США антироссийских санкций, к которым Норвегия присоединилась с 21 марта 2014 г. Они, в частности, ограничивают поставки норвежских технологий для российской нефтегазовой отрасли. С 15 августа 2014 г. Норвегия установила порядок предварительного получения лицензий Министерства иностранных дел на экспорт товаров и технологий для российского нефтегазового комплекса и запретила их экспорт для использования при разведке и разработке нефти и газа на больших глубинах в Арктике и в проектах по разведке и разработке месторождений сланцевой нефти в России.

По данным ЦБ России, объем накопленных прямых норвежских инвестиций в России составлял на 1 января 2020 г. 285 млн долл., а российских в Норвегию – 442 млн долл. Однако достоверных статистических данных по ним нет. Это зависит от учета и контроля за инвестиционными потоками, которые могут поступать через офшоры. Норвежские компании могут расширять свой бизнес в России с привлечением инвестиций из третьих стран (так, норвежец Кнут Лангетейг создал фирму «Russia Baltic Pork Invest» для строительства свиногомплексов в России, 70% активов которой сначала принадлежали финской инвестиционной компании «CapMan Group», а затем – южнокорейской инвестиционной компании «CPF Ltd.»).

Оценить объем норвежских накопленных прямых инвестиций в России можно по стоимости активов, которые контролируются норвежскими инвесторами. По оценке экспертов, в 2015 г. объем накопленных прямых инвестиций в Россию, имеющих норвежское происхождение, был не менее 3,8 млрд долл., а в настоящее время – свыше 4 млрд долл.

Российская экономика не является приоритетным направлением для норвежских инвесторов. Это подтверждается тем, что за 2014–2015 гг. ни один норвежский инвестор не пришел в Россию, в то время как продали свои российские активы норвежские концерны DNB (в конце 2014 г.) и «Sparebank 1 Nord-Norge» (в начале 2015 г. с потерей примерно 40 млн долл.), «Orkla» (в начале 2014 г. со значительными потерями), «Telenor», а инвестор в коммерческую недвижимость «Storm Real Estate» продал один из двух принадлежавших ему российских офисных центров (в конце 2015 г. со значительными потерями). Затормозились инвестиционные проекты компаний «Nordic» (строительство ТРЦ «Нордик-Абинск» в Краснодарском крае) и «Jotun» (завод лакокрасочных материалов в Ленинградской области). С 2015 г. прекратила свою деятельность в России норвежская государственная компания SIVA, которая предоставляла бизнес-услуги. Создается впечатление, что норвежские компании после объявления санкций дружно покинули Россию, в отличие от компаний других северных стран.

Объем российских прямых инвестиций в Норвегию за последние годы был незначительным. Основные проекты взаимного экономического сотрудничества в Норвегии в последние годы

12 Леонидов И. (2018). Норвегия: и нашим, и вашим // Взгляд. 26 января 2018 // https://www.stoletie.ru/vzglyad/norvegija_i_nashim_i_vashim_953.htm, дата обращения 21.04.2021.

были связаны главным образом с добычей углеводородов¹³.

С 2014 г. произошло серьезное падение объемов российских экономических связей со всеми северными странами, особенно крупное в 2015–2016 гг. Последующее развитие продемонстрировало различную динамику. Если к концу 2010-х годов внешняя торговля с Финляндией и Швецией так и не достигла уровня 2013–2014 гг. (прежде всего из-за низких цен на нефть), то с Данией и Норвегией внешнеторговые показатели были превышены (за счет российского экспорта). 2020 г. принес новые проблемы – пандемию коронавируса и связанные с ней ограничения в передвижении товаров, услуг и людей, а также разрыв производственных цепочек, что оказало влияние и на внешнеэкономические связи, – и усугубил старые: новое резкое падение цен на нефть и новое снижение курса рубля. Из этого следует, что основным фактором изменения динамики хозяйственных связей была динамика цен на нефть и снижение обменного курса рубля, а санкции и российские ответные меры сыграли намного меньшую роль.

Список литературы

Волков А.М. (2015). Экономические отношения России со Швецией // *Международная экономика*. № 3. С. 46–52.

Волков А.М. (2016). Экономические отношения России с Финляндией на современном этапе // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 5. С. 165–181 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27124708_30302407.pdf, дата обращения 21.04.2021.

Волков А.М. (2017). Экономические отношения России и Дании на современном этапе // *Современная Европа*. № 3. С. 80–90 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-otnosheniya-rossii-i-danii-na-sovremennom-etape/viewer>, дата обращения 21.04.2021.

Волков А.М. (2018). Экономические отношения России и Норвегии на современном этапе // *Мировое и национальное хозяйство*. № 2–3(45). С. 3 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36322665_97265450.pdf, дата обращения 21.04.2021.

Волков А.М. (1) (2019). Экономика Норвегии. М.: МГИМО-Университет.

Волков А.М. (2) (2019). Экономика Швеции. М.: МГИМО-Университет.

Gullstrand J. (2018). What Goes Around Comes Around: The Effects of Sanctions on Swedish Firms in the Wake of the Ukraine Crisis. Working Paper 2018:28. Department of Economics, Lund University.

Hannonen O. (2019). Bordering Mobilities: The Case of Russian Trans-border Second-home Ownership in Finland // *Journal of Finnish Studies*, vol. 22, no 1–2, pp. 241–264 // <https://erepo.uef.fi/handle/123456789/7683>, дата обращения 21.04.2021.

Jääskeläinen J., Höysniemi S., Syri S., Tynkkynen V.-P. (2018). Finland's Dependence on Russian Energy-Mutually Beneficial Trade Relations or an Energy Security Threat? // *Sustainability*, vol. 10, no 3445, pp. 1–25. DOI: 10.3390/su10103445

Liuhto K. (2020). Foreign Economic Relations of Russia, Turku School of Economics. DOI: 10.13140/RG.2.2.22640.61447

Manakov A., Kondrateva S., Terenina N. (2020). Development of Cross-border Tourist and Recreational Regions on the Karelian Section of the Russian-Finnish

¹³ Подробнее о российско-норвежских экономических отношениях см.: [Волков, 2018, с. 3; Волков (1), 2019, с. 98–110].

Border // Baltic Region, vol. 12, no 3,
pp. 140–152 // <https://www.elibrary.ru/>

download/elibrary_44290922_52325875.
pdf, дата обращения 21.04.2021.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-10

Contemporary Foreign Economic Relations of Russia with the Countries of Northern Europe

Alexey M. VOLKOV

PhD in Economics, Head of the European Economics Sector at the Center for European Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: volkov@imemo.ru

ORCID 0000-0002-7632-8542

CITATION: Volkov A.M. (2021). Contemporary Foreign Economic Relations of Russia with the Countries of Northern Europe. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, vol. 14, no 3, pp. 176–188 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-10

Received: 28.02.2021.

ABSTRACT. *Recently new problems have arisen that have complicated Russia's foreign economic relations with foreign countries. The countries of Northern Europe were no exception. The economic situation in many countries was far from optimal. Problems with economy took place in the euro area. A significant drop in oil prices led to a slowdown in economic growth in the Russian Federation and a sharp decline of ruble exchange rate. Since 2014, various Western sanctions have emerged, followed by retaliatory sanctions from Russia. Against this background, the analysis of the dynamics of Russian economic relations with the Nordic countries is of particular interest. A sharp decline in foreign economic indicators occurred in 2015–2016. Subsequent development has shown different dynamics. On the one hand, by the end*

of the 2010s foreign trade with Finland and Sweden did not reach the level of 2013–2014 (primarily due to the decline in oil prices), but on the other, foreign trade indicators with Denmark and Norway were exceeded (due to Russian exports). Year 2020 brought new problems – the coronavirus pandemic and the associated restrictions on the movement of goods, services and people, as well as the rupture of production chains, which had an impact on foreign economic relations – and exacerbated the old ones: a new sharp drop in oil prices and a new depreciation of ruble. The article reveals the features of the general dynamics and commodity structure of foreign trade with each of the observed countries. The significant dependence of Russian exports, primarily on energy supplies, is considered in detail. Special attention is given to the general

dynamics of foreign direct investment in Russia. The problems of modern development of Russian export and import were analyzed.

KEYWORDS: *Russia, Finland, Sweden, Denmark, Norway, foreign trade, export, import.*

References

- Gullstrand J. (2018). *What Goes Around Comes Around: The Effects of Sanctions on Swedish Firms in the Wake of the Ukraine Crisis*. Working Paper 2018:28. Department of Economics, Lund University.
- Hannonen O. (2019). Bordering Mobilities: The Case of Russian Trans-border Second-home Ownership in Finland. *Journal of Finnish Studies*, vol. 22, no 1–2, pp. 241–264. Available at: <https://erepo.uef.fi/handle/123456789/7683>, accessed 21.04.2021.
- Jääskeläinen J., Höysniemi S., Syri S., Tynkkynen V.-P. (2018). Finland's Dependence on Russian Energy-Mutually Beneficial Trade Relations or an Energy Security Threat? *Sustainability*, vol. 10, no 3445, pp. 1–25. DOI: 10.3390/su10103445
- Liuhto K. (2020). *Foreign Economic Relations of Russia*, Turku: Turku School of Economics. DOI: 10.13140/RG.2.2.22640.61447
- Manakov A., Kondrateva S., Terenina N. (2020). Development of Cross-border Tourist and Recreational Regions on the Karelian Section of the Russian-Finnish Border. *Baltic Region*, vol. 12, no 3, pp. 140–152. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44290922_52325875.pdf, accessed 21.04.2021.
- Volkov A.M. (2015). Economic Relations between Russia and Sweden. *Mezhdunarodnaya ekonomika*, no 3, pp. 46–52 (in Russian).
- Volkov A.M. (2016). Contemporary Economic Relations between Russia and Finland. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no 5, pp. 165–181. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27124708_30302407.pdf, accessed 21.04.2021 (in Russian).
- Volkov A.M. (2017). Contemporary Economic Relations between Russia and Denmark. *Contemporary Europe*, no 3, pp. 80–90. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-otnosheniya-rossii-i-danii-na-sovremenno-etape/viewer>, accessed 21.04.2021 (in Russian).
- Volkov A.M. (2018). Contemporary Economic Relations between Russia and Norway. *World and National Economy*, no 2–3(45), p. 3. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36322665_97265450.pdf, accessed 21.04.2021 (in Russian).
- Volkov A.M. (1) (2019). *Economy of Norway*, Moscow: MGIMO-University (in Russian).
- Volkov A.M. (2) (2019). *Economy of Sweden*, Moscow: MGIMO-University (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-11

Кризис двустороннего экономического взаимодействия России и Испании

Кирилл Андреевич НИКУЛИН

младший научный сотрудник, Центр европейских исследований
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная
ул., д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: nikulin@imemo.ru
ORCID: 0000-0001-6314-0447

ЦИТИРОВАНИЕ: Никулин К.А. (2021). Кризис двустороннего экономического взаимодействия России и Испании // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 3. С. 189–208.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-11

Статья поступила в редакцию 12.02.2021.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается динамика и особенности торгово-экономического партнерства Испании и России с 2014 г. по настоящее время с учетом последних вызовов. Некогда многообещающая траектория развития двусторонней торговли и взаимных инвестиций подверглась значительным испытаниям: помимо санкционного давления стран коллективного Запада ситуация усложняется глобальными кризисными явлениями в мировой экономике, изменением конъюнктуры на мировых рынках товаров и услуг, пандемией COVID-19. В этих условиях изучение показателей российско-испанского торгово-экономического взаимодействия представляет интерес как с точки зрения формирования прогноза развития двусторонних экономических отношений, так и выделения тех отраслей, в сторону которых постепенно смещается акцент в торговле и инвестициях. Возникает вопрос: возможно ли возвращение к показателям двусторонней торговли и инвестиций, присущим российско-испанским

экономическим отношениям до введения санкций? Данные по стоимостному объему товарооборота, представленные российской и испанской национальными статистиками, расходятся незначительно по показателям общего товарооборота, однако имеют серьезные различия на уровне торгового баланса. На основе представленных статистических баз данных автором статьи приведены возможные причины таких расхождений и рассмотрена общая динамика состояния внешней торговли между Россией и Испанией. Помимо констатации негативных тенденций, сложившихся во внешней торговле, указывается на проблемы в инвестиционном сотрудничестве, которое еще недавно считалось одним из «оплотов» двустороннего взаимодействия в условиях санкционного давления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, Испания, внешняя торговля, инвестиционное сотрудничество, дипломатические связи, кризис двустороннего взаимодействия, санкции, COVID-19.

Общая характеристика современного этапа российско-испанских отношений

Современные торгово-экономические отношения России и Испании скромны и не отвечают имеющемуся у стран потенциалу двустороннего взаимодействия. Гораздо более явно в отношениях ощущается санкционная составляющая и ухудшившаяся политическая конъюнктура, поставившая обе страны по разные стороны геополитических баррикад.

До мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. российско-испанские экономические отношения демонстрировали устойчивое развитие. С 1995 по 2008 г. объем торговли между двумя странами вырос в 7,4 раза и превысил 10 млрд евро. Российский экспорт стабильно превышал импорт, обеспечивая российской стороне положительное внешнеторговое сальдо. Только в 2005–2008 гг. его суммарный размер составил почти 20,5 млрд евро [Яковлев (1), 2020, с. 178]. Взаимные прямые иностранные инвестиции (ПИИ), несмотря на скромные показатели¹ первого десятилетия XXI в., тем не менее демонстрировали устойчивый рост [Sánchez Andres, Shkolyar, Teperman, 2008]. Политико-дипломатические связи традиционно оставались на высоком уровне благодаря многочисленным двусторонним инициативам [Simão, 2011].

Наиболее значимые изменения произошли после введения взаимных санкций, и, хотя Испания не входила в число инициаторов санкционной политики, она как член ЕС была вынуждена поддерживать санкционные меры в отношении России и подверглась российским контрсанкциям, результатом чего стало значительное падение товарооборота между двумя странами. Взаимное введение

санкций нанесло ущерб экономикам обеих стран: двусторонним торгово-экономическим отношениям пришлось приспособливаться к новым, совершенно неожиданным в контрасте с первым десятилетием реалиям [Авилова, 2017]. Даже финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. нанес не столь серьезный урон двустороннему экономическому партнерству в условиях сложившегося крайне тяжелого положения внутри Испании. Помимо негативного политического фона, существенное влияние на торгово-экономические показатели между Испанией и Россией во второй половине 2010-х годов оказала глобальная экономическая конъюнктура, а именно колебания курсов валют и падение цен на нефть.

В 2020 г. неожиданно появился COVID-19, нанесший вкупе с усложнением политических отношений на фоне непрекращающегося обсуждения коллективным Западом введения новых санкций очередной удар по экономическому взаимодействию Мадрида и Москвы, которое из-за отсутствия каких-либо значимых взаимных экономических и политических инициатив и так не способствовало росту торговли и ПИИ. Объем ПИИ между странами упал до нулевых отметок (см. табл. 3 и 4), а постепенно приходящая в себя с 2016 г. торговля товарами и услугами вновь откатилась к показателям 2015 г. (см. табл. 1).

Совокупность представленных обстоятельств привела к возникновению высокого уровня неопределенности в отношениях двух стран на экономическом и политическом уровнях. При этом последний, на наш взгляд, оказывает детерминирующее негативное воздействие на современное состояние и ближайшее будущее двусторонних экономических связей.

1 Всего – около 1,5 млрд евро с доминированием Испании (1,35 млрд евро).

Косвенным, но тем не менее наглядным событием, подтверждающим представленный тезис, явился визит главы дипломатии Евросоюза Жозепа Борреля в Москву 5 февраля 2021 г. на встречу со своим российским коллегой Сергеем Лавровым. Испанский политик из правящей Испанской социалистической рабочей партии, которая заняла лидирующую позицию внутри социал-демократического блока ЕС по результатам выборов в Европарламент в 2019 г. [Никулин, 2019], де-юре являясь «рупором» Евросоюза, де-факто сохраняет обширное влияние на позицию национального правительства и деловых кругов Испании.

По итогам встречи Ж. Боррель на пленарном заседании Европарламента 9 февраля 2021 г. заявил о возможности воспользоваться правом инициировать новые санкции в том числе ввиду «незаинтересованности России в восстановлении отношений с ЕС» [Russia: Speech by High Representative 2021]. По словам Борреля, ЕС стоит на развилке дальнейшего развития отношений с Россией и должен принять решение века – двигаться к сотрудничеству или к поляризации отношений. Предложение испанского политика такого уровня конкретных идей о введении санкций является беспрецедентным событием в двусторонних отношениях Москвы и Мадрида и может серьезно повлиять на восприятие России в испанских деловых кругах, чувствительных к негативной оценке российского политического климата.

Торгово-экономические отношения России и Испании

С одной стороны, в сложившихся неблагоприятных условиях показатели российско-испанских торгово-эко-

номических отношений с 2014 г. значительно ухудшились и составляют в лучшем случае третью часть от уровня 2011–2013 гг. по отдельным отраслевым направлениям торговли и инвестиций. Экономическая составляющая отношений (см. табл. 1, 3) постепенно приобрела фатальный характер, катализатором чего выступили политические разногласия по целому блоку чувствительных для коллективного Запада вопросов.

С другой стороны, из Мадрида как со стороны бизнес-сообщества, так и из среды научных кругов [Sánchez Andres, 2016] и части политического истеблишмента неоднократно на протяжении усиливающегося санкционного давления доносились отдельные призывы к необходимости восстановить двустороннее взаимодействие, в частности, посредством проведения российско-испанских деловых форумов, отделенных от политических коннотаций и способствующих сохранению потенциала возврата к былым рекордным показателям. Тем не менее основная проблема таких форумов заключалась в недостаточности реальных принимаемых усилий в связи с низкой заинтересованностью и медлительностью обеих сторон в продвижении подобных инициатив [Yakovlev, 2011]. Так, постепенно ушло в небытие «Партнерство для модернизации», предложенное сторонами в 2009 г., а на официальном сайте Российско-испанского делового совета Торгово-промышленной палаты РФ (РИДС), организованного в апреле 2016 г. под руководством председателя правления ПАО «Новатэк» Л.В. Михельсона (с испанской стороны – президента «Técnicas Reunidas» Хосе Льядо), первая и последняя новость датируется апрелем 2016 г.²

2 РИДС (2021) // <http://rus-esp.tpprf.ru/ru/#zasedaniya>, дата обращения 05.02.2021.

Из сохранившихся форматов взаимодействия деловых кругов двух стран необходимо выделить Межправительственную смешанную Российско-испанскую комиссию по экономическому и промышленному сотрудничеству и несколько отраслевых рабочих групп, однако и здесь встречи проходят нерегулярно³ и зачастую носят рекомендательный характер, ограничиваясь декларациями о намерениях и меморандумами о взаимопонимании, хотя и посещаются чиновниками высокого уровня.

В соответствии с данными, представленными в табл. 1, в 2019 г. стоимостной объем российско-испанского товарооборота достиг 6,2 млрд долл. При этом испанский экспорт в Россию составил 2,3 млрд долл., а импорт 3,9 млрд долл. – наиболее высокие для санкционного периода с 2015 г. показатели. Сальдо внешней торговли между странами традиционно остается положительным в пользу России – 1,6 млрд долл.

Согласно испанской экономической статистике, в 2019 г. Испания, будучи четвертой экономикой ЕС, стала лишь 13-й страной среди ЕС-28 по объему экспорта товаров в Россию и 9-й – по объему импорта российских товаров при общей доле России среди внешнеторговых партнеров Испании около 1%. Необходимо отметить позитивный тренд в российском экспорте товаров при сохранявшейся на отметке выше 60 долл. цены на нефть. Доля испанского экспорта к импорту в торговле с Россией с 2016 г. составляет 60–80%. Представляется, что с началом закупок российского СПГ в 2019 г. испанский дефицит постепенно станет еще выше.

Российский экспорт в Испанию остается слабодиверсифицированным. Основная доля российского экспорта в 2019 г. по-прежнему приходилась на две товарные группы: энергоносители (78% от общего объема экспорта) и металлы, в частности алюминий (8%). Доля продукции химической промышленности составляла порядка 6% (в основном минеральные удобрения и синтетический каучук), сельскохозяйственных и продовольственных товаров – 4% (комбикорма, пшеница и рожь). Объем поставок машин, оборудования и транспортных средств, хоть и увеличивался в абсолютном выражении, оставался на уровне 0,3% [Яковлев (2), 2020]. В целом ситуация мало изменилась как по абсолютным, так и относительным показателям.

Товары из России поступают в Испанию в основном морским путем: минеральные продукты на танкерах доставляются на нефтеперерабатывающие заводы ведущих испанских нефтегазовых транснациональных корпораций (ТНК) «Repsol» и «Cepsa» (в Картахене, Бильбао, Таррагоне, Кадисе) и английской «BP» (в Кастельоне).

Падение цен на нефть в 2020 г. из-за мировой конъюнктуры значительно снизило стоимость испанского импорта из России (на 23,8%) за период с января по август 2020 г. по сравнению с предыдущим годом.

Испанский экспорт в Россию в 2019 г. традиционно состоял из предметов одежды (17,2%), машин и оборудования (11,2%), автотранспорта (11%), эфирных масел и парфюмерии (4,7%), консервированных овощей и фруктов, соков (4,3%), керамических изделий (3,9%), каучука и его производных (3,8%). Испанский экспорт

3 Стоит отметить, что нерегулярный характер встреч в значительной степени связан с политической нестабильностью и многочисленными выборами в Испании. Последнее пленарное заседание Смешанной комиссии состоялось 29 мая 2017 г. в Москве.

Таблица 1. Динамика экспорта, импорта и товарной структуры торговли Испании и России в 2006–2020 гг., млн долл. США**Table 1.** Dynamics of exports, imports and commodity structure of trade between Spain and Russia in 2006–2020, mln US dollars

Год		Всего	Продовольственные товары	Энергоносители	Полуфабрикаты*	Машины и оборудование	Автомобили	Промышленные потребительские товары
2006	Э	1906	463	5	447	406	261	208
	И	9331	123	7678	927	59	2	24
2007	Э	2881	590	3	595	583	643	308
	И	10811	111	9132	981	58	1	28
2008	Э	4195	729	4	751	1013	1039	416
	И	11209	117	9452	916	62	0	26
2010	Э	2636	746	10	595	548	305	297
	И	8020	71	6983	650	17	1	16
2012	Э	3790	1011	5	875	705	616	428
	И	10384	409	9183	464	17	3	22
2014	Э	3447	563	9	1092	851	277	530
	И	8040	168	7050	461	26	6	52
2015	Э	1853	261	3	613	388	113	396
	И	3724	124	2792	585	14	5	35
2016	Э	1771	262	3	563	315	162	390
	И	3452	134	2700	462	16	5	30
2017	Э	2164	298	4	679	400	232	474
	И	3629	114	2900	460	25	4	24
2018	Э	2394	306	3	764	491	225	500
	И	3574	228	2557	582	39	41	36
2019	Э	2294	308	3	707	465	174	522
	И	3895	129	3032	558	30	19	23
2020 (П)	Э	1973	226	2	569	470	165	440
	И	2737	147	2083	382	24	10	21

* Цветные и черные металлы, химическая продукция.

Источник: составлено автором на основе базы данных ПИИ Global Invetx Министерства промышленности, торговли и туризма Испании, 1995–2021 // https://globalinvetx.comercio.gob.es/#wgSerieinvCountry_0-KPI, дата обращения 10.04.2021.**Примечания:** Э – экспорт; И – импорт. 2020 г. – предварительные данные. Используемая классификация товаров является универсализированным инструментом испанской базы данных (на основе номенклатуры CUCI (clasificación uniforme del comercio internacional, с использованием OLAP-кубов) по сравнению со специфическими для ЕС и национальных экономик Союза номенклатурами TARIC, CNAE или российским ТН ВЭД ЕАЭС. Режим доступа – datacomex.comercio.es

более диверсифицирован по сравнению с российским.

Важным направлением испанского экспорта, впрочем как и импорта из России, остается химическая продукция, которой удалось избежать резких падений, подобных наблюдаемому в автомобильной промышленности. Среди полуфабрикатов значительный объем испанского экспорта приходится на пластмассовые изделия (поликарбонаты), медицинские препараты, а также керамическую глазурь. Среди испанских ТНК особую нишу в России занимает испанская группа компаний «Rosa», специализирующаяся на производстве сантехники, керамики и строительных материалов.

На величине испанского экспорта в Россию сказалась девальвация российской валюты с начала 2020 г. По испанским данным, экспорт из страны в период с января по ноябрь 2020 г. снизился на 9,4% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Сокращение экспорта испанского продовольствия на 60% в связи с ответными санкциями России в отношении агропродовольственных товаров из ЕС и понижением курса рубля привело примерно к 12%-ному падению общего объема экспорта по сравнению с 2014 г. при прочих равных условиях⁴. Но некоторая общая восстановительная тенденция в экспорте испанских товаров в Россию наблюдается с 2016 г., хотя это-

го недостаточно для восстановления имевшихся показателей до введения взаимных санкций.

Согласно данным Федеральной таможенной службы (ФТС) России (см. табл. 2), показатели товарооборота в большинстве случаев не слишком сильно расходятся с внешнеторговой испанской статистикой. Доля Испании во внешнеторговом обороте России составляла 0,9% в 2019 г., что подтверждает несущественность российско-испанской торговли с точки зрения позиции Испании в ЕС.

До 2014 г. данные об импорте Россией испанских товаров и экспорте российской продукции практически не отличаются от данных, представленных испанской статистикой, однако с 2014 г. наблюдается резкое изменение, при котором традиционный торговый дефицит Испании исчез и испанский экспорт стал доминировать.

С одной стороны, с 2014 г. речь идет о завершении «товарного суперцикла»⁵ и постепенной девальвации рубля, с другой стороны, и в отношении Испании из-за санкционной политики были введены значительные ограничения на импорт продовольственных товаров, составлявших значительную часть товарооборота.

В качестве возможного объяснения расхождений в статистических данных, помимо разницы в методологических подходах к подсчету⁶, разной класси-

4 В силу своей торговой специализации Испания оказалась в числе стран – членов Европейского союза, наиболее явно пострадавших от российских контрсанкций. С 2015 г. такие товары, как фрукты, овощи, рыба, мясо и молочные продукты, почти полностью перестали импортироваться в Россию. Лишь по нескольким товарным позициям испанского экспорта в секторе продовольствия и напитков удалось избежать драматичных падений и даже нарастить объемы поставок на российский рынок. Среди таких товаров оказались злаки и масла, консервы (в частности, оливки и маслины), а также алкогольные напитки (вина и бренди) – в совокупности на эти продукты приходится более 60% испанского экспорта в Россию.

5 Высокие темпы роста спроса на сырьевые товары в период 2000–2014 гг.

6 В России используется «общая» система учета торговли в соответствии с рекомендациями ООН, в Испании – «специальная». Товары, ввезенные в ЕС и находящиеся в режиме свободного склада, учитываются в статистике только после выпуска в свободное обращение, тогда как российский экспорт ориентируется на момент выпуска товара – в итоге одни и те же товары учитываются в разное время.

Таблица 2. Товарооборот России с Испанией (в фактически действовавших ценах, млн долл.)**Table 2.** Trade turnover between Russia and Spain (actual prices, in mln US dollars)

Год	2006	2007	2008	2010	2012	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Экспорт	3343	4325	5061	4049	5721	4579	2683	1951	2211	2361	2558	1674
Импорт	1952	3200	4269	3034	4914	4343	2824	2451	3128	3398	3321	3075
Товарооборот	5295	7525	9330	7083	10635	8922	5507	4402	5339	5759	5879	4749

Источник: составлено автором по базе данных ТСВТ Федеральной таможенной службы России // <http://stat.customs.ru/> / дата обращения 10.04.2021.

фикации товаров и варьирования значений Инкотермс⁷, может выступать обычная практика экспорта или импорта товаров через третьи страны.

Данные ФТС могут отражать импорт такого испанского товара, который регистрируется на таможне, даже если его конечным пунктом назначения является другая страна (несмотря на строгие методологические ограничения в области транзитных товаров, существуют механизмы их учета, например, внутренняя переработка или ввоз на срок более одного года). Кроме того, по международным стандартам импорт учитывается по стране происхождения товара. Даже если машины и оборудование или мебель испанского производства были привезены из Италии, в российском товарообороте это будет учитываться как торговля с Испанией.

Что касается экспорта товаров, следует понимать, что расхождения российской статистики с данными европейских партнеров – обычная практика, зачастую не имеющая под собой нарушений внешнеторгового законодательства. Например, значительные объемы российских энергоресурсов направляются на биржу в Нидерландах.

А Нидерланды в информации о своем импорте отражают существенно меньший объем поставок из России [Невская, 2017]. В 2018 г. расхождение составило 16,9 млрд долл. Дело в том, что российские товары перегружаются в порту Роттердам и далее транзитом через Нидерланды направляются в другие страны. Их конечный пункт назначения можно определить при сопоставлении показателей внешней торговли России с аналогичными данными этих стран⁸.

В российско-испанских торгово-экономических отношениях Россия остается нетто-импортером испанских услуг. В 2019 г., согласно данным Национального института статистики Испании (INE), Испания экспортировала в Россию услуг (без учета туристических) на 411 млн евро, что меньше на 50 млн евро показателя 2015 г., а количество компаний-экспортеров увеличилось на 44% (2204 испанские компании) [INE, 2021]. Доля России составляет лишь 0,56% от общего объема экспорта испанских услуг, что крайне мало для развития деловых отношений, поскольку сектор бизнес-услуг (29,1% в торговле с Россией) Испании является одним из лидирующих в глобальных масштабах

7 Международные правила в формате словаря, обеспечивающие однозначные толкования наиболее широко используемых торговых терминов в области внешней торговли частного характера прежде всего относительно франко (англ. free – «очистки») – места перехода ответственности от продавца к покупателю.

8 Константинов А. (2019). Коварная статистика: откуда расхождения в данных о внешней торговле // РБК. 18 июня 2019 // <https://www.rbc.ru/opinions/economics/18/06/2019/5d07b0479a794756ffabd7a4>, дата обращения 15.01.2021.

и позволил бы сопровождать постепенный рост и диверсификацию двустороннего товарообмена. Компьютерные и информационные услуги, транспортные услуги, которые предоставляет Испания российской стороне, также составляют значительную часть экспорта (около 30 и 15% соответственно).

С 2014 г. экспорт российских нетуристических услуг в Испанию в среднем составлял около 100 млн евро ежегодно (206 млн евро в 2014 г. и 137 млн евро в 2019 г., что остается незначительным показателем при большом двустороннем торговом потенциале) [INE, 2021]. Отраслевая статистика российско-испанской торговли услугами в национальных базах данных отсутствует, особенно в период позднее 2017 г. Тем не менее представляется очевидным, что российский капитал в секторе услуг Испании детерминирован прежде всего туризмом.

Российский туризм в Испанию в 2019 г. демонстрировал заметный рост: королевство посетили 1,3 млн российских туристов. Согласно INE, в 2020 г. число российских туристов, посетивших Испанию, сократилось почти на 93% [INE, 2021]. Не принимая во внимание беспрецедентное для туризма влияние пандемии, спровоцировавшей непрекращающуюся череду новых локдаунов, а следовательно, асинхронность в принятии решений по открытию границ, именно туризм в любой временной перспективе представляется наиболее стабильным и развитым направлением российско-испанского взаимодействия.

Интерес россиян к испанской культуре и языку демонстрирует ежегодный рейтинг Country RepTrak, оценивающий репутацию страны в глазах иностранцев и опубликованный Королевским институтом Элькано в конце 2020 г. Российская сторона оценивает привлекательность Испании в 79 пунктов и по этому

показателю практически догоняет лидера рейтинга – Великобританию (82 пункта) [España: imagen y marca, 2020].

В тяжелейших для большинства стран мира условиях пандемии COVID-19 в 2020 г. испанская туристическая отрасль потеряла почти 65 млн иностранных туристов, а доходы от туризма упали до 19,7 млрд евро. По данным INE, страна приняла только 19 млн иностранных туристов, что на 77% меньше, чем годом ранее. Подавляющее большинство из них – граждане ЕС. Иностранцы потратили в стране на 78,5% меньше показателя 2019 г. Согласно последним доступным данным, средний показатель трат иностранных туристов в Испанию в 2018 г. составлял 1882 евро с человека, при этом аналогичный показатель среди российских туристов за первые восемь месяцев 2018 г. составлял 1480 евро.

Предполагается, что открытие испанских границ начнется с третьего квартала 2021 г., когда будут отменены меры по ограничению мобильности и коммерческой деятельности из-за коронавируса в связи с массовой вакцинацией населения. «Во второй половине года будет наблюдаться восстановление потребления домашних хозяйств» после стагнации спроса на товары и услуги, что будет стимулировать коммерческую активность, отмечает профессор прикладной экономики и директор Центра экономической политики и регулирования Университета Сан-Пабло Хавьер Морильяс [Velarde, 2021].

Российско-испанское инвестиционное сотрудничество

Инвестиционное сотрудничество России и Испании всегда олицетворяло феномен «bottleneck» (узкое место). С одной стороны, потенциал роста вза-

имных ПИИ между Россией и Испанией велик. В 2000-х годах Россию характеризовали высокие темпы роста экономики и значительная инвестиционная привлекательность российских ТНК. Крупные капиталы развитых стран мира начали постепенно проникать на российский корпоративный рынок, однако Испания, будучи одним из крупнейших экспортеров ПИИ в мире, осталась в стороне [Яковлев (1), 2020], «не заметив» инвестиционного бума, характерного для российского рынка в период экстремально высоких цен на энергоносители [Школяр, 2009].

В свою очередь крупные российские капиталы, имеющие перспективы на испанском рынке, сформировались ко второй половине 2010-х годов, однако представляется, что недостаточная степень институционализации процесса инвестирования, распыленность капиталов и их повальное стремление заходить через офшорные юрисдикции не позволили материализоваться в солидный объем чистых российских ПИИ в Испании и сформировать пулу российских корпоративных игроков на пиренейском рынке.

В качестве базы данных по объему и потокам российско-испанских взаимных ПИИ был выбран недавно созданный Министерством промышленности, торговли и туризма Испании портал Global Invex ввиду наглядности предоставления информации, методологической лаконичности и интерактивности в выборе характеристик ПИИ.

В качестве единиц анализа потоков российско-испанских ПИИ выбраны показатели валовых инвестиций, чистых инвестиций и так называемых инвестиций ETVE – холдинговых компаний. Чистые инвестиции состоят из валовых инвестиций за вычетом изъятых капиталов (включая переводы между резидентами и нерезидентами,

частичные расчеты, а также роспуск и банкротство предприятий). Инвестиции, практикующиеся холдинговыми компаниями, преследуют лишь налоговые цели, поэтому их часто называют непроизводственными инвестициями [Spanish Tax Alert, 2015].

Ежегодные потоки российских ПИИ в Испанию в 2006–2019 гг. демонстрируют рост абсолютных показателей (до 246 млн евро в 2019 г.), однако это все еще остается крайне низким результатом относительно других европейских стран (см. табл. 3).

По имеющимся данным, Россия занимала 41-е место в рейтинге экспортеров ПИИ в Испанию в 2018 г. с общим объемом накопленных инвестиций 472 млн евро (0,1%). Традиционно большая часть чистых российских инвестиций в Испанию направлена на операции с недвижимостью (покупка, строительство) в таких автономных сообществах Испании, как Валенсия, Каталония и Андалусия. Культурный интерес россиян к Испании способствует устойчивой покупке жилой недвижимости.

Согласно докладу Испанского института внешней торговли и инвестиций (ICEX) [Galán, 2020], с 2015 по 2019 г. доля российских капиталовложений в испанскую недвижимость составляла более 3% от общего числа сделок купли-продажи в Испании (после достижения исторического рекорда в 4677 сделок в 2014 г., что обеспечило российским инвестициям в недвижимость первое место среди иностранных ПИИ неевропейского происхождения в этот сектор и долю около 7%). В настоящее время Российская Федерация является третьей страной (без учета ЕС-27 и Великобритании) после Марокко и Китая по ПИИ в испанскую недвижимость. Золотая виза (дающая вид на жительство), предоставляемая иностранцам, которые инвестируют в недвижимость на сумму не менее 500 тыс.

Таблица 3. Ежегодный поток российских ПИИ в Испанию в 2006–2019 гг., млн евро
Table 3. Russian FDI outflows to Spain in 2006-2019, mln euro

Год	Валовые ПИИ	Чистые ПИИ	ПИИ холдинговых компаний (ETVE)
2006	79,7	79,2	0,0
2007	19,5	18,9	0,7
2008	14,6	14,4	0,0
2010	25,7	25,5	0,0
2012	41,9	41,6	0,0
2014	44,7	43,1	0,0
2015	58,4	52,9	0,0
2016	49,6	47,5	28,5
2017	52,4	40,0	0,0
2018	111,3	108,0	0,0
2019	245,6	236,7	0,0
2020	4,5	2,7	0,0

Источник: составлено автором на основе базы данных ПИИ Global Invetx Министерства промышленности, торговли и туризма Испании, 1995–2021 // https://globalinvex.comercio.gob.es/#wgSerieinvCountry_0-KPI, дата обращения 10.04.2021.

евро, стала особенно популярным инструментом среди россиян (24% от общего числа выданных виз, второе место после Китая).

В 2019 г. средняя цена квадратного метра испанской недвижимости в российских капиталовложениях второй год подряд составляла более 1800 евро / м² и с 2015 г. выросла на 9%. В 2019 г. Испания оставалась главным иностранным направлением для российских ПИИ в зарубежную недвижимость. Ключевыми факторами, влияющими на динамику российских ПИИ в испанскую недвижимость, с 2014 г. остаются экономическое положение российского среднего класса, динамика курса рубля и состояние политического и экономического диалога с Европейским союзом [Кузнецов, 2020].

С марта 2020 г. на иностранный спрос на испанскую недвижимость по-

вливали ограничительные меры, введенные в большинстве стран, и ограничения на мобильность, которые затруднили въезд потенциальных инвесторов в страну. Тем не менее согласно исследованию, проведенному аналитиками консалтинговой компании «Knight Frank», спрос на недвижимость за рубежом со стороны российских граждан во время пандемии вырос на 20% [64% экспатов..., 2020]. Основным регионом назначения для этих инвестиций была Европа, преимущественно Италия, Испания и Кипр, с увеличением спроса более чем на 50% благодаря значительным скидкам в этих странах. Это свидетельствует о том, что критическое падение сделок в 2020 г. может быстро восстановиться уже в 2021 г. и даже стать рекордным за счет отложенного спроса.

Инвестиции конкретных российских компаний в годовом разрезе очень

сложно отследить по представленным базам данных, поскольку зачастую лишь крупные российские компании заявляют о намерении инвестировать в Испанию, что сопровождается информационным освещением события российским торговым представительством в Мадриде.

Другую сложность в систематизации российских инвестиций и оценке их воздействия на состояние российско-испанских экономических отношений обусловливает национальная регистрация крупного российского бизнеса – зачастую это привлекательные с точки зрения налогового законодательства европейские государства и офшоры.

Согласно испанской статистике, увеличение российских ПИИ в страну в последние годы связано в том числе с покупкой в 2017–2019 гг. 70% акций сети испанских супермаркетов «Dia» (7,4 тыс. магазинов и 42,6 тыс. сотрудников компании) инвестиционной компанией «LetterOne»⁹, принадлежащей российскому миллиардеру Михаилу Фридману.

В октябре 2019 г. Национальная судебная коллегия Испании начала расследование по иску против Фридмана и «LetterOne» по подозрению о причастности компании Фридмана к падению акций с целью их приобретения по цене ниже рыночной. 18 января 2021 г. судопроизводство было прекращено, Фридман был освобожден испанским судом от ответственности, поскольку суд пришел к выводу, что «непрерывное падение стоимости акций было связано с развитием бизнеса, являлось следствием плохого управления

компанией или неудовлетворительной коммерческой и инвестиционной политики»¹⁰. Сам миллиардер считает себя главным пострадавшим от падения котировок ритейлера. «Я самая большая жертва краха акции «Dia», мы вложили в компанию 1,6 млрд евро», – заявил Фридман в интервью испанской газете «El País»¹¹. По состоянию на 2021 г. бизнесмен планирует восстанавливать перспективную, по его словам, сеть испанских супермаркетов.

В конце 2020 г. также было приостановлено судопроизводство в отношении Фридмана по делу о банкротстве испанской IT-компании «Zed Worldwide». Российскому миллиардеру в 2016 г. были выдвинуты аналогичные обвинения – рейдерство, которое привело к банкротству испанской компании.

Достаточно крупные производственные инвестиции (6,25 млн евро) связаны с открытием в конце 2018 г. российской кондитерской холдинговой компанией «Uniconf» («Объединенные кондитеры»¹²) первого завода за пределами России – в Санта-Крус-де-Тенерифе (Канарские острова, действует свободная экономическая зона). В настоящее время более 100 человек работают на открытой производственной линии. В планах у российской компании – открытие дополнительных линий и расширение штата сотрудников.

Ежегодный поток испанских ПИИ в Россию достаточно явно коррелирует с санкционным давлением стран Запада (см. табл. 4).

К 2018 г. объем накопленных испанских инвестиций в Россию составил 826 млн евро. В этом же году объем

9 «LetterOne» — международный инвестиционный холдинг со штаб-квартирой в Люксембурге, основанный в июне 2013 г.

10 Суд в Испании решил, что Михаил Фридман не причастен к падению акций ритейлера «Dia» (2021) // ТАСС. 18 января 2021 // <https://tass.ru/ekonomika/10482045>, дата обращения 01.02.2021.

11 Jiménez M. (2019). Yo soy la mayor víctima del hundimiento de la acción de Dia // El País, Octubre 28, 2019 // https://elpais.com/economia/2019/10/27/actualidad/1572199498_376966.html, дата обращения 10.01.2021.

12 Входят бренды «Красный Октябрь», «Бабаевский», «Рот Фронт», информация про испанский филиал доступна на сайте <https://www.uniconf.com.es/uniconf/>

Таблица 4. Ежегодный поток испанских ПИИ в Россию в 2006–2019 гг., млн евро
Table 4. Spanish FDI outflows to Russia in 2006-2019, mln euro

Год	Валовые ПИИ	Чистые ПИИ	ПИИ холдинговых компаний (ETVE)
2006	101,3	101,3	0,0
2007	335,1	335,1	0,0
2008	205,8	205,8	0,0
2010	78,8	45,2	0,0
2012	36,8	36,8	0,0
2014	123,6	123,6	33,1
2015	64,5	64,5	0,0
2016	43,5	14,9	36,3
2017	0,6	-0,3	0,0
2018	4,3	-171,7	0,0
2019	17,2	17,2	0,0
2020	0,1	0,1	-0,1

Источник: составлено автором на основе базы данных ПИИ Global InveX Министерства промышленности, торговли и туризма Испании, 1995–2021 // https://globalinveX.comercio.gob.es/#wgSerieInvCountry_0-KPI, дата обращения 10.04.2021.

чистых ПИИ ушел в отрицательные значения, что свидетельствует об изъятии капиталов. Согласно российской статистике, Испания занимает 36-е место среди иностранных инвесторов в Россию (0,12% от накопленных ПИИ).

Испанские компании, разместившие предприятия или филиалы в России до санкций, как правило, реинвестируют часть прибыли, а не привлекают ресурсы из Испании, поэтому эти инвестиции не подпадают в разряд чистых. В качестве примера таких компаний испанская статистика приводит «Соехрап» (упаковка пищевых продуктов), «Grupo Fuertes» («Procavi»)¹³ и вышеупомянутую «Rosa».

В декабре 2006 г. компания «Экструзионные технологии» (предприятие по

производству полистирольной и полипропиленовой ленты, применяемой в термо- и вакуум-формовании) стала частью испанской группы компаний «Соехрап». В 2017 г. «Соехрап» приобрела 4 гектара земли на территории индустриального парка «Котово» в Подмоскowie, на котором построила завод по производству экологически безопасной упаковки для пищевых продуктов в 2019 г. В настоящее время на нем работают 57 сотрудников. Инвестиции в проект составили около 850 млн руб., на первом этапе будет выпускаться полимерная лента для упаковки и хранения молочных продуктов, десертов, мороженого и других изделий. Продукция «Соехрап» экспортируется по всему миру, ей пользуются компании-

¹³ Испанская компания «Grupo Fuertes» – лидер по производству и продаже мяса индейки не только в Испании, но и крупнейший поставщик мяса индейки в 75 странах мира.

лидеры в секторе молочной промышленности – «Danone», «Campina», «Müller», «Nestle», «Parmalat», «Yoplait»¹⁴.

С 2012 г. «Grupo Fuertes» совместно с российской группой «Черкизово» реализуют проект в рамках созданного альянсом совместного предприятия «Тамбовская индейка». Согласно отчетам испанской группы, в 2017 г. «Тамбовская индейка» стала вторым по величине производителем индейки в России, а по результатам 2018 г. стала лидером по продажам индейки в Москве (43%) и Санкт-Петербурге (52%). Первая очередь предприятия по производству мясного фарша и разнообразных полуфабрикатов из индейки была введена в эксплуатацию в 2015 г. (с общим объемом инвестиций порядка 125 млн евро), вторую планируется ввести в 2021 г. (предполагается вложение более 50 млн евро). На предприятии уже трудятся 1150 человек, а с введением новой очереди число рабочих мест планируется расширить еще на 250. По оценке, работа строящейся очереди предприятия позволит увеличить производство на 50% – до 85 тыс. тонн мяса в год.

«Rosa Group» – один из мировых лидеров в области дизайна, производства и продажи сантехники и других товаров для ванных комнат. В настоящее время она имеет 75 производственных центров и представлена более чем в 135 странах на пяти континентах. ООО «Роска Рус» – дочернее предприятие «Rosa Group», лидер российского рынка оборудования для ванных комнат и, к тому же, первая испанская компания по объему инвестиций (порядка 150–200 млн евро, основной объем чистых инвестиций пришелся на период до 2012 г.).

В настоящее время «Rosa» владеет семью заводами в России, на которых работает более 2500 человек. Это заводы, выпускающие сантехническую керамику (Тосно, Чебоксары, Новочебоксарск и Воротынск в Калужской области), завод по изготовлению акриловых ванн, производитель мебели для ванных комнат «Акватон» в Подмоскowie. По данным Интерфакс СПАРК, в 2016 г. оборот предприятий, входящих в холдинг, превысил 10 млрд руб.

Традиционно «мерилом» испанского бизнеса в России служит деятельность крупнейшей испанской компании в сфере модной индустрии «Inditex» (в этот холдинг входят «Zara», «Bershka», «Massimo Dutti», OYSHO и др.)¹⁵. В 2018 г. эта испанская ТНК заключила несколько контрактов на производство одежды на базе нескольких российских швейных фабрик. По состоянию на начало 2020 г. в России было свыше 550 торговых точек этой группы. Российский импорт текстильной продукции, одежды и обуви из Испании выделялся устойчивым ростом (с 281 млн долл. в 2012 г. до 428 млн долл. в 2019 г.), составляя значительную часть промышленных потребительских товаров. В 2020 г. показатели экспорта испанской одежды и обуви сократились до 362 млн долл., что связано с пандемией COVID-19 и глобальной риторикой «Inditex» о закрытии магазинов и переориентации в сторону интернет-торговли (например, было закрыто одно из подразделений «Inditex» по продаже недорогой одежды в России «Lefties»).

По данным испанского портала экспорта и инвестиций ICEX, в период

14 Завод испанской компании «Соехпан» открылся в Наро-Фоминске (2019) // Правительство Московской области. 25 июля 2019 // <https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/news-submoscow/zavod-ispanskoi-kompanii-coexpan-otkrylsya-v-naro-fominske>, дата обращения 10.02.2021.

15 Объем экспорта испанской текстильной продукции в Россию утроился с 2007 г., что связано с процессом интернационализации крупнейшего ритейлера одежды в мире по капитализации и количеству магазинов испанской ТНК «Inditex». Ritionse quatūri atius, te pro tempero consequi odicatur aperis nonsendernam quae doluptatus aut lab ipsa voluptatum

с 2017 по 2019 г. наибольший объем испанских инвестиций (в том числе за счет реинвестированной прибыли) поступил в российское сельское хозяйство (76%), автомобилестроение (14%) и производство электрооборудования (7%).

Наконец, в современном российско-испанском деловом сотрудничестве особое место принадлежит долгосрочным контрактам. Так, в 2011 г. был подписан контракт между ОАО «Федеральная пассажирская компания» (дочерняя компания ОАО «РЖД») и «Patentes Talgo S.L.» стоимостью 135,1 млн евро на разработку и поставку в Россию семи пассажирских составов (140 вагонов) с автоматическим изменением ширины используемой колеи. 1 июня 2015 г. в первый рейс с пассажирами из Москвы в Нижний Новгород отправился новый скоростной поезд «Стриж», в составе которого курсируют вагоны «Talgo» [Yakovlev, 2020]. 17 декабря 2016 г. на Курском вокзале г. Москвы состоялась пуск в коммерческую эксплуатацию поезда «Стриж» по маршруту Москва – Берлин с использованием железнодорожных пассажирских составов испанского производства, что сократило время в пути до 20 часов.

В ноябре 2013 г. компания «Ямал СПГ» и испанская группа «Gas Natural Fenosa» подписали долгосрочный контракт на поставку в Испанию сжиженного природного газа (СПГ) на сумму более 30 млрд долл., предусматривающий поставки 2,5 млн т СПГ в течение 25 лет. Начало поставок в Испанию в июне 2018 г. российского СПГ¹⁶ запустило новый виток активности российско-испанского политэкономического диалога по причине отсутствия доступа Испании к трубопроводному российскому газу. В апреле 2019 г. НОВАТЭК

подписал с корпорацией «Repsol» Базовые условия соглашения о поставках СПГ [Яковлев (1), 2020]. С начала 2000-х в России действуют филиалы, предприятия (в том числе совместные) таких испанских ТНК, как «Repsol», «Gestamp», «Grupo Antolín», «Grupo OHL», «Urelita» [Яковлев (2), 2020].

Тем не менее, на наш взгляд, ошибочно считать, что указанные контракты обозначат долгосрочный восходящий тренд в российско-испанских энергетических отношениях, что связано с современной энергетической политикой ЕС. Стремление ЕС стать климатически-нейтральным и отказаться от углеродных выбросов поставило Мадрид в число стран, перевыполняющих план по «озеленению» экономики. Конечно, экологичность СПГ не вызывает сомнений, однако необходимо иметь в виду устойчивый тренд по развитию возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

Испания традиционно входит в тройку лидеров среди стран ЕС по использованию ВИЭ. Согласно докладу одной из энергетических ТНК Испании «Red Eléctrica de España», в 2019 г. за счет ВИЭ в Испании было выработано порядка 37,5% (97826 гВт*ч) испанской электроэнергии с доминированием ветряных электростанций (22,6%) и общим потенциалом установленных мощностей ВИЭ более 50% [Informe del Sistema Eléctrico Español, 2020]. Программа находящихся у власти социалистов уделяет особое внимание вопросам реализации так называемого «Климатического плана», согласно которому в Испании к 2050 г. осуществится полный перевод электроэнергетики на ВИЭ.

Тренд по развитию «зеленой» экономики привнес в экономические отно-

¹⁶ Поставки СПГ, согласно плану, планировалось осуществлять с 2018 г. с началом исполнения контракта в терминалы по разгрузке СПГ в Испании (Бильбао, Барселона, Уэльва) и Франции с возможностью перегрузки и перенаправления на азиатские рынки.

шения между Россией и Испанией новые проекты. Например, в июне 2017 г. ПАО «Энел Россия» (входит в нидерландский холдинг «Enel Investment Holding») выиграло тендер, организованный Министерством энергетики России, на строительство двух ветропарков – в Ростовской области с установленной мощностью 90 МВт (вступил в строй в 2020 г. и должен вырабатывать порядка 300 гВт*ч электроэнергии в год) и в Мурманской области, который будет введен в эксплуатацию в 2021 г. с установленной мощностью 201 МВт и потенциалом 730 гВт*ч в год. В проекте будут задействованы испанские технологии в области необходимого оборудования и оперирования. Локализацией и поставками оборудования для будущих ветропарков занялся международный немецко-испанский концерн «Siemens-Gamesa», один из крупнейших в мире производителей ветряных турбин¹⁷.

Есть и другие конкретные шаги, направленные на взаимодействие двух стран в области «зеленой» экономики. В конце 2019 г. стало известно, что испанский оператор по обращению с отходами «Urbaser» совместно с Российским фондом прямых инвестиций вложит порядка 3 млрд руб. в комплекс по сортировке мусора в Калининградской области. Это один из проектов, который был не только начат в тяжелое для двусторонних отношений время, но выжил в условиях пандемии COVID-19 и продолжает развиваться.

Выводы

Российско-испанское торгово-экономическое взаимодействие вступило в непростой период. Политический фон не благоприятствует восстановле-

нию деловой атмосферы: среди испанских инвесторов чувствуется неопределенность по отношению к России. Как торговля товарами и услугами, так и поток ПИИ находятся на минимальном уровне при большом потенциале, чему способствовал целый ряд неблагоприятных событий на мировых рынках. Конечно, существует целый ряд инициатив по поддержке торговых и инвестиционных потоков между двумя странами, однако в большинстве случаев речь идет об уже имеющихся договоренностях экономического характера. Испанские и российские компании, представленные на рынках партнера, склонны реинвестировать прибыль и отказываться от новых крупных вливаний капиталов, а возможные новые участники инвестиционных связей ведут крайне осторожную политику в условиях сложившейся неопределенности.

Энергоносители по-прежнему занимают главное место в структуре российского экспорта, в то время как испанский остается более диверсифицированным. Новые взаимные чистые инвестиции настолько малы, что говорить можно лишь о заморозке актуальных инициатив деловых сообществ Испании и России. Основным видом экономического взаимодействия в силу особенностей российской экономики и мировой конъюнктуры остаются долгосрочные контракты по поставке российских энергоносителей в Испанию.

Тем не менее существует ряд тенденций, которые могут характеризовать российско-испанское экономическое партнерство в кратко- и среднесрочной перспективе. Во-первых, речь идет о высоких темпах развития ВИЭ в Европе, и в частности в Испании. Несмотря на активное сотрудничество в области СПГ, недостаточно раскрытый

17 «Siemens Gamesa» получила заказ на поставку 26 ветрогенераторов в Россию (2018) // Коммерсантъ. 5 октября 2018 // <https://www.kommersant.ru/doc/3763815>, дата обращения 10.04.2021

потенциал российско-испанского энергетического диалога сегодня кроется в развитии энергосберегающих технологий и альтернативной энергетики – использование испанского опыта в области ВИЭ позволит диверсифицировать российские технологии с точки зрения общемировых тенденций. Особый интерес при этом представляет сотрудничество российских и испанских компаний как в области обеспечения энергоэффективности российских предприятий за счет импорта и локализации испанской продукции, так и в рамках консорциумов и совместных предприятий при сооружении объектов в третьих странах.

В современных условиях надежду также вселяет сельскохозяйственная отрасль. Крупные испанские сельскохозяйственные компании активно развивают бизнес в условиях российских контрсанкций и даже занимают лидирующие позиции в отрасли. Есть и бессменные лидеры испанского корпоративного сектора, которые уже давно на российском рынке. Речь идет о таких компаниях, как «Rosa» и «Inditex».

С точки зрения российского экспорта в Испанию перспективна химическая промышленность: несмотря на спад, положительную тенденцию имеют поставки минеральных удобрений. С учетом уровня развития испанских агропромышленных комплексов развитие диалога между российскими производителями удобрений и испанскими сельскохозяйственными предприятиями является перспективным направлением в налаживании бизнес-контактов в условиях введенных санкций.

Список литературы

64% экспатов после пандемии хотят приобрести «запасное» жилье на родине (2020) // Knight Frank. 16 июня 2020 // [https://extpic.kf.expert/content/pr/2020_](https://extpic.kf.expert/content/pr/2020_06_16_knightfrank_international_expats_after_lockdown.pdf)

[06_16_knightfrank_international_expats_after_lockdown.pdf](https://extpic.kf.expert/content/pr/2020_06_16_knightfrank_international_expats_after_lockdown.pdf), дата обращения 15.02.2020.

Авилова А.В. (2017). Проблема торгового и инвестиционного сотрудничества между Россией и Испанией // Ибероамериканские тетради. № 1(15). С. 7–11. DOI: 10.46272/2409-3416-2017-1-7-11

Кузнецов А.В. (2020). Прямые инвестиции из России за рубеж: изменения с 2018 года // Общественные науки и современность. № 1. С. 5–15 // <https://ons-journal.ru/s086904990013992-3-1/>, дата обращения 15.01.2021.

Невская А.А. (2017). К вопросу о некоторых особенностях российско-нидерландских взаимных инвестиций // Современная Европа. №1(73). С. 84–93. DOI: 10.15211/soveurope120178493

Никулин К.А. (2019). Выборы в Испании: национальный и европейский аспекты, европарламент // Квашнин Ю.Д., Кудрявцев А.К., Плевако Н.С., Швейцер В.Я. (ред.). Выборы в Европарламент–2019. Национальные ответы на дилеммы европейской интеграции. М.: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН. С. 108–114.

Школяр Н.А. (2009). Российско-испанские торгово-экономические связи: институциональный аспект // Яковлев П.П. (ред.) Испания: время испытаний и нового выбора. М.: ИЛА РАН. С. 232–233.

Яковлев П.П. (1) (2020). Испания – Россия: проблемы торгово-экономического взаимодействия // Яковлев П.П., Куракина-Дамир А.А. (ред.). Испания в новой национальной и международной реальности. М.: ИЛА РАН. С. 177–190.

Яковлев П.П. (2) (2020). Испанский транснациональный бизнес: экономика и геополитика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 6. С. 138–160. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-8

España: imagen y marca 2020 ¿Cómo nos ven, cómo somos? Encuesta Country

RepTrak (2020) // El Real Instituto Elcano, Septiembre 10, 2020 // http://realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/prensavista?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/prensa/notas/espana-imagen-marca-2020, дата обращения 01.02.2021.

Galán A. (2020). Comercialización de vivienda española en Rusia (2020) // ICEX, Noviembre 26, 2020 // <https://www.icex.es/icex/es/navegacion-principal/todos-nuestros-servicios/informacion-de-mercados/paises/navegacion-principal/el-mercado/estudios-informes/ficha-sector-comercializacion-vivienda-espanola-rusia-2020-doc2020866632.html?idPais=RU>, дата обращения 10.04.2021.

INE (2021) // <https://www.ine.es/inddex.htm>, дата обращения 05.02.2021.

Informe del Sistema Eléctrico Español 2019 (2020) // Red Eléctrica de España, Junio 30, 2020 // <https://www.ree.es/es/datos/publicaciones/informe-anual-sistema/informe-del-sistema-electrico-espanol-2019>, дата обращения 10.02.2021.

Russia: Speech by High Representative/Vice-President Josep Borrell at the EP Debate on His Visit to Moscow (2021) // EEAS, February 9, 2021 // https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/92876/russia-speech-high-representativevice-president-josep-borrell-ep-debate-his-visit-moscow_en, дата обращения 09.02.2021.

Sánchez Andres A. (2016). Política comercial de la Unión Europea y sanciones a Rusia // Cuadernos Económicos de ICE, no 91, pp. 223–240 // https://www.mineco.gob.es/stfls/mineco/ministerio/ficheros/indices/Indice_CICE_91.pdf, дата обращения 10.04.2021.

co.gob.es/stfls/mineco/ministerio/ficheros/indices/Indice_CICE_91.pdf, дата обращения 10.04.2021.

Sánchez Andrés A., Shkolyar N., Tèrperman V. (2008). La internacionalización de la empresa española, Madrid: Real Instituto Elcano, ICEX, ICO.

Simão L. (2011). Portuguese and Spanish Relations with Moscow: Contributions from the EU's Periphery to the CF-SP // Journal of Contemporary European Studies, vol. 19, no 2, pp. 213–223. DOI: 10.1080/14782804.2011.580909

Spanish Tax Alert. ETVes (Spanish Foreign-Securities Holding Companies) (2015) // Gómez-Acabo & Pombo Tax Department, June 2015 // <https://www.ga-p.com/wp-content/uploads/2018/07/etves-spanish-foreign-securities-holding-companies.pdf>, дата обращения 10.01.2021.

Velarde G. (2021). España fia la recuperación de 2021 al éxito de la vacuna contra el Covid. El Economista, Diciembre 24, 2020. Available at: <https://www.eleconomista.es/economia/noticias/10961001/12/20/Espana-fia-la-recuperacion-de-2021-al-exito-de-la-vacuna-contra-el-Covid.html>, accessed 15.01.2021.

Yákovlev P.P. (2011). Rusia y España: de la Asociación estratégica al Partenariado para la modernización // Iberoamérica, no 2, pp. 47–67 // http://www.ilaran.ru/pdf/2011/Iberoamerica/IbA_2011_2/Yakovlev.pdf, дата обращения 10.04.2021.

Yákovlev P.P. (2020). Rusia – España: las relaciones económico-comerciales // Iberoamérica, no 3, pp. 194–215. DOI: 10.37656/s20768400-2020-3-09

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-11

Crisis in Bilateral Economic Cooperation between Russia and Spain

Kirill A. NIKULIN

Junior Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: nikulin@imemo.ru

ORCID: 0000-0001-6314-0447

CITATION: Nikulin K.A. (2021). Crisis of Bilateral Economic Cooperation between Russia and Spain. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 3, pp. 189–208 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-11

Received: 12.02.2021.

ABSTRACT. *The article examines the dynamics and features of the trade and economic partnership between Spain and Russia from 2014 to the present, considering the latest challenges. The once promising trajectory of the development of bilateral trade and mutual investment has undergone significant tests: in addition to the sanctions pressure of the collective West countries, the situation has been complicated by the global crisis in the world economy, significant changes in world markets for goods and services, and the COVID-19 pandemic. In these conditions, the study of indicators of Russian-Spanish trade and economic interaction is of interest both from the point of view of forming a forecast for the development of bilateral economic relations and highlighting those industries towards which the emphasis in trade and investment is gradually shifting. The question arises: is it possible to return to the indicators of bilateral trade and investment inherent in Russian-Spanish economic relations before the imposition of sanctions? The data on the bilateral trade presented by the Russian and Spanish national statistics differ insignificantly in terms of the total trade turnover*

but have severe differences at the level of the trade balance. Based on both countries' statistical databases, the author of the article presents the possible reasons for such discrepancies and considers the general dynamics of the state of foreign trade between Russia and Spain. In addition to stating the negative trends in foreign trade, there are problems in investment cooperation, which until recently was considered one of the "strongholds" of bilateral cooperation under the pressure of sanctions.

KEYWORDS: *Russia, Spain, foreign trade, investment cooperation, diplomatic relations, crisis of bilateral interaction, sanctions, COVID-19.*

References

64% of Expats after the Pandemic Want to Buy "Spare" Housing at Home (2020). *Knight Frank*, June 16, 2020. Available at: https://extpic.kf.expert/content/pr/2020_06_16_knightfrank_international_expats_after_lockdown.pdf, accessed 15.02.2020 (in Russian).

Avilova A.V. (2017). Problem of Trade and Investment Cooperation between Russia and Spain in Terms of Sanctions. *Cuadernos Iberoamericanos*, no 1(15), pp. 7–11 (in Russian). DOI: 10.46272/2409-3416-2017-1-7-11

España: imagen y marca 2020 ¿Cómo nos ven, cómo somos? Encuesta Country RepTrak (2020). *El Real Instituto Elcano*, Septiembre 10, 2020. Available at: http://realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/prensavista?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/prensa/notas/espana-imagen-marca-2020, accessed 01.02.2021.

Galán A. (2020). Comercialización de vivienda española en Rusia (2020). ICEX, Noviembre 26, 2020. Available at: <https://www.icex.es/icex/es/navegacion-principal/todos-nuestros-servicios/informacion-de-mercados/paises/navegacion-principal/el-mercado/estudios-informes/ficha-sector-comercializacion-vivienda-espanola-rusia-2020-doc2020866632.html?idPais=RU>, accessed 10.04.2021.

INE (2021). Available at: <https://www.ine.es/index.htm>, accessed 05.02.2021.

Informe del Sistema Eléctrico Español 2019 (2020). *Red Eléctrica de España*, Junio 30, 2020. Available at: <https://www.ree.es/es/datos/publicaciones/informe-anual-sistema/informe-del-sistema-electrico-espanol-2019>, accessed 10.02.2021.

Kuznetsov A.V. (2020). Direct Investment from Russia Abroad: Changes since 2018. *Social Sciences and Contemporary World*, no 1, pp. 5–15. Available at: <https://ons-journal.ru/s086904990013992-3-1/>, accessed 15.01.2021 (in Russian).

Nevskaya A.A. (2017). About Some Specific Features of Russian-Netherlands Mutual Investments. *Contemporary Europe*, no 1(73), pp. 84–93 (in Russian). DOI: 10.15211/soveurope120178493

Nikulin K.A. (2019). Elections in Spain: National and European Aspects, European Parliament. *European Parliament Elections 2019: National Responses to*

the Dilemmas of European Integration (eds. Kvashnin Yu.D., Kudryavtsev A.K., Plevako N.S., Schweitzer V.Ya.), Moscow: IMEMO, IE RAS, pp. 108–114 (in Russian).

Russia: Speech by High Representative/Vice-President Josep Borrell at the EP Debate on His Visit to Moscow (2021). EEAS, February 9, 2021. Available at: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/92876/russia-speech-high-representativevice-president-josep-borrell-ep-debate-his-visit-moscow_en, accessed 09.02.2021.

Sánchez Andres A. (2016). Política comercial de la Unión Europea y sanciones a Rusia. *Cuadernos Económicos de ICE*, no 91, pp. 223–240. Available at: https://www.mineco.gob.es/stfls/mineco/ministerio/ficheros/indices/Indice_CICE_91.pdf, accessed 10.04.2021.

Sánchez Andrés A., Shkolyar N., Terperman V. (2008). *La internacionalización de la empresa española*, Madrid: Real Instituto Elcano, ICEX, ICO.

Shkolyar N.A. (2009). Russian-Spanish Trade and Economic Relations: Institutional Aspect. *Spain: A Time of Trials and New Choices* (ed. Yakovlev P.P.), Moscow: ILA RAN, pp. 232–233 (in Russian).

Simão L. (2011). Portuguese and Spanish Relations with Moscow: Contributions from the EU's Periphery to the CFSP. *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 19, no 2, pp. 213–223. DOI: 10.1080/14782804.2011.580909

Spanish Tax Alert. ETVEs (Spanish Foreign-Securities Holding Companies) (2015). *Gómez-Acabo & Pombo Tax Department*, June 2015. Available at: <https://www.ga-p.com/wp-content/uploads/2018/07/etves-spanish-foreign-securities-holding-companies.pdf>, accessed 10.01.2021.

Velarde G. (2021). España fía la recuperación de 2021 al éxito de la vacuna contra el Covid. *El Economista*, Diciembre 24, 2020. Available at: <https://www.eleconomista.es/economia/noticias/>

10961001/12/20/Espana-fia-la-recuperacion-de-2021-al-exito-de-la-vacuna-contra-el-Covid.html, accessed 15.01.2021.

Yákovlev P.P. (2011). Rusia y España: de la Asociación estratégica al Partenariado para la modernización. *Iberoamérica*, no 2, pp. 47–67. Available at: http://www.ilaran.ru/pdf/2011/Iberoamerica/IbA_2011_2/Yakovlev.pdf, accessed 10.04.2021.

Yákovlev P.P. (2020). Rusia – España: las relaciones económico-comerciales. *Iberoamérica*, no 3, pp. 194–215. DOI: 10.37656/s20768400-2020-3-09

Yakovlev P.P. (1) (2020). Spain – Russia: Problems of Trade and Economic Interaction. *Spain in a New National and International Reality* (eds. Yakovlev P.P., Kurakina-Damir A.A.), Moscow: ILARAN, pp. 177–190 (in Russian).

Yakovlev P.P. (2) (2020). Spanish Transnational Business: Economics and Geopolitics. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 6, pp. 138–160 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-8

В рамках дискуссии

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-12

Россия и Латинская Америка: константы и переменные торгово-экономических отношений

Петр Павлович ЯКОВЛЕВ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник Отдела Европы и Америки

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117418, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Москва, Российская Федерация

E-mail: petrp.yakovlev@yandex.ru

ORCID: [0000-0003-0751-8278](https://orcid.org/0000-0003-0751-8278)

ЦИТИРОВАНИЕ: Яковлев П.П. (2021). Россия и Латинская Америка: константы и переменные торгово-экономических отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 3. С. 209–226.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-12

Статья поступила в редакцию 10.03.2021.

АННОТАЦИЯ. В статье показано, что за два десятилетия XXI в. сформировалась и наполнилась конкретным содержанием новая реальность торгово-экономических отношений между Российской Федерацией и Латинской Америкой (или Латино-Карибской Америкой – ЛКА), которые прошли тест на взаимодополняемость, в целом ряде случаев вышли на уровень масштабного партнерства. По мнению автора, эти отношения – не искусственно выстроенная геоэкономическая конструкция, а следствие как объективных факторов, сближающих РФ и ЛКА (в том числе в подходах к достижению целей устойчивого развития, перестройки существующей системы мирохозяйственных связей), так и усилий государственных органов, деловых кругов, представителей экспертного сообщества, заинтересованных в развитии российско-ла-

тиноамериканского сотрудничества. Конечно, на протяжении последних десятилетий динамика развития торгово-экономических отношений между Россией и Латинской Америкой не всегда была устойчивой, в какой-то момент она оказалась почти утерянной, наблюдался некоторый откат и «сдача» отдельных позиций. Произошло это в том числе и потому, что в условиях повышенной турбулентности на международных рынках и стремительных глобальных изменений стороны порой утрачивали перспективное видение будущего российско-латиноамериканского экономического взаимодействия, не находили новых, привлекательных для обеих сторон сфер сотрудничества. По сути, позитивные вводные для укрепления отношений на принципах взаимовыгодного партнерства периодически подвергались испытанию, особенно в

периоды нараставшей международной нестабильности, расширявшейся сложившийся мировой порядок. Но каждый раз стороны мобилизовывали имеющиеся внутренние резервы и предлагали неординарные области взаимодействия. Пример самого последнего времени – российская вакцина «Спутник V», которая преодолела политические границы на карте Латино-Карибской Америки, стала ядром так называемой «вакцинной дипломатии», открыла «второе дыхание» в отношениях между РФ и ЛКА в ключевой сфере делового сотрудничества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Российская Федерация, Латинская Америка, торгово-экономическое сотрудничество, взаимовыгодное партнерство, эффекты кризисов, пандемия COVID-19, «вакцинная дипломатия», новый этап деловых отношений.*

Система глобальных отношений Российской Федерации в первые десятилетия XXI в. подверглась коренной перестройке, завершившейся полным геозкономическим разворотом. Сокращение торгово-инвестиционных и в целом хозяйственных связей, онкологическое по масштабам разрастание сфер разногласий и конфликтов, по сути, общественно-цивилизационный «развод» официальной Москвы с коллективным Западом имел (и еще будет иметь) далеко идущие последствия.

В этих условиях для России дополнительную значимость приобрели тесные и взаимовыгодные политико-дипломатические и торгово-экономические связи, налаживаемые с наиболее активными и влиятельными государствами разных регионов развивающегося мира, в том числе в Латинской Америке (или Латино-Карибской Америке – ЛКА).

Арсенал экспертных оценок

Российско-латиноамериканские отношения не обделены вниманием экспертного сообщества. Их развитие в XXI в. стало предметом изучения со стороны отечественных и зарубежных исследователей, им посвящены многочисленные комментарии средств массовой информации. Правда, в большинстве случаев главный акцент делается на политических аспектах взаимодействия России и стран ЛКА. Анализ фокусируется на таких вопросах, как роль региона в «геополитических играх» РФ в «мягком географическом подбрюшье» США [Blank, 2009], политическая правомерность утверждения о «российской угрозе Соединенным Штатам» [Tirado, Caballero Escalante, 2019], приоритеты латиноамериканского курса российской дипломатии, внутривнутриполитические трансформации на Кубе и перемены в российско-кубинских отношениях [Bain, 2008], превращение Венесуэлы в важного стратегического партнера Москвы и связанные с этим санкционные действия Вашингтона в адрес правительства Николаса Мадуро [Rozental, Jeivets, 2018].

Подробно отечественные авторы рассматривают качественное изменение российско-латиноамериканского взаимодействия в политико-дипломатической сфере, обосновывают тезис о стратегическом партнерстве России с рядом государств ЛКА. В частности, отмечают новые черты этих отношений, проявившиеся в первые десятилетия XXI в.: участвовавшие встречи на высшем уровне, регулярные консультации по линии внешнеполитических ведомств, сотрудничество в Совете Безопасности и специализированных учреждениях ООН, а также «Группе двадцати» (в нее от ЛКА входят Аргентина, Бразилия и Мексика), членство России и Бразилии в БРИКС, кон-

такты Москвы с латиноамериканскими интеграционными объединениями и т.д. Подчеркивается, что политическим фундаментом стратегического партнерства служит совпадение или близость подходов РФ и стран Латинской Америки к ряду актуальных вопросов международных отношений, их нацеленность на утверждение принципов равноправия и взаимного уважения в мировых делах [Давыдов, 2016; Яковлева, 2015].

Значительно меньше внимания исследователи уделили сотрудничеству России и ЛКА в торгово-экономической сфере. Из числа отечественных ученых наиболее продуктивно на данном направлении работали Н.Н. Холодков [Холодков, 2018], Н.А. Школяр [Школяр, 2020] и автор этих строк [Яковлев, 2016]. В публикациях названных и некоторых других авторов отмечалось, что экономическая составляющая является несущей конструкцией всего здания российско-латиноамериканских отношений, обосновывался тезис о взаимодополняемости экономик России и ЛКА, на основе значительного массива эмпирических и статистических данных доказывалась заметная роль латиноамериканских стран в насыщении российского рынка продовольственными товарами, импорт которых из западных государств сократился в условиях санкционных войн.

Еще с советских времен традиционно важным аспектом отношений РФ и ЛКА является военно-техническое сотрудничество. Связанный с ним широкий пласт непростых вопросов затрагивался различными авторами, но в системном ключе был исследован на примере Венесуэлы в совместной работе главой Государственной корпорации «Ростех» С.В. Чемезовым и директором по особым поручениям АО «Рособоронэкспорт» С.С. Гореслав-

ским [Чемезов, Гореславский, 2019]. Авторы проанализировали поставки российской военной техники в Венесуэлу, ставшую в 2010-х годах импортером отечественной оборонной продукции, и сформулировали вывод о необходимости продолжения диверсификации экспорта (в том числе за счет рынков ЛКА) как важного условия повышения конкурентоспособности российских предприятий, выпускающих различные виды и системы вооружений.

В то же время, в силу относительно ограниченного числа публикаций, рассматривающих российско-латиноамериканское торгово-экономическое сотрудничество, многие существенные направления и ключевые составляющие этого сегмента отношений между РФ и ЛКА остаются неизученными. Например, если говорить о комплексных исследованиях партнерства России с отдельными странами региона, то подавляющая часть специальных публикаций пришлось на одну Аргентину. Не считая журнальных статей, в 2010–2017 гг. по проблемам российско-аргентинских отношений в Москве и Буэнос-Айресе были опубликованы четыре монографии, содержание которых охватило все основные аспекты становления, развития и современного состояния политико-дипломатических и торгово-экономических связей между двумя странами [Davýdov, Kravtsov, 2010; Яковлев, 2015; Яковлева, Яковлев (1), 2017; Яковлева, Яковлев (2), 2017]. Красной нитью через работы отечественных ученых проходит идея о том, что опирающиеся на длительный исторический опыт отношения между Россией и Аргентиной характеризуются относительной близостью ценностных социокультурных ориентиров, стратегической глубиной и охватом широкого круга областей приоритетного межгосударственного взаимодействия.

Обращаясь к работам зарубежных авторов, анализировавших экономические проблемы взаимодействия РФ и стран ЛКА, следует выделить аналитический доклад Миры Милосевич-Хуаристи – сотрудника престижного испанского аналитического центра «Королевский институт Эльканго» под названием «Россия в Латинской Америке: последствия для Испании» [*Milosevich-Juaristi*, 2019].

Характеризуя состояние экономических связей РФ с ЛКА, М. Милосевич-Хуаристи отмечает присущий им «реалистический и прагматический подход» – концентрацию на отношениях с наиболее развитыми государствами региона независимо от идеологической ориентации их внутривнутриполитических режимов и внешнеполитических приоритетов. По мнению автора, Кремль «адекватно оценивает как возможности, так и ограничители» политики России на латиноамериканском направлении. Подчеркивается, что российско-латиноамериканские отношения «не носят конъюнктурного характера, а отличаются стремлением взаимного освоения национальных экономических пространств» [*Milosevich-Juaristi*, 2019, pp. 63, 83].

Настоящая статья подготовлена с учетом наиболее весомых результатов, полученных российскими и зарубежными специалистами. Автор продолжил отечественные исследования экономических связей между Россией и ЛКА с позиций сегодняшнего дня, сделав акцент на малоизученных вопросах, в частности особенностях делового взаимодействия РФ с отдельными странами региона. Научной новизной и практической значимостью отмечено и то специальное внимание, которое уделено возможностям и перспективам продвижения в Латинскую Америку высокотехнологичной отечественной продукции, в первую очередь

вакцины «Спутник V», а также поиску нетрадиционных форм экономических отношений.

Траектория товарной торговли

К началу третьего десятилетия XXI в. Россия поддерживала дипломатические отношения со всеми 33 независимыми государствами ЛКА – никогда прежде такого не было. В данной связи можно констатировать, что латиноамериканский акцент в системе международных связей Москвы стал весьма заметным.

При этом определяющую роль в российско-латиноамериканских отношениях играло взаимодействие с группой стран, сотрудничество с которыми приобрело особый характер и неординарный масштаб. Такой тип отношений стал характеризовать связи РФ с Аргентиной, Бразилией, Боливией, Венесуэлой, Кубой, Никарагуа, Эквадором. На разных направлениях сравнительно далеко продвинулось взаимодействие с Гайаной, Мексикой, Парагваем, Перу, Чили, рядом других государств [*Яковлев*, 2014].

Сближению РФ и стран ЛКА способствовала экономическая взаимодополняемость, разделяемая сторонами заинтересованность в диверсификации внешних связей. Указанные факторы лежали в основе динамичного роста товарообмена в количественном и стоимостном отношении в период 2001–2013 гг. (см. табл. 1). Именно наращивание торговли традиционными для России и Латинской Америки товарами стало главным содержанием и константой их экономического взаимодействия.

В отмеченные годы объем торгового оборота в денежном выражении вырос в 3,2 раза и приблизился к отметке в 19 млрд долл. При этом россий-

Таблица 1. Россия и Латинская Америка: торговля товарами (млн долл.)
Table 1. Russia and Latin America: trade in goods (USD millions)

Показатель	2001 г.	2013 г.	2015 г.	2018 г.	2019 г.
Экспорт	1 989	10 617	4 868	7 605	6 223
Импорт	3 824	8 216	7 687	8 319	7 859
Объем	5 813	18 833	12 555	15 914	14 082
Сальдо	-1 835	+2 401	-2 819	-714	-1 636

Источник: ИТC. Trade Statistics for International Business Development // http://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvp-m=1||15|643|TOTAL||2|1|1|2|1|1|1|, даты обращения 22.02.2021–09.03.2021.

ский экспорт рос опережающими темпами, увеличился в 5,3 раза и в 2013 г. превысил 10,6 млрд долл. Одновременно наши предприятия получили возможность участия в процессах регионализации и глобализации латиноамериканской экономики, приобретали опыт международного предпринимательства в условиях жесткой конкуренции [Яковлев, 2017].

Развитие российско-латиноамериканского сотрудничества в середине и второй половине 2010-х годов столкнулось со сложностями, которые не только затормозили выполнение принятых планов, но и в ряде случаев «похоронили» перспективные совместные инициативы. Исследуя природу таких переменных, можно констатировать, что они возникли под воздействием как внешних (международных), так и внутренних (национальных) факторов.

К первым следует отнести прежде всего ухудшение глобальной экономической конъюнктуры для экспортеров сырьевых товаров и продовольствия, к числу которых принадлежит Россия и большинство латиноамериканских государств. В 2011–2015 гг. цены на нефть упали (в среднем) на 46%, на природный газ – на 82, никель – 59, алюминий –

54, медь – 41, кофе – 61, сахар – 58, пшеницу – 56, соевое масло – 52, кукурузу – на 32%¹.

Внешние шоки вошли в резонанс с внутренними проблемами, главной из которых стал материальный и моральный износ той модели социально-экономического развития, которая утвердилась в ЛКА. В числе государств, в максимальной степени пострадавших от кризисных потрясений, оказались главные партнеры России в регионе: Аргентина, Бразилия, Венесуэла. К сказанному нужно добавить, что в зоне турбулентности находилась и российская экономика.

Таким образом, в условиях глобальной нестабильности синхронно сложившиеся тренды социально-экономического развития Латинской Америки и России объективно не способствовали развитию и продвижению вперед российско-латиноамериканского партнерства, которое перешло в нисходящую фазу и порой принимало декларативный характер. Проявились свидетельства «затухания» первоначальных «больших идей», все более осязаемого отставания партнерства РФ и ЛКА от жестких требований быстро меняющегося геоэкономического ландшафта.

¹ Bloomberg Commodity Index (BCOM). October 2015 // <http://www.bloomberg.com/>, дата обращения 21.04.2021.

Некоторые позитивные изменения на мировых рынках сырья и продовольствия в 2016–2018 гг. в пользу стран-экспортеров, а также предпринятые Российской Федерацией и странами Латинской Америки внутренние усилия по преодолению рецессии хотя и не увенчались безусловным успехом, но позволили стабилизировать макроэкономическое положение, что сказалось и на динамике российско-латиноамериканской торговли. Как показывают статистические данные, после провального 2015 г., когда объем товарооборота по сравнению с 2013 г. сократился на 33%, внешнеторговый обмен вновь начал расти, хотя и недостаточно высокими темпами. К тому же в 2019 г. имело место очередное весьма ощутимое сокращение товарообмена, а дефицит РФ в торговле с ЛКА превысил 1,6 млрд долл. (см. табл. 1).

Особенности отношений с традиционными и новыми партнерами

При всех сложностях экономического развития вторая половина 2010-х годов стала периодом расширения круга внешнеэкономических контрагентов России в Латинской Америке: к числу традиционных партнеров прибавились новые страны.

По вполне понятным причинам, в общем контексте взаимодействия РФ с ЛКА особое место занимает «тропический гигант» – **Бразилия**, одно из крупнейших государств мира. Оценивая текущее состояние российско-бразильских отношений, президент В.В. Путин подчеркнул высокий уровень межгосударственного и межкорпоративного взаимодействия, по праву получивше-

го статус стратегического партнерства. Было подчеркнуто, что на долю Бразилии приходится 30% общего объема торговли РФ с ЛКА, бразильские предприятия снабжают отечественный рынок продовольственными товарами, а российские производители покрывают 100% потребностей в титане мощной бразильской авиастроительной компании «Embraer» и снабжают калийными удобрениями сельское хозяйство Бразилии. Порядка 1,5 млрд долл. составляют российские инвестиции в бразильскую экономику². Все это в совокупности формирует предпосылки дальнейшего углубления двусторонних хозяйственных связей.

Во взаимодействии с **Аргентиной** с начала 2000-х годов наблюдался стремительный рост взаимной торговли, максимальные объемы которой были зафиксированы в 2008 и 2011 гг. Однако в последующий период имело место сокращение товарооборота. В известной мере обнадеживающие результаты принесли 2018–2019 гг., когда российско-аргентинская торговля вновь начала набирать обороты (см. табл. 2). Актуальной задачей стало закрепление этого тренда и придание двустороннему товарообмену более сбалансированного характера путем форсированного увеличения российского экспорта.

Опыт российско-аргентинского сотрудничества указывает на системную значимость совместного промышленного производства для развития экономики двух стран, углубления взаимодействия в тех отраслях, которые определяют вектор технологического прогресса и служат достижению ключевых народнохозяйственных целей.

Долгое время в системе межгосударственных связей России с **Мексикой** акцент делался на политико-диплома-

2 Встреча с президентом Бразилии Жаиром Болсонаро (2019) // Президент России. 14 ноября 2019 // <http://www.Kremlin.ru/events/president/news/62049>, дата обращения 21.04.2021.

Таблица 2. Торговля товарами России с Аргентиной (млн долл.)**Table 2.** Russia's trade in goods with Argentina (USD million)

Показатель	2000 г.	2008 г.	2011 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Экспорт	75	740	779	163	212	395	322
Импорт	90	1 236	1 067	684	680	851	827
Объем	162	1 976	1 846	847	892	1 246	1 149
Сальдо	-15	-496	-288	-521	-468	-456	-505

Источник: ITC. Trade Statistics for International Business Development // http://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpr-m=1|15|643|TOTAL||2|1|1|2|1|1|1|, даты обращения 22.02.2021–09.03.2021..

тическом и культурно-гуманитарном сотрудничестве, тогда как хозяйственное взаимодействие явно пробуксовывало. В качестве причин такого положения назывались различные факторы, но главным препятствием неизменно считалась сильнейшая привязка экономики Мексики к рынку Соединенных Штатов, куда направлялось и направляется порядка 80% мексиканского экспорта. В результате на старте третьего тысячелетия – в 2001 г. российско-мексиканский товарооборот едва достигал 143 млн долл., или около 2,5% совокупного торгового обмена РФ с ЛКА (см. табл. 3).

Многие эксперты считали, что суверенная зависимость Мексики от северного соседа является для нее своего рода «естественной средой обитания». Но

это оказалось не совсем так, о чем свидетельствовали попытки мексиканского руководства и бизнеса диверсифицировать внешнеэкономические связи, развивая отношения с Китаем, Евросоюзом, латиноамериканскими странами (напомним об участии Мексики в Тихоокеанском альянсе вместе с Колумбией, Перу и Чили). В русле данной логики нужно рассматривать и имевший место рост торговли с Российской Федерацией.

Знаковый прорыв в российско-мексиканских торгово-экономических отношениях произошел во втором десятилетии XXI в., когда Мексика выдвинулась в число основных деловых партнеров России в Латинской Америке. В 2018 г. товарооборот между двумя странами достиг исторического мак-

Таблица 3. Торговля товарами России с Мексикой (млн долл.)**Table 3.** Russia's trade in goods with Mexico (USD million)

Показатель	2001 г.	2004 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Экспорт	92	181	1 062	1 516	2 004	1 478
Импорт	51	62	644	952	938	1 018
Объем	143	243	1 706	2 468	2 942	2 496
Сальдо	+41	+119	+418	+564	+1 066	+460

Источник: ITC. Trade Statistics for International Business Development // http://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpr-m=1|15|643|TOTAL||2|1|1|2|1|1|1|, даты обращения 22.02.2021–09.03.2021..

симула – почти 3 млрд долл., что в 20,6 раза превысило показатель 2001 г. и составило порядка 21% общего объема торговли между РФ и ЛКА. При этом товарообмен неизменно складывался в пользу российских экспортеров.

Пример Мексики говорит о том, что даже в условиях экстремальной экономической зависимости латиноамериканских стран от тех или иных развитых государств российские предприятия могут находить возможности продвижения своей продукции на рынки ЛКА.

В отношениях с *Уругваем* важное значение приобрело сотрудничество в области фармацевтической индустрии. Как отметил заместитель министра промышленности и торговли РФ Г.С. Никитин, «уже сегодня компания "Биокад" имеет эксклюзивные договоренности с уругвайской компанией "Mega Pharma S.A." на поставку на рынок Уругвая препаратов для лечения злокачественных опухолей, таких как бевацизумаб, а также препаратов трастузумаб и ритуксимаб на неэксклюзивной основе»³. На фоне пандемии COVID-19 взаимодействие в сфере фармацевтики обрело первостепенную значимость.

Наряду с развитием торгово-экономических отношений с традиционными партнерами Россия расширила сотрудничество с государствами, с которыми в первой половине 2000-х годов деловые связи находились на крайне низком уровне. Эти страны образовали группу новых контрагентов РФ в ЛКА (см. табл. 4).

Показательно, что совокупный российский товарный экспорт в семь государств региона в 2004–2014 гг. вырос в 7,5 раза и, несмотря на некоторое

снижение в кризисные 2015 и 2016 гг., остался на уровне, значительно превышавшем показатели начала XXI в.

Интересен пример *Парагвая*. С этой страной товарообмен в 2004–2014 гг. увеличился почти в 48 раз и приблизился к отметке 1,2 млрд долл., что стало одним из самых высоких показателей торговли РФ с государствами ЛКА. Но этот результат был достигнут главным образом за счет закупок парагвайских сельскохозяйственных товаров, тогда как российский экспорт оставался на низком уровне (см. табл. 5).

В конце октября 2017 г. Парагвай посетила бизнес-миссия во главе с министром промышленности и торговли Д.В. Мантуровым. Делегация РФ вышла на правительство Парагвая с предложением изучить идею создания на его территории российской производственной зоны. Как подчеркнул Д.В. Мантуров, «реализация столь масштабного проекта, по сути, может стать основой ускоренной индустриализации Парагвая, поскольку создание промышленной зоны открывает широкие возможности для построения местными предприятиями кооперационных цепочек с резидентами из России»⁴.

Не оправдались надежды на получение весомой отдачи от хозяйственного сотрудничества с *Венесуэлой*. Дестабилизация финансово-экономического положения в этой стране, ставшая результатом внутренних макроэкономических просчетов и внешнего санкционного давления, заставила резко сократить российско-венесуэльскую торговлю и заморозить значительную часть имевшихся инвестиционных проектов.

3 Глеб Никитин посетил Уругвай с рабочим визитом (2016) // Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. 16 сентября 2016 // https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#gleb_nikitin_posetil_urugvay_s_rabochim_vizitom, дата обращения 21.04.2021.

4 Россия планирует создать в Парагвае производственную зону (2017) // Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. 25 октября 2017 // <https://news.myseldon.com/ru/news/index/177627448>, дата обращения 21.04.2021.

Таблица 4. Российский экспорт товаров в отдельные страны ЛКА (млн долл.)
Table 4. Russian exports in goods to some countries of Latin-Caribbean America (USD million)

Страна	2004 г.	2014 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Боливия	-	7	3	5	8	40
Венесуэла	6	394	334	68	84	66
Колумбия	42	225	200	421	274	153
Никарагуа	12	30	25	34	35	52
Парагвай	-	34	11	20	15	16
Перу	62	283	210	261	339	265
Эквадор	36	213	189	219	357	398
Всего	158	1 186	972	1 028	1 112	990

Источник: ИТС. Trade Statistics for International Business Development // http://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1||15|643||TOTAL||2|1|1|2|1|1|1, даты обращения 22.02.2021–09.03.2021.

Таблица 5. Торговля товарами России с Парагваем (млн долл.)
Table 5. Russia's trade in goods with Paraguay (USD million)

Показатель	2004 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Экспорт	-	34	14	11	20	15	16
Импорт	25	1 154	858	697	625	871	671
Объем	25	1 188	871	708	645	886	687
Сальдо	25	-1 120	-844	-686	-605	-856	-655

Источник: ИТС. Trade Statistics for International Business Development // http://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1||15|643||TOTAL||2|1|1|2|1|1|1, даты обращения 22.02.2021–09.03.2021.

Эффект COVID-19: вызовы и возможности

Пандемия коронавируса, спровоцировавшая исключительно широкий по географическому охвату и беспрецедентный по глубине коронакризис [COVID-19., 2020], не могла не сказаться на отношениях между Россией и Латинской Америкой. Отражением внутренних обстоятельств и общемировых трендов явилось сокращение товарооборота, объем которого в стоимостном выражении по итогам 2020 г. упал

почти на 16% по сравнению с аналогичным показателем предыдущего года (соответственно: 11 853 и 14 082 млн долл.). Подчеркнем, что сокращение товарооборота затронуло связи РФ практически со всеми странами ЛКА, но при этом (во многом из-за перепадов мировых цен и некоторых других факторов) с разными государствами региона глубина падения торговли существенно различалась. Например, с Боливией товарооборот обрушился на 76%, с Кубой – на 42, тогда как с Мексикой – на 16,6, Бразилией – на 13, Эквадором – на 11,4,

Таблица 6. Торговля товарами России со странами ЛКА в 2020 г. (млн долл.)
Table 6. Russia's trade in goods with countries of Latin-Caribbean America (USD million)

Регион, страна	Экспорт	Импорт	Сальдо	Объем	2020 в % к 2019 г.
ЛКА	4 571	7 282	-2 711	11 853	84,2
В том числе:					
Аргентина	94	809	-715	903	78,6
Боливия	8	4	+4	12	24,0
Бразилия	1 997	2 010	-13	4 007	87,1
Венесуэла	64	1	+63	65	98,5
Колумбия	100	124	-24	224	79,7
Куба	102	15	+87	117	57,9
Мексика	1 138	1 018	-120	2 156	86,4
Парагвай	27	559	-532	56	85,3
Перу	201	208	-7	409	74,1
Уругвай	42	119	-77	161	79,3
Чили	58	861	-803	919	89,6
Эквадор	215	1 275	-1 060	1 490	88,5

Источник: ITC. Trade Statistics for International Business Development // http://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpr-m=1||15|643|TOTAL||2|1|1|1|2|1|1|1, даты обращения 22.02.2021–09.03.2021.

Таблица 7. Топ-10 товарных позиций экспорта России в страны ЛКА (млн долл.)
Table 7. Top-10 in Russia's exports in goods to countries of Latin-Caribbean America (USD million)

Код ТН ВЭД	Товарные группы	2019 г.	2020 г.	2020 в % к 2019 г.
31	Удобрения	2 467	2 049	83,1
72	Черные металлы	1 118	852	76,2
27	Топливо минеральное	1467	656	44,7
99	Другие неустановленные товары	21	177	842,9
40	Каучук, резина, изделия из них	161	98	60,9
10	Злаки	119	90	75,6
48	Бумага и картон	79	85	107,6
76	Алюминий и изделия из него	51	75	147,1
85	Электрические машины и оборудование	95	70	73,7
28	Продукты неорганической химии	80	58	72,5

Источник: ITC. Trade Statistics for International Business Development // http://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpr-m=1||15|643|TOTAL||2|1|1|1|2|1|1|1, даты обращения 22.02.2021–09.03.2021.

Чили – на 10,4%, а с Венесуэлой остался на прежнем (правда, очень низком) уровне (см. табл. 6).

Экспертный анализ тенденций и контртенденций российско-латиноамериканской торговли по основным товарным позициям в течение 2020 г. показывает: падение экспорта России в денежном выражении произошло главным образом за счет фактического обвала мировых цен на минеральное топливо, конкретно – нефть и нефтепродукты, что сказалось на суммарной стоимости поставок (снижение более чем на 55%) при значительно более умеренном их количественном сокращении. В тех случаях, когда котировки торгуемых товаров сохранялись на прежнем уровне, стоимостное уменьшение экспорта не было столь акцентированным, а по отдельным позициям (например, алюминий и изделия из него, бумага и картон) даже наблюдалось увеличение финансовых показателей (см. табл. 7). Но главное – итоги 2020 г. вновь четко зафиксировали низкую

степень диверсифицированности российского экспорта на латиноамериканские рынки, когда на топ-10 товарных позиций пришлось свыше 92% совокупных поставок в регион.

Именно сравнительно более разнообразная структура российского импорта из стран ЛКА (на топ-10 главных товарных позиций в 2020 г. пришлось немногим более 76% всех закупок) стала фактором, детерминировавшим менее резкое снижение стоимостного объема поставок. Если экспорт России в регион уменьшился почти на 26%, то импорт из Латинской Америки – «только» на 9,3%. Свою роль также сыграл эффект эластичности спроса и предложения: в структуре экспорта государств ЛКА в РФ существенно больше товаров, которые отличает неэластичный потребительский спрос – их зачастую нечем заместить в короткие сроки, а покупатели откажутся от них в последнюю очередь. Как видно из табл. 8, поставки в Россию топовых продовольственных товаров (фруктов,

Таблица 8. Топ-10 товарных позиций импорта России из стран ЛКА (млн долл.)

Table 8. Top-10 in Russia's imports in goods from countries of Latin-Caribbean America (USD million)

Код ТН ВЭД	Товарные группы	2019 г.	2020 г.	2020 в % к 2019 г.
08	Съедобные фрукты и орехи	1 668	1 716	102,9
12	Масличные семена и плоды	925	957	103,5
02	Мясо и мясные субпродукты	1 159	818	70,6
03	Рыба и другие морепродукты	586	537	91,6
87	Средства наземного транспорта	337	352	104,5
84	Оборудование и механические устройства	273	288	105,5
04	Молочная продукция	284	232	81,7
74	Медь и изделия из нее	166	228	137,4
85	Электрические машины и оборудование	203	220	108,4
28	Продукты неорганической химии	382	213	55,8

Источник: ITC. Trade Statistics for International Business Development // http://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1||15|643|TOTAL||2|1|1|2|1|1|1|, даты обращения 22.02.2021–09.03.2021.

масличных культур, рыбы и морепродуктов) в денежном выражении либо сократились не слишком сильно, либо даже увеличились. Что касается снижения закупок мясомолочной продукции, то оно было связано с эффектом импортозамещения – ростом предложения аналогичных отечественных товаров по конкурентным ценам.

Нанеся ощутимый удар по торговым отношениям России с ЛКА, пандемия дала повод взглянуть на реалии российско-латиноамериканского взаимодействия под новым углом зрения. Главное – для стран латиноамериканского региона ощутимо повысилась значимость сотрудничества с теми государствами, включая РФ, которые стали пионерами в разработке вакцин от коронавируса COVID-19.

Давая агрегированную оценку событиям, связанным с распространением коронавирусной инфекции, можно констатировать следующее: пандемия явилась примером того, что мировое сообщество все чаще сталкивается с неожиданными проблемами и вызовами, именуемыми «черными лебедями» и носящими наднациональный характер, а потому требующими объединения международных усилий глобального масштаба.

Как уже отмечалось на страницах этого журнала [Яковлева, Яковлев, 2020], в Латинской Америке негативные социально-экономические последствия коронавируса COVID-19 вскрыли многие отраслевые и структурные слабости латиноамериканских стран как на национальном уровне, так и в региональном контексте. По замечанию экспертов Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), пандемия застала ЛКА в период «хозяйственно-

го ослабления и макроэкономической уязвимости» [ECLAC, 2020].

Выяснилось, что интеграционные группировки Латинской Америки (среди которых есть и «долгожители», насчитывающие не один десяток лет) не обладают «способностью решать конкретные проблемы» и эффективно противостоять коронакризису [De Bolle, 2020]. Следствием стал тот факт, что латиноамериканские государства, заинтересованные в приобретении вакцин от коронавируса, были вынуждены действовать порознь и очень быстро ЛКА превратилась в пространство транснациональной конкуренции за рынки сбыта между основными производителями антиковидных препаратов.

Следует подчеркнуть, что еще в середине сентября 2020 г. (всего через месяц после регистрации первой российской аденовирусной вакцины «Спутник V») заместитель министра иностранных дел России С.А. Рябков выступил с заявлением о готовности нашей страны не только организовать поставки этого препарата в государства Латинской Америки, но и рассмотреть возможности локализации производства «Спутника V» в ЛКА⁵.

Между тем путь вакцины к латиноамериканскому потребителю отнюдь не был простым и скорым, поскольку отечественные производители столкнулись в ЛКА как с прямым противодействием части антироссийского настроенного политического истеблишмента, так и с острой конкуренцией со стороны лабораторий США, крупнейших государств Западной Европы и Китая. По средствам массовых коммуникаций стран региона прокатилась волна публикаций, целью которых было бросить тень на качество российского

5 Рябков заявил, что Россия готова организовать производство «Спутник V» в Латинской Америке (2020) // ТАСС. 15 сентября 2020 // <https://tass.ru/obschestvo/9464481>, дата обращения 21.04.2021.

препарата и посеять в научно-экспертном сообществе скептицизм в отношении «Спутника V». Магистральным пропагандистским тезисом, призванным «вызвать шок и трепет» и «вселить ужас» в латиноамериканцев, явилось утверждение о геополитических устремлениях Кремля, взявшего на вооружение так называемую «дипломатию вакцин» («вакцинную дипломатию») для развязывания новой «холодной войны» против Вашингтона и его союзников на пространстве Латинской Америки [Lozano, 2021].

Бессмысленно оспаривать политическую подоплеку действий РФ в ЛКА, как, впрочем, и любой другой внерегиональной державы. Борьба за дипломатическое влияние и финансово-экономические рынки, укрепление двустороннего и многостороннего сотрудничества – непреложная аксиома внешней политики всех современных государств. Но в данном случае главное состояло в материальной способности (и готовности) официальной Москвы реально помочь латиноамериканским странам в исключительно трудный для них период борьбы с коронавирусной инфекцией. На диалектику вопроса прямо указал В.В. Путин, подчеркнув, что международное продвижение «Спутника V» – это одновременно и «хороший бизнес» с оборотом порядка 100 млрд долл. в год, и «яркая гуманитарная составляющая»⁶.

В Латинской Америке осознание этих очевидных истин пробудило себе дорогу благодаря конструктивной позиции руководителей отдельных стран, прежде всего Аргентины,

принявших решение о закупке крупных партий «Спутника V». Достаточно оперативно стороны от заявлений перешли к делу и 24 декабря 2020 г. в Буэнос-Айрес из Москвы были доставлены первые 300 тыс. доз российской вакцины. Так «Спутник V» впервые попал на латиноамериканскую землю. Об этом сдвиге в позиции правящих кругов ЛКА образно написала мадридская газета «El País»: «Российская вакцина пересекла идеологические и геополитические линии и предстала в качестве одного из наиболее востребованных в латиноамериканском регионе антиковидных препаратов»⁷.

Следуя примеру Аргентины, 6 января 2021 г. решение об использовании российской вакцины приняло правительство Боливии, о чем сообщил президент этой страны Луис Арсе. А 25 января 2021 г. состоялся телефонный разговор В.В. Путина с президентом Мексики Андресом Мануэлем Лопесом Обрадором, в ходе которого была обсуждена проблематика противодействия пандемии COVID-19 и проанализирована стратегия обеспечения эпидемиологической безопасности. Специальное внимание оба лидера уделили организационным и другим аспектам двустороннего межгосударственного взаимодействия, связанного с согласованными поставками в Мексику препарата «Спутник V», а также вопросам подготовки в России профильных мексиканских специалистов-медиков⁸.

Поворот в пользу международного признания и продвижения «Спутника V», в том числе в ЛКА, произошёл

6 Путин назвал производство вакцины от коронавируса хорошим бизнесом (2020) // РИА Новости. 21 октября 2020 // <https://ria.ru/20201021/vaktsina-1580873725.html>, дата обращения 21.04.2021.

7 Zerega G., Camhaji E., Sahuquillo M. (2021). La conexión México-Buenos Aires-Moscú: así se disparó la Sputnik V en América Latina // El País, Febrero 3, 2021 // <https://elpais.com/sociedad/2021-02-03/la-conexion-mexico-buenos-aires-moscu-asi-se-disparo-la-sputnik-v-en-america-latina.html>, дата обращения 21.04.2021.

8 Телефонный разговор с президентом Мексики Андресом Мануэлем Лопесом Обрадором (2021) // Президент России. 25 января 2021 // www.kremlin.ru/events/president/news/64926, дата обращения 21.04.2021.

в начале февраля 2021 г., когда в престижном медицинском журнале «The Lancet» была опубликована статья разработчиков вакцины с информацией о деталях научного исследования и высокой эффективности препарата – 91,6%, выявленной корректно проведенным экспериментальным путем. Обнародованные сведения помогли снять имевшиеся вопросы и стали ответом на критические выступления в адрес российской вакцины. Точку в этом деле поставил комментарий зарубежных экспертов Йана Джонса и Роя Полли от 20 февраля 2021 г., подтвердивших на страницах того же «The Lancet» положения и выводы российских коллег и отметивших надежность и эффективность «Спутника V» [Jones, Polly, 2021].

Почти сразу вслед за публикациями в «The Lancet» российская вакцина была в ускоренном порядке зарегистрирована в Гватемале, которая стала 37-м государством мира, выразившим готовность использовать «Спутник V» для вакцинации своего населения. Российский препарат стал одним из ключевых инструментов борьбы международного сообщества с пандемией COVID-19, а в сфере отношений между РФ и ЛКА вакцина явилось той переменной, которая проложила путь к сотрудничеству в жизненно важной области.

Пандемия подтвердила потребность в углублении российско-латиноамериканского взаимодействия в сфере разработки и совместного производства вакцин в тех количествах, которые способны обезопасить все население региона. Для этого необходимо отладить эффективное сотрудничество между учреждениями национальных систем здравоохранения, исследовательскими центрами и лабораториями, на регулярной основе организовать обмен медицинскими и эпидемиологическими практиками. Совместные усилия в борьбе с COVID-19 могут и долж-

ны стать точкой отсчета нового этапа в деловых отношениях между Россией и Латинской Америкой, сделать их наращивание долговременной константой.

Список литературы

Давыдов В.М. (2016). Стратегическое партнерство в контексте российско-латиноамериканских отношений // Вестник Российской академии наук. Т. 86. № 4. С. 304–315 // https://elibrary.ru/download/elibrary_25845800_33760354.pdf, дата обращения 21.04.2021.

Холодков Н.Н. (2018). Российско-латиноамериканские экономические отношения в условиях западных санкций // Латинская Америка. № 11. С. 5–18 // https://elibrary.ru/download/elibrary_36376907_24496133.pdf, дата обращения 21.04.2021.

Чемезов С.В., Гореславский С.С. (2019). Диверсификация российского экспорта вооружений: венесуэльский *case study* // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 2. С. 29–35. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-29-35

Школяр Н.А. (2020). Внешняя торговля России с ЛКА: состояние и перспективы // Латинская Америка. № 5. С. 6–17. DOI: 10.31857/S0044748X0009119-9

Яковлев П.П. (2014). Геополитический разворот стран Латинской Америки // Мировая экономика и международные отношения. № 7. С. 55–66 // https://elibrary.ru/download/elibrary_21787367_61400582.pdf, дата обращения 21.04.2021.

Яковлев П.П. (ред.) (2015). Россия и Аргентина на траектории взаимного сближения. К 130-летию российско-аргентинских дипломатических отношений. М.: ИЛА РАН.

Яковлев П.П. (2016). Россия и Латинская Америка в контексте глобаль-

ного напряжения // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 60. № 11. С. 92–102 // https://elibrary.ru/download/elibrary_27249773_21062905.pdf, дата обращения 21.04.2021.

Яковлев П.П. (2017). Россия – Латинская Америка: стратегия прорыва на рынки несырьевой продукции // *Латинская Америка*. № 12. С. 15–28 // https://elibrary.ru/download/elibrary_30646257_12705056.pdf, дата обращения 21.04.2021.

Яковлева Н.М. (2015). Россия и Аргентина на пути к всеобъемлющему стратегическому партнерству // *Латинская Америка*. № 9. С. 31–43 // https://elibrary.ru/download/elibrary_24227214_69376656.pdf, дата обращения 21.04.2021.

Яковлева Н.М., Яковлев П.П. (1) (2017). Аргентина как стратегический партнер России. М.: ИЛА РАН.

Яковлева Н.М., Яковлев П.П. (2) (2017). Россия – Аргентина: история и современность. М.: ИЛА РАН.

Яковлева Н.М., Яковлев П.П. (2020). Латинская Америка: дорога к коронакризису // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 5. С. 73–93. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-5

Bain S. (2008). *Russian-Cuban Relations since 1992. Continuing Camaraderie in post-Soviet World*, Lanham, MD.: Rowman & Littlefield.

Blank S. (2009). *Russia in Latin America: Geopolitical Games in the US's Neighborhood*, Paris: IFRI.

COVID-19 in the Global South: Impacts and Responses (2020). Bristol: Bristol University Press.

Davydov V., Kravtsov D. (eds.) (2010). *Rusia – Argentina: La trayectoria de co-*

operación (125 años de las relaciones diplomáticas), Buenos Aires.

De Bolle M. (2020). *The Health, Economic, and Political Challenges Facing Latin America and the Caribbean* // The Peterson Institute for International Economics, September 15, 2020 // <https://www.piie.com/commentary/testimonies/health-economic-and-political-challenges-facing-latin-america-and-caribbean>, дата обращения 21.04.2021.

ECLAC (2020). *Measuring the Impact of COVID-19 with a View to Reactivation*, Santiago: United Nations.

Jones I., Polly R. (2021). Sputnik V COVID-19 Vaccine Candidate Appears Safe and Effective // *The Lancet*, vol. 397, no 10275, pp. 642–643. DOI: 10.1016/S0140-6736(21)00191-4

Lozano G. (2021). *Vaccine Diplomacy: A New Cold War* // *Americas Quarterly*, February 11, 2021 // <https://www.americasquarterly.org/article/vaccine-diplomacy-a-new-cold-war/>, дата обращения 21.04.2021.

Milosevich-Juaristi M. (2019). *Rusia en América Latina: repercusiones para España*. Documento de Trabajo 02/2019, Madrid: Real Instituto Elcano.

Rozental D.M., Jeivets V.L. (2018). *Política exterior de Venezuela en el ambiente de inestabilidad* // *Iberoamérica*, no 4, pp. 53–76 // <https://iberoamericajournal.ru/sites/default/files/2018/4/rosenthal.pdf>, дата обращения 21.04.2021.

Tirado A., Caballero Escalante F. (2019). *Rusia en América Latina: ¿amenaza para EE. UU.?* // *Centro Estratégico Latinoamericano de Geopolítica*, Agosto 6, 2019 // <https://www.celag.org/rusia-en-america-latina-amenaza-para-eeuu/>, дата обращения 21.04.2021.

Under Discussion

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-12

Russia and Latin America: Constants and Variables in Trade and Economic Relations

Petr P. YAKOVLEV

DSc in Economics, Chief Researcher, Department of Europe and America
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of
Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation
E-mail: petrp.yakovlev@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0751-8278

CITATION: Yakovlev P.P. (2021). Russia and Latin America: Constants and Variables in Trade and Economic Relations. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 3, pp. 209–226 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-12

Received: 10.03.2021.

ABSTRACT. *The article shows that during the two decades of the 21st century, a new reality of trade and economic relations between the Russian Federation and Latin America (Latin-Caribbean America – LCA) has been formed and filled with concrete content, which, it can be argued, has passed the test of complementarity, and in a number of cases reached the level of large-scale partnership. According to the author, these relations are not artificially done geoeconomic construction, but a consequence of both objective factors that bring Russia and the LCA closer together (including in approaches to achieving the sustainable development goals and restructuring of the existing system of world economic relations), and the efforts of state bodies, business circles, representatives of the expert community interested in the development of Russian-Latin American cooperation. Of course, over the past decades the dynamics of trade and economic relations between Russia and Latin America has not always been stable, at some point it was largely lost, there*

was some pullback and “surrender” of some significant positions. This happened in large part because in the conditions of increased turbulence in the international markets and rapid global changes, the parties sometimes lost a promising vision of the future of Russian-Latin American economic cooperation, did not find opportunistically new areas of cooperation attractive to both sides. In fact, positive introductory approaches to strengthening relations on the principles of strategic partnership have been periodically tested, especially in times of renewed international instability that has eroded the established world order. But each time the parties mobilized existing internal reserves and offered extraordinary areas of interaction. An example of the most recent time is the Russian vaccine Sputnik V, which has crossed political boundaries on the map of Latin-Caribbean America, became the core of the so called “vaccine diplomacy” and opened a “second breath” in the relationship between Russia and the LCA in the key area of business cooperation.

KEYWORDS: *The Russian Federation, Latin America, trade and economic cooperation, mutually beneficial partnership, crisis effects, the COVID-19 pandemic, “vaccine diplomacy”, a new phase of business relations.*

References

- Bain S. (2008). *Russian-Cuban Relations since 1992. Continuing Camaraderie in post-Soviet World*, Lanham, MD.: Rowman & Littlefield.
- Blank S. (2009). *Russia in Latin America: Geopolitical Games in the US's Neighborhood*, Paris: IFRI.
- Chemezov S.V., Goreslavskii S.S. (2019). Diversification of Russian Arms Exports: Venezuelan Case Study. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 63, no 2, pp. 29–35 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-29-35
- COVID-19 in the Global South: Impacts and Responses (2020). Bristol: Bristol University Press.
- Davydov V.M. (2016). Strategic Partnership in the Context of Russian-Latin American Relations. *Vestnik Rossiiskoy akademii nauk*, no 4, pp. 304–315. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_25845800_33760354.pdf, accessed 21.04.2021 (in Russian).
- Davydov V., Kravtsov D. (eds.) (2010). *Rusia – Argentina: La trayectoria de cooperación (125 años de las relaciones diplomáticas)*, Buenos Aires.
- De Bolle M. (2020). The Health, Economic, and Political Challenges Facing Latin America and the Caribbean. *The Peterson Institute for International Economics*, September 15, 2020. Available at: <https://www.piie.com/commentary/testimonies/health-economic-and-political-challenges-facing-latin-america-and-caribbean>, accessed 21.04.2021.
- ECLAC (2020). Measuring the Impact of COVID-19 with a View to Reactivation, Santiago: United Nations.
- Jones I., Polly R. (2021). Sputnik V COVID-19 Vaccine Candidate Appears Safe and Effective. *The Lancet*, vol. 397, no 10275, pp. 642–643. DOI: 10.1016/S0140-6736(21)00191-4
- Kholodkov N.N. (2018). Russian-Latin American Economic Relations in the Face of Western Sanctions. *Latinskaya Amerika*, no 11, pp. 5–18. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_36376907_24496133.pdf, accessed 21.04.2021 (in Russian).
- Lozano G. (2021). Vaccine Diplomacy: A New Cold War. *Americas Quarterly*, February 11, 2021. Available at: <https://www.americasquarterly.org/article/vaccine-diplomacy-a-new-cold-war/>, accessed 21.04.2021.
- Milosevich-Juaristi M. (2019). *Rusia en América Latina: repercusiones para España. Documento de Trabajo 02/2019*, Madrid: Real Instituto Elcano.
- Rozental D.M., Jeivets V.L. (2018). Política exterior de Venezuela en el ambiente de inestabilidad. *Iberoamérica*, no 4, pp. 53–76. Available at: <https://iberoamericajournal.ru/sites/default/files/2018/4/rosenthal.pdf>, accessed 21.04.2021.
- Shkolyar N.A. (2020). Russia's Foreign Trade with LKA: State and Prospects. *Latinskaya Amerika*, no 5, pp. 6–17 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0009119-9
- Tirado A., Caballero Escalante F. (2019). Rusia en América Latina: ¿amenaza para EE. UU.? *Centro Estratégico Latinoamericano de Geopolítica*, Agosto 6, 2019. Available at: <https://www.celag.org/rusia-en-america-latina-amenaza-para-eeuu/>, accessed 21.04.2021.
- Yakovlev P.P. (2014). The Geopolitical Turn of Latin America. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no 7, pp. 55–66. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_21787367_61400582.pdf, accessed 21.04.2021 (in Russian).
- Yakovlev P.P. (ed.) (2015). *Russia and Argentina Are on the Trajectory of Mutual Rapprochement. To the 130th Anniversary*

of *Russian-Argentine Diplomatic Relations*, Moscow: ILA RAN (in Russian).

Yakovlev P.P. (2016). Russia and Latin America in the Context of Global Tensions. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 60, no 11, pp. 92–102. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_27249773_21062905.pdf, accessed 21.04.2021 (in Russian).

Yakovlev P.P. (2017). Russia – Latin America: A Breakthrough Strategy for Non-Primary Products Markets. *Latinskaya Amerika*, no 12, pp. 15–28. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_30646257_12705056.pdf, accessed 21.04.2021 (in Russian).

Yakovleva N.M. (2015). Russia and Argentina on the Way towards Com-

prehensive Strategic Partnership. *Latinskaya Amerika*, no 9, pp. 31–43. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_24227214_69376656.pdf, accessed 21.04.2021 (in Russian).

Yakovleva N.M., Yakovlev P.P. (1) (2017). *Argentina as Russia's Strategic Partner*, Moscow: ILA RAN (in Russian).

Yakovleva N.M., Yakovlev P.P. (2) (2017). *Russia vs Argentina: History and Modernity*, Moscow: ILA RAN (in Russian).

Yakovleva N.M., Yakovlev P.P. (2020). Latin America: The Road to Coronacrisis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 73–93 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-5

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-13

Торговля России с Африкой: современное положение дел

Ольга Владимировна КОНСТАНТИНОВА

кандидат экономических наук, научный сотрудник, Центр изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки
Институт Африки РАН, 123001, ул. Спиридоновка, д. 30/1, Москва, Российская Федерация

E-mail: ryabina111@ya.ru

ORCID: 0000-0002-3163-4925

ЦИТИРОВАНИЕ: Константинова О.В. (2021). Торговля России с Африкой: современное положение дел // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 3. С. 227–242. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-13

Статья поступила в редакцию 31.01.2021.

АННОТАЦИЯ. Россия укрепляет свое геополитическое влияние. Пример тому – проведение первого саммита «Россия – Африка» и экономического форума в Сочи в октябре 2019 г. Это мероприятие показало, какое большое значение имеет Африка для России и как важна Россия для Африки. Это было событие эпохальное, которое продемонстрировало миру степень российско-африканской взаимозаинтересованности.

С чем подошла Россия к этому событию и как будет развиваться экономическое сотрудничество? Этому посвящена данная работа. В статье рассматриваются вопросы взаимной торговли между Россией и странами Африки. Выявлены основные торговые африканские агенты РФ за последние годы. Проанализировано состояние товарооборота между Россией и африканскими странами, согласно которому показатели значительно выросли за счет увеличения объема российского экспорта в страны Африки, что, особенно в условиях решения программы импортозамещения и освоения новых рынков, яв-

ляется крайне перспективным, ведь африканский рынок имеет большой масштаб и российские товары на нем конкурентоспособны, что открывает новые возможности увеличения товарообмена и сотрудничества.

Определены основные экспортные и импортные позиции. Согласно исследованию, необходим пересмотр экспортных позиций со стороны России, в частности переход от топливно-энергетического направления к промышленным товарам, предоставлению услуг, новых технологий. Также необходима диверсификация африканского экспорта за счет увеличения добавленной стоимости товаров, переход к индустриализации производства, использованию высоких технологий.

В этой связи наиболее перспективным представляется усиление сотрудничества между Россией и Африкой в направлении увеличения объемов товарооборота, продвижение российского образования, высоких технологий, услуг, медицины, увеличение инвестиций в топливно-энергетический комплекс африканских стран, сотрудни-

чество в сельском хозяйстве, рыбоводстве, строительстве, водоочистке и других взаимовыгодных направлениях. Это усилит позиции России и Африки как ведущих игроков на мировой арене и послужит укреплению полицентричного мироустройства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Россия, Африка, товарооборот, торговый баланс, экспорт, импорт, сотрудничество, перспективы.*

Введение

Африка быстро развивается, привлекает к себе всеобщее внимание своими природными ресурсами, быстро растущим, молодым населением, высокими темпами роста экономики. Несомненно, у Африканского континента есть много нерешенных проблем (бедность, голод, вооруженные конфликты и пр.), однако потенциал Африки велик и в этом не возникает сомнений. Африка меняется, старается освободиться от ненужных связей и невыгодных партнерств, устремляет свои взоры в сторону тех государств, которые принимают ее на равных. Одной из таких стран является Россия.

После распада Советского Союза многое во взаимоотношениях с Африкой было утрачено, однако начался новый мощный виток – первый саммит «Россия – Африка» и одноименный экономический форум, прошедшие с огромным успехом в г. Сочи в октябре 2019 г. и уже давшие первые результаты в виде заключенных контрактов, подписанных договоренностей о сотрудничестве в экономической и политической сферах.

С чем же Россия и Африка подошли к этому историческому событию? И каковы перспективы российско-африканского торгового сотрудничества?

О необходимости проведения Россией планомерной и целенаправленной политики взаимодействия со странами Африки посвящены работы многих отечественных исследователей: А.М. Васильева [Васильев, 2008], Е.Н. Корендясова [Корендясов, 2015], И.О. Абрамовой, Л.Л. Фитуни [Абрамова, Фитуни, 2017; Абрамова, Фитуни, 2020], К.П. Боришполеца [Боришполец, 2019], С.Н. Волкова, Т.Л. Дейч [Волков, Дейч, 2020] и др.

А.В. Кузнецовым [Кузнецов, 2018] был дан подробный анализ товарооборота России со странами Африки в условиях санкций. Л.Л. Фитуни [Фитуни, 2020] проанализировал инвестиции, в том числе и российские, в Африку. Направления деятельности основных торгово-экономических конкурентов России на африканском направлении были рассмотрены в работах Т.Л. Дейч [Дейч, 2020] о Китае, Т.Л. Дейч, В.А. Усова [Дейч, Усов, 2019] об Индии, А.Ю. Урнова [Урнов, 2019] о США.

Представляет интерес работа зарубежных авторов Даниэля Саки, Сильвануса Кваку Афесоргбора о том, что упрощение процедур торговли улучшает показатели торговли в Африке и способствует увеличению объема торговых потоков [Sakyi, Afesorgbor, 2019]. Насколько актуально для Африки развивать торговлю, пишут и Маэлан Ле Гофф, Раджу Джан Сингх [Le Goff, Singh, 2014], отмечая, что открытость торговли способствует сокращению бедности в странах с сильными институтами, развитым финансовым сектором и высоким уровнем образования.

Эстер Н. Мванги, Фучжун Чен, Даниэль М. Ньороге [Mwangi, Chen, Njoroge, 2020] указывают на положительную взаимосвязь между импортируемой сельскохозяйственной продукцией и производительностью сельского хозяйства и значимостью ее для роста и развития Африки. Бен Шеперд [Shepherd, 2016] говорит о статистически

значимой связи между сводными показателями развития инфраструктуры и эффективностью упрощения процедур торговли, а региональный аспект инфраструктуры и политики содействия торговле считает важным определяющим фактором стран Африки южнее Сахары (АЮС) для подключения к глобальным производственно-сбытовым цепочкам.

О возвращении России в Африку пишет Арно Калика [Kalika, 2019], размышляя над тем, является ли это исключительно результатом «неожиданного эффекта» или, скорее, результатом хорошо продуманной стратегии, такой как «поворот России в сторону Азии», начатый в первый президентский срок В.В. Путина, и о том, каким образом это возвращение проявилось в дипломатии, военной сфере, экономике и как оно сочетается с политикой других держав, действующих на Африканском континенте. А. Калика считает, что возвращение России в Африку намного скромнее, чем это представлено в СМИ, и зиждется на двух китах: военнотехническом сотрудничестве и эксплуатации природных ресурсов. Алекс Ирвин-Хант [Irwin-Hunt, 2020] также указывает на расширение интереса России к Африке.

В этих и других работах зарубежных авторов присутствует определенная риторика, придающая негативную окраску влиянию России в Африке и неоднозначность суждения. С одной стороны, они говорят о «легковесности» присутствия России в Африке, а с другой – высказывают обеспокоенность оным.

Африканский потенциал

Нельзя не согласиться с мнением ведущих российских африканистов И.О. Абрамовой, Л.Л. Фитуни о том, что «экономическая роль Африки в ми-

ре устойчиво нарастает» [Абрамова, Фитуни, 2015, с. 142] и что это происходит благодаря богатым природным ресурсам, человеческому капиталу и устойчивым темпам роста экономик стран Африканского континента.

Африка занимает первое место среди других регионов мира по запасам алмазов, бокситов, ванадия, золота, кобальта, руд марганца, платиноидов, флюорита, фосфоритов, хромитов; второе – по запасам асбеста, бериллия, графита, руд меди, сурьмы, урана; третье – по наличию газа, железной руды, нефти, ртути. Значительны запасы висмута, вольфрама, драгоценных камней, лития, никеля, ниобия, олова, тантала, титана и т.д. [Балытников и др., 2019, с. 12].

Очевидно, что Африканский континент благодаря природным богатствам в будущем сможет влиять на сбалансированность ресурсной базы мирового хозяйства [Абрамова, 2017, с. 2]. При этом Россия, экспортируя минеральное сырье, уже не обладает большими запасами многих минералов, становясь зависимой от импорта ресурсов [Балытников и др., 2019, с. 27]. Освоение новых российских месторождений (за Уралом, в Арктике) является затратным, требует больших капиталовложений, также необходима соответствующая инфраструктура и разработка новых технологий для добычи ископаемых. В Африке себестоимость добычи ресурсов ниже на порядок, чем в России, а степень взаимодополняемости минеральных ресурсов достаточно высокая. Так, Россия испытывает дефицит в добыче марганца (100%), хрома (80%), кобальта и др., в то время как Африка добывает бокситов – в 7 раз, хрома – в 15, олова – в 20, тантала – в 30, марганца в 600 раз больше, чем Россия [Абрамова, Фитуни, 2017, с. 32].

Кроме того, с Африканским континентом Россия находится в непростых

взаимоотношениях на топливно-энергетическом рынке, выступая, с одной стороны, конкурентом, с другой – партнером, так как Африка является поставщиком многих видов сырья. При условии укрепления занимаемых позиций в отстаивании интересов, при объединении усилий и использовании сырья для модернизации своих экономик Россия и Африка смогут стать ведущими мировыми поставщиками ресурсов [Абрамова, Фитуни, 2015, с. 145].

По прогнозам, население мира в ближайшие 30 лет увеличится на 2 млрд человек [Handbook of Statistics, 2019, p. 63]. В Африке в 2020 г. 1339 млн человек¹, к 2050 г. ожидается увеличение численности африканского населения вдвое, до 2488 млн с годовым приростом в этот период в 2,1% [Ibid., p. 64].

Одним из важных факторов в вопросе использования демографического дивиденда является возрастное распределение населения. В Африке в 2019 г. в возрастной группе от 0 до 14 лет было отмечено 530 млн человек (40,6%), в группе трудоспособного населения (от 15 до 64 лет) – 731 млн (56%), старше 65 лет – 45 млн (3,4%) [Handbook of Statistics. 2020, pp. 68–69], в то время как в мире наблюдалось следующее распределение населения по возрастным группам: от 0 до 14 лет – 25,6%, трудоспособное население – 65,3, старше 65 лет – 9,1% [Ibid., p. 69]. По нашим расчетам, в Африке, в сравнении с миром, в 2,7 раза меньше доля пожилого населения (старше 65 лет), что связано с низкой продолжительностью жизни африканцев, а преобладает первая возрастная группа (0 – 14 лет), которая в самом ближайшем будущем пополнит группу трудоспособного населения, тем самым уси-

лит африканский демографический дивиденд [Константинова (2), 2020, с. 323].

Об этом говорят и цифры коэффициента общей демографической нагрузки – число детей (до 14 лет) и пожилых людей (старше 65 лет) на сто человек трудоспособного возраста. В Африке в 2019 г. он составил 78,7%, а в 2050 г. ожидается его снижение до 60,7%, как раз за счет взростления первой возрастной группы (от 0 до 14 лет) и перехода в группу трудоспособного населения, что является хорошим условием для роста африканской экономики [Handbook of Statistics, 2020, p. 68].

В этой связи обучение африканских студентов, в том числе и за рубежом, является важным условием для развития человеческого капитала Африки. В настоящее время число студентов-африканцев, обучающихся за пределами Африканского континента, составляет 408 тыс. с оценочным объемом этого рынка в 12,6 млрд долл. Франция находится на первом месте по числу африканских студентов – 102 тыс., далее Китай – 50 тыс. и США – 44 тыс.

Доля России на образовательном рынке Африки среди всех стран, включая африканские, – около 4% (примерно 20 тыс. студентов) и менее 1,5% в стоимостном выражении, что совершенно не соответствует потенциалу российско-африканского сотрудничества в этой сфере. Вместе с тем африканцы заинтересованы в получении российского образования. В так называемый «допандемийный» 2019 г. было получено около 30 тыс. заявок на обучение в вузах России [Россия – Африка: долгосрочное торгово-экономическое партнерство, 2019, с. 22].

В условиях пандемии коронавирусной инфекции актуальным представля-

1 Total and Urban Population, Annual // UNCTAD // <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx?ReportId=97>, дата обращения 28.01.2021.

ется развитие дистанционного образования. И в этом Россия обладает достаточным потенциалом, а для его продвижения важными являются информационная поддержка, правовое и техническое сопровождение.

Африканские страны за последнее десятилетие показали устойчивый экономический рост с положительными показателями значений прироста ВВП в большинстве стран, что позволило Африканскому континенту более активно влиять на мировую конъюнктуру и получить лучшие позиции в международном разделении труда [Балытников и др., 2019, с. 12].

Российско-африканская торговля

Основные торговые партнеры Африки остаются прежними (см. табл.). Россия занимает по поставкам товаров в Африку (данные 2019 г.), 12-ю позицию, а по закупкам африканских товаров – 45-ю. В сравнении с Китаем, занимающим первую строку по суммам товарооборота с Африкой, у России это значение меньше в 11,5 раза. В этой связи России необходимо провести пересмотр экспортно-импортных позиций с целью освоения огромной емкости африканского рынка и реализации

Таблица. Импорт, экспорт, товарооборот и торговый баланс Африки с основными партнерами, 2019 г., млрд долл.

Table. Import, export, trade turnover and trade balance of Africa with main partners, 2019, USD billion

№*	Страна	Импорт из Африки	Экспорт в Африку	Товарооборот	Торговый баланс Африки
1	Китай	69,5	100,0	169,5	-30,5
2	Индия	31,3	30,3	61,6	1,0
3	Франция	26,4	30,8	57,2	-4,4
4	США	23,6	29,6	53,2	-6,0
5	Испания	28,7	19,6	48,3	9,1
6	Германия	19,6	25,6	45,2	-6,0
7	Италия	22,1	20,4	42,5	1,7
8	ОАЭ	19,2	23,1	42,3	-3,9
9	ЮАР	14,4	22,8	37,2	-8,4
10	Нидерланды	16,4	12,3	28,7	4,1
11	Турция	6,1	16,9	23,0	-10,8
12	Россия**	1,6	13,1	14,7	-11,5

*Нумерация стран-партнеров указана по уменьшению сумм товарооборота.

** Данные ФТС РФ и ИТС могут несколько отличаться.

Источник: данные и расчеты автора по данным ИТС (Bilateral Trade between Africa and Russian Federation // ИТС // https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c%7c643%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1 %7c1, дата обращения 21.01.2021).

потенциала российско-африканского товарооборота.

По данным ФТС РФ, товарооборот России с африканскими странами в 2019 г. уменьшился на 17,9% в сравнении с предыдущим годом и составил 16,8 млрд долл. (см. рис. 1), что связано в основном со снижением российского экспорта в Африку. При этом товарооборот с Африкой составил всего 2,5% от внешнеторгового оборота России с зарубежными странами, что указывает на довольно низкий уровень российско-африканского товарообмена.

Анализируя состояние экспорта и импорта между Россией и странами Африки, можно отметить, что в период с 2012 по 2019 г. наблюдались колебания (2012–2015) показателей экспорта товаров из России в Африку и лишь с 2015 по 2018 г. был отмечен устойчивый рост с пиком в 2018 г., а затем произошло снижение на 20,5% в 2019 г. По нашим расчетам, в рассматриваемый период (2012–2019) выросла доля экспорта России в Африку относительно товарооборота с 79,3 до 82,9%. Таким образом, Россия наращивает свое торговое

взаимодействие со странами Африки, продвигает свои товары на африканские рынки.

Сэкспортом товаров из Африки картина несколько иная: с 2012 по 2014 г. произошло увеличение африканских поставок товаров в РФ, затем снижение в 2015 г. и снова рост до 2018 г., где также отмечены пиковые значения с последующим спадом в 2019 г. на 2,5% (см. рис. 2). Это говорит о нестабильности поставок товаров из африканских стран, о необходимости поддержки взаимодействия с африканскими поставщиками.

Чистый экспорт (экспорт за вычетом импорта) России в Африку в период 2012–2019 гг. снижался в 2013, 2015, 2019 гг., что имеет отражение в показателях товарооборота между РФ и Африкой за эти годы (см. рис. 1). Наши расчеты показывают, что в 2012 г. чистый экспорт РФ соответствовал значению 7,1 млрд долл. США, затем наблюдалось его снижение в 2013 г. до 4,4 млрд долл., в 2014 г. – рост до 6,6 млрд долл., в 2015 г. – небольшое снижение до 6,4 млрд долл., далее сле-

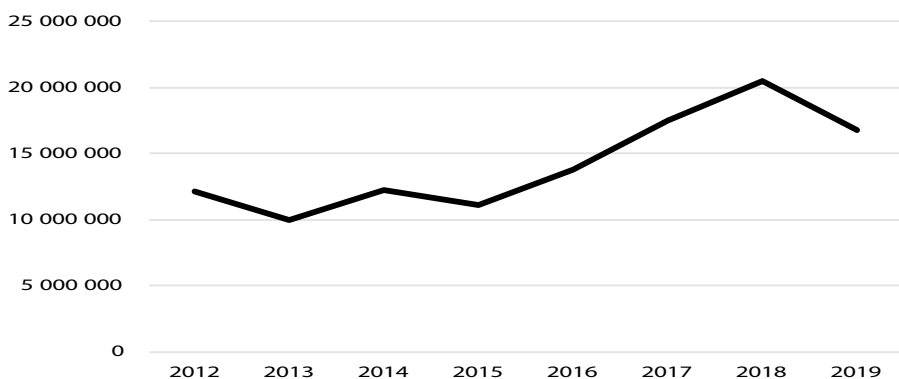

Рис. 1. Динамика товарооборота между Россией и Африкой, 2012–2019 гг. (тыс. долл. США)

Figure 1. Dynamics of trade turnover between Russia and Africa, 2012–2019 (thousand USD)

Источник: расчет автора по данным ФТС РФ (<http://www.customs.ru>).

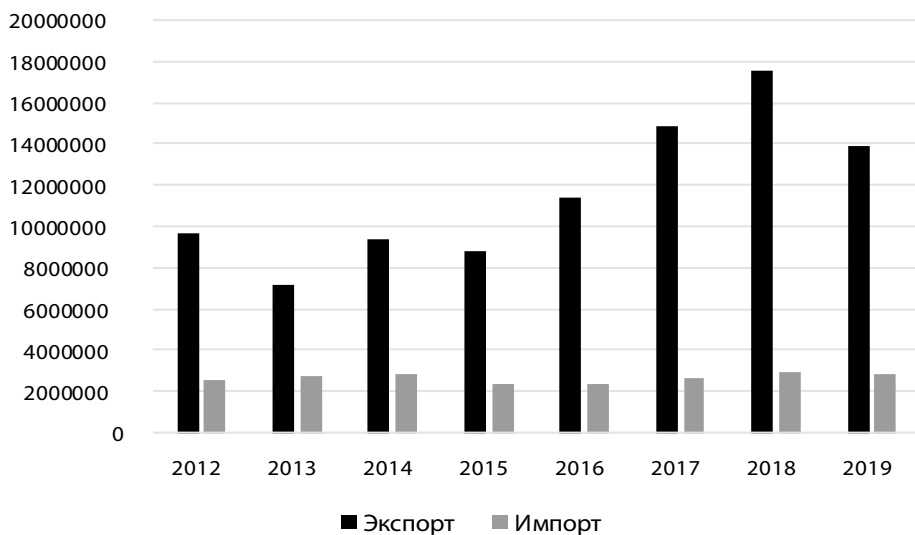

Рис. 2. Динамика российского экспорта и импорта в торговле с Африкой, 2012–2019 гг. (тыс. долл. США)

Figure 2. Dynamics of Russian exports and imports in trade with Africa, 2012–2019 (thousand USD)

Источник: расчет автора по данным ФТС РФ.

довал рост с пиком в 14,6 млрд долл. в 2018 г. и уменьшение чистого экспорта до 11,1 млрд долл. в 2019 г.

При этом чистый экспорт с минимальных значений в 2013 г. до максимальных в 2018 г. увеличился практически на 10,2 млрд долл. Средний показатель чистого экспорта в рассматриваемый период (2012–2019) соответствовал значению в 8,9 млрд долл., которое было превышено в период с 2016 по 2019 г., что, на наш взгляд, указывает на стремление России усилить свое торгово-экономическое влияние в регионе.

Африка является нетто-импортером. По данным ФТС РФ, в 2019 г.² Россия экспортировала в Африку товаров

на 13,9 млрд долл., в то время как импортировала на 2,9 млрд долл., т.е. российский экспорт в 4,8 раза превышает импорт из африканских стран.

Основными товарами, поставляемыми Россией в Африку в 2019 г., были: зерно, минеральное топливо, нефтепродукты и продукты их перегонки; группа товаров, нигде не указанная³, чугун и сталь, древесина и изделия из нее, древесный уголь; удобрения⁴. Поставки российского зерна имели максимальное значение среди всего импорта из России в Африку – 3,06 млрд долл. США, что соответствовало 38,6% от импорта российского зерна во все страны мира. Однако при этом они составили лишь 13,5% от все-

2 На момент подачи статьи в редакцию еще не было опубликовано данных за 2020 г.

3 Так называемый SS – секретный код, используемый в статистике ФТС РФ, подразумевающий главным образом товары военного назначения/вооружение.

4 Указаны в порядке убывания стоимости каждой позиции.

го зерна, закупленного Африкой⁵, что говорит о возможности России увеличить объемы поставок по данной экспортной позиции. Уже сейчас Россия поставляет пшеницу в Египет, Кению, Ливию, Марокко, Нигерию, Судан, ЮАР [Абрамова, 2017, с. 5], и это лишь малая часть от возможных африканских партнеров.

Сильны позиции России на рынке вооружений. В период 2015–2019 гг. на Россию приходилось 49% экспорта оружия в Африку, на США – 14, на Китай – 13%. Импорт оружия в Северную Африку в этот период составил 74% от поступившего на континент. Только Алжир закупил 79% от импорта оружия в субрегион Северной Африки. Россия остается крупнейшим поставщиком оружия в Алжир (в указанные годы – 67% импорта), за ней следовали Китай (13%) и Германия (11%). На страны АЮС в эти годы приходилось 26% импорта вооружений Африки. При этом Россия поставила 36% импорта вооружений государствам АЮС, Китай – 19, Франция – 7,6% [Wezeman et al., 2020, р. 7]. Российские поставки оружия в основном представлены ракетно-артиллерийским вооружением, автомобильной техникой, стрелковым оружием, а в последнее время – вертолетами [Абрамова, 2017, с. 5].

Такая структура российского экспорта указывает на назревшую потребность пересмотра экспортных позиций для Африки. Согласно исследованиям Института Африки РАН, продукция обрабатывающих отраслей России достаточно конкурентоспособна в Африке и российский бизнес должен планомерно и последовательно осваивать свободные ниши этого динамично развивающегося рынка [Фитуни, 2013,

с. 154], отходя от привычной топливно-энергетической сферы к промышленным товарам, предоставлению услуг, новых технологий.

Россия в 2019 г. больше всего закупила в Африке товаров по следующим позициям: съедобные фрукты, орехи; овощи, некоторые корнеплоды и клубни; рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные; руды, шлак и зола; неорганические химические вещества; органические или неорганические соединения драгоценных металлов, редкоземельных металлов; табак и его промышленные заменители; кофе, чай, мате и специи⁶.

Наибольшие значения товарооборота (свыше 100 млн долл. США) за период 2012–2019 гг. были отмечены у Египта, Алжира, Марокко, ЮАР, Туниса, Нигерии, Сенегала, Судана (см. рис. 3).

С семью странами Африки (Гана, Гвинея, Кения, Кот-д'Ивуар, Мозамбик, Эфиопия, ЮАР) из 18, указанных на рис. 3, у России за этот период наблюдался отрицательный торговый баланс, т.е. российский импорт из этих стран превалировал над российским экспортом в них.

Абсолютными нетто-экспортерами за все эти годы (2012–2019) стали Кот-д’Ивуар и ЮАР. Из Кот-д’Ивуара в 2019 г. были поставки продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного), в том числе: какао, фрукты, орехи; каучук, резина; минеральные продукты (соль, сера). А закупал Кот-д’Ивуар продукцию химической промышленности, в том числе удобрения, фармацевтическую продукцию; продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного), в том числе зла-

5 Bilateral Trade between Africa and Russian Federation // ITC // https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nypm=1%7c%7c7%7c643%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1, дата обращения 21.01.2021.

6 Там же.

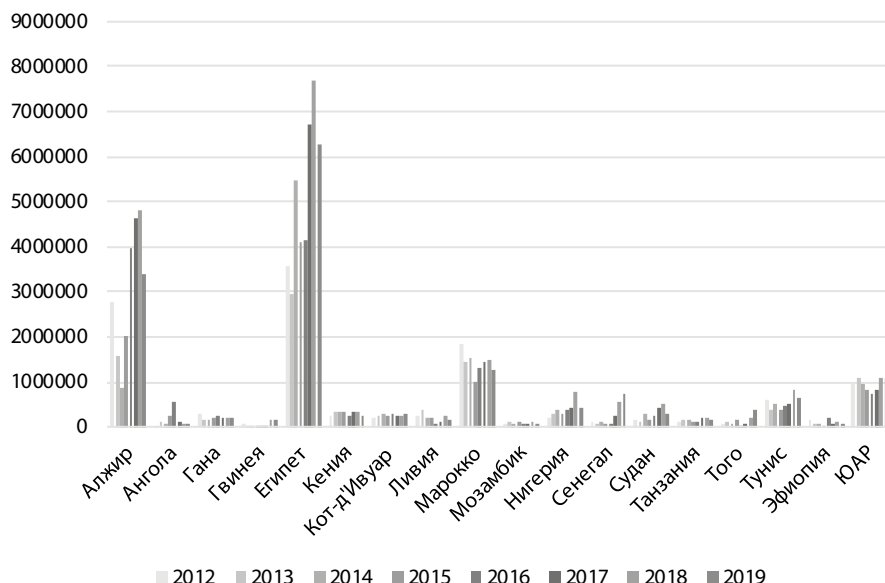

Рис. 3. Товарооборот РФ с основными африканскими партнерами, 2012–2019 гг. (тыс. долл. США)

Figure 3. Trade turnover of the Russian Federation with the main African partners, 2012–2019 (thousand USD)

Источник: расчет автора по данным ФТС РФ.

ки; черные металлы и изделия из них; машины, оборудование и транспортные средства (суда, лодки); древесину и целлюлозно-бумажные изделия.

ЮАР в 2019 г. поставляла в РФ продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного), минеральные продукты, продукцию химической промышленности, каучук, машины, оборудование и транспортные средства, металлы и изделия из них. А закупала в России продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного), продукцию химической промышленности, каучук, металлы и изделия из них, древесину и целлюлозно-бумажные изделия, топливно-энергетические товары. Данная импортно-экспортная структура, на наш взгляд, нуждается в пересмотре экспортных позиций

России за счет увеличения предложения африканским партнерам товаров химической промышленности, в том числе удобрений, фармацевтической продукции, сельскохозяйственной техники, продукции целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности. Полагаем, что в обоих случаях увеличение спектра предлагаемых российских товаров послужит смещению сальдо торгового баланса нашей страны к положительным значениям.

Инвестиционное сотрудничество

Крупный российский бизнес («АЛРОСА», «Лукойл», «Ренова», «Росатом», «Роснефть», РКК «Энергия» и др.) успешно работает на Африкан-

ском континенте, рассматривая его как перспективное направление для инвестиционной деятельности. По оценке директора Института Африки РАН И.О. Абрамовой, накоплено 19,4 млрд долл. российских инвестиций в Африку. Основная часть из них вложена в сырьевые отрасли: добычу алмазов, цветных и редких металлов, нефтегазовую сферу. Вместе с тем в последнее время стали появляться инвестиционные проекты в инфраструктуру, сельское хозяйство, коммуникационные технологии [Фитунни, 2020, с. 16].

Для ведения бизнеса в Африке важно знание африканской специфики. С этой целью в 2016 г. при участии МИД России, Минэкономразвития России, Института Африки РАН и бизнес-структур была создана «Африканская деловая инициатива», которая уделяет особое внимание поддержке усилий по продвижению малого и среднего бизнеса на Африканском континенте, консультируя, содействуя контактам между компаниями и т.д. [Абрамова, 2017, с. 5].

Кроме того, в этой связи важное значение имеет состоявшийся первый саммит «Россия – Африка», результаты которого свидетельствуют, что Россия имеет позитивный имидж в глазах африканцев и они заинтересованы в сотрудничестве с нашей страной. На саммите были официальные представители всех африканских стран, а 45 стран Африки были представлены главами государств и правительства. По итогам саммита было подписано 92 соглашения, контракты (на общую сумму 1,004 трлн руб.)⁷ и меморандумы: о взаимопонимании и об основах взаимоотношений и сотрудни-

честве РФ и Африканского союза (АС); о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) и Комиссией АС. Это показывает, насколько важны для России Африка и Россия для Африки. Теперь главное – не упустить момент воспользоваться взаимным интересом и развивать сотрудничество, в котором культурные и гуманитарные связи будут играть важную роль, создавая благоприятную атмосферу для взаимодействия между странами и народами [Константинова (1), 2020, с. 11].

В настоящее время АО РОСЭКСИМ-БАНК, входящий в Группу Российского экспортного центра (РЭЦ), предоставляет отечественным производителям комплексную поддержку на каждом этапе реализации внешнеторговых проектов в Африке. Финансовая поддержка Группы РЭЦ, которая осуществляется во взаимодействии с Афрэксимбанком, позволяет обеспечить эффективные финансовые решения и существенно минимизировать риски неоплаты по заключенным контрактам от африканских покупателей⁸, что, несомненно, будет способствовать увеличению российско-африканского торгового взаимодействия.

Перспективы сотрудничества России и Африки

Говоря о перспективах взаимодействия между Россией и Африкой, следует обратить внимание на то, что для Африки принципиально важным является долгосрочное сотрудничество с партнерами, готовыми делиться новыми подходами, технологиями, содействовать развитию африканской про-

7 Подведены итоги первого Саммита и Экономического форума Россия – Африка. Росконгресс продолжит работу на африканском треке в период до следующего Форума (2019) // Росконгресс. 28 октября 2019 // <https://roscongress.org/news/podvedeny-itogi-pervogo-sammita-i-ekonomicheskogo-foruma-rossija-afrika-roskongress-prodolzhit-rabotu-na-afrikanskom-treke-v-period-do-sledujushchego-foruma/>, дата обращения 20.05.2020.

8 Группа РЭЦ расширяет возможности поддержки российского экспорта в страны Африки (2021) // Росэксимбанк. 26 февраля 2021 // <https://eximbank.ru/about/press/news.php?page=495240>, дата обращения 12.04.2021.

мышленности и улучшению качества человеческого капитала [Россия – Африка: долгосрочное торгово-экономическое партнерство, 2019, с. 21].

Африканская континентальная зона свободной торговли (АФКЗСТ), запущенная 1 января 2021 г., меняет «правила игры». В настоящее время на Африку приходится всего 2% мировой торговли и только 17% внутриконтинентального африканского экспорта (для сравнения в Азии – 59%, в Европе – 68%) [Kende-Robb, 2021]. Предполагается, что АФКЗСТ увеличит экспорт Африки на 560 млрд долл., в основном в обрабатывающей промышленности. Внутриконтинентальный экспорт увеличится на 81%, а в неафриканские страны – на 19%. Рынки и экономика во всем регионе будут перестроены, что приведет к созданию новых отраслей, расширению ключевых секторов и сделает африканские страны более конкурентоспособными на мировом рынке [Kende-Robb, 2021].

В этих условиях Россия и Африка могут усилить свое сотрудничество и упрочить связи в торговой области, что позволит российским товарам занять более выгодные позиции благодаря хорошему соотношению «цена/качество». Наша страна обретет огромный африканский рынок, стремящийся к снятию торговых барьеров и упрощению условий торговли, что, несомненно, отразится на повышении уровня российско-африканского товарооборота.

В сфере военно-технического сотрудничества Россия может предложить африканским странам как продажу новейшего вооружения, так и обслуживание уже имеющейся российской техники, стоящей на вооружении.

Важным может стать вклад России в продовольственную безопасность Африки благодаря развитию агропромышленного комплекса, переработ-

ке сельскохозяйственного сырья, водочистки, созданию производств легкой промышленности, аквакультуры с помощью техники, технологий и научных российских разработок.

Российская сторона, увеличивая закупки африканского минерального сырья, может значительно снизить свои расходы по этой статье за счет удешевления стоимости, так как стоимость добычи полезных ископаемых в Африке значительно ниже, чем в России, да и к тому же наша страна сможет решить проблему дефицита многих из них с помощью африканского рынка. В этом направлении предпочтительны и российские инвестиции в горнодобывающую промышленность, инфраструктуру, строительство объектов перерабатывающей промышленности.

Кроме того, внедрение новейших российских технологий в технике, медицине, образовании может содействовать цифровизации экономики и африканского общества в эпоху Четвертой промышленной революции, станет залогом дальнейших прочных российско-африканских отношений, принесет новые контракты на поставку оборудования, техники, обслуживание и подготовку специалистов.

Российская Федерация, особенно в условиях действующих санкций со стороны ЕС, США, Японии и ряда других стран, активно ищет новые экономические связи и Африканский континент способен стать для России надежным торгово-экономическим партнером.

Можно говорить о том, что наблюдается увеличение товарооборота России со странами Африки. Несмотря на то что основные партнеры остаются прежними (Египет, Алжир, Марокко, ЮАР, Тунис, Нигерия), постепенно появляются и новые. Обращает на себя внимание тот факт, что обмен товара-

ми идет с положительным сальдо торгового баланса, и Россия способна нарастить объемы закупок товаров у африканских партнеров для решения вопросов импортозамещения.

Новые контракты, продвижение научных разработок, технологий, продукции – вот что ждет Россия от Африки. Российские товары будут, несомненно, востребованы на африканском рынке, и прежде всего по соотношению «цена/качество», по которому они не уступят китайским, заполнившим африканские рынки.

И для Африки сотрудничество с Россией может быть выгодным, позволит африканским странам получить новейшие технологии в медицине, образовании, телекоммуникационной сфере, в развитии инфраструктуры, строительстве, в геологоразведке, разработке полезных ископаемых, получении электроэнергии из атома и альтернативных источников, будет способствовать развитию экономики, позволит усилить конкурентоспособность африканских товаров на мировых рынках, увеличит занятость населения, улучшит качество жизни африканцев и, кроме того, послужит более сбалансированной расстановке акторов мировой экономики.

Список литературы

- Абрамова И.О. (2017). Россия – Африка: вызовы и возможности в новых глобальных реалиях // *Азия и Африка сегодня*. № 12(725) С. 2–7 // <https://asaf-today.ru/s0321-50750000616-3-1-ru-123/>, дата обращения 25.01.2021.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. (2015). Африка и Россия: перспективы сотрудничества в новых исторических условиях // *Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова*. № 6(84). С. 141–150 // <https://cyberleninka.ru/article/n/afrika-i-rossiya-perspektivy-sotrudnichestva-v-novyh-istoricheskikh-usloviyah-24>, дата обращения 25.01.2021.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. (2017). Потенциал Африканского континента в стратегии развития российской экономики // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 61. № 9. С. 24–35. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-24-35
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. (2020). Новая стратегия России на африканском направлении // *Вестник Российской академии наук*. Т. 90. № 11. С. 1067–1076. DOI: 10.31857/S086958732011002X
- Балытников В., Барабанов О., Емельянов А., Полетаев Д., Сид И., Цайзер Н. (2019). Возвращение России в Африку: стратегия и перспективы // *Валдай. Международный дискуссионный клуб*. 24 октября 2019 // <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/vozvrashchenie-v-afriku-strategiya/>, дата обращения 25.10.2019.
- Боришполец К.П. (2019). Стратегические интересы России в Африке // *Международная аналитика*. № 1–2. С. 7–15. DOI: 10.46272/2587-8476-2019-0-1-2-7-15
- Васильев А.М. (2008). Африка – выгодный партнер России // *Азия и Африка сегодня*. № 8(613). С. 57–58.
- Волков С.Н., Дейч Т.Л. (2020). Африка в формирующейся модели мироустройства // *Азия и Африка сегодня*. № 7. С. 73–77. DOI: 10.31857/S032150750010106-8
- Дейч Т.Л. (2020). Место Африки в инициативе Китая «Один пояс, один путь» // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 2. С. 118–127. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-2-118-127
- Дейч Т.Л., Усов В.А. (2019). Китай и Индия как драйверы Африки // *Азия и Африка сегодня*. № 8. С. 28–36. DOI: 10.31857/S032150750005774-3
- Константинова О.В. (1) (2020). Перспективы развития российско-африкан-

ского сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере // Ученые записки Института Африки РАН. № 3(52). С. 5–14. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-52-3-5-14

Константинова О.В. (2) (2020). Сможет ли Африка воспользоваться демографическим дивидендом? // Экономические отношения. Т. 10. № 2. С. 319–330. DOI: 10.18334/eo.10.2.100906

Корендясов Е.Н. (2015). Россия возвращается в Африку? // Азия и Африка сегодня. № 5(694). С. 2–9 // <https://asaf-today.ru/s0321-50750000616-3-1-ru-441/>, дата обращения 21.04.2021.

Кузнецов А.В. (2018). Торговля России с Африкой. Новые явления в условиях «войны санкций» // Международные процессы. Т. 16. № 4(55). С. 6–19. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.1

Россия – Африка: долгосрочное торгово-экономическое партнерство (2019) // Росконгресс. Октябрь 2019 // https://roscongress.org/upload/medialibrary/7c1/russia_africa_final_report.pdf, дата обращения 19.11.2020.

Урнов А.Ю. (2019). Новая африканская стратегия администрации Д. Трампа // Азия и Африка сегодня. № 5. С. 6–13. DOI: 10.31857/S032150750004743-9

Фитуни Л.Л. (2013). Африка в современной мировой системе товарной торговли // Проблемы современной экономики. № 3. С. 148–154 // <https://cyberleninka.ru/article/n/afrika-v-sovremennoy-mirovoy-sisteme-tovarnoy-torgovli>, дата обращения 25.10.2019.

Фитуни Л.Л. (2020). Иностранный капитал в Африке: теории, стратегии, новации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 6. С. 6–29. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-1

Handbook of Statistics 2019 (2019) // UNCTAD // https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdstat44_en.pdf, дата обращения 16.03.2020.

Handbook of Statistics 2020 (2020) // UNCTAD // <https://unctad.org/system/>

files/official-document/tdstat45_en.pdf, дата обращения 06.01.2021.

Irwin-Hunt A. (2020). Russia's Ongoing Charm Offensive in Africa // fDi Intelligence, September 15, 2020 // <https://www.fdiintelligence.com/article/78348>, дата обращения 06.04.2021.

Kalika A. (2019). Russia's "Great Return" to Africa? // IFRI, Russie.Nei.Visions. no 114, April 2019 // https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/kalika_russia_africa_2019.pdf, дата обращения 06.04.2021.

Kende-Robb C. (2021). 6 Reasons Why Africa's New Free Trade Area Is a Global Game Changer // World Economic Forum, February 9, 2021 // <https://www.weforum.org/agenda/2021/02/afcfta-africa-free-trade-global-game-changer/>, дата обращения 04.04.2021.

Le Goff M., Singh R.J. (2014). Does Trade Reduce Poverty? A View from Africa // Journal of African Trade, vol. 1, no 1–2, pp. 5–14. DOI: 10.1016/j.joat.2014.06.001

Mwangi E.N., Chen F., Njoroge D.M. (2020). Agricultural Imports, Agriculture Productivity and Economic Growth in Sub-Saharan Africa // Journal of African Trade, vol. 7, no 1–2, pp. 15–28. DOI: 10.2991/jat.k.200902.001

Sakyi D., Afesorgbor S.K. (2019). The Effects of Trade Facilitation on Trade Performance in Africa // Journal of African Trade, vol. 6, no 1–2, pp. 1–15. DOI: 10.2991/jat.k.191129.001

Shepherd B. (2016). Infrastructure, Trade Facilitation, and Network Connectivity in Sub-Saharan Africa // Journal of African Trade, vol. 3, no 1–2, pp. 1–22. DOI: 10.1016/j.joat.2017.05.001

Wezeman P.D., Fleurant A., Kuimova A., Da Silva D.L., Tian N., Wezeman S.T. (2020). Trends in International Arms Transfers, 2019 // SIPRI Fact Sheet, March 2020 // https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-03/fs_2003_at_2019.pdf, дата обращения 28.01.2021.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-13

Russia Trade with Africa: The Current State of Affairs

Olga V. KONSTANTINOVA

PhD in Economics, Researcher, Centre for the Study of the Russian-African Relations and African States' Foreign Policy

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 123001, Spiridonovka St., 30/1, Moscow, Russian Federation

E-mail: ryabina111@ya.ru

ORCID: 0000-0002-3163-4925

CITATION: Konstantinova O.V. (2021). Russia Trade with Africa: The Current State of Affairs. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 3, pp. 227–242 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-13

Received: 31.01.2021.

ABSTRACT. *Russia is strengthening its geopolitical influence. An example of this is the holding of the first Russia-Africa summit and economic forum in Sochi in October 2019. This event showed how important Africa is for Russia and how important Russia is for Africa. It was an epoch-making event that demonstrated to the world the degree of Russian-African mutual interest.*

With what has Russia approached this event and how will economic cooperation develop? This work is devoted to this. The article deals with the issues of mutual trade between Russia and African countries. The main African trade agents of the Russian Federation in recent years have been identified. The state of trade between Russia and African countries has been analyzed, according to which the indicators have grown significantly due to the increase in the volume of Russian exports to African countries. This, especially in the context of solving the import substitution program and developing new markets, is extremely promising, since the African market is large and Russian goods are competitive on it,

which opens up new opportunities for increasing trade and cooperation.

The main export and import positions have been determined. According to the study, it is necessary to revise export positions on the part of Russia, in particular, the transition from the fuel and energy direction to industrial goods, the provision of services and new technologies. Diversification of African exports is also necessary, by increasing the added value of goods, a transition to the industrialization of production and the use of high technologies.

In this regard, the most promising seems to be the strengthening of cooperation between Russia and Africa in the direction of increasing the volume of trade, promoting Russian education, high technologies, services, medicine, increasing investment in the fuel and energy complex of African countries, cooperation in agriculture, fish farming, construction, water purification and other mutually beneficial directions. This will strengthen the positions of Russia and Africa as leading players in the world arena and will serve to strengthen the polycentric world order.

KEYWORDS: *Russia, Africa, trade turnover, trade balance, export, import, co-operation, prospects.*

References

- Abramova I.O. (2017). Russia and Africa: Challenges and Opportunities in New Global Realities. *Asia and Africa Today*, no 12(725), pp. 2–7. Available at: <https://asaf-today.ru/s0321-50750000616-3-1-ru-123/>, accessed 25.01.2021 (in Russian).
- Abramova I.O., Fituni L.L. (2015). Africa and Russia: Prospects of Cooperation in New Historic Conditions. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, no 6(84), pp. 141–150. <https://cyberleninka.ru/article/n/afrika-i-rossiya-perspektivy-sotrudnichestva-v-novyh-istoricheskikh-usloviyah-24>, accessed 25.01.2021 (in Russian).
- Abramova I.O., Fituni L.L. (2017). The Potential of the African Continent in the Development Strategy of the Russian Economy. *World Economy and International Relations*, vol. 61, no 9, pp. 24–35 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-24-35
- Abramova I.O., Fituni L.L. (2020). Russia's New Strategy in the African Direction. *Vestnik Rossijskoj Akademii nauk*, vol. 90, no 11, pp. 1067–1076 (in Russian). DOI: 10.31857/S086958732011002X
- Balytnikov V., Barabanov O., Emel'yanov A., Poletaev D., Sid I., Cajzer N. (2019). Russia's Return to Africa: Strategy and Prospects. *The Valdai Discussion Club*, October 25, 2019. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/vozvrashchenie-v-afriku-strategiya/>, accessed 25.10.2019 (in Russian).
- Borishpolets K.P. (2019). Russian Strategic Interests in Africa. *Journal of International Analytics*, no 1–2, pp. 7–15 (in Russian). DOI: 10.46272/2587-8476-2019-0-1-2-7-15
- Deich T.L. (2020). Africa's Place in the Chinese Initiative “One Belt, one Road”. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no 2, pp. 118–127 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-2-118-127
- Deich T.L., Usov V.A. (2019). China and India as the Drivers of Africa. *Asia and Africa Today*, no 8, pp. 28–36 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750005774-3
- Fituni L.L. (2013). Africa in the Modern World Commodity Trading System. *Problems of Modern Economics*, no 3, pp. 148–154. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/afrika-v-sovremennoy-mirovoy-sisteme-tovarnoy-torgovli>, accessed 25.10.2019 (in Russian).
- Fituni L.L. (2020). Foreign Capital in Africa: Theories, Strategies and Novations. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 6, pp. 6–29 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-1
- Handbook of Statistics 2019 (2019). UNCTAD. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdstat44_en.pdf, accessed 16.03.2020.
- Handbook of Statistics 2020 (2020). UNCTAD. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/tdstat45_en.pdf, accessed 06.01.2021.
- Irwin-Hunt A. (2020). Russia's On-going Charm Offensive in Africa. *fDi Intelligence*, September 15, 2020. Available at: <https://www.fdiintelligence.com/article/78348>, accessed 06.04.2021.
- Kalika A. (2019). Russia's “Great Return” to Africa? *IFRI, Russie.Nei.Visions*, no 114, April 2019. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/kalika_russia_africa_2019.pdf, accessed 06.04.2021.
- Kende-Robb C. (2021). 6 Reasons Why Africa's New Free Trade Area Is a Global Game Changer. *World Economic Forum*, February 9, 2021. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2021/02/af>

cfta-africa-free-trade-global-game-changer/, accessed 04.04.2021.

Konstantinova O.V. (1) (2020). Prospects for the Development of Russian-African Cooperation in the Cultural and Humanitarian Sphere. *Journal of the Institute for African Studies*, no 3(52), pp. 5–14 (in Russian). DOI: 10.31132/2412-5717-2020-52-3-5-14

Konstantinova O.V. (2) (2020). Can Africa Take Advantage of the Demographic Dividend? *Journal of International Economic Affairs*, vol. 10, no 2, pp. 319–330 (in Russian). DOI: 10.18334/eo.10.2.100906

Korendyasov E.N. (2015). Is Russia Coming Back to Africa? *Asia and Africa Today*, no 5(694), pp. 2–9. Available at: <https://asaf-today.ru/s0321-50750000616-3-1-ru-441/>, accessed 21.04.2021 (in Russian).

Kuznetsov A.V. (2018). Russian Trade with Africa. New Features in the Context of the “Sanctions War” between Moscow with the West. *International Trends*, vol. 16, no 4(55), pp. 6–19 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.1

Le Goff M., Singh R.J. (2014). Does Trade Reduce Poverty? A View from Africa. *Journal of African Trade*, vol. 1, no 1–2, pp. 5–14. DOI: 10.1016/j.joat.2014.06.001

Mwangi E.N., Chen F., Njoroge D.M. (2020). Agricultural Imports, Agriculture Productivity and Economic Growth in Sub-Saharan Africa. *Journal of African Trade*, vol. 7, no 1–2, pp. 15–28. DOI: 10.2991/jat.k.200902.001

Russia – Africa: Long-term Trade and Economic Partnership (2019). *Roskongress*, October 2019. Available at: https://roscongress.org/upload/medialibrary/7c1/russia_africa_final_report.pdf, accessed 19.11.2020 (in Russian).

Sakyi D., Afesorgbor S.K. (2019). The Effects of Trade Facilitation on Trade Performance in Africa. *Journal of African Trade*, vol. 6, no 1–2, pp. 1–15. DOI: 10.2991/jat.k.191129.001

Shepherd B. (2016). Infrastructure, Trade Facilitation, and Network Connectivity in Sub-Saharan Africa. *Journal of African Trade*, vol. 3, no 1–2, pp. 1–22. DOI: 10.1016/j.joat.2017.05.001

Urnov A.U. (2019). Tramp Administrations New Africa Strategy. *Asia and Africa Today*, no 5, pp. 6–13 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750004743-9

Vasiliev A.M. (2008). Africa Is a Profitable Partner for Russia. *Asia and Africa Today*, no 8(613), pp. 57–58 (in Russian).

Volkov S.N., Deich T.L. (2020). Africa in the Emerging Model of the World Order. *Asia and Africa Today*, no 7, pp. 73–77 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750010106-8

Wezeman P.D., Fleurant A., Kuimova A., Da Silva D.L., Tian N., Wezeman S.T. (2020). Trends in International Arms Transfers, 2019. *SIPRI Fact Sheet*, March 2020. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-03/fs_2003_at_2019.pdf, accessed 28.01.2021.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

**Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право
Том 14 № 3 – 2021**

Дата регистрации 05.10.2016 г.

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС77-67382

Верстка И.К. Летунова

Корректор
В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 22.06.2021 г.

Формат 70х100/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Усл. печ. л. 19,75 Уч.-изд. л. 17,0

Тираж 1 000 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)

Заказ № 35

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У

